

KULTURA
Sienkiewicza

Полн. собр. сочин. Т. 1 - Ч. 1.

51

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
θ. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

Бесплатное приложение къ журналу „НИВА“ на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1894.

3015

Дозволено цензурою. СПБ. 30 декабря 1893 г.

~~~~~ Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

ГОСПОДИНЪ ПРОХАРЧИНЪ. *)

РАЗСКАЗЪ.

Въ квартирѣ Устины Федоровны, въ уголкѣ самомъ темномъ и скромномъ, помѣщался Семенъ Ивановичъ Прохарчинъ, человѣкъ уже пожилой, благомыслящий и непьющий. Такъ какъ господинъ Прохарчинъ, при мелкомъ чинѣ своемъ, получалъ жалованья въ совершенную мѣру своихъ служебныхъ способностей, то Устина Федоровна никакимъ образомъ не могла имѣть съ него болѣе пяти рублей за квартиру помѣсячно. Говорили иные, что у ней былъ тутъ свой особый расчетъ; но какъ бы тамъ ни было, а господинъ Прохарчинъ, словно въ отместку всѣмъ своимъ злозычникамъ, попалъ даже въ ея фавориты, разумѣя это достоинство въ значеніи благородномъ и честномъ. Нужно замѣтить, что Устина Федоровна, весьма почтенная и дородная женщина, имѣвшая особенную наклонность къ скромной пищѣ и кофею и черезъ силу перемогавшая посты, держала у себя нѣсколько штукъ такихъ постояльцевъ, которые платили даже и вдвое дороже Семена Ивановича, но, не бывъ смирными и будучи, напротивъ того, всѣ до единаго „злыми надсмѣшниками“ надѣя ея бабымъ дѣломъ и сиротскою беззащитностью, сильно проигрывали въ добромъ ея мнѣніи, такъ что не плати они только денегъ за свои помѣщенія, такъ она не только жить пустить, но и видѣть-то не захотѣла бы ихъ у себя на квартирѣ. Въ фавориты же Семенъ Ивановичъ попалъ съ того самаго времени, какъ свезли на Волково увлеченаго пристрастиемъ къ крѣпкимъ на-

*) Въ первый разъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1846 г., т. 48-й.

питкамъ отставнаго, или, можетъ-быть, гораздо лучше будетъ сказать, одного исключеннаго человѣка. Увлеченныи и исключенный, хотя и ходилъ съ подбитымъ, по словамъ его, за храбрость глазомъ и имѣлъ одну ногу, тамъ какъ-то тоже изъ-за храбрости сломанную,—но тѣмъ не менѣе умѣлъ снискать и воспользоваться всѣмъ тѣмъ благорасположенiemъ, къ которому способна была Устина Федоровна, и, вѣроятно, долго бы прожилъ еще въ качествѣ самаго вѣрнаго ея приспѣшника и приживальщика, если-бъ не опился, наконецъ, самымъ глубокимъ, плачевнѣйшимъ образомъ. Случилось же это все еще на Пескахъ, когда Устина Федоровна держала всего только трехъ постояльцевъ, изъ которыхъ при перѣездѣ на новую квартиру, гдѣ образовалось заведеніе на болѣе обширную ногу и пригласилось около десятка новыхъ жильцовъ, уцѣлѣлъ всего только одинъ господинъ Прохарчинъ.

Самъ-ли господинъ Прохарчинъ имѣлъ свои неотъемлемые недостатки, товарищи-ль его обладали таковыми же каждый,—но дѣла съ обѣихъ сторонъ пошли съ самаго начала какъ будто не ладно. Замѣтимъ здѣсь, что всѣ до единаго изъ новыхъ жильцовъ Устини Федоровны жили между собою словно братья родные; нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ служили; всѣ вообще поочередно каждое первое число проигрывали другъ другу свои жалованья въ банчишку, въ преферансъ и на биксѣ; любили подъ веселый часъ всѣ вмѣстѣ гурьбой насладиться, какъ говорилось у нихъ, шинучими мгновеніями жизни; любили иногда тоже поговорить о высокомъ, и хотя въ послѣднемъ случаѣ дѣло рѣдко обходилось безъ спора, но такъ какъ предразсудки были изъ всей этой компаніи изгнаны, то взаимное согласіе въ такихъ случаяхъ не нарушалось никакъ. Изъ жильцовъ особенно замѣчательны были: Маркъ Ивановичъ, умный и начитанный человѣкъ; потомъ еще Оплеваніевъ-жилецъ; потомъ еще Преполовенко-жилецъ, тоже скромный и хороший человѣкъ; потомъ еще былъ одинъ Зиновій Прокофьевичъ, имѣвшій непремѣнною цѣлью попасть въ высшее общество; наконецъ, писарь Океановъ, въ свое время едва не отбившій пальму первенства и фаворитства у Семена Ивановича; потомъ еще другой писарь Судьбинъ; Кантаревъ разночинецъ; были еще и другіе. Но всѣмъ этимъ людямъ Семенъ Ивановичъ былъ какъ будто не товарищъ. Зла ему, конечно, никто не желалъ, тѣмъ болѣе что всѣ еще въ самомъ началѣ

умѣли отдать Прохарчину справедливость и рѣшили словами Марка Ивановича, что онъ, Прохарчинъ, человѣкъ хороший и смирный, хотя и не свѣтскій, вѣренъ, не льстецъ, имѣеть, конечно, свои недостатки, но если пострадаетъ когда, то не отъ чего иного, какъ отъ недостатка собственного своего воображенія. Мало того: хотя лишенный такимъ образомъ собственного своего воображенія, господинъ Прохарчинъ фигурою своей и манерами не могъ, напримѣръ, никого поразить съ особенно выгодной для себя точки зрѣнія (къ чему любятъ придраться насмѣшники), но и фигура сошла ему съ рукъ, какъ будто ни въ чёмъ не бывало; при чемъ Маркъ Ивановичъ, будучи умнымъ человѣкомъ, принялъ формально защиту Семена Ивановича и объявилъ довольно удачно и въ прекрасномъ, цвѣтистомъ слогѣ, что Прохарчинъ человѣкъ пожилой и солидный и уже давнимъ-давно оставилъ за собой свою пору элегій. Итакъ, если Семенъ Ивановичъ не умѣлъ уживаться съ людьми, то единствено потому, что былъ самъ во всемъ виноватъ.

Первое, на что обратили вниманіе, было, безъ сомнѣнія, скопидомство и скаредность Семена Ивановича. Это тотчасъ замѣтили и приняли въ счетъ, ибо Семенъ Ивановичъ никакъ, ни за что и никому не могъ одолжить своего чайника на подержаніе, хотя бы то было на самое малое время; и тѣмъ болѣе былъ несправедливъ въ этомъ дѣлѣ, что самъ почти совсѣмъ не пилъ чаю, а пилъ, когда была надобность, какой-то довольно пріятный настой изъ полевыхъ цвѣтовъ и нѣкоторыхъ цѣлебнаго свойства травъ, всегда въ значительномъ количествѣ у него запасенный. Впрочемъ, онъ и вѣль тоже совсѣмъ не такимъ образомъ, какъ обыкновенно ёдятъ всякие другіе жильцы. Никогда, напримѣръ, онъ не позволялъ себѣ сѣсть всего обѣда, предлагаемаго каждодневно Устиньей Федоровной его товарищамъ. Обѣдъ стоилъ полтину; Семенъ Ивановичъ употреблялъ только 25 коп. мѣдью и никогда не восходилъ выше, и потому бралъ по порціямъ или однѣ щи съ пирогомъ, или одну говядину; чаще же всего не вѣль ни щей, ни говядины, а сѣѣдалъ въ мяру ситнаго съ лукомъ, съ творогомъ, съ огурцомъ разсольнымъ, или съ другими приправами, что было несравненно дешевле, и только тогда, когда уже не вѣль мочь становилось, обращался опять къ своей половинѣ обѣда...

Здѣсь бiографъ сознается, что онъ ни за что бы не

рѣшился говорить о такихъ нестдяющихъ, низкихъ и даже щекотливыхъ, скажемъ болѣе, даже обидныхъ для иного любителя благороднаго слога подробностяхъ, если-бъ во всѣхъ этихъ подробностяхъ не заключалась одна особенность, одна господствующая черта въ характерѣ героя сей повѣсти; ибо господинъ Прохарчинъ далеко не былъ такъ скуденъ, какъ самъ иногда увѣрялъ, чтобы даже харчей не имѣть постоянныхъ и сытныхъ, но дѣлать противное, не боясь стыда и людскихъ пересудовъ, собственно для удовлетворенія своихъ странныхъ прихотей, изъ скопидомства и излишней осторожности, что, впрочемъ, гораздо яснѣѣ будетъ видно впослѣдствіи. Но мы остережемся наскучить читателю описаніемъ всѣхъ прихотей Семена Ивановича, и не только пропускаемъ, напримѣръ, любопытное и очень смѣшное для читателя описание всѣхъ нарядовъ его, но даже, если-бъ только не показаніе самой Устины Федоровны, наврядъ-ли упомянули бы мы и о томъ, что Семенъ Ивановичъ во всю жизнь свою никакъ не могъ рѣшиться отдать свое бѣлье въ стирку, или рѣшился, но такъ рѣдко, что въ промежуткахъ можно было совершенно забыть о присутствіи бѣлья на Семенѣ Ивановичѣ. Въ показаніи же хозяйки-номъ значилось, что „Семенъ-отъ Ивановичъ младъ-голубчикъ, согрѣй его душеньку, гноилъ у ней уголь два десятка лѣтъ, стыда не имѣя, ибо не только все время земного житія своего постоянно и съ упорствомъ чуждался носковъ, платковъ и другихъ подобныхъ предметовъ, но даже сама Устина Федоровна собственными глазами видѣла, съ помощью ветхости ширмъ, что ему, голубчику, нечѣмъ было подчасть своего бѣлаго тѣльца прикрыть“. Такіе толки пошли уже по кончинѣ Семена Ивановича. Но при жизни своей (и здѣсь-то былъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ раздора) онъ никакимъ образомъ не могъ потерпѣть, несмотря даже на самыя пріятнѣя отношенія товарищества, чтобы кто-нибудь, не спросясь, соваль свой любопытный носъ къ нему въ уголь, хотя бы то было даже и съ помощью ветхости ширмъ. Человѣкъ былъ совсѣмъ несговорчивый, молчаливый и на праздную рѣчь неподатливый. Совѣтниковъ не любилъ никакихъ, высокочекъ тоже не жаловалъ, и всегда, бывало, тутъ же на мѣстѣ укоритъ насмѣшника или совѣтника-выскочку, пристыдить его, и дѣло съ концомъ. „Ты мальчишка, ты свинступъ, а не совѣтникъ, вотъ какъ; знай, сударь, свой

карманъ, да лучше сосчитай, мальчишка, много-ли нитокъ на твои онучи пошло, вотъ какъ!" Семенъ Ивановичъ былъ простой человѣкъ и всѣмъ рѣшительно говорилъ ты. Тоже никакъ не могъ онъ стерпѣть, когда кто-нибудь, зная всегдашній поровъ его, начнетъ, бывало, изъ одного баловства, приставать и разспрашивать, что у него лежить въ сундучкѣ... У Семена Ивановича былъ одинъ сундучокъ. Этотъ стоялъ у него подъ кроватью и оберегаемъ былъ какъ зѣница ока; и хотя всѣ знали, что въ немъ, кромѣ старыхъ тряпицъ, двухъ или трехъ паръ изъяниншихся сапоговъ и вообще всякаго случившагося хламу и дрязгу, ровно не было ничего, но господинъ Прохарчинъ цѣнилъ это движимое свое весьма высоко, и даже слышали разъ, какъ онъ, не довольствуясь своимъ старымъ, но довольно крѣпкимъ замкомъ, поговаривалъ завести другой, какой-то особенный, нѣмецкой работы, съ разными затѣями и съ потайною пружиною. Когда же одинъ разъ Зиновій Прокофьевичъ, увлеченный своимъ молодоуміемъ, обнаружилъ весьма неприличную и грубую мысль, что Семенъ Ивановичъ, вѣроятно, таитъ и откладываетъ въ свой сундукъ, чтобы оставить потомкамъ, то всѣ, кто тутъ ни были около, принуждены были въ столбнякъ стать отъ необыкновенныхъ послѣдствій выходки Зиновья Прокофьевича. Во-первыхъ, господинъ Прохарчинъ на такую обнаженную и грубую мысль даже выражений приличныхъ не могъ сразу найти. Долгое время изъ устъ его сыпались слова безъ всякаго смысла, и наконецъ только разобрали, что Семенъ Ивановичъ, во-первыхъ, корить Зиновья Прокофьича однимъ его давно прошедшемъ скареднымъ дѣломъ; потомъ распознали, будто Семенъ Ивановичъ предсказываетъ, что Зиновій Прокофьевичъ ни за что не попадетъ въ высшее общество, а что вотъ портной, которому онъ долженъ за платье, его прибьетъ, непремѣнно прибьетъ за то, что долго мальчишка не платить, и что, "наконецъ, ты, мальчишка", прибавилъ Семенъ Ивановичъ, — "вишь, тамъ хочешь въ гусарскіе юнкера перейти, такъ вотъ не перейдешь, грибъ сѣйши, а что вотъ тебя, мальчишку, какъ начальство узнаетъ про все, возьмутъ, да въ писаря отдадутъ; вотъ моль какъ, слышь ты, мальчишка!" Потомъ Семенъ Ивановичъ успокоился, но, полежавъ часовъ пять, къ величайшему и всеобщему изумленію, какъ будто надумался, и вдругъ опять, сначала одинъ, а потомъ,

обращаясь къ Зиновію Прокоф'ичу, началъ его вновь укорять и стыдить. Но тѣмъ дѣло опять не кончилось, и по вечеру, когда Маркъ Ивановичъ и Преполовенко-жилецъ затѣяли чай, пригласивъ къ себѣ въ товарищи писаря Океанова, Семенъ Ивановичъ слѣзъ съ постели своей, нарочно подсѣль къ нимъ, давъ свои двадцать или пятнадцать копеекъ, и подѣ видомъ того, что захотѣлъ вдругъ пить чаю, началъ весьма пространно входить въ матерію и изъяснять, что бѣдный человѣкъ, всего только бѣдный человѣкъ, а болѣе ничего, а что бѣдному человѣку, ему копить не изъ чего. Тутъ господинъ Прохарчинъ даже признался, единственно потому, что вотъ теперь оно къ слову пришлось, что онъ бѣдный человѣкъ; еще третьяго дня у него, дерзкаго человѣка, занять хотѣлъ денегъ рубль, а что теперь не займетъ, чтобы не хвалился мальчишка, что вотъ моль какъ, а жалованье у меня-де такое, что и корму не купишь; и что, наконецъ, онъ, бѣдный человѣкъ, вотъ такой, какъ вы его видите, самъ каждый мѣсяцъ своей золовкѣ по пяти рублей въ Тверь отсылаеть, и что не отсылай онъ въ Тверь золовкѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ, такъ умерла бы золовка, а если-бъ умерла бы золовка-нахлѣбница, то Семенъ Ивановичъ давно бы себѣ новую одежду состроилъ... И такъ долго и пространно говорилъ Семенъ Ивановичъ о бѣдномъ человѣкѣ, о рубляхъ и золовкѣ, и повторялъ одно и то же для сильнѣйшаго внушенія слушателямъ, что, наконецъ, сбился совсѣмъ, замолчалъ, и только три дня спустя, когда уже никто и не думалъ его задирать и всѣ обѣ немъ позабыли, прибавилъ въ заключеніе что-то въ родѣ того, что когда Зиновій Прокоф'ичъ вступить въ гусары, такъ отрубятъ ему, дерзкому человѣку, ногу въ войнѣ и надѣнуть ему, вместо ноги, деревяжку, и придетъ Зиновій Прокоф'ичъ и скажеть: „дай, добрый человѣкъ, Семенъ Ивановичъ, хлѣбца!“ Такъ не дастъ Семенъ Ивановичъ хлѣбца, и не посмотритъ на буйнаго человѣка, Зиновія Прокофьевича, и что вотъ, дескать, какъ моль; поди-ка ты съ нимъ.

Все это, какъ и слѣдовало тому быть, показалось весьма любопытнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страхъ какъ забавнымъ. Долго не думая, всѣ хозяйкины жильцы соединились для дальнѣйшихъ изслѣдований и, собственно изъ одного любопытства, рѣшились наступить на Семена Ивановича гурьбою и окончательно. И такъ какъ господинъ Про-

харчинъ въ свое послѣднее время, то-есть съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ сталъ жить въ компаніи, тоже чрезвычайно какъ полюбилъ обо всемъ узнавать, разспрашивать и любопытствовать, что, вѣроятно, дѣлалъ для какихъ-то собственныхъ тайныхъ причинъ, то сношенія обѣихъ враждебныхъ сторонъ начинались безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій и безъ тщетныхъ усилий, но какъ будто случаемъ и сами собою. Для начатія сношенній у Семена Ивановича былъ всегда въ запасѣ свой особый, довольно хитрый и весьма, впрочемъ, замысловатый маневръ, частію уже извѣстный читателю: слѣзеть, бывало, съ постели своей около того времени, какъ надо пить чай, и если увидитъ, что собирались другіе гдѣ-нибудь въ кучку для составленія напитка, подойдетъ къ нимъ какъ скромный, умный и ласковый человѣкъ, дастъ свои законныя двадцать копеекъ и объявить, что желаетъ участвовать. Тутъ молодежь перемигивалась, и такимъ образомъ соглашалась межъ собой на Семена Ивановича, начинала разговоръ, сначала приличный и чинный. Потомъ какой-нибудь новострѣ пускался, какъ будто ни въ чемъ не бывало, разсказывать про разныя новости, и чаще всего о матеріяхъ лживыхъ и совершенно неправдоподобныхъ. То, напримѣръ, что будто бы слышалъ кто-то сегодня, какъ его превосходительство сказали самому Демиду Васильевичу, что, по ихъ мнѣнію, женатые чиновники „выйдутъ“ посолиднѣе неженатыхъ и къ повышенію чиномъ удобнѣе; ибо смирные и въ бракѣ значительно болѣе приобрѣтаютъ способностей, и что потому онъ, то-есть рассказчикъ, чтобы удобнѣе отличиться и приобрѣсти, стремится какъ можно скорѣе сочетаться бракомъ съ какой-нибудь Февроньей Прокофьевной. То, напримѣръ, что будто бы неоднократно замѣчено про разныхъ иныхъ изъ ихъ братьи, что лишены они всякой свѣтскости и хорошихъ, пріятныхъ манеръ, а слѣдовательно и не могутъ нравиться въ обществѣ дамамъ, и что потому, для искошенія сего злоупотребленія, послѣдуетъ немедленно вычетъ у получающихъ жалованье, и на складочную сумму устроится такой залъ, гдѣ будутъ учить танцевать, пріобрѣтать всѣ признаки благородства и хорошее обращеніе, вѣжливость, почтеніе къ старшимъ, сильный характеръ, доброе, признательное сердце и разныя пріятныя манеры. То, наконецъ, говорили, что будто бы выходитъ такое, что нѣкоторые чиновники, начиная съ самыхъ

древнійшихъ, должны для того, чтобы немедленно сдѣлаться образованными, какой-то экзаменъ по всѣмъ предметамъ держать, и что такимъ образомъ, прибавляя разсказчикъ, многое выйдетъ на чистую воду, и нѣкоторымъ господамъ придется положить свои карты на столъ, — однимъ словомъ, рассказывались тысяча такихъ или тому подобныхъ пренелѣпѣйшихъ толковъ. Для вида всѣ тотчасъ вѣрили, принимали участіе, разспрашивали, на себя смекали, а нѣкоторые, принявъ грустный видъ, начинали покачивать головами и совѣтовъ повсюду искать, какъ будто въ томъ смыслѣ, что, дескать, чѣ же имъ будетъ дѣлать, если ихъ постигнетъ? Само собой разумѣется, что и тотъ человѣкъ, который быль бы гораздо менѣе добродушенъ и смиренъ, чѣмъ господинъ Прохарчинъ, смѣшался и запутался бы отъ такого всеобщаго толка. Кромѣ того, по всѣмъ признакамъ можно совершенно безошибочно заключить, что Семенъ Ивановичъ быль чрезвычайно тупъ и тугъ на всякую новую, для его разума не-привычную, мысль и что, получивъ, напримѣръ, какую-нибудь новость, всегда принужденъ быль сначала ее какъ будто переваривать и пережевывать, толку искать, сбиваться и путаться, и наконецъ развѣ одолѣвать ее, но и тутъ какимъ-то совершенно особыеннымъ, ему только одному свойственнымъ образомъ... Открылись такимъ образомъ въ Семенѣ Ивановичѣ вдругъ любопытныя и доселѣ неподозрѣваемыя свойства... Пошли пересуды и говорѣ, и все это какъ было и съ прибавленіями дошло, наконецъ, своимъ путемъ въ канцелярію. Способствовало эффекту и то, что господинъ Прохарчинъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, быль съ незапамятныхъ временъ почти все въ одномъ и томъ же лицѣ, перемѣнилъ физіономію: лицо стало имѣть беспокойное, взгляды пугливые, робкіе и немного подозрительные; стало чутко ходить, вздрагивать и прислушиваться, и, къ довершенію всѣхъ новыхъ качествъ своихъ, страхъ какъ полюбилъ отыскивать истину. Любовь къ истинѣ довѣръ онъ, наконецъ, до того, что рискнулъ раза два справиться о вѣроятности ежедневно десятками получаемыхъ имъ новостей даже у самого Демида Васильевича, и если мы здѣсь умалчиваемъ о послѣдствіяхъ этой выходки Семена Ивановича, то не отъ чего иного, какъ отъ сердечнаго состраданія къ его репутаціи. Такимъ образомъ нашли, что онъ мизантропъ и пренебрегаетъ приличіями общества. Нашли потомъ, что много въ

немъ фантастического, и тутъ тоже совсѣмъ не ошиблись; ибо неоднократно замѣчено было, что Семенъ Ивановичъ иногда совсѣмъ забываетъ и, сидя на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ и съ поднятымъ въ воздухъ перомъ, какъ будто застывшій или окаменѣвшій, походитъ болѣе на тѣнь разумнаго существа, чѣмъ на то же разумное существо. Случалось нерѣдко, что какой-нибудь невинно-зазѣвавшійся господинъ, вдругъ встрѣчая его бѣглый, мутный и чего-то ищущій взглядъ, приходилъ въ трепетъ, робѣль и немедленно ставилъ на нужной бумагѣ или жида, или какое-нибудь совершенно ненужное слово. Неблагоприятность поведенія Семена Ивановича смущала и оскорбляла истинно благородныхъ людей... Наконецъ, никто уже болѣе не сталъ сомнѣваться въ фантастическомъ направленіи головы Семена Ивановича, когда въ одно прекрасное утро пронесся по всей канцеляріи слухъ, что господинъ Прохарчинъ испугалъ даже самого Демида Васильевича, ибо, встрѣтивъ его въ коридорѣ, былъ такъ чуденъ и страненъ, что принудилъ его отступить... Проступокъ Семена Ивановича дошелъ наконецъ и до него самого. Услышавъ о немъ, онъ немедленно всталъ, бережно прошелъ между столами и стульями, достигъ передней, собственноручно снялъ шинель, надѣль, вышелъ — и исчезъ на неопределѣленное время. Оробѣль-ли онъ, влекло-ль его что другое — не знаемъ, но ни дома, ни въ канцеляріи на время его не нашлось...

Мы не будемъ объяснять судьбы Семена Ивановича прямо фантастическимъ его направленіемъ; но однажды не можемъ не замѣтить читателю, что герой нашъ — человѣкъ не свѣтскій, совсѣмъ смиренный, и жилъ до того самаго времени, какъ попалъ въ компанію, въ глухомъ, непроницаемомъ уединеніи, отличался тихостію и даже какъ будто таинственностью; ибо все время послѣдняго жития своего на Пескахъ лежалъ на кровати за ширмами, молчалъ и сношеній не держалъ никакихъ. Оба старые его сожителя жили совершенно такъ же, какъ онъ: оба были тоже какъ будто таинственны и тоже пятнадцать лѣтъ пролежали за ширмами. Въ патріархальномъ затишь тянулись одинъ за другимъ счастливые, дремотные дни и часы, и такъ какъ все вокругъ тоже шло своимъ добрымъ чередомъ и порядкомъ, то ни Семенъ Ивановичъ, ни Устина Федоровна ужъ и не помнили даже хорошенъко, когда ихъ и судьба-то свела. „А не то десять лѣтъ, не

то ужъ пятнадцать, не то ужъ и вся тѣ же двадцать пять", говорила она подчасъ своимъ новымъ жильцамъ, — "какъ онъ, голубчикъ, у меня основался, согрѣй его душеньку". И потому весьма естественно, что пренепріятно былъ изумленъ непривычный къ компаніи герой нашей повѣсти, когда, ровно годъ тому назадъ, очутился онъ, солидный и скромный, вдругъ посреди шумливой и беспокойной ватаги цѣлаго десятка молодыхъ ребятъ, своихъ новыхъ сожителей и товарищѣй.

Исчезновеніе Семена Ивановича надѣлало не малой суматохи въ углахъ. Одно то, что онъ былъ фаворитъ; во вторыхъ же, паспортъ его, бывшій подъ сохраненiemъ хозяйки, оказался на ту пору ненарокомъ затеряннымъ. Устинья Федоровна взвыла, — къ чему прибѣгала во всѣхъ критическихъ случаяхъ; ровно два дня корила, поносила жильцовъ; причитала, что загоняли у ней жильца какъ цыпленка, и что сгубили его „всѣ тѣ же злые надсмѣшники", а на третій выгнала всѣхъ искать и добыть бѣглеца во что бы то ни стало, живого иль мертваго. По вечеру пришелъ первый писарь Судьбинъ и объявилъ, что слѣдъ отыскался, что видѣлъ онъ бѣглеца на Толкучемъ и по другимъ мѣстамъ, ходилъ за нимъ, близко стоялъ, но говорить не посмѣлъ, а былъ неподалеку отъ него и на пожарѣ, когда загорѣлся домъ въ Кривомъ переулкѣ. Полчаса спустя, явились Океановъ и Кантаревъ-разночи-нецъ, подтвердили Судьбина слово въ слово: тоже недалеко стояли, близко, всего только въ десяти шагахъ отъ него ходили, но говорить опять не посмѣли, а замѣтили оба, что ходилъ Семенъ Ивановичъ съ попрошайкой-пьянчужкой. Собрались, наконецъ, и остальные жильцы и, внимательно выслушавъ, рѣшили, что Прохарчинъ долженъ быть теперь недалеко и не замедлить прийти; но что они и прежде все знали, что ходить онъ съ попрошайкой-пьянчужкой. Попрошайка-пьянчужка былъ человѣкъ совсѣмъ скверный, буйный и лѣстивый, и по всему было видно, что онъ какъ-нибудь тамъ обольстилъ Семена Ивановича. Явился онъ ровно за недѣлю до исчезновенія Семена Ивановича, вмѣстѣ съ Ремневымъ-товарищемъ, проживалъ малое время въ углахъ, рассказалъ, что страдаетъ за правду, что прежде служилъ по уѣздамъ, что наѣхалъ на нихъ ревизоръ, что пошатнули какъ-то за правду его и companію, что явился онъ въ Петербургъ и палъ въ ножки къ Порфирию Григорьевичу, что помѣ-

стили его, по ходатайству, въ одну канцелярію, но что, по жесточайшему гонению судьбы, упразднили его и отсюда, затѣмъ что уничтожилась сама канцелярія, получивъ измѣненіе; а въ преобразовавшейся новой штатъ чиновниковъ его не приняли, сколько по прямой неспособности къ служебному дѣлу, столько и по причинѣ способности къ одному другому, совершиенно постороннему дѣлу, — вмѣстѣ же со всѣмъ этимъ за любовь къ правдѣ, и, наконецъ, по кознямъ враговъ. Кончивъ исторію, въ продолженіе которой господинъ Зимовейкинъ неоднократно лобызаль своего сурогаго и небритаго друга Ремнева, онъ поочередно поклонился всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ въ ножки, не забывъ Авдотью-работницу, назваль ихъ всѣхъ благодѣтелями и объяснилъ, что онъ человѣкъ недостойный, назойливый, подлый, буйный и глупый, а чтобы не взыскали добрые люди на его горемычной долѣ и простотѣ. Испросивъ покровительства, господинъ Зимовейкинъ оказался весельчакомъ, сталъ очень радъ, цѣловалъ у Устины Федоровны ручки, несмотря на скромныя увѣренія, что рука у ней подлая, не дворянская, а къ вечеру обѣщаль всему обществу показать свой талантъ въ одномъ замѣчательномъ характерномъ танцѣ. Но па завтра же дѣло его окончилось плачевной развязкой. Иль оттого, что характерный танецъ оказался ужъ слишкомъ характернымъ, иль оттого, что онъ Устиню Федоровну, по словамъ ея, какъ-то „опозорилъ и опростоволосилъ, а ей, къ тому же, самъ Ярославъ Ильичъ знакомъ и если-бъ захотѣла она, то давно бы сама была оберъ-офицерской женой“, — только Зимовейкину пришлось упывать во-свои. Онъ ушелъ, опять воротился, былъ опять съ безчестiemъ изгнанъ, втерся потомъ во вниманіе и милость Семена Ивановича, лишилъ его мимоходомъ новыхъ рейтузъ и, наконецъ, явился теперь опять въ качествѣ обольстителя Семена Ивановича.

Лишь только хозяйка узнала, что Семенъ Ивановичъ былъ живъ и здоровъ и что паспорта искать теперь нечего, то немедленно оставила горевать и пошла успокоиться. Тѣмъ временемъ кое-кто изъ жильцовъ рѣшились сдѣлать торжественный приемъ бѣглецу: испортили задвижку и отодвинули ширмы отъ кровати пропавшаго, немножко поизмѣнили постель, взяли известный сундукъ, помѣстили его на кровати въ ногахъ, а на кровать положили золовку, т. е. куклу, форму, сдѣланную изъ стараго

хозяйкина платка, чепца и салопа, но только совершенно наподобие золовки, такъ что можно было совсѣмъ обмануться. Кончивъ работу, стали ждать, съ тѣмъ, чтобъ, по прибытии Семена Ивановича, объявить ему, что пришла изъ уѣзда золовка и помѣстилась у него за ширмами, бѣдная. Но ждали-ждали, ждали-ждали... Уже въ ожиданіи, Маркъ Ивановичъ прометалъ и проставилъ пол-месячное жалованье Преполовенкѣ и Кантареву-жильцамъ; уже весь носъ покраснѣлъ и вспухъ у Океанова за игрой въ носки и въ три листика; уже Авдотья-работница почти совсѣмъ выпалась и два раза собиралась вставать, дрова таскать, печку топить, и весь до нитки промокъ Зиновій Прокофьевичъ, поминутно выбѣгая во дворъ навѣдываться о Семенѣ Ивановичѣ; но не явилось еще никого — ни Семена Ивановича, ни попрошайки-пьянчужки. Наконецъ, всѣ спать полегли, оставивъ на всякий случай золовку за ширмами, и только въ четыре часа раздался стукъ у воротъ, но зато такой сильный, что совершенно вознаградилъ ожидавшихъ за всѣ тяжкие труды, ими понесенные. Это былъ онъ, онъ самый, Семенъ Ивановичъ, господинъ Прохарчинъ, но только въ такомъ положеніи, что всѣ ахнули, и никому и въ мысль не пришло о золовкѣ. Пропавшій явился безъ памяти. Его ввели, или, лучше сказать, внесъ его на плечахъ весь измокшій и издрогшій, оборванный ночной ванька-извозчикъ. На вопросъ хозяйки, гдѣ же онъ такъ, горемычный, наклюкался, ванька отвѣчалъ: „да не пьянъ, и маковой не было; это ужъ тебя завѣряю, а вѣрно такъ омракъ нашелъ, или столбнякомъ, какъ тамъ ни есть, прихватило, или, може, кондрашка *) пришибъ“. Стали разматривать, для удобства прислонивъ виноватаго къ печкѣ, и увидѣли, что дѣйствительно хмелю тутъ не было, да и кондрашка не трогалъ, а былъ другой какой ни есть грѣхъ, за тѣмъ, что Семенъ Ивановичъ и языкомъ не ворочалъ, а какъ будто судорогой его какой дергало, и только хлопалъ глазами, въ недоумѣніи устанавливаясь то на того, то на другого ночнымъ образомъ костюмированного зрителя. Стали потомъ спрашивать ваньку, отколева взялъ? „Да отъ какихъ-то“, отвѣчалъ онъ, — „изъ Коломны, шутъ ихъ знаетъ, господа не господа, а гулявшіе, веселые господа; такъ-таки вотъ такого и сдали; подрались они, что-ли, или судорогой какой его передернуло, Богъ знаетъ, какого тутъ было; а господа

*) Ударъ.

веселые, хорошие!" Взяли Семена Ивановича, приподняли на пару-другую дюжихъ плечъ и снесли на кровать. Когда же Семенъ Ивановичъ, помѣщаясь на постель, ощупалъ собою золовку и уперъ ноги въ свой завѣтный сундукъ, то вскрикнулъ благимъ матомъ, усѣлся почти на корячки и, весь дрожа и трепеща, загребъ и замѣстилъ, сколько могъ, руками и тѣломъ пространства на своей кровати, тогда какъ трепещущимъ, но странно-рѣшительнымъ взоромъ окидывая присутствующихъ, казалось, изъяснялъ, что скорѣе умретъ, чымъ уступитъ кому-нибудь хоть сотую капельку изъ бѣдной своей благостини...

Семенъ Ивановичъ пролежалъ дни два или три, плотно обставленный ширмами и отдѣленный такимъ образомъ отъ всего Божьяго свѣта и всѣхъ напрасныхъ его треволненій. Какъ слѣдуетъ, на завтра же всѣ о немъ позабыли; время летѣло межъ тѣмъ своимъ чередомъ, часы смѣнялись часами, день другимъ. Полусонъ, полубредъ налегли на отяжелѣвшую, горячую голову больного; но онъ лежалъ смирино, не стоналъ и не жаловался; напротивъ, притихъ, молчалъ и крѣпился, прилюснувъ себя къ постели своей, словно какъ заяцъ припадаетъ отъ страха къ землѣ, заслушавъ охоту. Порой наставала въ квартирѣ долгая, тосклива тишина, — знакъ, что всѣ жильцы удалялись по должностямъ, и просыпавшійся Семенъ Ивановичъ могъ сколько угодно развлекать тоску свою, прислушиваясь къ близкому шороху въ кухнѣ, гдѣ хлопотала хозяйка, или къ мѣрному отшелепыванію стоящихъ башмаковъ Авдотьи-работницы по всѣмъ комнатамъ, когда она, охая и кряхтя, прибирала, притирала и приглаживала во всѣхъ углахъ для порядка. Цѣлые часы проходили такимъ образомъ, дремотные, лѣнивые, сонливые, скучные, словно вода, стекавшая звучно и мѣрно въ кухнѣ съ залавка въ лахань. Наконецъ, приходили жильцы, поочередно или кучками, и Семенъ Ивановичъ очень удобно могъ слышать, какъ они брали погоду, хотѣли бѣсть, какъ шумѣли, курили, бралились, дружились, играли въ карты и стучали чашками, собираясь пить чай. Семенъ Ивановичъ машинально дѣлалъ усиление привстать и присоединиться законнымъ образомъ для составленія напитка, но тутъ же впадалъ въ усыпленіе и грезилъ, что уже давно сидитъ за чайнымъ столомъ, участвуетъ и бѣсѣдуетъ, и что Зиновій Прокофьевичъ успѣлъ уже, пользуясь случаемъ, вклейть въ разговоръ какой-то проектъ о

зовокахъ и о нравственномъ отношеніи къ нимъ различ-
ныхъ хорошихъ людей. Тутъ Семенъ Ивановичъ поспѣ-
шилъ было оправдаться и возразить, но разомъ слетѣв-
шая со всѣхъ языковъ могуче-форменная фраза, „неодно-
кратно замѣчено“, окончательно осѣкла всѣ его возраже-
нія, и Семенъ Ивановичъ ничего не могъ придумать луч-
шаго, какъ начать снова грезить о томъ, что сегодня
первое число и что онъ получаетъ цѣлковики въ своей
канцеляріи. Развернувъ бумажку на лѣстницѣ, онъ бы-
стро оглянулся кругомъ и поспѣшилъ какъ можно скорѣе
отдѣлить цѣлую половину изъ законнаго возмездія, имъ
полученнаго, и припрятать эту половину въ сапогъ, по-
томъ, тутъ же на лѣстницѣ и вовсе не обращая вниманія
на то, что дѣйствуетъ на своей постели, во снѣ, рѣ-
шилъ, пришедъ домой, немедленно воздать, что слѣдуетъ
за харчи и постой хозяйкѣ своей, потомъ накупить кой-
чего необходимаго и показать кому слѣдуетъ, какъ будто
безъ намѣренія и нечаянно, что подвергся вычету, что
остается ему и всего ничего и что вотъ и золовкѣ-то по-
слать теперь нечего, при чёмъ погоревать тутъ же о зо-
ловкѣ, много говорить о ней завтра и послѣ завтра, и
дней черезъ десять еще повторить мимоходомъ обѣ ея
нищетѣ, чтобы не забыли товарищи. Рѣшивъ такимъ об-
разомъ, онъ увидѣлъ, что и Андрей Ефимовичъ, тотъ са-
мый маленький, вѣчно-молчаливый лысый человѣчекъ, ко-
торый помышлялся въ канцеляріи за цѣлыми три комнаты
отъ мѣста сидѣнья Семена Ивановича и въ двадцать лѣтъ
не сказалъ съ нимъ ни слова, стоитъ тутъ же на лѣст-
ницѣ, тоже считаетъ свои рубли серебромъ и, тряхнувъ
головою, говорить ему: „денежки-сь!“ — „Ихъ не будетъ
и каши не будетъ-сь“, сурово прибавляетъ онъ, сходя
съ лѣстницы, и уже на крыльѣ заключаетъ: „а у меня,
сударь, семеро-сь“. Тутъ лысый человѣчекъ, тоже, вѣ-
роятно, нисколько не замѣчая, что дѣйствуетъ какъ при-
зракъ, а вовсе не на-яву и въ дѣйствительности, показалъ
ровно аршинъ съ вершкомъ отъ полу, и махнувъ рукой
въ исходящей линіи, пробормоталъ, что старшій ходитъ
въ гимназію, затѣмъ, съ негодованіемъ взглянувъ на Се-
мена Ивановича, какъ будто именно господинъ Про-
харчинъ виноватъ былъ въ тсмъ, что у него цѣлыхъ се-
меро, нахлобучилъ на глаза свою шляпенку, тряхнулъ
шинелью, поверотилъ нальво и скрылся. Семенъ Ивано-
вичъ весьма испугался, и хотя былъ совершенно увѣренъ

въ невинности своей насчетъ непріятнаго стеченія числа семерыхъ подъ одну кровлю, но на дѣлѣ какъ будто бы именно такъ выходило, что виноватъ не кто другой, какъ Семенъ Ивановичъ. Испугавшись, онъ принялъ бѣжать, ибо показалось ему, что лысый господинъ воротился, догонаетъ его и хочетъ, обшаривъ, отнять все возмездіе, опираясь на свое неотъемлемое число семерыхъ и рѣшительно отрицая всякое возможное отношеніе какихъ бы то ни было золовокъ къ Семену Ивановичу. Прохарчинъ бѣжалъ, бѣжалъ, задыхался... рядомъ съ нимъ бѣжало тоже чрезвычайно много людей, и всѣ они побрякивали своими возмездіями въ заднихъ карманахъ своихъ кургужыхъ фрачишекъ: наконецъ, весь народъ побѣжалъ, загремѣли пожарные трубы, и цѣлые волны народа вынесли его почти на плечахъ на тотъ самый пожаръ, на которомъ онъ присутствовалъ въ послѣдній разъ, вмѣстѣ съ попрошайкой-пьяничужкой. Пьяничужка—иначе, господинъ Зимовейкинъ—находился уже тамъ, встрѣтилъ Семена Ивановича, страшно захлопоталъ, взялъ его за руку и повелъ въ самую густую толпу. Такъ же, какъ и тогда на-яву, кругомъ нихъ гремѣла и гудѣла необозримая толпа народа, запрудивъ межъ двумя мостами всю набережную Фонтанки, всѣ окрестныя улицы и переулки; такъ же, какъ и тогда, вынесло Семена Ивановича, вмѣстѣ съ пьяничужкой, за какой-то заборъ, гдѣ притиснули ихъ какъ въ клещахъ на огромномъ дровяномъ дворѣ, полномъ зрителями, собравшимися съ улицъ, съ Толкучаго рынка и изъ всѣхъ окрестныхъ домовъ, трактиръ и кабаковъ. Семенъ Ивановичъ видѣлъ все такъ же и по-тогдашнему чувствовалъ; въ вихрѣ горячки и бреда начали мелькать передъ нимъ разныя странныя лица. Онъ припомнилъ изъ нихъ кой-кого. Одинъ былъ тотъ самый, чрезвычайновшавшій всѣмъ господинъ, въ сажень ростомъ и съ аршинными усищами, помѣщавшійся во время пожара за спиной Семена Ивановича и задававшій сзади ему поощренія, когда нашъ герой, съ своей стороны, почувствовалъ нечто въ родѣ восторга, затопалъ ножонками, какъ будто желая такимъ образомъ аплодировать молодецкой пожарной работе, которую совершилъ видѣль съ своего возвышенія. Другой— тотъ самый дюжій парень, отъ котораго герой нашъ пріобрѣлъ тумака въ видѣ подсадки на другой заборъ, когда было совсѣмъ расположился лѣзть черезъ него, можетъ-быть, кого-то спасать. Мелькнула передъ нимъ и

фигура того старика съ гемороидальнымъ лицомъ, въ ветхомъ, чѣмъ-то подпоясанномъ, ватномъ халатишкѣ, отлучившагося было еще до пожара въ лавочку за сухарями и табакомъ своему жильцу и пробивавшагося теперь съ молочникомъ и съ четверкой въ рукахъ сквозь толпу, до дома, гдѣ горѣли у него жена, дочка и тридцать съ полуною денегъ въ углу подъ периной. Но всего внятнѣе явилась ему та бѣдная, грѣшная баба, о которой онъ уже не разъ грезилъ во время болѣзни своей,—представилась такъ, какъ была тогда,—въ лаптишкахъ, съ костылемъ, съ плетеной котомкой за спиною и въ рубищѣ. Она кричала громче пожарныхъ и народа, размахивая костылемъ и руками, о томъ, что выгнали ее откуда-то дѣти родные и что проиграли при семъ случаѣ тоже два пятака. Дѣти и пятаки, пятаки и дѣти вертѣлись на ея языкѣ въ непонятной, глубокой безсмыслицѣ, отъ которой всѣ отступились, послѣ тщетныхъ усилий понять; но баба не унималась, все кричала, выла, размахивала руками, не обращая, казалось, никакого вниманія ни на пожаръ, на который занесло ее народомъ съ улицы, ни на весь людъ-людей, около нея бывшій, ни на чужое несчастіе, ни даже на головешки и искры, которыхъ уже начали было пургить весь около стоявшій народъ. Наконецъ, господинъ Прохарчинъ почувствовалъ, что на него начинаетъ нападать ужасъ; ибо видѣлъ ясно, что все это какъ будто не спроста теперь дѣлается и что даромъ ему не пройдетъ. И дѣйствительно, тутъ же, не далеко отъ него, взмостился на дрова какой-то мужикъ, въ разорванномъ, ничѣмъ не подпоясанномъ армякѣ, съ опаленными волосами и бородой, и началъ подымать весь Божій народъ на Семена Ивановича. Толпа густѣла-густѣла, мужикъ кричалъ и, цѣпенѣя отъ ужаса, господинъ Прохарчинъ вдругъ припомнилъ, что мужикъ—тотъ самый извозчикъ, котораго онъ ровно пять лѣтъ тому назадъ надулъ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ, скользнувъ отъ него до расплаты въ сквозные ворота и подбирая подъ себя на бѣгу свои пятки такъ, какъ будто бы бѣжалъ босикомъ по раскаленной плитѣ. Отчаянный господинъ Прохарчинъ хотѣлъ говорить, кричать, но голосъ его замиралъ. Онъ чувствовалъ, какъ вся разъяренная толпа обвиваетъ его подобно пестрому змѣю, давить, душить. Онъ сдѣлалъ невѣроятное усиление и проснулся. Тутъ онъ увидѣлъ, что горитъ, что горитъ весь его уголъ, горятъ его ширмы, вся квартира

горитъ, вмѣстѣ съ Устиньей Федоровной и со всѣми ея постояльцами, что горить его кровать, подушка, одѣяло, сундукъ и, наконецъ, его драгоцѣнныи тюфякъ. Семенъ Ивановичъ вскочилъ, вѣпился въ тюфякъ и побѣжалъ, волоча его за собою. Но въ хозяйкиной комнатѣ, куда было забѣжалъ нашъ герой такъ, какъ былъ, безъ приличія, босой и въ рубашкѣ, его перехватили, скрутили и побѣдно снесли обратно за ширмы, которыя, между прочимъ, совсѣмъ не горѣли, а горѣла скорѣе голова Семена Ивановича,—и уложили въ постель. Подобно тому укладывается въ свой походный ящикъ оборванный, небритый и суровый артистъ-шарманщикъ своего пульчинеля, набуянншаго, переколотившаго всѣхъ, продавшаго душу чорту и, наконецъ, оканчивающаго существованіе свое до новаго представленія въ одномъ сундукѣ вмѣстѣ съ тѣмъ же чортомъ, съ арапами, съ Петрушкой, съ мамзель Катериной и счастливымъ любовникомъ ея, капитаномъ-исправникомъ.

Немедленно всѣ обступили Семена Ивановича, старый и малый, помѣстившись рядкомъ вокругъ его кровати и устремившись на большого полныя ожиданія лица. Между тѣмъ онъ очнулся, но отъ совѣсти-ль, или иного чего, началъ вдругъ изо всѣхъ силъ натягивать на себя одѣяло, желая, вѣроятно, укрыться подъ нимъ отъ вниманія сочувствователей. Наконецъ, Маркъ Ивановичъ первый прервалъ молчаніе и, какъ умный человѣкъ, началъ весьма ласково говорить, что Семену Ивановичу нужно совсѣмъ успокоиться, что болѣть скверно и стыдно, что такъ дѣлаютъ только маленькия, что нужно выздоравливать, а потомъ и служить. Окончилъ Маркъ Ивановичъ шуточной, сказавъ, что больнымъ не означенъ еще вполнѣ окладъ жалованья, и такъ какъ онъ твердо знаетъ, что и чины идутъ весьма небольшиe, то, по его разумѣнію, по крайней мѣрѣ, такое званіе или состояніе не приносить большихъ, существенныхъ выгодъ. Однимъ словомъ, видно было, что всѣ принимали дѣйствительное участіе въ судьбѣ Семена Ивановича и весьма сердобольничали. Но онъ съ непонятною грубостью продолжалъ лежать на кровати, молчать и упорно все болѣе и болѣе натягивать на себя одѣяло. Маркъ Ивановичъ, однако, не призналъ себя побѣженнымъ и, скрѣпивъ сердце, сказалъ опять что-то очень сладенько Семену Ивановичу, зная, что такъ и должно поступать съ больнымъ человѣкомъ; но

Семенъ Ивановичъ не хотѣлъ и почувствовать; напротивъ, промычалъ что-то сквозь зубы съ самыи недовѣрчивыи видомъ и вдругъ началъ совершенно непріязненнымъ образомъ косить исподлобья направо и налево глазами, казалось, желая взгляdomъ своимъ обратить въ прахъ всѣхъ сочувствователей. Тутъ ужъ нечего было остановливаться: Маркъ Ивановичъ не вытерпѣлъ и, видя, что человѣкъ просто далъ себѣ слово упорствовать, оскорбясь и разсердившись совсѣмъ, объявилъ напрямки и уже безъ сладкихъ окличностей, что пора вставать, что лежать на двухъ бокахъ нечего, что кричать днемъ и ночью о пожарахъ, золовкахъ, пьянчужкахъ, замкахъ, сундукахъ и чортъ знаетъ обѣ чемъ еще—глупо, неприлично и оскорбительно для человѣка, ибо если Семенъ Ивановичъ спать не желаетъ, такъ чтобы другимъ не мѣшалъ и чтобы онъ, наконецъ, это все изволилъ намотать себѣ ва усь. Рѣчь произвела свое дѣйствіе, ибо Семенъ Ивановичъ, немедленно обернувшись къ оратору, съ твердостью объявилъ, хотя еще слабымъ и хриплымъ голосомъ, что „ты, мальчишка, молчи! Празднословный ты человѣкъ, сквернословъ ты! Слыши, каблукъ! Князь ты, а? Понимаешь штуку?“ Услышавъ такое, Маркъ Ивановичъ вспылилъ, но, замѣтивъ, что дѣйствуетъ съ болыиимъ человѣкомъ, великолѣдно пересталъ обижаться, а, напротивъ, попробовалъ его пристыдить, но осѣкся и тутъ; ибо Семенъ Ивановичъ сразу замѣтилъ, что шутить съ собой не позволить, да ромъ что Маркъ Ивановичъ стихи сочинилъ. Послѣдовало двухминутное молчаніе; наконецъ, опомнившись отъ своего изумленія, Маркъ Ивановичъ прямо, ясно, весьма краснорѣчivo, хотя не безъ твердости, объявилъ, что Семенъ Ивановичъ долженъ знать, что онъ межъ благородныхъ людей и что, „милостивый государь, должны понимать, какъ поступаютъ съ благороднымъ лицомъ“. Маркъ Ивановичъ умѣлъ при случаѣ краснорѣчivo сказать и любилъ внушить своимъ слушателямъ. Съ своей стороны, Семенъ Ивановичъ говорилъ и поступалъ, вѣроятно, отъ долгой привычки молчать, болѣе въ отрывистомъ родѣ, и кромѣ того, когда, напримѣръ, случалось ему вести долгую фразу, то, по мѣрѣ углубленія въ нее, каждое слово, казалось, рождало еще по другому слову, другое слово, тотчасъ при рождениіи, по третьему, третье по четвертому и т. д., такъ что набивался полонъ ротъ, начиналась перхота, и набивныя слова принимались, наконецъ, вылетать

въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Вотъ почему Семенъ Ивановичъ, будучи умнымъ человѣкомъ, говоритъ иногда страшный вздоръ. „Врешь ты“, отвѣчалъ онъ теперь, „дѣтина, гулявый ты парень! А вотъ какъ надѣнешь суму,—побираться пойдешь, ты-жъ вольнодумецъ, ты-жъ потаскунъ; вотъ оно тебѣ, стихотворецъ!“

— Да вы это все еще бредите, что-ли, Семенъ Ивановичъ?

— А, слышь, отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ,—бредить дуракъ, пьяничка бредить, песъ бредить, а мудрый благоразумному служить. Ты, слышь, дѣла ты не знаешь, потаскливый ты человѣкъ, ученый ты, книга ты писаная! А вотъ возьмешь, сгоришь, такъ не замѣтишь, какъ голова отгоритъ, вотъ слышалъ исторію?!

— Да... то-есть, какъ же... то-есть, какъ же вы это говорите, Семенъ Ивановичъ, что голова отгоритъ?..

Маркъ Ивановичъ и не докончилъ, ибо всѣ увидѣли ясно, что Семенъ Ивановичъ еще не отрезвился и бредитъ; но хозяйка не вытерпѣла и тутъ же замѣтила, что домъ въ Кривомъ переулкѣ ономнясь отъ лысой дѣвки сгорѣлъ; что лысая дѣвка тамъ такая была; она свѣчку зажгла и чуланъ запалила, а у ней не случится, и что въ углахъ будетъ цѣло.

— Да, вѣдь, Семенъ Ивановичъ! закричалъ вѣдь себя Зиновій Прокофьевичъ, перебивая хозяйку,—Семенъ Ивановичъ, такой вы, сякой, прошедшій вы, простой человѣкъ, шутки тутъ, что-ли, съ вами шутять теперь про вашу золовку, или экзамены съ танцами? Такъ оно, что-ли? Этакъ вы думаете?

— Ну, слышь ты теперь, отвѣчалъ нашъ герой, приподымаясь съ постели, собравъ послѣднія силы и въ конецъ озлясь на сочувствователей,—шутъ кто? Ты шутъ, песъ шутъ, шутовскій человѣкъ, а шутки дѣлать по твоему, сударь, приказу не буду; слышь, мальчишка, не твой, сударь, слуга!

Тутъ Семенъ Ивановичъ хотѣлъ еще что-то сказать, но въ безсиліи упалъ на постель. Сочувствователи остались въ недоумѣніи, всѣ разинули рты, ибо смекнули теперь, во что Семенъ Ивановичъ ногойступилъ, и не знали, съ чего начать; вдругъ дверь въ кухнѣ скрипнула, отворилась и пьяничка-пріятель,—иначе, господинъ Зимовейкинъ,—робко просунулъ голову, осторожно обнюхивая, по своему обычаю, мѣстность. Его точно ждали; всѣ разомъ замахали ему, чтобы шель поскорѣе, и Зимовейкинъ, чрез-

вычайно обрадовавшись, не снимая шинели и поспѣшилъ и въ полной готовности протолкалъ къ постели Семена Ивановича.

Видно было, что Зимовейкинъ провелъ всю ночь въ бдѣніи и въ какихъ-то важныхъ трудахъ. Правая сторона его лица была чѣмъ-то заклеена; опухшія вѣки были влажны отъ гноившихся глазъ; фракъ и все платье было изорвано, при чемъ вся лѣвая сторона одѣянія была какъ будто опрыскана чѣмъ-то крайне дурнымъ, можетъ-быть, грязью изъ какой-нибудь лужи. Подъ мышкой у него была чья-то скрипка, которую онъ куда-то несъ продавать. По-видимому, не ошиблись, призвавъ его на помощь, ибо точ-частъ, узнавъ въ чёмъ сила, обратился онъ къ накуралесившему Семену Ивановичу, и съ видомъ такого человѣка, который имѣть превосходство и, сверхъ того, знаетъ штуку, сказалъ: „что ты, Сенька, вставай! Что ты, Сенька, Прохарчинъ-мудрецъ, благоразумію послужи! Не то стащу, если куражиться будешь; не куражься!“ Такая краткая, но сильная рѣчь удивила присутствующихъ; еще болѣе всѣ удивились, когда замѣтили, что Семенъ Ивановичъ, услышавъ все это и увидавъ передъ собою такое лицо, до того оторопѣлъ и пришелъ въ смущеніе и робость, что едва-едва, и только сквозь зубы, шепотомъ, рѣшился пропоротать необходимое возраженіе: — Ты, несчастный, ступай, сказалъ онъ,—ты несчастный, воръ ты! Слыши, понимаешь? Тузъ ты, князь, тузовый ты человѣкъ!

— Нѣтъ, братъ, протяжно отвѣчалъ Зимовейкинъ, со-храняя все присутствіе духа,—не хорошо, ты, братъ-му-дрецъ, Прохарчинъ, прохарчинскій ты человѣкъ! продолжалъ Зимовейкинъ, немного пародируя Семена Ивановича и съ удовольствіемъ озираясь кругомъ.—Ты не куражься! Смирись, Сеня, смирись, не то донесу, все, братецъ ты мой, разскажу, понимаешь?

Кажется, Семенъ Ивановичъ все разобралъ, ибо вздрогнулъ, когда выслушалъ заключеніе рѣчи, и вдругъ началь быстро и съ совершенно-потеряннымъ видомъ озираться кругомъ. Довольный эффектомъ, господинъ Зимовейкинъ хотѣлъ продолжать, но Маркъ Ивановичъ тотчасъ же предупредилъ его рвение и, выждавъ время, пока Семенъ Ивановичъ притихъ, присмирѣлъ и почти совсѣмъ успокоился, началъ долго и благоразумно внушать безпокойному, что „питать подобныя мысли, какъ у него теперь въ головѣ, во-первыхъ, бесполезно, во-вторыхъ, не

только бесполезно, но даже и вредно; наконецъ, не столько вредно, сколько даже совсѣмъ безнравственно; и причина тому та, что Семенъ Ивановичъ всѣхъ въ соблазнъ вводить и дурной примѣръ подаетъ". Отъ такой рѣчи всѣ ожидали благоразумнаго слѣдствія. Къ тому же Семенъ Ивановичъ былъ теперь совсѣмъ тихъ и возражалъ умѣренно. Начался скромный споръ. Адресовались къ нему братски, освѣдомляясь, чего онъ такъ заробѣль? Семенъ Ивановичъ отвѣтилъ, но иносказательно. Ему возразили. Семенъ Ивановичъ возразилъ. Возразили еще по разу съ обѣихъ сторонъ, а потомъ ужъ вмѣшились всѣ, и старый и малый, ибо рѣчь началась вдругъ о такомъ дивномъ и странномъ предметѣ, что рѣшительно не знали, какъ это все выразить. Споръ, наконецъ, дошелъ до нетерпѣнія, нетерпѣніе до криковъ, крики даже до слезъ, и Маркъ Ивановичъ отошелъ, наконецъ, съ пѣной бѣшенства у рта, объявивъ, что не зналъ до сихъ поръ такого гвоздя-человѣка. Оплеваніевъ плюнулъ, Океановъ перепугался, Зиновій Прокофьевичъ прослезился, а Устина Федоровна завыла совсѣмъ, причитая, что уходитъ жилецъ, и рехнулся, что умретъ онъ младъ безъ паспорта, не скажется, а она сирота, и что ее затаскаютъ. Однимъ словомъ, всѣ, наконецъ, увидѣли ясно, что посѣйтъ былъ хороший, что все, чтò ни вздумалось сѣять, сторицю взошло, что почва была благодатная и что Семену Ивановичу удалось отработать въ ихъ компаніи свою голову на славу и на самый безвозвратный манеръ. Всѣ замолчали, ибо если видѣли, что Семенъ Ивановичъ отъ всего заробѣль, то на этотъ разъ заробѣли и сами сочувствователи...

— Какъ! закричалъ Маркъ Ивановичъ, — да чего-жъ вы боитесь-то? Чего-жъ вы рехнулись-то? Кто обѣ васъ думаетъ, сударь вы мой? Имѣете-ли право бояться-то? Кто вы? Чтò вы? Нуль, сударь, блинъ круглый, вотъ чтò! Что вы стучите-то? Бабу на улицѣ придавило, такъ и васъ переѣдетъ? Пьяница какой-нибудь кармана не сберегъ, такъ и вамъ фалды отрѣжутъ? Домъ сгорѣлъ, такъ и у васъ голова отгоритъ, а? Такъ, что-ли, сударь? Такъ-ли батюшка? Такъ-ли?

— Ты, ты, ты глупъ! бормоталъ Семенъ Ивановичъ, — ность отѣдятъ, самъ съ хлѣбомъ сѣшишь, не замѣтишь...

— Каблукъ, пустъ каблукъ! кричалъ Маркъ Ивановичъ, не вслушавшись, — каблуковый я человѣкъ, пожалуй. Да вѣдь мнѣ не экзаменъ держать, не жениться, не танцамъ

учиться; подо мной, сударь, м'есто не сломится. Ч'tо, батюшка? Такъ вамъ и м'еста широкаго н'ять? Поль тамъ подъ вами провалится, что-ли?

— А ч'tо? Тебя, что-ли, спросить? Закроютъ, и н'ять.

— Н'ять. Ч'tо закроютъ?! Ч'tо тамъ еще у васъ, а?

— А вотъ пьяничку ссадили...

— Ссадили; да в'едь то же пьяничка, а вы да я--- человѣкъ!

— Ну, человѣкъ. А она стоитъ, да и н'ять...

— Н'ять! Да кто она-то?

— Да она, канцелярія... кан-це-ля-рія!!!

— Да, блаженный вы человѣкъ! Да в'едь она нужна, канцелярія-то...

— Она нужна, слышь ты; и сегодня нужна, завтра нужна, а вотъ послѣ завтра какъ-нибудь тамъ и ненужна. Вотъ слышалъ исторію...

— Да в'едь вамъ жалованье-жъ дадутъ годовое! Осма, Осма вы такой, невѣрный вы человѣкъ! По старшинству въ иномъ м'естѣ уважать...

— Жалованье? А я вотъ проѣлъ жалованье, воры придутъ, деньги возьмутъ; а у меня золовка, слышь ты? Золовка! Гвоздырь ты...

— Золовка! Человѣкъ вы...

— Человѣкъ; а я человѣкъ, а ты, начитанный, глупъ; слышь, гвоздырь, гвоздыревый ты человѣкъ, вотъ ч'tо! А я не по шуткамъ твоимъ говорю; а оно м'есто такое есть, что возьметъ да и уничтожается м'есто. И Демидъ, слышь ты, Демидъ Васильевичъ говорять, что уничтожается м'есто...

— Ахъ, вы, Демидъ, Демидъ! Грѣховодникъ, да в'едь...

— Да, хлопъ да и баста, и будешь безъ м'еста; поди ты съ нимъ, вотъ...

— Да, вы, наконецъ, просто врете, или рехнулись совсѣмъ! Вы намъ просто скажите; ужъ ч'tо? Признайтесь, коль грѣхъ такой есть! Стыдиться-то нечего! Рехнулся, батюшка, а?

— Рехнулся! Съ ума сошелъ! раздалось кругомъ, и всѣ ломали руки съ отчаянія, а Марка Ивановича уже обхватила въ обѣ руки хозяйка, за тѣмъ, чтобъ онъ не растерзаль какъ-нибудь Семена Ивановича. — Язычникъ ты, языческая ты душа, мудрецъ ты! умолялъ Зимовейкинъ.—Сеня, необидчивый ты человѣкъ, миловидный, любезный! Ты простъ, ты добродѣтельный... слышалъ? Это

отъ добродѣтели твоей происходить; а буйный и глупый то я, побиушка-то я; а вотъ же добрый человѣкъ меня не оставилъ, небойсь; честь, вишь, дѣлаютъ; вотъ имъ и хозяикѣ спасибо; видишь ты, вотъ и поклонъ земной правлю, вотъ оно, вотъ; долгъ, долгъ исправляю, хозяюшка! — Тутъ дѣйствительно Зимовейкинъ, и даже съ какимъ-то педантскимъ достоинствомъ, исполнилъ кругомъ свой поклонъ до земли. Послѣ того, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ было опять продолжать говорить; но въ этотъ разъ ему уже не дали: всѣ вступились, стали его умолять, завѣрять, утѣшать и достигли того, что Семенъ Ивановичъ даже устыдился совсѣмъ и, наконецъ, слабымъ голосомъ попросилъ объясниться.

— Да вотъ; оно хорошо, сказалъ онъ,—миловидный я, смиренный, слышь, и добродѣтеленъ, преданъ и вѣренъ; кровь, знаешь, каплю послѣднюю, слышь ты, мальчишка, тузъ... пусть оно стоитъ, мѣсто-то; да я вѣдь бѣдный; а вотъ какъ возьмутъ его, слышь ты, тузовый,—молчи теперь, понимай,—возьмутъ да и того... оно, братъ, стоитъ, а потомъ и не стоитъ... понимаешь? А я, братъ, и съ сумочкой, слышь ты?

— Сенька! завопилъ въ изступленіи Зимовейкинъ, покрывая въ этотъ разъ голосомъ весь поднявшійся шумъ,—вольнодумецъ ты! Сейчасъ донесу! Чѣдъ ты? Кто ты? Буянъ, что-ли, бараній ты лобъ? Буйному, глупому, слышь ты, безъ абышида съ мѣста укажутъ; ты кто?!

— Да вотъ оно и того...

— Что того?!

— Да вотъ поди ты съ нимъ!..

— Что поди ты съ нимъ?

— Да вотъ онъ вольный, я вольный; а какъ лежишь лежишь, и того...

— Чего?

— Ахъ и вольнодумецъ...

— Воль-но-ду-мецъ! Сенька, ты вольнодумецъ!!

— Стой! закричалъ господинъ Прохарчинъ, махнувъ рукою и прерывая начавшійся крикъ, — я не того... Ты пойми, ты пойми только, баранъ ты: я смиренный, сегодня смиренный, завтра смиренный, а потомъ, и не смиренный, сгрубиль; пряжку тебѣ, и пошелъ вольнодумецъ!..

— Да что-жъ вы! прогремѣлъ, наконецъ, Маркъ Ивановичъ, вскочивъ со стула, на которомъ было сѣль отдохнуть, и подбѣжалъ къ кровати весь въ волненіи, въ

изступленіи, весь дрожа отъ досады и бѣшенства,—что-жъ вы? Баранъ вы! Ни кола, ни двора. Что вы, одинъ, что-ли, на свѣтѣ? Для васъ свѣтъ, что-ли, сдѣланъ? Наполеонъ вы, что-ли, какой? Что вы? Кто вы? Наполеонъ вы, а? Наполеонъ или нѣть?! Говорите же, сударь, Наполеонъ или нѣть?..

Но господинъ Прохарчинъ уже и не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Не то чтобы устыдился, что онъ Наполеонъ, или струсилъ взять на себя такую отвѣтственность,—нѣть, онъ ужъ и не могъ болѣе ни спорить, ни дѣла говорить... Послѣдоваль болѣзненный кризисъ. Дробныя слезы хлынули вдругъ изъ его блистающихъ лихорадочнымъ огнемъ сѣрыхъ глазъ. Костлявыми, исхудалыми отъ болѣзни руками закрылъ онъ свою горячую голову, приподнялся на кровати и, всхлипывая, сталъ говорить, что онъ совсѣмъ бѣдный, что онъ такой несчастный, простой человѣкъ, что онъ глупый и темный, чтобы простили ему добрые люди, сберегли, защитили, накормили-бѣ, напоили его, въ бѣдѣ не оставили, и Богъ знаетъ, что еще причиталъ Семенъ Ивановичъ. Причитая же, онъ съ дикимъ страхомъ глядѣлъ кругомъ, какъ будто ожидалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ потолокъ упадетъ или полъ провалится. Всѣмъ стало жалко, глядя на бѣднаго, и у всѣхъ умягчились сердца. Хозяйка, рыдая какъ баба и причитая про свое сиротство, сама уложила больного въ постель. Маркъ Ивановичъ, видя безполезность трогать Наполеонову память, тоже немедленно впалъ въ добродушіе и началъ тоже оказывать помощь. Другіе, чтобы что-нибудь въ свою очередь сдѣлать, предложили малинныій настой, говоря, что онъ немедленно и отъ всего помогаетъ и что будетъ очень пріятенъ больному; но Зимовейкинъ тотчасъ же всѣхъ опровергнулъ, включивъ, что въ такомъ дѣлѣ нѣть лучше добра го приема какои-нибудь ромашки забористой. Что же касается до Зиновья Прокофьевича, то, имѣя доброе сердце, онъ рыдалъ и заливался слезами, раскаиваясь, что пугалъ Семена Ивановича разными небылицами, и, вникнувъ въ послѣднія слова больного, что онъ совсѣмъ бѣдный и чтобы его покормили, пустился созидать подпиську, ограничиваясь ею покамѣсть въ углахъ. Всѣ охали и ахали, всѣмъ было и жалко, и горько, и всѣ межъ тѣмъ дивились, что вотъ какъ же это такимъ образомъ могъ совсѣмъ заробѣть человѣкъ? И изъ чего-жъ заробѣлъ? Добро бы былъ при мѣстѣ большомъ, женой обладалъ,

дѣтей поразвѣль; добро-бѣ его тамъ подъ судъ какой ни есть притянули; а то вѣдь и человѣкъ совсѣмъ дрянь, съ однимъ сундукомъ и съ нѣмецкимъ замкомъ, лежалъ слишкомъ двадцать лѣтъ за ширмами, молчалъ, свѣту и горя не зналъ, скопидомничалъ, и вдругъ вздумалось теперь человѣку, съ пошлаго, празднаго слова какого-нибудь, совсѣмъ перевернуть себѣ голову, совсѣмъ заботясь о томъ, что на свѣтѣ вдругъ стало жить тяжело... А и не разсудилъ человѣкъ, что и всѣмъ тяжело! „Прими онъ вотъ только это въ расчетъ“, говорилъ потомъ Океановъ, „что вотъ всѣмъ тяжело, такъ сберегъ бы человѣкъ свою голову, пересталь бы куролесить и потянуль бы свое кое-какъ, куда слѣдуетъ“. Цѣлый день только и толку было, что о Семенѣ Ивановичѣ. Приходили къ нему, спрашивались о немъ, утѣшали его; но къ вечеру ему стало не до утѣшеній. Открылся у бѣднаго бредъ, жаръ; впалъ онъ въ безпамятство, такъ что чуть было ужъ не хотѣли пуститься за докторомъ; жильцы всѣ согласились и дали себѣ взаимное слово охранять и успокоивать Семена Ивановича поочередно всю ночь, и что случится, то всѣхъ будить разомъ. Съ этою цѣлью, чтобы не заснуть, засѣли въ картишки, приставивъ къ больному пьянчужку-пріятеля, который квартировалъ весь день въ углахъ, у постели больного, и попросился заночевать. Такъ какъ игра велась на мѣлокъ и не представляла совсѣмъ интереса, то скоро соскучились. Игру бросили, потомъ о чёмъ-то заспорили, потомъ начали шумѣть и стучать, наконецъ, разошлись по угламъ, долго еще въ-сердцахъ перекликались и переговаривались, и такъ какъ вдругъ всѣ стали сердиты, то ужъ не захотѣли дежурить, и заснули. Скоро въ углахъ стало тихо, какъ въ пустомъ погребѣ, тѣмъ болѣе, что былъ холодъ ужаснѣйший. Изъ послѣднихъ заснувшихъ былъ Океановъ, „и не то, — какъ говорилъ онъ потомъ,— во снѣ, не то было оно на-яву, но привидѣлось мнѣ, что близъ меня, этакъ передъ самymъ утреннимъ часомъ, разговаривали два человѣка“. Океановъ рассказывалъ, что онъ узналъ Зимовейкина, и что Зимовейкинъ сталъ возлѣ него будить стараго друга Ремнева, что они долго шопотомъ говорили; потомъ Зимовейкинъ вышелъ, и слышно было, какъ онъ пытался отпереть въ кухнѣ дверь ключомъ. Ключъ же, — увѣряла потомъ хозяйка,— лежалъ у нея подъ подушками и пропалъ въ эту ночь. Наконецъ,— показывалъ Океановъ,— слышалось ему,

какъ будто оба они пошли къ больному за ширмы и засвѣтили тамъ свѣчку. Болѣе, говорить, ничего не знаю, глаза завело; а проснулся потомъ вмѣстѣ со всѣми, когда всѣ, кто ни были въ углахъ, разомъ повскочили съ постелей, затѣмъ что за ширмами раздался такой крикъ, что встрепенулся бы мертвый, — и тутъ многимъ показалось, что вдругъ тамъ же свѣчка потухла. Поднялась суматоха; у всѣхъ сердце упало; бросились какъ ни попало на крикъ, но въ это время за ширмами поднялась возня, крикъ, брань и драка. Вздули огонь и увидѣли, что дерутся другъ съ другомъ Зимовейкинъ и Ремневъ, что оба другъ друга корятъ и ругаютъ; а какъ освѣтили ихъ, то одинъ закричалъ: „не я, а разбойникъ!“, а другой, именно Зимовейкинъ, закричалъ: „не трошь, неповиненъ; сейчасъ присягну!“ на обоихъ образа не было человѣческаго; но въ первую минуту не до нихъ было дѣло: больного не оказалось на прежнемъ мѣстѣ за ширмами. Тотчасъ же разлучили бойцовъ, оттащили ихъ, и увидѣли, что господинъ Прохарчинъ лежитъ подъ кроватью, должно быть въ совершенномъ безпамятствѣ, ставивъ на себя и одѣяло и подушку, такъ что на кровати оставался одинъ только голый, ветхій и масляный тюФякъ (простыни же на немъ никогда не бывало). Вытащили Семена Ивановича, протянули его на тюФякъ, но сразу замѣтили, что много хлопотать было нечего, что капутъ совершенный; руки его костенѣютъ, а самъ еле держится. Стали надѣять: онъ все еще помаленьку дрожаль и трепеталь всѣмъ тѣломъ, что-то силился сдѣлать руками, языкъ не шевелилъ, но моргалъ глазами совершенно подобнымъ образомъ, какъ, говорятъ, моргаеть вся еще теплая, залитая кровью и живущая голова, только что отскочившая отъ палачова топора.

Наконецъ, все стало тише и тише; замерли и предсмертный трепетъ, и судороги; господинъ Прохарчинъ протянулъ ноги и отправился по своимъ добрымъ дѣламъ и грѣхамъ. Испугался-ли Семенъ Ивановичъ чего, сонъ-ли ему приснился такой, какъ потомъ Ремневъ увѣрялъ, или былъ другой какой грѣхъ — неизвѣстно; дѣло только въ томъ, что хотя бы теперь самъ экзекуторъ явился въ квартирѣ и лично за вольнодумство, буйство и пьянство объявилъ бы абшидъ Семену Ивановичу, если-бъ даже теперь въ другую дверь вошла какая ни есть попрошайка-салопница, подъ титуломъ золовки Семена Ивановича,

если-бы даже Семенъ Ивановичъ тотчасъ получилъ 200 рублей награждения, или домъ, наконецъ, загорѣлся и начала горѣть голова на Семенѣ Ивановичѣ, онъ, можетъ-быть, и пальцемъ не удостоилъ бы пошевелить теперь при подобныхъ извѣстіяхъ. Покамѣстъ сошелъ первый столбникъ, покамѣстъ присутствующіе обрѣли даръ слова и бросились въ суматоху, предположенія, сомнінія и крики, — покамѣстъ Устина Федоровна тащила изъ подъ кровати сундукъ, обшаривала впопыхахъ подъ подушкой, подъ тюфякомъ и даже въ сапогахъ Семена Ивановича, — покамѣстъ принимали въ допросъ Ремнева съ Зимовейкинымъ, — жилецъ Океановъ, бывшій доселѣ самый недальній, смиренійшій и тихій жилецъ, вдругъ обрѣлъ все присутствіе духа, попалъ на свой даръ и талантъ, схватилъ шапку и подъ шумокъ ускользнуль изъ квартиры. И когда всѣ ужасы беззначалія достигли своего послѣдняго періода въ взмолнованныхъ и доселѣ смиренныхъ углахъ, дверь отворилась, и внезапно, какъ снѣгъ на голову, появились сперва одинъ господинъ благородной наружности съ строгимъ, но недовольнымъ лицомъ, за нимъ Ярославъ Ильичъ, за Ярославомъ Ильичемъ его причеть и всѣ, кто слѣдуетъ, и сзади всѣхъ — смущенный господинъ Океановъ. Господинъ строгой, но благородной наружности подошелъ прямо къ Семену Ивановичу, пощупалъ его, сдѣлалъ гримасу, вскинулъ плечами и объявилъ весьма извѣстное, именно, что покойникъ уже умеръ, прибавивъ только отъ себя, что то же со сна случилось на дніахъ съ однимъ весьма почтеннымъ и большимъ господиномъ, который тоже взялъ да и умеръ. Тутъ господинъ съ благородной, но недовольной осанкой отошелъ отъ кровати, сказалъ, что напрасно его беспокоили, и вышелъ. Тотчасъ же замѣтилъ его Ярославъ Ильичъ (при чёмъ Ремнева и Зимовейкина сдали кому слѣдуетъ на руки), разспросилъ кой-кого, ловко овладѣлъ сундукомъ, который хозяйка уже пыталась вскрывать, поставилъ сапоги на прежнее мѣсто, замѣтивъ, что они всѣ въ дыряхъ и совсѣмъ не годятся, потребовалъ назадъ подушку, подозвалъ Океанова, спросилъ ключъ отъ сундука, который нашелся въ карманѣ пьянчужки - пріятеля, и торжественно, при комъ слѣдуетъ, вскрылъ добро Семена Ивановича. Все было на-лицо: — двѣ тряпки, одна пара носковъ, полуплатокъ, старая шляпа, нѣсколько пуговицъ, старая подошвы и сапожная голенища, однимъ словомъ, шильдо,

мыльцо, бѣлое бѣлильцо, то есть дрянь, ветошь, соръ, мелюзга, отъ которой пахло залавкомъ; хорошъ былъ одинъ только нѣмецкій замокъ. Позвали Океанова, сурово переговорили съ нимъ; но Океановъ былъ готовъ подъ присягу идти. Потребовали подушку, осмотрѣли ее: она была только грязна, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ совершенно походила на подушку. Принялись за тюфякъ, хотѣли было его приподнять, остановились было немножко подумать, но вдругъ, совсѣмъ неожиданно, что-то тяжелое, звонкое хлопнулось объ полъ. Нагнулись, обшарили и увидѣли свертокъ бумажный, а въ сверткѣ съ десятокъ цѣлковиковъ. „Эге-ге-ге!“ сказалъ Ярославъ Ильичъ, показывая въ тюфякѣ одно худое мѣсто, изъ котораго торчали волосы и хлопья. Осмотрѣли худое мѣсто иувѣрились, что оно сейчасъ только сдѣлано ножомъ, а было въ польаршина длиною; засунули руку въ изъянъ, и вытащили, вѣроятно, впопыхахъ брошенный тамъ хозяйствскій кухонный ножъ, которымъ взрѣзантъ былъ тюфякъ. Не успѣлъ Ярославъ Ильичъ вытащить ножъ изъ изъяннаго мѣста и опять сказать „эге-ге!“ какъ тотчасъ же выпалъ другой свертокъ, а за нимъ поодиночкѣ выкатились два полтинника, одинъ четвертакъ, потомъ какая-то мелочь и одинъ старинный, здоровенный пятакъ. Все это тотчасъ же переловили руками. Тутъ увидѣли, что не дурно было вспороть совсѣмъ тюфякъ ножницами. Потребовали ножницы...

Межу тѣмъ, нагорѣвшій сальный огарокъ освѣщалъ чрезвычайно любопытную для наблюдателя сцену. Около десятка жильцовъ группировалось у кровати въ самыхъ живописныхъ костюмахъ, всѣ неприглаженные, небритые, немытые, заспанные, такъ, какъ были отходя на грядущій сонъ. Иные были совершенно блѣдны, у другихъ на лбу потъ показывался, иныхъ дрожь пронимала, другихъ жарь. Хозяйка, совсѣмъ оглушенная, тихо стояла, сложивъ руки и ожидая милостей Ярослава Ильича. Сверху, съ печки, съ испуганнымъ любопытствомъ глядѣли головы Авдотьи-работницы и хозяйкиной кошки-фаворитки; кругомъ были разбросаны изорванныя и разбитыя ширмы; раскрытый сундукъ показывалъ свою неблагородную внутренность; валялись одѣяло и подушка, покрытыя хлопьями изъ тюфяка, и, наконецъ, на деревянномъ трехногомъ столѣ заблистала постепенно возраставшая куча серебра и всякихъ монетъ. Одинъ только Семенъ Ивановичъ со-

хранилъ вполнѣ свое хладнокровіе, смиро лежалъ на кровати и, казалось, совсѣмъ не предчувствовалъ своего разоренія. Когда же принесены были ножницы, и помощникъ Ярослава Ильича, желая подслужиться, немнога нетерпѣливо тряхнулъ тюфякъ, чтобъ удобнѣе выsvодить его изъ-подъ спины обладателя, то Семенъ Ивановичъ, зная уchtивость, сначала уступилъ немножко мѣста, скатившись на бочокъ, спиною къ искателямъ; потомъ, при второмъ толчкѣ, помѣстился ничкомъ, наконецъ, еще уступилъ, и такъ какъ недоставало послѣдней боковой доски въ кровати, то вдругъ совсѣмъ неожиданно бултыхнулся внизъ головою, оставивъ на видъ только двѣ костлявныя, худыя, синія ноги, торчавшія кверху, какъ два сучка обгорѣвшаго дерева. Такъ какъ господинъ Прохарчинъ уже второй разъ въ это утро навѣдался подъ свою кровать, то немедленно возбудилъ подозрѣніе, и кое-кто изъ жильцовъ, подъ предводительствомъ Зиновія Прокофьевича, полѣзли туда же съ намѣреніемъ посмотрѣть, не скрыто ли и тамъ кой-чего. Но искатели только напрасно перестукались лбами, и такъ какъ Ярославъ Ильичъ тутъ же прикрикнулъ на нихъ и велѣлъ немедленно освободить Семена Ивановича изъ сквернаго мѣста, то двое изъ благоразумнѣйшихъ взяли каждый въ обѣ руки по ногѣ, вытащили неожиданного капиталиста на свѣтъ Божій и положили его поперекъ кровати. Между тѣмъ, волосья и хлопья летѣли кругомъ, серебряная куча росла — и Боже! чего-чего не было тутъ... Благородные цѣлковики, солидные, крѣпкие полутора rubleviki, хорошенъкая монета полтинникъ, плебей-четвертаки, двугривеннички, даже малообщашающая, старушечья мелюзга гривенники и пятаки серебромъ, — все въ особыхъ бумажкахъ, въ самомъ мето-дическомъ и солидномъ порядкѣ. Были и рѣдкости: два какіе-то жетона, одинъ наполеондоръ, одна неизвѣстно какая, но только очень рѣдкая монетка... Нѣкоторые изъ рублевиковъ относились тоже къ глубокой древности; истертые и изрубленные елизаветинскіе, нѣмецкіе крестовики, петровскія монеты, екатерининскія; были, напримѣръ, теперь весьма рѣдкія монетки, старые пятіалтыннички, проколотые для ношения въ ушахъ, всѣ совер-шенно истертые, но съ законнымъ количествомъ точекъ; даже мѣдь была, но вся уже зеленая, ржавая... Нашли одну красную бумажку — но болѣе не было. Наконецъ, когда кончилась вся анатомія и, неоднократно встряхнувъ

тюфячій чехолѣ, нашли, что ничего не гремитъ, сложили всѣ деньги на столъ и принялись считать. Съ первого взгляда можно было даже совсѣмъ обмануться и смекнуть прямо на миллионъ,—такая была огромная куча! Но миллиона не было, хотя и вышла, впрочемъ, сумма чрезвычайно значительная, — ровно 2497 рублей съ полтиною, такъ что если-бъ осуществилась вчера подписька у Зиновія Прокофьевича, то, можетъ-быть, было бы всего ровно двѣ тысячи пятьсотъ рублей ассигнаціями. Денежки забрали, къ сундуку покойнаго приложили печать, хозяини жалобы выслушали и указали ей, когда и куда слѣдуетъ представить свидѣтельство насчетъ должишка покойнаго. Съ кого слѣдовало взять подпиську; заикнулись было тутъ о золовкѣ; но, увѣрившись, что золовка была въ нѣкоторомъ смыслѣ миѳъ, то-есть произведеніе недостаточности воображенія Семена Ивановича, въ чемъ, по справкамъ, не разъ упрекали покойнаго, — то тутъ же идею оставили какъ бесполезную, вредную и въ ущербъ доброго имени его, господина Прохарчина, относящуюся; тѣмъ дѣло и кончилось. Когда же первый страхъ поопалъ, когда схватились за умъ и узнали, что былъ такое покойникъ, то присмирились, притихнули всѣ и стали какъ-то съ недовѣрчивостью другъ на друга поглядывать. Нѣкоторые приняли чрезвычайно близко къ сердцу поступокъ Семена Ивановича и даже какъ будто обидѣлись... Такой капиталъ! Этакъ натаскаль человѣкъ! Маркъ Ивановичъ, не теряя присутствія духа, пустился было объясняться, почему такъ вдругъ заробѣлось Семену Ивановичу; но его ужъ не слушали. Зиновій Прокофьевичъ что-то былъ очень задумчивъ, Океановъ подпилъ немножко, остальные какъ-то прижались, а маленький человѣчекъ Кантаревъ, отличавшійся воробыніемъ носомъ, къ вечеру сѣхалъ съ квартиры, весьма тщательно заклеивъ и завязавъ всѣ свои сундучки, узелки, и холодно объясняла любопытствующимъ, что время тяжелое, а что приходится здѣсь не по карману платить. Хозяйка же безъ умолку выла, и причитая, и кляча Семена Ивановича за то, что онъ обидѣлъ ея сиротство. Освѣдомились у Марка Ивановича, зачѣмъ же это покойникъ свои деньги въ ломбардъ не носилъ? — „Простъ, матушка, былъ; воображенія на то не хватило“, отвѣчалъ Маркъ Ивановичъ.

— Ну, да и вы просты, матушка, включиль Океановъ, — двадцать лѣтъ крѣпился у васъ человѣкъ, съ одного

щелчка покачнулся, а у васъ щи варились, некогда было!.. Э-эхъ, матушка!..

— Охъ, ужъ ты мнѣ младъ-младъ! продолжала хозяйка, — да что ломбардъ! Принеси-ка онъ мнѣ свою горсточку, да скажи мнѣ: возьми младъ Устиньюшку, вотъ тебѣ благостиныя, а держи ты младого меня на своихъ харчахъ, поколѣ мать-сыра-земля меня носить, то вотъ тебѣ образъ, кормила-бъ его, поила-бъ его, ходила-бъ за нимъ. Ахъ, грѣховодникъ, обманщикъ такой! Обманулъ, надулъ сироту!..

Приблизились снова къ постели Семена Ивановича. Теперь онъ лежалъ какъ слѣдуетъ, въ лучшемъ, хотя, впрочемъ, и единственномъ своемъ одѣяніи, запрятавъ окostenѣлый подбородокъ за галстукъ, который навязанъ былъ немножко неловко, обмытый, приглаженный и не совсѣмъ лишь выбритый, за тѣмъ, что бритвы въ углахъ не нашлось: единственная, принадлежавшая Зиновію Прокофьевичу, иззубрилась еще прошлаго года и выгодно была продана на Толкучемъ, другіе-жъ ходили въ цырюльню. Безпорядокъ все еще не успѣли прибрать. Разбитыя ширмы лежали попрежнему и, обнажая уединеніе Семена Ивановича, словно были эмблемы того, что смерть срываетъ завѣсу со всѣхъ нашихъ тайнъ, интригъ, проволочекъ. Начинка изъ тюфяка, тоже не приранная, густыми кучами лежала кругомъ. Весь этотъ внезапно остывшій уголъ можно было бы весьма удобно сравнить поэту съ разореннымъ гнѣздомъ „домовитой“ ласточки: все разбито и истерзано бурею, убиты итепчики съ матерью и развѣяна кругомъ ихъ теплая постелька изъ пуха, перышекъ, хлопокъ... Впрочемъ, Семенъ Ивановичъ смотрѣлъ скорѣе какъ старый самолюбецъ и воръ-воробей. Онъ теперь притихнулъ, казалось, совсѣмъ притаился, какъ будто и не онъ виноватъ, какъ будто не онъ пускался на штуки, чтобы надуть и провести всѣхъ добрыхъ людей, безъ стыда и безъ совѣсти, неприличнѣйшимъ образомъ. Онъ теперь ужъ не слышалъ рыданій и плача осиротѣвшей и разобиженнай хозяйки своей. Напротивъ, какъ опытный, терпкий капиталистъ, который и въ гробу не желалъ бы потерять минуты въ бездѣйствіи, казалось, весь былъ преданъ какимъ-то спекулятивнымъ расчетамъ. Въ лицѣ его появилась какая-то глубокая дума, а губы были стиснуты съ такимъ значительнымъ видомъ, котораго никакъ нельзя было бы подозрѣвать при жизни при-

надлежностью Семена Ивановича. Онъ какъ будто бы поумнѣлъ. Правый глазокъ его былъ какъ-то плутовски прищуренъ; казалось, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ что-то сказать, что-то сообщить весьма нужное и объясниться, да и не теряя времени, а поскорѣе, за тѣмъ, что дѣла навязались, а некогда было... И какъ будто бы слышалось: „Что, дескать, ты? Перестань, слыши ты, баба ты глупая! Не хнычи! Ты, мать, проспись, слыши ты! Я, дескать, умеръ; теперь ужъ не нужно; что заправду! Хорошо лежать-то... Я, то-есть, слыши, и не про то говорю; ты баба тузъ, тузовая ты, понимай; оно вотъ умеръ теперь; а ну, какъ этакъ того, то-есть оно, пожалуй, и не можетъ такъ быть, а ну, какъ этакъ того и не умеръ — слыши ты, встану, такъ что-то будетъ, а?“

РОМАНЪ

ВЪ ДЕВЯТИ ПИСЬМАХЪ *).

I.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу).

Милостивый Государь и драгоцѣннейшій другъ,
Иванъ Петровичъ!

Вотъ уже третій день, какъ я, можно сказать, гоняюсь за вами, драгоцѣннейшій другъ мой, имъя переговорить о наинужнѣйшемъ дѣлѣ, и нигдѣ не встрѣчаю васъ. Жена моя вчера, въ бытность нашу у Семена Алексѣича, весьма кстати подшутила надъ вами, говоря, что васъ съ Татьяной Петровной вышла парочка непосѣдовъ. Трехъ мѣсяцевъ нѣть, какъ женаты, а уже неглижируете домашними своими пенатами. Мы всѣ много смѣялись,—отъ полноты искренняго расположенія нашего къ вамъ, разумѣется,—но, кроме шутокъ, безцѣннейшій мой, задали вы мнѣ хлопотъ. Говорить мнѣ Семенъ Алексѣичъ, что не въ клубѣ-ли вы Соединеннаго Общества на балѣ? Оставляю жену у супруги Семена Алексѣича, самъ же лечу въ Соединенное Общество. Смѣхъ и горе! Представьте мое положеніе: я на балѣ—и одинъ, безъ жены! Иванъ Андреичъ, встрѣтившійся со мною въ швейцарской, увидѣвъ меня одного, немедленно заключилъ (злодѣй!) о необыкновенной страсти моей къ танцовальнымъ собраніямъ и, подхвативъ меня подъ руку, хотѣлъ было

* Въ первый разъ напечатанъ въ „Современникѣ“ 1847 г., томъ 1-й.

уже насильно тащить въ танцклассъ, говоря, что въ Соединенномъ Обществѣ тѣсно ему, развернуться негдѣ моло-децкой душѣ, и что отъ пачули съ резедою у него голова разболѣлась. Не нахожу ни васъ, ни Татьяны Петровны. Иванъ Андреичъ увѣряетъ и божится, что вы непремѣнно на „Горе отъ ума“ въ Александринскомъ театрѣ.

Лечу въ Александринскій театръ: нѣтъ и тамъ. Сего дня утромъ думалъ васъ найти у Чистоганова, — не тутъ-то было. Чистогановъ шлетъ къ Нерепалкинымъ — то же самое. Однимъ словомъ, измучился совершенно; судите, какъ я хлопоталъ! Теперь пишу къ вамъ (нечего дѣлать!). Дѣло-то мое отнюдь не литературное (вы меня понимаете); лучше бы съ глазу на глазъ, крайне нужно объясниться съ вами и какъ можно скорѣе, и потому прошу ко мнѣ сегодня на чай и на вечернюю бесѣду вмѣстѣ съ Татьяной Петровной. Моя Анна Михайловна будетъ крайне обрадована посѣщеніемъ вашимъ. Истинно, какъ говорится, по гробъ одолжите. Кстати, безцѣннѣй-шій другъ мой, — коли дѣло дошло до пера, то все въ строку, — нахожусь вынужденнымъ теперь уже попенять вамъ отчасти и даже укорить васъ, почтеннѣйшій другъ мой, въ одной, повидимому, весьма невинной, продѣлочкѣ, которою вы зло надо мной подшутили... Злодѣй вы, безсовѣтный человѣкъ! Около половины прошедшаго мѣсяца вводите вы въ домъ мой одного знакомаго вашего, именно Евгения Николаича, ассюрируете его дружеской и для меня, разумѣется, священнѣйшей рекомендацией вашей; я радуюсь слушаю, принимаю молодого человѣка съ распространными объятіями и вмѣстѣ съ тѣмъ кладу голову въ петлю. Петля не петля, а вышла, что называется, штука хорошая. Объяснять теперь некогда, да на перѣ и не-ловко, а только никакая просьба до васъ, злорадствен-ный другъ и пріятель, нельзѧ-ли какимъ-нибудь образомъ, поделикатнѣе, въ скобкахъ, на ушко, втихомолочку, пошептать нашему молодому человѣку, что есть въ столицѣ много домовъ кромѣ нашего. Мочи нѣть, батюшка! Шадамъ до ногъ, какъ говорить пріятель нашъ Симоне-вичъ. Свидимся, я вамъ все разскажу. Не въ томъ смыслѣ говорю, что молодой человѣкъ не взялъ, напримѣръ, на фасонѣ или душевными качествами, или въ чемъ-нибудь тамъ другомъ оплошањъ. На противъ, онъ даже малый любезный и милый; но вотъ погодите, увидимся; а между тѣмъ, если встрѣтите его, то шепните ему, ради Бога,

почтеннѣйший. Я бы и самъ это сдѣлалъ, но вы знаете, характеръ такой: не могу да и только. Вы же рекомендовали его. Впрочемъ, вечеромъ, во всякомъ случаѣ, подробнѣе объяснимся. А теперь до свиданія. Остаюсь, и пр.

P. S. Маленький у меня уже съ недѣлю прихварываетъ, и съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Страдаетъ зубенками; вырѣзываются. Жена все нянчится съ нимъ и груститъ, бѣдняжка. Пріѣзжайте. Истинно обрадуете насть, драгоцѣнѣйший другъ мой.

II.

(Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу).

Милостивый Государь, Петръ Иванычъ!

Получаю вчера письмо ваше, читаю и недоумѣваю. Ищете меня Богъ знаетъ въ какихъ мѣстахъ, а я просто былъ дома. До десяти часовъ ожидалъ Ивана Иваныча Толоконова. Тотчасъ же беру жену, нанимаю извозчика, трачусь и являюсь къ вамъ, временемъ около половины седьмого. Васъ дома нѣть, а встрѣчаетъ насть ваша супруга. Жду васъ до половины одиннадцатаго; долѣе невозможно. Беру жену, трачусь, нанимаю извозчика, за-вожу ее домой, а самъ отправляюсь къ Перепалкинымъ, думая, не встрѣчу-ли тамъ, но опять ошибаюсь въ рас-четахъ. Пріѣзжаю домой, не сплю всю ночь, беспокоюсь, утромъ забѣзжаю къ вамъ три раза, въ 9, въ 10 и въ 11 часовъ, три раза трачусь, нанимаю извозчиковъ, и опять вы меня оставляете съ носомъ.

Читая же ваше письмо, удивлялся. Пишете о Евгениѣ Николаичѣ, просите шепнуть и не упоминаете, почему. Хвалю осторожность, но бумага бумагъ рознь, а я нуж-ныхъ бумагъ на папильотки женѣ не даю. Недоумѣваю, наконецъ, въ какомъ смыслѣ изволили мнѣ это все напи-сать. Впрочемъ, если на то пошло, то чего же меня-то мѣшать въ это дѣло? Я носа своего не сую во всякую всячину. Отказать могли сами; вижу только, что объ-ясниться нужно мнѣ съ вами короче, рѣшительнѣе, да къ тому же и время проходить. А я стѣснѣнъ, и не знаю, что дѣлать придется, коли неглижировать условіями будете. Дорога на носу, дорога чего-нибудь стоить, да тутъ еще жена хнычетъ: сшей ей бархатный капотъ по мод-

ному вкусу. Насчетъ же Евгения Николаича спѣшу вамъ замѣтить: навелъ я вчера, не теряя времени, окончательно справки, въ бытность мою у Павла Семеныча Переопалкина. У него своихъ 500 душъ въ Ярославской губерніи, да отъ бабушки есть надежда получить въ 300 душъ подмосковную. Денегъ же сколько, не знаю, а я думаю, что вамъ это лучше знать. Окончательно прошу васъ назначить мнѣ мѣсто свиданія. Встрѣтили вчера Ивана Андреича и пишете, что объявилъ онъ вамъ, что я въ Александринскомъ театрѣ съ женою. Я же пишу, что онъ вретъ, и тѣмъ болѣе ему вѣры нельзя имѣть въ подобныхъ дѣлахъ, что онъ, не далѣе какъ третьяго дня, провелъ свою бабушку на восьми стахъ рубляхъ ассигнаціями. Затѣмъ имѣю честь пребыть.

P. S. Жена моя забеременѣла; къ тому же она пуглива и чувствуетъ подчасъ меланхолію. Въ театральныя же представления иногда вводятъ пальбу и искусственно машинами сдѣланый громъ. И потому, боясь испугать жену, въ театры ее не возжу. Самъ же до театральныхъ представлений охоты большой не имѣю.

III.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу).

Безцѣннѣйший другъ мой, Иванъ Петровичъ!

Виновать, виновать и тысячу разъ виновать, но спѣшу оправдаться. Вчера въ шестомъ часу, и какъ разъ въ то самое время, какъ мы съ истиннымъ участіемъ сердца о вѣсоминали, прискакалъ нарочный отъ дядюшки Степана Алексѣича съ извѣстіемъ, что съ тетушкой худо. Боясь перепугать жену, не говоря ей ни слова, претекстую постороннее нужное дѣло, и ѿду въ домъ тетушки. Нахожу ее едва живу. Ровно въ пять часовъ послѣдовалъ съ нею ударъ, уже третій въ два года. Карль Федорычъ, медикъ ихъ дома, объявилъ, что, можетъ-быть, она не проживетъ и ночи одной. Судите о моемъ положеніи, драгоценнѣйший другъ мой. Цѣлую ночь на ногахъ, въ хлопотахъ и горѣ! Утромъ только, истощивъ свои силы и удрученный тѣлесною и душевною немощью, прилегъ я у нихъ же на диванѣ, забылъ сказать, чтобы

въ-время мсня разбудили, и проснулся въ половинѣ двѣ-надцатаго. Тетушкѣ лучше. Ёду къ женѣ; она, бѣдная, истерзаясь, ожидая меня. Перехватилъ кусокъ кой-чего, обнялъ малютку, разувѣрилъ жену, и отправился къ вамъ. Васъ нѣтъ дома. Нахожу же у васъ Евгения Николаича. Отправляюсь домой, беру перо, и теперь къ вамъ пишу. Не ропщите и не сердитесь на меня, искренній другъ мой. Бейте, рубите голову повинную съ плечъ, но не лишайте благорасположенія вашего. Отъ вашей супруги узналъ, что вечеромъ вы у Славяновыхъ. Буду тамъ неизменно. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю васъ.

Теперь же остаюсь и т. д.

P. S. Маленький нашъ повергаетъ насъ въ истинное отчаяніе. Карлъ Федорычъ прописалъ ему ревенюку. Стоялъ, вчера не узнавалъ никого. Сегодня же сталъ узнавать и лепечеть все папа, мама, бу... Жена въ слезахъ дѣлое утро.

IV.

(Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу).

Милостивый Государь мой, Петръ Иванычъ!

Пишу къ вамъ у васъ, въ вашей комнатѣ, на вашемъ бюро; а прежде чѣмъ взялся за перо, прождалъ васъ слишкомъ два часа съ половиною. Теперь позовольте же вамъ прямо сказать, Петръ Иванычъ, мое открытое мнѣніе насчетъ этого скареднаго обстоятельства. Изъ вашего послѣдняго письма заключаю, что васъ ждутъ у Славяновыхъ, зовете меня туда, являюсь, сижу пять часовъ, а васъ не бывало. Что-жъ, я людей смѣшить, что-ли, по вашему, долженъ? Позвольте, милостивый государь... Являюсь къ вамъ утромъ, надѣюсь застать васъ, и не подражая такимъ манеромъ нѣкоторымъ обманчивымъ лицамъ, которые ищутъ людей Богъ знаетъ по какимъ мѣстамъ, когда ихъ можно застать дома во всякое прилично выбранное время. Дома и духа вашего не было. Не знаю, что удерживаетъ меня теперь высказать вамъ всю рѣзкую правду. Скажу только то, что вижу васъ, кажется,

на попятномъ дворѣ относительно нашихъ извѣстныхъ условій. И теперь только, соображая все дѣло, не могу не признаться, что рѣшительно удивляюсь хитростному вашего ума направленію. Ясно вижу теперь, что неблагопріятное намѣреніе свое питали вы съ давнихъ поръ. Доказательствомъ же такому моему предположенію служить то, что вы еще на прошлой недѣлѣ, почти непозволительнымъ образомъ, овладѣли тѣмъ письмомъ вашимъ, на имя мое адресованнымъ, въ которомъ сами изложили, хотя и довольно темно и не складно, условія наши насчетъ весьма извѣстнаго вамъ обстоятельства. Боятесь документовъ, ихъ уничтожаете, а меня въ дуракахъ оставляете. Но я въ дуракахъ себя считать не позволяю, ибо за такового меня доселѣ никто не считалъ, и всѣ насчетъ этого обстоятельства обо мнѣ съ хорошей стороны относились. Открываю глаза. Сбиваете меня съ толку, туманите меня Евгениемъ Николаичемъ, и когда я, съ неразгаданнымъ мною доселѣ письмомъ вашимъ отъ седьмого сего мѣсяца, ищу объясниться съ вами, вы назначаете мнѣ ложныя свиданія, а сами скрываетесь. Не думаете-ли вы, милостивый государь, что я всего этого замѣтить не въ силахъ? Обѣщаете вознаградить меня за весьма хорошо вамъ извѣстныя услуги относительно рекомендаций разныхъ лицъ, а между тѣмъ, и неизвѣстно какимъ образомъ, устраиваете такъ, что сами у меня деньги берете безъ расписки знатными суммами, чѣдѣло не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ. Теперь же, взявъ деньги, скрываетесь, да еще отрекаетесь отъ услуги моей, вамъ оказанной относительно Евгения Николаича. Разсчитываете, можетъ-быть, на скорый отѣзда мой въ Симбирскъ, и думаете, что не успѣмъ концовъ свести съ вами. Но объявляю вамъ торжественно и свидѣтельствуясь притомъ честнымъ словомъ моимъ, что если пойдетъ на то, то я нарочно готовъ буду еще цѣлыхъ два мѣсяца прожить въ Петербургѣ, а дѣла своего добьюсь, цѣли достигну и васъ отыщу. И мы умѣемъ подчать дѣйствовать въ пику. Въ заключеніе же объявляю вамъ, что если вы сегодня же не объяснитесь со мною удовлетворительно, сперва на письмѣ, а потомъ личнымъ образомъ, съ глазу на глазъ, и не изложите въ вашемъ письмѣ вновь всѣхъ главныхъ условій, существовавшихъ между нами, и не объясните окончательно мыслей вашихъ насчетъ Евгения Николаича, то я принужденъ буду при-

бѣгнуть къ мѣрамъ вамъ весьма неблагопріятнымъ и даже самому мнѣ противнымъ.

Позвольте пребыть и т. д.

V.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу).

Ноября 11.

Любезнѣйший, почтеннѣйшій другъ мой,
Иванъ Петровичъ!

До глубины души моей я былъ огорченъ письмомъ вашимъ. И не совѣтно было вамъ, дорогой, но несправедливый другъ мой, такъ поступать съ лучшимъ доброжелателемъ вашимъ. Поторопиться, не объяснить всего дѣла и, наконецъ, оскорбить меня такими обидными подозрѣніями?— Но спѣшу отвѣтить на обвиненія ваши.— Не застали вы меня, Иванъ Петровичъ, вчера потому, что я вдругъ и совсѣмъ неожиданно позванъ былъ къ одру умирающей. Тетушка Евфимія Николаевна преставилась вчера вечеромъ, въ 11 часовъ пополуночи. Общимъ голосомъ родственниковъ избранъ я былъ распорядителемъ всей плачевной и горестной церемоніи. Дѣло было столько, что я поутру сегодня не успѣлъ увидѣться съ вами, ниже увѣдомить хоть строчкой письма. Скорбью душевно о недоразумѣніи, вышедшемъ между нами. Слова мои о Евгениѣ Николаевичѣ, высказанныя мною шутливо и мимоходомъ, приняли вы въ совершенно противную сторону, а дѣлу всему дали глубоко обижающій меня смыслъ. Упоминаете о деньгахъ и высказываете о нихъ свое беспокойство. Но, не обинуясь, готовъ удовлетворить всѣмъ вашимъ желаніямъ и требованіямъ, хотя здѣсь, мимоходомъ, и не могу не напомнить вамъ, что деньги, 350 р. с., взяты мною у васъ на прошлой недѣлѣ на извѣстныхъ условіяхъ, а не займообразно. Въ послѣднемъ же случаѣ, непремѣнно бы существовала расписка. Не снисхожу до объясненій остальныхъ пунктовъ, изложенныхъ въ вашемъ письмѣ. Вижу, что это недоразумѣніе, вижу въ этомъ вашу обычную скорость, горячность и прямоту. Знаю, что благодушіе и открытый характеръ

вашъ не позволять оставаться сомнѣнію въ сердцѣ вашемъ, и что, наконецъ, вы же сами прятанете первый миѣ руку вашу. Вы ошиблись, Иванъ Петровичъ, вы крайне ошиблись!

Несмотря на то, что письмо ваше глубоко уязвило меня, я первый, и сегодня же, готовъ бы быть къ вамъ явиться съ повинною, но я нахожусь въ такихъ хлопотахъ, съ самаго вчерашняго дня, что убить теперь совершенно и едва стою на ногахъ. Къ довершенню бѣдствій моихъ, жена слегла въ постель; боюсь серьезной болѣзни. Что же касается до маленькаго, то ему, слава Богу, получше. Но бросаю перо... дѣла зовутъ, а ихъ цѣлая куча. Позвольте, бездѣянный дружъ мой, пребыть, и проч.

VI.

(Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу).

Ноября 14.

Милостивый мой государь, Петръ Иванычъ!

Я выждалъ три дня; употребить постарался ихъ съ пользою, — между тѣмъ, чувствуя, что вѣжливость и приличie суть первыя украшенія всякаго человѣка, съ самаго послѣдняго письма моего, отъ десятаго числа сего мѣсяца, не напоминаль вамъ о себѣ ни словомъ, ни дѣломъ, частію для того, чтобы дать вамъ исполнить безмятежно христіанскій долгъ относительно тетушки вашей, частію же потому, что для нѣкоторыхъ соображеній и изысканій по извѣстному дѣлу имѣль во времени надобность. Теперь же спѣшу съ вами окончательнымъ и рѣшительнымъ образомъ объясниться.

Признаюсь вамъ откровенно, что при чтеніи первыхъ двухъ писемъ вашихъ я серьезно думалъ, что вы не понимаете, чего я хочу; вотъ по какому случаю наиболѣе искалъ я свиданія съ вами и объясненія съ глазу на глазъ, боялся пера и обвиняль себя въ неясности способа выраженія мыслей моихъ на бумагѣ. Извѣстно вамъ, что воспитанія и манеровъ хорошихъ я не имѣю, и пустозвоннаго щегольства я чуждаюсь, потому что по горькому опыту позналъ, наконецъ, сколько обманчива иногда бы-

ваетъ наружность, и что подъ цвѣтами иногда таится змѣя. Но вы меня понимали; не отвѣчали же мнѣ такъ, какъ слѣдуетъ, потому, что вѣроломствомъ души своей положили заранѣ измѣнить своему честному слову и существовавшимъ между нами пріятельскимъ отношеніямъ. Совершенно же доказали это гнуснымъ поведеніемъ вашимъ относительно меня въ послѣднее время, поведеніемъ пагубнымъ для моего интереса, чего не ожидалъ я и чemu вѣрить никакъ не хотѣлъ до настоящей минуты, ибо плѣненный въ самомъ началѣ знакомства нашего умными манерами вашими, тонкостью вашего обращенія, знаніемъ дѣлъ и выгодами, имѣвшими быть мнѣ отъ общества съ вами, я полагалъ, что нашелъ истиннаго друга, пріятеля и доброжелателя. Теперь же ясно по-зналъ, что есть много людей, подъ льстивою и блестящею наружностью скрывающихъ ядъ въ своемъ сердцѣ, употребляющихъ умъ свой на устроеніе козней ближнему и на непозволительный обманъ, и потому боящихся пера и бумаги, а вмѣстѣ съ гѣмъ и употребляющихъ слогъ свой не на пользу ближняго и отечества, а для усыпленія и обаянія разсудка тѣхъ, кои вошли съ ними въ разныя дѣла и условія. Вѣроломство ваше, милостивый государь мой, относительно меня ясно можно видѣть изъ ниже-слѣдующаго.

Во-первыхъ, когда я, въ ясныхъ и отчетливыхъ выраженіяхъ письма моего, изображалъ вамъ, милостивый государь мой, свое положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ васъ въ первомъ письмѣ моемъ, что вы хотите разумѣть подъ нѣкоторыми выраженіями и намѣреніями вашими, преимущественно же относительно Евгения Николаича, то вы по болѣшей части старались умалчивать и, возмутивъ меня разъ подозрѣніями и сомнѣніями, спокойно сторонились отъ дѣла. Потомъ, надѣлавъ со мной такихъ дѣлъ, которыхъ и приличнымъ словомъ назвать нельзя, стали писать, что вы огорчаетесь. Какъ это назвать прикажете, милостивый государь? Потомъ, когда каждая минута была для меня дорога и когда вы заставляли меня гоняться за вами на протяженіи всей столицы, писали вы подъ личною дружбы мнѣ письма, въ которыхъ, нарочно умалчивая о дѣлѣ, говорили о совершенно постороннихъ вещахъ; именно о болѣзняхъ, во всякомъ случаѣ, уважаемой мною вашей супруги, и о томъ, что вашему малюткѣ ревеню дали, и что-де по сему слу-

чаю у него прорѣзался зубъ. Обо всемъ этомъ упоминали вы въ каждомъ письмѣ своемъ съ гнусною и обидною для меня регулярностью. Конечно, готовъ согласиться, что страданія родного дѣтища терзаютъ душу отца, но для чего же упоминать объ этомъ тогда, когда нужно было совершенно другое, болѣе нужное и интересное. Я молчалъ и терпѣлъ; теперь же, когда время прошло, долгомъ почелъ объясниться. Наконецъ, нѣсколько разъ въ роломно обманувши меня ложнымъ назначеніемъ свиданій, заставили меня играть, повидимому, роль вашего дурака и потѣшителя, чѣмъ я быть никогда не намѣренъ. Потомъ, и пригласивъ меня къ себѣ предварительно, и какъ слѣдуетъ обманувъ, увѣдомляете меня, что отозваны были къ страдающей тетушкѣ вашей, получившей ударъ ровно въ пять часовъ, изъясняя такимъ образомъ и тутъ съ постыдною точностью. Къ счастью моему, милостивый мой государь, въ эти три дня я успѣлъ навестить справки, и по нимъ узналъ, что тетушку вашу постигъ ударъ еще наканунѣ осьмого числа, незадолго до полночи. По сему случаю вижу, что вы употребили святость родственныхъ отношеній для обмана совершенно постороннихъ людей. Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ упоминаете и о смерти родственницы вашей, какъ бы приключившейся именно въ то самое время, когда я долженъ былъ явиться къ вамъ для совѣщаній объ извѣстныхъ дѣлахъ. Но здѣсь гнусность расчетовъ и выдумокъ вашихъ превосходитъ даже всякое вѣроятіе, ибо, по достовѣрѣйшимъ справкамъ, къ которымъ по счастливѣйшему для меня случаю успѣлъ я прибѣгнуть и кстати, и во-время, узнать я, что тетушка ваша скончалась ровно цѣлыхъ сутки спустя послѣ безбожно опредѣленнаго вами въ письмѣ своемъ срока для кончины ея. Я не кончу, если буду исчислять всѣ признаки, по коимъ узналь о вашемъ относительно меня вѣроломствѣ. Довольно даже того для беспристрастнаго наблюдателя, что во всякомъ письмѣ своемъ именуете вы меня своимъ искреннимъ другомъ и называете любезными именами, чѣмъ дѣлали, по моему разумѣнію, не для чего иногого, какъ съ тѣмъ, чтобы усыпить мою совѣсть.

Приступлю теперь къ главному вашему относительно меня обману и вѣроломству, состоящему именно: въ безпрерывномъ умалчиваніи въ послѣднее время о всемъ томъ, чѣмъ касается общаго нашего интереса, о безбожномъ похищенніи письма, въ которомъ, хотя темно и не

совсѣмъ мнѣ понятно, объясняли вы наши обѹждныя усло-
вія и соглашенія, въ варварскомъ насильномъ зaimѣ 350
руб. сер., безъ расписки, сдѣланномъ у меня въ качествѣ
вашего половинщика, и, наконецъ, въ гнусной клеветѣ
на общаго знакомаго нашего Евгения Николаича. Ясно
вижу теперь, что хотѣлось вамъ доказать мнѣ, что съ
него, съ позволенія сказать, какъ съ козла, нѣтъ ни мо-
лока, ни шерсти, и что онъ самъ ни то ни се, ни рыба,
ни мясо, что и поставили ему въ порокъ въ письмѣ сво-
емъ отъ 6-го числа сего мѣсяца. Я же знаю Евгения Ни-
колаича какъ за скромнаго и благонравнаго юношу, чѣмъ
именно можетъ онъ и прельстить, и сыскать, и заслужить
уваженіе въ свѣтѣ. Извѣстно тоже мнѣ, что вы каждый
вечеръ, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль, клали въ
карманъ свой по нѣсколько десятковъ, а иногда и до
сотни рублей серебромъ, держа палки и банки Евгению
Николаичу. Теперь же вы отъ этого всего отпираетесь и
не только не соглашаетесь возблагодарить меня за страда-
нія, но даже присвоили безвозвратно собственныея деньги
мои, соблазнивъ меня предварительно качествомъ вашего
половинщика и обольстивъ меня разными выгодами, имѣю-
щими быть на долю мою. Присвоивъ же теперь беззакон-
нѣйшимъ образомъ себѣ мои и Евгения Николаича деньги,
возблагодарить меня уклоняетесь, употребляя для сего
клевету, которую и очернили безразсудно въ глазахъ мо-
ихъ того, кого я стараніями и усилиями своими ввелъ въ
домъ вашъ. Сами же, напротивъ, по рассказамъ пріяте-
лей, до сихъ поръ чуть-чуть не лижетесь съ нимъ и вы-
даете всему свѣту за первѣйшаго вашего друга, несмотря
на то, что въ свѣтѣ нѣтъ такого послѣдняго дурака, ко-
торый бы сразу не угадалъ, къ чему клонятся всѣ ваши
намѣренія и что именно значатъ на дѣлѣ дружелюбныя и
пріятельскія отношенія ваши. Я же скажу, что они
значатъ обманъ, вѣроломство, забвеніе приличій и правъ
человѣка, богоопротивны и всячески порочны. Ставлю себѣ
примѣромъ и доказательствомъ. Чѣмъ я васъ оскорбилъ и
за что вы со мною такимъ безбожнымъ образомъ поступили?

Кончаю письмо. Я объяснился. Теперь заключаю: если
вы, милостивый мой государь, въ наикратчайшее по по-
лученіи письма сего время не возвратите мнѣ сполна,
во-первыхъ, мною вамъ данной суммы, 350 руб. сер., и,
во-вторыхъ, всѣхъ затѣмъ слѣдующихъ мнѣ по обѣщанію
вашему суммъ, то я приѣхну ко всевозможнымъ сред-

ствамъ, чтобы принудить васъ къ отдачѣ даже открытою силою; во-вторыхъ, къ покровительству законовъ, и, наконецъ, объявляю вамъ, что обладаю кое-какими свидѣтельствами, которыхъ, оставаясь въ рукахъ вашего покорнѣйшаго слуги и почитателя, могутъ погубить и осквернить ваше имя въ глазахъ цѣлаго свѣта.

Позвольте пребыть, и проч.

VII.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу).

Ноября 15.

Иванъ Петровичъ!

Получивъ ваше мужицкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, странное посланіе, я въ первую минуту хотѣлъ было разорвать его въ клочки, — но сохранилъ для рѣдкости. Впрочемъ, сердечно сожалѣю о недоразумѣніяхъ и непріятностяхъ нашихъ. Отвѣтать вамъ я было не хотѣлъ. Но заставляетъ необходимость. Именно сими строками объявить вамъ нужно, что видѣть васъ когда-либо въ домѣ моемъ мнѣ будетъ весьма непріятно; равно и женѣ моей: она слаба здоровьемъ и запахъ дегтя ей вреденъ. Жена моя отсылаетъ вашей супругѣ книжку ея, оставшуюся у насъ — „Донъ-Кихота Ламанчскаго“, съ благодарностью. Что же касается до вашихъ калошъ, будто бы забытыхъ вами у насъ во время послѣдняго посѣщенія, то съ сожалѣніемъувѣдомляю васъ, что ихъ нигдѣ не нашли. Покамѣстъ ихъ ищутъ; но если ихъ совсѣмъ не найдутъ, тогда я вамъ куплю новыя.

Впрочемъ, честь имѣю пребыть и проч.

VIII.

Шестнадцато числа ноября, Петръ Ивановичъ получаетъ по городской почтѣ на свое имя два письма. Вскрывая первый пакетъ, вынимаетъ онъ записочку, затѣмъ либо сложенную, на бѣльно-розовой бумагѣ. Рука жены его.

Адресовано къ Евгению Николаичу, число 2 ноября. Въ пакетъ больше ничего не нашлось. Петръ Иванычъ читаетъ:

Милый Eugène! Вчера никакъ нельзя было. Мужъ былъ дома весь вечеръ. Завтра же пріѣзжай непремѣнно ровно въ одиннадцать. Въ половинѣ одиннадцатаго мужъ отправляется въ Царское и воротится въ полночь. Я злилась всю ночь. Благодарю за присылку извѣстий и переписки. Какая куча бумаги! Неужели это все она исписала? Впрочемъ, есть слогъ; спасибо тебѣ; вижу, что любишь меня. Не сердись за вчерашнее и приходи завтра, ради Бога.

А.

Петръ Иванычъ распечатываетъ второе письмо.

Петръ Иванычъ!

Нога моя и безъ того бы никогда не была въ вашемъ домѣ; напрасно изволили даромъ бумагу марать.

На будущей недѣлѣ уѣзжаю въ Симбирскъ, пріятелемъ безцѣннѣйшимъ и любезнѣйшимъ другомъ останется у васъ Евгений Николаичъ, желаю удачи, а о калошахъ не беспокойтесь.

IX.

Семнадцатаго числа ноября, Иванъ Петровичъ получаетъ по городской почтѣ на свое имя два письма. Вскрывая первый пакетъ, вынимаетъ онъ записочку, небрежно и быстро написанную. Рука жены его; адресовано къ Евгению Николаичу, число 4 августа. Въ пакетъ больше ничего не нашлось. Иванъ Петровичъ читаетъ:

Прощайте, прощайте, Евгений Николаевичъ! Награди васъ Господь и за это. Будьте счастливы, а мнѣ доля лютая, страшно! Ваша воля была. Если бы не тетушка, я бы вамъ не вѣрилась такъ. Не смѣйтесь же ни надо мною, ни надъ тетушкой. Завтра вѣнчаются насть. Тетушка рада, что нашелся добрый человѣкъ и беретъ безъ приданаго. Я въ первый разъ пристально на него поглядѣла сегодня. Онъ, кажется, добрый такой. Меня торопятъ. Прощайте, прощайте... Голубчикъ мой!! Помяните обо мнѣ когда-нибудь, я же васъ никогда не забуду. Прощайте! Подпишу и это послѣднее, какъ первое мое... помните?

Татьяна.

Во второмъ письмъ было съдующее:

Иванъ Петровичъ! Завтра вы получите калоши новыя, я ничего не привыкъ таскать изъ чужихъ кармановъ, также не люблю собирать по улицамъ лоскутки всякой всячины.

Евгений Николаевичъ на-дняхъ уѣзжаетъ въ Симбирскъ, по дѣламъ своего дѣда, и просилъ меня похлопотать о попутчикѣ; не хотите-ли?

ХОЗАЙКА *).

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Ордыновъ рѣшился, наконецъ, перемѣнить квартиру. Хозаяйка его, очень бѣдная пожилая вдова и чиновница, у которой онъ нанималъ помѣщеніе, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ уѣхала изъ Петербурга куда-то въ глушь, къ родственникамъ, не дождавшись первого числа—срока найма своего. Молодой человѣкъ, доживая срочное время, съ сожалѣніемъ думалъ о старомъ углѣ и досадовалъ на то, что приходилось оставить его; онъ былъ бѣденъ, а квартира была дорога. На другой же день послѣ отѣзда хозяйки, онъ взялъ фуражку и пошелъ бродить по петербургскимъ переулкамъ, высматривая всѣ ярлычки, прибитые къ воротамъ домовъ, и выбирая домъ почернѣе, полюднѣе и *капитальнѣе*, въ которомъ всего удобнѣе было найти требуемый уголь у какихъ-нибудь бѣдныхъ жильцовъ.

Онъ уже долго искалъ, весьма прилежно, но скоро новая, почти незнакомая ощущенія посѣтили его. Сначала разсѣянно и небрежно, потомъ со вниманіемъ, наконецъ, съ сильнымъ любопытствомъ стала онъ смотрѣть кругомъ себя. Толпа и уличная жизнь, шумъ, движение, новость предметовъ, новость положеній—вся эта мелочная жизнь и обыденная дребедень, такъ давно наскучившая дѣловому и занятому петербургскому человѣку, безплодно, но хлопотливо всю жизнь свою отыскивающему средствъ

* Въ первый разъ напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1847 г., тт. 54 и 55.

умириться, стихнуть и успокоиться гдѣ-нибудь въ тепломъ гнѣздѣ, добытомъ трудомъ, потомъ и разными другими средствами,—вся эта пошлая *проза* и скуча возбудила въ немъ, на противъ, какое-то тихо-радостное, свѣтлое ощущеніе. Блѣдныя щеки его стали покрываться легкимъ румянцемъ, глаза заблестѣли какъ будто новой надеждой, и онъ съ жадностью, широко сталъ вдыхать въ себя холодный, свѣжій воздухъ. Ему сдѣлалось необыкновенно легко.

Онъ всегда велъ жизнь тихую, совершенно уединенную. Года три назадъ, получивъ свою ученую степень и ставъ по возможности свободнымъ, онъ пошелъ къ одному старичку, котораго доселѣ зналъ по наслышкѣ, и долго ждалъ, покамѣстъ ливрейный камердинеръ согласился доложить о немъ въ другой разъ. Потомъ онъ вошелъ въ высокую, темную и пустынную залу, крайне скучную, какъ еще бываетъ въ старинныхъ, барскихъ домахъ, и увидѣлъ въ ней старичка, увѣшанного орденами и украшенного сѣдиной, друга и сослуживца его отца и опекуна своего. Старичокъ вручилъ ему щепоточку денегъ. Сумма оказалась очень ничтожною: это былъ остатокъ проданнаго съ молотка за долги прадѣдовскаго наслѣдія. Ордыновъ равнодушно вступилъ во владѣніе, навсегда откланился опекуну своему и вышелъ на улицу. Вечеръ былъ осенній, холодный и мрачный; молодой человѣкъ былъ задумчивъ и какая-то безсознательная грусть надрывала его сердце. Въ глазахъ его былъ огонь; онъ чувствовалъ лихорадку, ознобъ и жаръ попремѣнио. Онъ разсчиталъ дорогую, что можетъ прожить своими средствами года два-три, даже съ голodomъ пополамъ и четыре. Смерклось, накрапывалъ дождь. Онъ сторговалъ первый встрѣчный уголь и черезъ часъ перѣхалъ. Тамъ онъ какъ будто заперся въ монастырь, какъ будто отрѣшился отъ свѣта. Черезъ два года онъ одичалъ совершенно.

Онъ одичалъ, не замѣчая того; ему покамѣстъ и въ голову не приходило, что есть другая жизнь—шумная, гремящая, вѣчно волнующаяся, вѣчно менящаяся, вѣчно зовущая и всегда, рано-ли, поздно-ли, неизбѣжная. Онъ, правда, не могъ не слыхать о ней, но не зналъ и не искалъ ея никогда. Съ самаго дѣтства онъ жилъ исключительно; теперь эта исключительность опредѣлилась. Его пожирала страсть самая глубокая, самая ненасыти-

мая, истощающая всю жизнь человѣка и не выдѣляющая такимъ существамъ, какъ Ордыновъ, ни одного угла въ сферѣ другой, практической, житейской дѣятельности. Эта страсть была—наука. Она снѣдала покамѣстъ его молодость, медленнымъ, упоительнымъ ядомъ отравляла ночной покой, отнимала у него здоровую пищу и свѣжій воздухъ, котораго никогда не бывало въ его душномъ углу, и Ордыновъ въ упоеніи страсти своей не хотѣлъ замѣтить того. Онъ былъ молодъ и покамѣстъ не требовалъ большаго. Страсть сдѣлала его младенцемъ для виѣшней жизни и уже навсегда неспособнымъ заставить посторониться иныхъ добрыхъ людей, когда придетъ къ тому надобность, чтобы отмежевать себѣ между нихъ хоть какой-нибудь уголь. Наука иныхъ ловкихъ людей—капиталъ въ рукахъ; страсть Ордынова была обращеннымъ на него же оружиемъ.

Въ немъ было болѣе безсознательного влеченія, нежели логически отчетливой причины учиться и знать, какъ и во всякой другой, даже самой мелкой дѣятельности, доселъ его занимавшей. Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ онъ прослылъ чудакомъ и былъ непохожъ на товарищей. Родителей онъ не зналъ; отъ товарищей за свой странный, нелюдимый характеръ терпѣлъ онъ безчеловѣчность и грубость, отчего сдѣлался дѣйствительно нелюдимъ и угрюмъ и мало-по-малу ударился въ исключительность. Но въ уединенныхъ занятіяхъ его никогда, даже и теперь, не было порядка и опредѣленной системы; теперь былъ одинъ только первый восторгъ, первый жаръ, первая горячка художника. Онъ самъ создавалъ себѣ систему; она выживалась въ немъ годами, и въ душѣ его уже мало-по-малу возставалъ еще темный, неясный, но какъ-то дивно-отрадный образъ идеи, воплощенной въ новую, просвѣтленную форму, и эта форма просилась изъ души его, терзая эту душу; онъ еще робко чувствовалъ оригинальность, истину и самобытность ея: творчество уже сказывалось силамъ его; оно формировалось и крѣпло. Но срокъ воплощенія и созданія былъ еще далекъ, можетъ-быть, очень далекъ, можетъ-быть, совсѣмъ невозможенъ!

Теперь онъ ходилъ по улицамъ, какъ отчужденный, какъ отшельникъ, внезапно вышедший изъ своей нѣмой пустыни въ шумный и гремящій городъ. Все ему казалось ново и странно. Но онъ до того былъ чуждъ тому миру, который кипѣлъ и грохоталъ кругомъ него, что даже не

подумалъ удивиться своему странному ощущенію. Онъ какъ будто не замѣчалъ своего дикарства; напротивъ, въ немъ родилось какое-то радостное чувство, какое-то охмеленіе, какъ у голоднаго, которому послѣ долгаго поста дали пить и Ѣсть; хотя, конечно, странно было, что такая мелочная новость положенія, какъ перемѣна квартиры, могла отуманить и взволновать петербургскаго жителя, хотя-бы и Ордынова; но правда и то, что ему до сихъ поръ почти ни разу не случалось выходить *по дѣламъ*.

Все болѣе и болѣе ему нравилось бродить по улицамъ. Онъ глазѣлъ на все какъ *фланеръ*.

Но и теперь, вѣрный своей всегдашней вѣтрености, онъ читалъ въ ярко раскрывавшейся передъ нимъ картины, какъ въ книгѣ между строкъ. Все поражало его; онъ не терялъ ни одного впечатлѣнія и мыслящимъ взглядомъ смотрѣлъ на лица ходящихъ людей, всматривался въ физіономію всего окружающаго, любовно вслушивался въ рѣчь народную, какъ будто повѣряя на всемъ свои заключенія, родившіяся въ тиши уединенныхъ ночныхъ. Часто какая-нибудь мелочь поражала его, рождала идею, и ему впервые стало досадно на то, что онъ такъ заживо погребъ себя въ своей кельѣ. Здѣсь все шло скорѣе; пульсъ его былъ полонъ и быстръ, умъ, подавленный одиночествомъ, изощряемый и возвышеніемъ лишь напряженною, экзальтированной дѣятельностью, работалъ теперь скоро, покойно и смѣло. Къ тому же, ему какъ-то безсознательно хотѣлось втѣснить какъ-нибудь и себя въ эту для него чуждую жизнь, которую онъ доселѣ зналъ, или, лучше сказать, только вѣрно предчувствовалъ инстинктомъ художника. Сердце его невольно забилось тоскою любви и сочувствія. Онъ внимательнѣе глядался въ людей, мимо него проходившихъ; но люди были чужие, озабоченные и задумчивые... И мало-по-малу беспечность Ордынова стала невольно упадать; дѣйствительность уже подавляла его, вселяла въ него какой-то невольный страхъ уваженія. Онъ сталъ уставать отъ наплыва новыхъ впечатлѣній, доселѣ ему невѣдомыхъ, какъ больной, который радостно всталъ въ первый разъ съ болѣзеннаго одра своего и упалъ, изнеможенный свѣтомъ, блескомъ, вихремъ жизни, шумомъ и пестротою пролетавшей мимо него толпы, отуманенный, закруженный движениемъ. Ему стало тоскливо и грустно. Онъ началъ бояться за всю свою жизнь, за всю свою дѣятельность и

даже за будущность. Новая мысль убивала покой его. Ему вдругъ пришло въ голову, что всю жизнь свою онъ былъ одинокъ, что никто не любилъ его, да и ему никого не удавалось любить. Иные изъ прохожихъ, съ которыми онъ случайно вступалъ въ разговоры въ началѣ прогулки, смотрѣли на него грубо и странно. Онъ видѣлъ, что его принимали за сумасшедшаго или за оригиналъ нѣйшаго чудака, чтѣ, впрочемъ, было совсѣмъ справедливо. Онъ вспомнилъ, что и всегда всѣмъ было какъ-то тяжело въ его присутствіи, что еще и въ дѣтствѣ всѣ бѣжали его за его задумчивый, упорный характеръ, что тяжело, подавленно и непримѣтно другимъ проявлялось его сочувствіе, которое было въ немъ, но въ которомъ какъ-то никогда не было примѣтно нравственнаго равенства, чтѣ мучило его, еще ребенкомъ, когда онъ никакъ не походилъ на другихъ дѣтей, своихъ сверстниковъ. Теперь онъ вспомнилъ и сообразилъ, что и всегда, во всякое время, всѣ оставляли и обходили его.

Непримѣтно зашелъ онъ въ одинъ отдаленный отъ центра города конецъ Петербурга. Кое-какъ пообѣдавъ въ уединенномъ трактирѣ, онъ вышелъ опять бродить. Опять прошелъ онъ много улицъ и площадей. За ними потянулись длинные желтые и сѣрые заборы, стали встрѣчаться совсѣмъ ветхія избенки, вместо богатыхъ домовъ, и вместѣ съ тѣмъ колоссальная зданія подъ фабриками, уродливыя, почернѣвшія, красныя, съ длинными трубами. Всюду было безлюдно и пусто; все смотрѣло какъ-то угрюмо и непріязненно; по крайней мѣрѣ, такъ казалось Ордынову. Былъ уже вечеръ. Однимъ длиннымъ перелукомъ онъ вышелъ на площадку, где стояла приходская церковь.

Онъ вошелъ въ нее разсѣянно. Служба только что кончилась; церковь была почти совсѣмъ пуста, и только двѣ старухи стояли еще на колѣняхъ у входа. Служитель, сѣдой стариочекъ, тушилъ свѣчи. Лучи заходящаго солнца широкою струею лились сверху сквозь узкое окно купола и освѣщали моремъ блеска одинъ изъ придѣловъ; но они слабѣли все болѣе и болѣе, и чѣмъ чернѣе становилась мгла, густѣвшая подъ сводами храма, тѣмъ ярче блестали мѣстами раззолоченные иконы, озаренные трепетнымъ заревомъ лампадъ и свѣчей. Въ припадкѣ глубоко-волнующей тоски и какого-то подавленного чувства, Ордыновъ прислонился къ стѣнѣ, въ самомъ темномъ углу

„KULTURA“
Warszawa, Siankiewicza 14

церкви, и забылся на мгновеніе. Онъ очнулся, когда мѣрный, глухой звукъ двухъ вошедшихъ прихожанъ раздался подъ сводами храма. Онъ поднялъ глаза, и какое-то невыразимое любопытство овладѣло имъ при взглядѣ на двухъ пришельцевъ. Это были стариkъ и молодая женщина. Стариkъ былъ высокаго роста, еще прямой и бодрый, но худой и болѣзненно-блѣдный. Съ вида, его можно было принять за заѣзжаго откуда-нибудь издалека купца. На немъ былъ длинный, черный, очевидно, праздничный каftанъ на мѣху, надѣтый на распашку. Изъ подъ каftана виднѣлась какая-то другая длиннополая русская одежда, плотно застегнутая снизу до верха. Голая шея была небрежно повязана яркимъ краснымъ платкомъ; въ рукахъ мѣховая шапка. Длинная, тонкая, полу-сѣдая борода падала ему на грудь и изъ-подъ нависшихъ, хмурыхъ бровей сверкалъ взглядъ огневой, лихорадочно воспламененный, надменный и долгий. Женщина была лѣтъ двадцати и чудно прекрасна. На ней была богатая, голубая, подбитая мѣхомъ шубейка, а голова покрыта бѣлымъ атласнымъ платкомъ, завязаннымъ у подбородка. Она шла, потупивъ глаза, и какая-то задумчивая важность, разлитая во всей фигурѣ ея, рѣзко и печально отражалась на сладостномъ контурѣ дѣтски-нѣжныхъ и кроткихъ линій лица ея. Что-то странное было въ этой неожиданной парѣ.

Стариkъ остановился посреди церкви и поклонился на всѣ четыре стороны, хотя церковь была совершенно пуста; то же сдѣлала и его спутница. Потомъ онъ взялъ ее за руку и повелъ къ большому мѣстному образу Богородицы, во имя которой была построена церковь, сиявшему у алтаря ослѣпительнымъ блескомъ огней, отражавшихся на горѣвшей золотомъ и драгоценными камнями ризѣ. Церковнослужитель, послѣдній оставшійся въ церкви, поклонился старику съ уваженіемъ; тотъ кивнулъ ему головою. Женщина упала ницъ передъ иконой. Стариkъ взялъ конецъ покрова, висѣвшаго у подножія иконы, и накрылъ ея голову. Глухое рыданіе раздалось въ церкви.

Ордыновъ былъ пораженъ торжественностью всей этой сцены и съ нетерпѣніемъ ждалъ ея окончанія. Минуты черезъ двѣ женщина подняла голову, и опять яркій свѣтъ лампады озарилъ прелестное лицо ея. Ордыновъ вздрогнулъ и ступилъ шагъ впередъ. Она уже подала руку старику, и оба тихо пошли изъ церкви. Слезы кипѣли

въ ея темныхъ синихъ глазахъ, опущенныхыхъ длинными, сверкающими на млечной бѣлизнѣ лица рѣсницами, и катились по поблѣдѣвшимъ щекамъ. На губахъ ея мелькала улыбка; но въ лицѣ замѣтны были слѣды какого-то дѣтскаго страха и таинственнаго ужаса. Она робко прижималась къ старику, и видно было, что она вся дрожала отъ волненія.

Пораженный, бичуемый какимъ-то невѣдомо сладостнымъ и упорнымъ чувствомъ, Ордыновъ быстро пошелъ вслѣдъ за ними и на церковной паперти перешелъ имъ дорогу. Стариkъ поглядѣль на него непріязненно и сурово; она тоже взглянула на него, но безъ любопытства и разсѣянно, какъ будто другая отдаленная мысль занимала ее. Ордыновъ пошелъ вслѣдъ за ними, самъ не понимая своего движенія. Уже совершенно смерклось; онъ шелъ поодаль. Стариkъ и молодая женщина вошли въ большую, широкую улицу, грязную, полную разнаго промышленного народа, мучныхъ лабазовъ и постоянныхъ дворовъ, которая вела прямо къ заставѣ, и повернули изъ нея въ узкій, длинный переулокъ, съ длинными заборами по обѣимъ сторонамъ его, упиравшійся въ огромную, почернѣвшую стѣну четырехъ-этажнаго капитальнаго дома, сквозными воротами которого можно было выйти на другую, тоже большую и людную улицу. Они уже подходили къ дому; вдругъ стариkъ оборотился и съ нетерпѣniемъ взглянуль на Ордынова. Молодой человѣкъ остановился, какъ вкопанный; ему самому показалось страннымъ его увлеченіе. Стариkъ оглянулся другой разъ, какъ будто желая увѣриться, произвела-ли дѣйствіе угроза его, и потомъ оба, онъ и молодая женщина, вошли чрезъ узкія ворота во дворъ дома. Ордыновъ вернулся назадъ.

Онъ былъ въ самомъ непріятномъ расположеніи духа и досадовалъ на самого себя, соображая, что потерялъ день напрасно, напрасно усталъ и вдобавокъ кончилъ глупостью, придавъ смыслъ цѣлаго приключенія происшествію болѣе чѣмъ обыкновенному.

Какъ ни досадовалъ онъ на себя поутру за свою одичалость, но въ инстинктѣ его было бѣжать отъ всего, что могло развлечь, поразить и потрясти его во внѣшнемъ, не внутреннемъ, художественномъ мірѣ его. Теперь съ грустью и съ какимъ-то раскаяніемъ подумалъ онъ о своемъ безмятежномъ углѣ; потомъ напала на него тоска и забота о неразрѣшенномъ положеніи его, о предстояв-

шихъ хлопотахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало досадно, что такая мелочь могла его занимать. Наконецъ, усталый и не въ состояніи связать двухъ идей, добрель онъ уже поздно до квартиры своей и съ изумленіемъ спохватился, что прошелъ было, не замѣчая того, мимо дома, въ которомъ жилъ. Ошеломленный и покачивая головою на свою разсѣянность, онъ приписалъ ее усталости и, подымаясь на лѣстницу, вошелъ, наконецъ, на чердакъ въ свою комнату. Тамъ онъ зажегъ свѣчу — и черезъ минуту образъ плачущей женщины ярко поразилъ его воображеніе. Такъ пламенно, такъ сильно было впечатлѣніе, такъ любовно воспроизвело его сердце эти кроткія, тихія черты лица, потрясенаго таинственнымъ умиленіемъ и ужасомъ, облитаго слезами восторга или младенческаго покаянія, что глаза его помутились и какъ будто огонь пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ. Но видѣніе продолжалось недолго. Послѣ восторга, настало размышеніе, потомъ досада, потомъ какая-то безсильная злость; не раздѣваясь, завернулся онъ въ одѣяло и бросился на жесткую постель свою...

Ордыновъ проснулся уже довольно поздно утромъ въ раздраженномъ, робкомъ и подавленномъ состояніи духа, собрался наскоро, почти насильно стараясь думать о насущныхъ заботахъ своихъ, и отправился въ сторону, противоположную вчерашнему своему путешествію; наконецъ, онъ отыскалъ себѣ квартиру гдѣ-то въ свѣтелкѣ у бѣднаго нѣмца, по прозвищу Шписъ, жившаго съ дочерью Тихенъ. Шписъ, получиръ задатокъ, тотчасъ же снялъ ярлыкъ, прибитый на воротахъ и приглашавшій наемниковъ, похвалилъ Ордынова за любовь къ наукамъ и обѣщалъ самъ усердно позаняться съ нимъ. Ордыновъ сказалъ, что перѣдетъ къ вечеру. Оттуда онъ пошелъ было домой, но раздумалъ и повернулся въ другую сторону; бодрость воротилась къ нему, и онъ самъ мысленно улыбнулся своему любопытству. Дорога въ нетерпѣніи показалась ему чрезвычайно длинною; наконецъ, онъ доехалъ до церкви, въ которой былъ вчера вечеромъ. Служили обѣдню. Онъ выбралъ мѣсто, съ котораго могъ видѣть почти всѣхъ молящихся; но тѣхъ, которыхъ онъ искалъ, не было. Послѣ долгаго ожиданія, онъ вышелъ, краснѣя. Упорно подавляя въ себѣ какое-то невольное чувство, упрямо и насильно старался онъ перемѣнить ходъ мыслей своихъ. Раздумывая объ обыденномъ житей-

скомъ, онъ вспомнилъ, что ему пора обѣдать, и почувствовавъ, что дѣйствительно голоденъ, зашелъ въ тотъ же самый трактиръ, въ которомъ обѣдалъ вчера. Долго и безсознательно бродилъ онъ по улицамъ, по люднымъ и безлюднымъ переулкамъ и, наконецъ, зашелъ въ глушь, гдѣ уже не было города и гдѣ разстипалось пожелтѣвшее поле; онъ очнулся, когда мертвая тишина поразила его новымъ, давно невѣдомымъ ему впечатлѣніемъ. День былъ сухой и морозный, какой нерѣдко бываетъ въ петербургскомъ октябрѣ. Неподалеку была изба; возлѣ нея два стога сѣна; маленькая круторебрая лошаденка, понуря голову, съ отвислой губой, стояла безъ упряжи подлѣ двухколесной таратайки, казалось, о чѣмъ-то раздумывая. Дворная собака, ворча, грызла кость вблизи разбитаго колеса, и трехлѣтній ребенокъ въ одной рубашонкѣ, почесывая свою блѣдую мохнатую голову, съ удивленіемъ глядѣлъ на зашедшаго одинокаго горожанина. За избой тянулись поля и огороды. На краю синихъ небесъ чернѣлись лѣса, а съ противоположной стороны находились мутный сѣжійня облака, какъ будто гоня передъ собою стаю перелетныхъ птицъ, безъ крика, одна за другою, пробиравшихся по небу. Все было тихо и какъ-то торжественно-грустно, полно какого-то замиравшаго, притаившагося ожиданія... Ордыновъ пошелъ было дальше и дальше, но пустыня только тяготила его. Онъ повернуль назадъ въ городъ, изъ котораго вдругъ понесся густой гулъ колоколовъ, сзыавшихъ къ вечернему богослуженію, удвоилъ шаги и черезъ нѣсколько времени опять пошелъ въ храмъ, такъ знакомый ему со вчерашняго днѧ.

Незнакомка его была уже тамъ.

Она стояла на колѣняхъ у самаго входа между толпой молившихся. Ордыновъ протѣсnilся сквозь густую массу нищихъ, старухъ въ лохмотьяхъ, больныхъ и калѣкъ, ожидающихъ у церковныхъ дверей милостыни, и сталъ на колѣни возлѣ незнакомки. Одежда его касалась ея одежды, и онъ слышалъ порывистое дыханіе, вылетавшее изъ ея устъ, шептавшихъ горячую молитву. Черты лица ея попрежнему были потрясены чувствомъ безпредѣльной набожности, а слезы опять катились и сохли на горячихъ щекахъ ея, какъ будто омывая какое-нибудь страшное преступленіе. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли они оба, было совершенно темно, и только по временамъ тусклое пламя лампады, колеблемое вѣтромъ, врывавшимся

чрезъ отворенное узкое стекло окна, озаряло трепетнымъ блескомъ лицо ея, котораго каждая черта врѣзилась въ память юноши, мутила зрѣніе его и глухою, нестерпимою болю надрывала его сердце. Но въ этомъ мучении было свое изступленное упоеніе. Наконецъ, онъ не могъ выдержать; вся грудь его задрожала и изныла въ одно мгновеніе въ невѣдомо сладостномъ стремлѣніи, и онъ, зарывавъ, склонился воспаленной головой своей на холодный ломость церкви. Онъ не слыхалъ и не чувствовалъ ничего, кромѣ боли въ сердцѣ своемъ, замиравшемъ въ сладостныхъ мукахъ.

Одиночествомъ-ли развилась эта крайняя впечатлительность, обнаженность и незащищенность чувства, приготавлялась-ли въ томительномъ, душномъ и безвыходномъ безмолвіи долгихъ, безсонныхъ ночей, среди безсознательныхъ стремлений и нетерпѣливыхъ потрясеній духа эта порывчавость сердца, готовая, наконецъ, разорваться или найти изліяніе, или просто настало внезапно время этой торжественной минуты, и такъ должно было быть ей, какъ внезапно, въ знойный, душный день вдругъ зачернѣть все небо и гроза разольется дождемъ и огнемъ на взлѣкавшую землю, повиснетъ перлами дождя на изумрудныхъ вѣтвяхъ, сомнѣть траву, поля, прибѣть къ земль нѣжныя чашечки цвѣтовъ, чтобы потомъ, при первыхъ лукахъ солнца, все, опять оживая, устремилось, поднялось навстрѣчу ему и торжественно, до неба, послало ему свой роскошный, сладостный єиміамъ, веселясь и радуясь обновленной своей жизни... Но Ордыновъ не могъ бы теперь и подумать, что съ нимъ дѣлается: онъ едва сознавалъ себя...

Онъ почти не замѣтилъ, какъ кончилось богослуженіе, и очнулся, продираясь за своей незнакомкой сквозь сплотившуюся у входа толпу. Порой, онъ встрѣчалъ ея удивленный и свѣтлый взглядъ. Останавливаемая поминутно выходившимъ народомъ, она не разъ оборачивалась къ нему, видно было, какъ все сильнѣе и сильнѣе росло ея удивленіе, и вдругъ она вся вспыхнула, будто заревомъ. Въ эту минуту вдругъ изъ толпы явился опять вчерашній старикъ и взялъ ее за руку. Ордыновъ опять встрѣтилъ желчный и насмѣшливый взглядъ его, и какая-то странная злоба вдругъ стѣснила ему сердце. Наконецъ, онъ потерялъ ихъ въ темнотѣ изъ вида; тогда, въ неестественномъ усилии, онъ рванулся впередъ и вышелъ изъ

церкви. Но свѣжій вечерній воздухъ не могъ освѣжить его: дыханіе спиралось и сдавливалось въ его груди, и сердце стало биться медленно и крѣпко, какъ будто хотѣло пробить ему грудь. Наконецъ, онъ увидѣлъ, что дѣйствительно потерялъ своихъ незнакомцевъ; ни въ улицѣ, ни въ переулкѣ ихъ уже не было. Но въ головѣ Ордынова уже явилась мысль, сложился одинъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ, странныхъ плановъ, которые хотя и всегда сумасбродны, но зато почти всегда успѣваютъ и выполняются въ подобныхъ случаяхъ; на завтра въ восемь часовъ утра онъ подошелъ къ дому со стороны переулка и вошелъ на узенький, грязный и нечистый задний дворикъ, нѣчто въ родѣ помойной ямы въ домѣ. Дворникъ, что-то дѣлавшій на дворѣ, пріостановился, уперся подбородкомъ на ручку своей лопаты, оглянувшись Ордынова съ ногъ до головы и спросилъ его, что ему надо.

Дворникъ былъ молодой малый, лѣтъ двадцати пяти, съ чрезвычайно старообразнымъ лицомъ, сморщеный, маленький, татаринъ породою.

— Ищу квартиру, отвѣчалъ съ нетерпѣніемъ Ордыновъ.

— Которая? спросилъ дворникъ съ усмѣшкою. — Онъ смотрѣлъ на Ордынова такъ, какъ будто зналъ все его дѣло.

— Нужно отъ жильцовъ, отвѣчалъ Ордыновъ.

— На томъ дворѣ нѣть, отвѣчалъ загадочно дворникъ.

— А здѣсь?

— И здѣсь нѣть. Тутъ дворникъ принялъся за лопату.

— А, можетъ-быть, и уступятъ, сказалъ Ордыновъ, давая дворнику гривенникъ.

Татаринъ взглянулъ на Ордынова, взялъ гривенникъ, потомъ опять взялся за лопату, и послѣ нѣкотораго молчанія объявилъ, что „нѣть, нѣту квартира“. Но молодой человѣкъ уже не слушалъ его; онъ шелъ по гнилымъ, трясучимъ доскамъ, лежавшимъ въ лужѣ, къ единственному входу на этотъ дворъ изъ флигеля дома, черному, неестественному, грязному, казалось, захлебывавшемуся въ лужѣ. Въ нижнемъ этажѣ жилъ бѣдный гробовщикъ. Миновавъ его остроумную мастерскую, Ордыновъ по полуразломанной скользкой, винтообразной лѣстницѣ поднялся въ верхній этажъ, ощупалъ въ темнотѣ толстую, неуклюжую дверь, покрытую рогоженными лохмотьями, нашелъ замокъ и пріотворилъ ее. Онъ не ошибся. Передъ нимъ стоялъ ему знакомый старикъ и пристально, съ крайнимъ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Что тебе? спросил онъ отрывисто и почти шепотомъ.

— Есть квартира?.. спросилъ Ордыновъ, почти забывъ все, что хотѣлъ сказать.—Онъ увидалъ изъ-за плеча старика свою незнакомку.

Старикъ молча сталъ затворять дверь, вытѣсняя ею Ордынова.

— Есть квартира, раздался вдругъ ласковый голосъ молодой женщины.

Старикъ освободилъ дверь.

— Мне нуженъ уголь, сказалъ Ордыновъ, поспѣшно входя въ комнату и обращаясь къ красавицѣ.

Но онъ остановился въ изумлениіи, какъ вкопанный, взглянувъ на будущихъ хозяевъ своихъ; въ глазахъ его произошла нѣмая, поразительная сцена. Старикъ былъ блѣденъ какъ смерть, какъ будто готовый лишиться чувствъ. Онъ смотрѣлъ свинцовыемъ, неподвижнымъ, пронзающимъ взглядомъ на женщину. Она тоже поблѣдѣла сначала; но потомъ вся кровь бросилась ей въ лицо, и глаза ея какъ-то странно сверкнули. Она повела Ордынова въ другую каморку.

Вся квартира состояла изъ одной довольно обширной комнаты, раздѣленной двумя перегородками на три части; изъ сѣней прямо входили въ узенькую, темную прихожую; прямо была дверь за перегородку, очевидно, въ спальню хозяевъ. Направо, черезъ прихожую, проходили въ комнату, которая отдавалась внаймы. Она была узенькая и тѣсная, приплоснутая перегородкою къ двумъ низенькимъ окнамъ. Все было загромождено и заставлено необходимыми во всякомъ житьѣ предметами; было бѣдно, тѣсно, но по возможности чисто. Мебель состояла изъ простого бѣлаго стола, двухъ простыхъ стульевъ и залавка по обѣимъ сторонамъ стѣнъ. Большой стариинный образъ съ позолоченнымъ вѣнчикомъ стоялъ надъ полкой въ углу и передъ нимъ горѣла лампада. Въ отдаваемой комнатѣ, и частію въ прихожей, помѣщалась огромная, неуклюжая русская печь. Ясно было, что троимъ въ такой квартирѣ нельзя было жить.

Они стали уговариваться, по безсвязно и едва понимая другъ друга. Ордыновъ за два шага отъ нея слышалъ, какъ стучало ея сердце; онъ видѣлъ, что она вся дрожала отъ волненія и какъ будто отъ страха. Наконецъ, кое-какъ сговорились. Молодой человѣкъ объявилъ, что

онъ сейчасъ перѣдетъ, и взглянуль на хозяина. Старикъ стоялъ въ дверяхъ все еще блѣдный, но тихая, даже задумчивая улыбка прокрадывалась на губахъ его. Встрѣтивъ взглядъ Ордынова, онъ опять нахмурилъ брови.

— Есть паспортъ? спросилъ онъ вдругъ громкимъ, отрыгистымъ голосомъ, отворяя ему дверь въ сѣни.

— Да! отвѣчалъ Ордыновъ, немного озадаченный.

— Кто ты таковъ?

— Василій Ордыновъ, дворянинъ, не служу, по своимъ дѣламъ, отвѣчалъ онъ, поддѣлываясь подъ тонъ старика.

— И я тоже, отвѣчалъ старикъ.—Я Илья Муринъ, мѣщанинъ; довольно съ тебя? Ступай...

Черезъ часъ, Ордыновъ уже былъ на новой квартирѣ, къ удивленію своему и своего нѣмца, который уже начидалъ подозрѣвать, вмѣстѣ съ покорною Тинхенъ, что навернувшійся жилецъ обманулъ его. Ордыновъ же самъ не понималъ, какъ все это сдѣлалось, да и не хотѣлъ понимать...

II.

Сердце его такъ было, что въ глазахъ зеленѣло и голова шла кругомъ. Машинально занялся онъ размѣщеніемъ своего скучнаго имущества въ новой квартирѣ, развязалъ узелъ съ разнымъ необходимымъ добромъ, отперъ сундукъ съ книгами и сталъ укладывать ихъ на столъ; но скоро вся эта работа выпала изъ рукъ его. Поминутно сіяль въ его глазахъ образъ женщины, встрѣча съ которой взволновала и потрясла все его существованіе, который наполнялъ его сердце такимъ неудержимымъ, судорожнымъ восторгомъ,—столько счастья прихлынуло разомъ въ скучную жизнь его, что мысли его темнѣли и духъ замиралъ въ тоскѣ и смятеніи. Онъ взялъ свой паспортъ и понесъ къ хозяину въ надеждѣ взглянуть на нее. Но Муринъ едва пріотворилъ дверь, взялъ у него бумагу, сказалъ ему: „хорошо, живи съ миромъ“ и снова заперся въ своей комнатѣ. Какое-то непріятное чувство овладѣло Ордыновымъ. Неизвѣстно почему, ему стало тяжело глядѣть на этого старика. Въ его взглядѣ было что-то презрительное и злобное. Но непріятное впечатлѣніе скоро разсѣялось. Ужъ третій день, какъ Ордыновъ жилъ въ какомъ-то вихрѣ въ сравненіи съ прежнимъ затишьемъ его жизни; но разсуждать онъ не могъ и даже боялся. Все сбылось и перемѣшалось въ его существованіи; онъ

глухо чувствовалъ, что вся его жизнь какъ будто переломлена пополамъ; одно стремленіе, одно ожиданіе овладѣло имъ, и другая мысль его не смущала.

Въ недоумѣніи воротился онъ въ свою комнату. Тамъ, у печки, въ которой стряпалось кушанье, хлопотала маленькая, сгорбленная старушонка, такая грязная и въ такомъ отвратительномъ отрепьи, что жалко было смотрѣть на нее. Она, казалось, была очень зла и по временамъ что-то ворчала, шамкая губами себѣ подъ носъ. Это была хозяйская работница. Ордыновъ попробовалъ было заговорить съ нею, но она промолчала, очевидно, со зла. Наконецъ, насталъ часъ обѣда; старуха вынула изъ печи щи, пироги и говядину и понесла къ хозяевамъ. Того же подала и Ордынову. Послѣ обѣда, въ квартирѣ настала мертвая тишина.

Ордыновъ взялъ въ руки книгу и долго переворачивалъ листы, стараясь доискаться смысла въ томъ, что читаль уже нѣсколько разъ. Въ нетерпѣніи онъ отбросилъ книгу и опять попробовалъ было прибирать свои пожитки; наконецъ, взялъ фуражку, надѣлъ шинель и вышелъ на улицу. Идя наудачу, не видя дороги, онъ все старался, по возможности, сосредоточиться духомъ, свести свои разбитыя мысли и хоть немного разсудить о своемъ положеніи. Но усиление только повергало его въ страданіе, въ пытку. Ознобъ и жаръ овладѣвали имъ поперемѣнно, и по временамъ сердце начинало вдругъ стучать такъ, что приходилось прислониться къ стѣнѣ. „Нѣтъ, лучше смерть“, думалъ онъ, „лучше смерть“, шепталъ онъ воспаленными, дрожащими губами, мало думая о томъ, что говоритъ. Онъ ходилъ очень долго; наконецъ, почувствовавъ, что промокъ до костей, и замѣтивъ въ первый разъ, что дождь идетъ ливнемъ, воротился домой. Неподалеку отъ дома, онъ увидѣлъ своего дворника. Ему показалось, что татаринъ нѣсколько времени пристально и съ любопытствомъ смотрѣлъ на него и потомъ пошелъ своею дорогою, когда замѣтилъ, что его увидали.

— Здравствуй, сказалъ Ордыновъ, нагнавъ его.—Какъ тебя зовутъ?

— Дворникъ зовутъ, отвѣчалъ тотъ, скаля зубы.

— Ты давно здѣсь дворникомъ?

— Давно.

— Хозяинъ мой мѣщанинъ?

— Мѣщанинъ, коли сказывалъ.

- Чѣ-жъ онъ дѣлаеть?
- Больна; живетъ, Бога молитъ—вотъ.
- Это жена его?
- Какая жена?
- Что съ нимъ живетъ?
- Же-на, коли сказывалъ. Прощай, баринъ.

Татаринъ тронулъ шапку и вошелъ въ конуру свою.

Ордыновъ вошелъ въ свою квартиру. Старуха, шамкая и что-то ворча про себя, отворила ему дверь, опять заперла ее на щеколду и полѣзла на печь, на которой доживала свой вѣкъ. Уже смеркалось. Ордыновъ пошелъ достать огня и увидѣлъ, что дверь къ хозяевамъ заперта на замокъ. Онъ кликнулъ старуху, которая, приподнявшись на локоть, зорко смотрѣла на него съ печки, казалось, раздумывал, что бы ему нужно было у хозяйствскаго замка; она молча бросила ему пачку спичекъ. Онъ воротился въ комнату и принялъся опять, въ сотый разъ, за свои вещи и книги. Но мало-по-малу, недоумѣвая, что съ нимъ дѣлается, присѣлъ на лавку и ему показалось, что онъ заснулъ. По временамъ приходилъ онъ въ себя и догадывался, что сонъ его былъ не сонъ, а какое-то мучительное, болѣзненное забытье. Онъ слышалъ, какъ стукнула дверь, какъ отворилась она, и догадался, что это воротились хозяева отъ вечерни. Тутъ ему пришло въ голову, что нужно было пойти къ нимъ зачѣмъ-то. Онъ привсталъ, и показалась ему, что онъ уже идетъ къ нимъ, но оступился и упалъ на кучу дровъ, брошенныхъ старухою среди комнаты. Тутъ онъ совершенно забылся и, раскрывъ глаза послѣ долгаго-долгаго времени, съ удивленіемъ замѣтилъ, что лежитъ на той же лавкѣ, такъ, какъ былъ, одѣтый, и что надъ нимъ съ нѣжною заботливостію склонилось лицо женщины, дивно прекрасное и какъ будто все омоченное тихими, материнскими слезами. Онъ слышалъ, какъ положили ему подъ голову подушку и одѣли чѣмъ-то теплымъ, и какъ чья-то нѣжная рука легла на горячій лобъ его. Онъ хотѣлъ поблагодарить, онъ хотѣлъ взять эту руку, поднести къ запекшимся губамъ своимъ, омочить ее слезами и цѣловать, цѣловать цѣлую вѣчность. Ему хотѣлось что-то много сказать, но что такое—онъ самъ не зналъ того, ему захотѣлось умереть въ эту минуту. Но руки его были какъ свинцовые и не двигались; онъ какъ будто онѣмѣлъ и слышалъ только, какъ разлетается кровь его по всѣмъ

жиламъ, какъ будто приподымаю его на постели. Кто-то далъ ему воды... Наконецъ, онъ впалъ въ безпамятство.

Онъ проснулся поутру часовъ въ восемь. Солнце сыпало золотымъ снопомъ лучи свои сквозь зеленый заплесневѣлый окна его комнаты; какое-то отрадное ощущеніе нѣжило всѣ члены больного. Онъ былъ спокоенъ и тихъ, безконечно счастливъ. Ему казалось, что кто-то былъ сейчасъ у его изголовья. Онъ проснулся, забодливо ища вокругъ себя это невидимое существо; ему такъ хотѣлось обнять своего друга и сказать первый разъ въ жизни: „здравствуй, добрый день тебѣ, мой милый“.

— Какъ же ты долго спишь! сказалъ нѣжный женскій голосъ. Ордыновъ оглянулся, и къ нему склонилось, съ привѣтливою и свѣтлою какъ солнце улыбкою, лицо красавицы-хозяйки его.

— Какъ ты долго былъ боленъ, говорила она,—полно, вставай; что неволишь себя? Волюшка хлѣба слаше, солница краше. Вставай, голубь мой, вставай.

Ордыновъ схватилъ и крѣпко сжалъ ея руку. Ему казалось, что онъ все еще видѣть сонъ.

— Подожди, я тебѣ чаю готовила; хочешь чаю? Захоти; тебѣ лучше будетъ. Я сама хворала и знаю.

— Да, дай мнѣ пить, сказалъ Ордыновъ слабымъ голосомъ и сталъ на ноги. Онъ еще былъ очень слабъ. Ознобъ пробѣжалъ по спинѣ его, всѣ члены его болѣли и какъ будто были разбиты. Но на сердцѣ его было ясно, и лучи солнца, казалось, согрѣвали его какою-то торжественною свѣтлою радостью. Онъ чувствовалъ, что новая, сильная, невидимая жизнь началась для него. Голова его слегка закружилась.

— Вѣдь тебя зовутъ Васильемъ? спросила она.—Я иль услышалась, иль, сдается, тебя хозяинъ такъ вчера назвалъ.

— Да, Василій. А тебя какъ зовутъ? сказалъ Ордыновъ, приближаясь къ ней и едва устоявъ на ногахъ. Онъ покачнулся. Она схватила его за руки и засмѣялась.

— Меня—Катериной, сказала она, смотря ему въ глаза своими большими, ясными, голубыми глазами. Оба держали другъ друга за руки.

— Ты мнѣ хочешь что-то сказать? проговорила она, наконецъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Ордыновъ,—у него помутилось зрѣніе.

— Видишь, какой. Полно, голубь мой, полно; не горюй, не тужи, садись сюда, къ солнцу, за столъ; сиди смирино, а за мной не ходи, прибавила она, видя, что молодой человѣкъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто удерживая ее,—я сейчасъ сама къ тебѣ буду; успѣшь на меня наглядѣться. Черезъ минуту она принесла чаю, поставила на столъ и сѣла напротивъ его.

— На, напейся, сказала она.—Что, болитъ твоя голова?

— Нѣтъ, теперь не болитъ, сказалъ онъ,—не знаю, можетъ-быть, и болитъ... я не хочу... полно, полно!.. Я и не знаю, что со мною, говорилъ онъ, задыхаясь и отыскавъ, наконецъ, ея руку,—будь здѣсь, не уходи отъ меня; дай, дай мнѣ опять твою руку... У меня въ глазахъ темнѣеть; я на тебя, какъ на солнце, смотрю, сказалъ онъ, какъ будто отрывая отъ сердца слова свои, замирая отъ восторга, когда ихъ говорилъ. Рыданія сдавливали ему горло.

— Бѣдный какой! Знать, не жилъ ты съ человѣкомъ хорошимъ. Ты одинъ-одинешенекъ; нѣтъ у тебя родичей?

— Нѣтъ никого; я одинъ... ничего, пусты! Теперь лучше... хорошо мнѣ теперь! говорилъ Ордыновъ, будто въ бреду. Комната какъ будто ходила кругомъ него.

— Я сама много лѣтъ людей не видала. Ты такъ глядишь на меня... проговорила она послѣ минутаго молчанія.

— Ну... чѣмъ же?

— Какъ будто грѣютъ тебя мои очи! Знаешь, когда любишь кого... Я тебя съ первыхъ словъ въ сердце мое приняла. Заболѣешь, опять буду ходить за тобой. Только ты не болѣй, нѣтъ. Встанешь, будемъ жить какъ братъ и сестра. Хочешь? Вѣдь сестру трудно нажить, какъ Богъ родивъ не далъ.

— Кто ты? Откуда ты? проговорилъ Ордыновъ слабымъ голосомъ.

— Я не здѣшняя... что тебѣ! Знаешь, люди рассказываютъ, какъ жили двѣнадцать братьевъ въ темномъ лѣсу, и какъ заблудилась въ томъ лѣсу красная дѣвица. Зашла она къ нимъ и прибрала имъ все въ домѣ, любовь свою на всемъ положила. Пришли братья и спознали, что сестрица у нихъ день прогостила. Стали ее выклѣкать, она къ нимъ вышла. Нарекли ее всѣ сестрой, дали ей волюшку, и всѣмъ она была ровня. Знаешь-ли сказку?

— Знаю, прошепталъ Ордыновъ.

— Жить хорошо; любо-ль тебе на свѣтѣ жить?

— Да, да; вѣкъ жить, долго жить, отвѣчалъ Ордыновъ.

— Не знаю, сказала задумчиво Катерина,—я бы и смерти хотѣла. Хорошо жить? любить и добрыхъ людей любить, да... Смотри, ты опять какъ мука побѣлѣлъ!

— Да, голова кругомъ ходитъ...

— Постой, я тебѣ мою постель принесу и подушку другую; здѣсь и постелю. Заснешь, обо мнѣ приснится; недугъ отойдетъ. Наша старуха тоже больна...

Она еще говорила, какъ уже начала готовить постель, по временамъ съ улыбкою смотря черезъ плечо на Ордынова.

— Сколько у тебя книгъ! сказала она, сдвигая сундукъ.

Она подошла къ нему, схватила его правой рукой, подвела къ постели, уложила и одѣла одѣломъ.

— Говорятъ, книги человѣка портятъ, говорила она, задумчиво покачивая головою.—Ты любишь въ книгахъ читать?

— Да, отвѣчалъ Ордыновъ, не зная, спить онъ или нѣть, и крѣпче сжимая руку Катерины, чтобы увѣрить себя, что не спить.

— У хозяина моего много книгъ; видишь, какія! Онъ говоритъ, что божественный. Онъ мнѣ все читаетъ изъ нихъ. Я потомъ тебѣ покажу; ты мнѣ разскажешь послѣ, что онъ мнѣ въ нихъ все читаетъ?

— Разскажи, прошепталъ Ордыновъ, неотступно смотря на нее.

— Ты любишь молиться? спросила она послѣ минутнаго молчанія.—Знаешь что? Я все боюсь, все боюсь...

Она не договорила, казалось, размышляла о чѣмъ-то. Ордыновъ поднесъ, наконецъ, ея руку къ губамъ своимъ.

— Что ты мою руку цѣлуешь? (И щеки ея слегка за-алѣли).—На, цѣлуй ее, продолжала она, смѣясь и подавая ему обѣ руки; потомъ высвободила одну и приложила ее къ горячemu лбу его, потомъ стала расправлять и приглаживать его волосы. Она краснѣла болѣе и болѣе; наконецъ, присѣла на полу у постели его и приложила свою щеку къ его щекѣ; теплое, влажное дыханіе ея шелестило по его лицу... Вдругъ Ордыновъ почувствовалъ, что горячія слезы градомъ полились изъ ея глазъ и падали, какъ растопленный свинецъ, на его щеки. Онъ слабѣлъ болѣе и болѣе; онъ уже не могъ двинуть рукою. Въ это время раздался стукъ въ дверь и загремѣла за-

движка. Ордыновъ еще могъ слышать, какъ стариkъ, его хозяинъ, вошелъ за перегородку. Онъ слышалъ потомъ, что Катерина привстала, не спѣша и не слушаясь, взяла свои книги, слышалъ, какъ она перекрестила его, уходя; онъ закрылъ глаза. Вдругъ горячій, долгій поцѣлуй загорѣлся на воспаленныхъ губахъ его; какъ будто ножомъ его ударили въ сердце. Онъ слабо вскрикнулъ и лишился чувствъ...

Потомъ началась для него какая-то странная жизнь.

Порой, въ минуту нелснаго сознанія, мелькало въ умѣ его, что онъ осужденъ жить въ какомъ-то длинномъ, не скончаемомъ снѣ, полномъ странныхъ, бесплодныхъ тревогъ, борьбы и страданій. Въ ужасѣ онъ старался возстать противъ рокового фатализма, его гнетущаго, и въ минуту напряженной, самой отчалиной борьбы какая-то невѣдомая сила опять поражала его, и онъ слышалъ, чувствовалъ ясно, какъ онъ снова теряетъ память, какъ вновь непроходимая, бездонная темень разверзается передъ нимъ, и онъ бросается въ нее съ воплемъ тоски и отчаянія. Порой мелькали мгновенія невыносимаго, уничтожающаго счастья, когда жизненность судорожно усиливается во всемъ составѣ человѣческомъ, яснѣеть прошедшее, звучитъ торжествомъ, весельемъ настоящій свѣтлый мигъ и снится на-яву невѣдомое грядущее; когда невыразимая надежда падаетъ живительной росой на душу; когда хочешь вскрикнуть отъ восторга; когда чувствуешь, что немощна плоть предъ такимъ гнетомъ впечатлѣній, что разрывается вся нить бытія, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, поздравляешь всю жизнь свою съ обновленіемъ и воскресеніемъ. Порой онъ опять впадалъ въ усыпленіе, и тогда все, что случилось съ нимъ въ послѣдніе дни, снова повторялось и смутнымъ, мятежнымъ роемъ проходило въ умѣ его; но видѣніе представлялось ему въ странномъ, загадочномъ видѣ. Порой больной забывалъ, что съ нимъ было, и удивлялся, что онъ не на старой квартирѣ, не у старой хозяйки своей. Онъ недоумѣвалъ, отчего старушка не подходила, какъ бывало всегда въ поздній сумеречный часъ, къ потухавшей печкѣ, обливавшей по временамъ слабымъ, мерцающимъ заревомъ весь темный уголъ комнаты, и въ ожиданіи, какъ погаснетъ огонь, не грѣла, по привычкѣ, своихъ костлявыхъ, дрожащихъ рукъ на замиравшемъ огнѣ, всегда болталъ и шепча про себя и изрѣдка въ недоумѣніи поглядывая на него, чудного жиль-

ца своего, которого считала помешаннымъ отъ долгаго сидѣнія за книгами. Другой разъ онъ вспоминалъ, что перѣхалъ на другую квартиру; но какъ это сдѣлалось, что съ нимъ было и зачѣмъ пришлось перѣхать, онъ не зналъ того, хотя замиралъ весь духъ его въ безпрерывномъ, неудержимомъ стремленіи... Но куда, что звало и мучило его и кто бросилъ этотъ невыносимый пламень, душившій, пожиравшій всю кровь его? — онъ опять не зналъ и не помнилъ. Часто жадно ловилъ онъ руками какую-то тѣнь, часто слышались ему шелестъ близкихъ, легкихъ шаговъ около постели его и сладкій, какъ музыка, шопотъ чыхъ-то ласковыхъ, нѣжныхъ рѣчей; че-то влажное, порывистое дыханіе скользило по лицу его, и любовью потрясалось все его существо; чы-то горячія слезы жгли его воспаленныя щеки, и вдругъ чей-то поцѣлуй, долгій, нѣжный, впивался въ его губы; тогда жизнь его изнывала въ неугасимой муке; казалось, все бытіе, весь міръ останавливался, умиралъ на цѣлые вѣка кругомъ него, и долгая, тысячелѣтняя ночь простиралась надъ всѣмъ...

То какъ будто наступали для него опять его нѣжные, безмятежно прошедшіе годы первого дѣтства, съ ихъ свѣтлою радостью, съ неугасимымъ счастіемъ, съ первымъ сладостнымъ удивленіемъ къ жизни, съ роями свѣтлыхъ духовъ, вылетавшихъ изъ-подъ каждого цвѣтка, который срывалъ онъ, игравшихъ съ нимъ на тучномъ зеленомъ лугу передъ маленькимъ домикомъ, окруженнymъ акаціями, улыбавшихся ему изъ хрустального, необозримаго озера, возлѣ котораго просиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ, прислушиваясь, какъ бьется волна о волну, и шелестившихъ кругомъ него крыльями, любовно усыпая свѣтлыми, радужными сновидѣніями маленькую его колыбельку, когда его мать, склоняясь надъ нею, крестила, цѣловала и баюкала его тихою колыбельною пѣсenkой въ долгія, безмятежныя ночи. Но тутъ вдругъ стало являться одно существо, которое смущало его какимъ-то не-дѣтскимъ ужасомъ, которое вливало первый, медленный ядъ горя и слезъ въ его жизнь; онъ смутно чувствовалъ, какъ невѣдомый старикъ держитъ во власти своей вся его грядущіе годы, и, трепеща, не могъ онъ отвести отъ него глазъ своихъ. Злой старикъ за нимъ слѣдовалъ всюду. Онъ выглядывалъ и обманчиво кивалъ ему головою изъ-подъ каждого куста въ рощѣ, смѣялся и дразнилъ его, воплощался въ каждую куклу ребенка, гримасничая и хо-

хоча въ рукахъ его, какъ злой, скверный гномъ; онъ подбивалъ на него каждого изъ его безчеловѣчныхъ школьніхъ товарищѣй, или, садясь съ малютками на школьную скамью, гримасничая, выглядывалъ изъ-подъ каждой буквы его грамматики. Потомъ, во время сна, злой старикъ садился у его изголовья... Онъ отогналъ рои свѣтлыхъ духовъ, шелестившихъ своими золотыми и сапфирными крыльями кругомъ его колыбели, отвелъ отъ него навсегда его бѣдную мать и сталъ по цѣлымъ ночамъ нашептывать ему длинную, дивную сказку, невнятную для сердца дитяти, но терзавшую, волновавшую его ужасомъ и не-дѣтскою страстью. Но злой старикъ не слушалъ его рыданій и просьбъ и все продолжалъ ему говорить, покамѣстъ онъ не впадалъ въ оцѣпеніе, въ безпамятство. Потомъ малютка просыпался вдругъ человѣкомъ; невидимо и не слышно пронеслись надъ нимъ цѣлые годы. Онъ вдругъ сознавалъ свое настоящее положеніе, вдругъ сталъ понимать, что онъ одинокъ и чуждъ всему миру, одинъ въ чужомъ углу, межъ таинственныхъ, подозрительныхъ людей, между враговъ, которые все собираются и шепчутся по угламъ его темной комнаты и киваются старухѣ, сидѣвшей у огня на корточкахъ, нагревавшей свои дряхлые, старые руки и указывавшей имъ на него. Онъ впадалъ въ смятеніе, въ тревогу; ему все хотѣлось узнать, кто таковы эти люди, зачѣмъ они здѣсь, зачѣмъ онъ самъ въ этой комнатѣ, и догадывался, что забрель въ какой-то темный, злодѣйскій притонъ, будучи увлеченъ чѣмъ-то могучимъ, но невѣдомымъ, не разсмотрѣвъ прежде, кто и каковы жильцы и кто именно его хозяева. Его начинало мучить подозрѣніе,—и вдругъ, среди ночной темноты, опять началась шепотливая, длинная сказка, и начала ее тихо, чуть винтило про себя, какая-то старуха, печально качая передъ потухшимъ огнемъ своей бѣлой, сѣдой головой. Но—и опять ужасъ нападалъ на него: сказка воплощалась передъ нимъ въ лица и формы. Онъ видѣлъ, какъ все, начиная съ дѣтскихъ, неясныхъ грѣзъ его, всѣ мысли и мечты его, все, что онъ выжилъ жизнью, все, что вычиталъ въ книгахъ, все, о чёмъ уже и забылъ давно, все одушевлялось, все складывалось, воплощалось, вставало передъ нимъ въ колоссальныхъ формахъ и образахъ, ходило, роилось кругомъ него; видѣлъ, какъ раскидывались передъ нимъ волшебные, роскошные сады, какъ слагались и разрушались въ глазахъ его цѣ-

лые города, какъ цѣлые кладбища высыпали ему своихъ мертвѣцовъ, которые начинали жить съзнова, какъ приходили, рождались и отживали въ глазахъ его цѣлые племена и народы, какъ воплощалась, наконецъ, теперь, вокругъ болѣзненнаго одра его, каждая мысль его, каждая бесплотная грѣза, воплощалась почти въ мигъ зарожденія; какъ, наконецъ, онъ мыслилъ не безплотными идеями, а цѣлыми мірами, цѣлыми созданіями, какъ онъ носился, подобно пылинкѣ, во всемъ этомъ безконечномъ, странномъ, невыходимомъ мірѣ, и какъ вся эта жизнь, своею мятежною независимостью, давитъ, гнететъ его и преслѣдуетъ его вѣчной, безконечной ироніей; онъ слышалъ, какъ онъ умираетъ, разрушается въ пыль и прахъ, безъ воскресенія, на вѣки вѣковъ; онъ хотѣлъ бѣжать, но не было угла во всей вселенной, чтобы укрыть его. Наконецъ, въ припадкѣ отчаянія, онъ напрягъ свои силы, вскрикнулъ и проснулся.

Онъ проснулся, весь облитый холоднымъ, ледянымъ потомъ. Кругомъ него стояла мертвая тишина; была глубокая ночь. Но все ему казалось, что гдѣ-то продолжается его дивная сказка, что чей-то хриплый голосъ дѣйствительно заводить долгій разсказъ о чёмъ-то какъ будто ему знакомомъ. Онъ слышалъ, что говорятъ про темные лѣса, про какихъ-то лихихъ разбойниковъ, про какого-то удалого молодца, чуть-чуть не про самого Стеньку Разина, про веселыхъ пьяницъ, бурлаковъ, про одну красную дѣвицу и про Волгу-матушку. Не сказка-ли это? На-яву-ли онъ слышитъ ее? Цѣлый часъ пролежалъ онъ, открывъ глаза, не шевеля ни однимъ членомъ, въ мучительномъ оцѣпѣнїи. Наконецъ, онъ привсталъ осторожно и съ веселіемъ ощутилъ въ себѣ силу, неистощившуюся въ лютой болѣзни. Бредъ прошелъ, началась дѣйствительность. Онъ замѣтилъ, что еще былъ одѣтъ такъ, какъ былъ во время разговора съ Катериной, и что, слѣдовательно, немногого времени прошло съ того утра, какъ она ушла отъ него. Огонь рѣшимости пробѣжалъ по его жиламъ. Машинально отыскалъ онъ руками большой гвоздь, битый для чего-то вверху перегородки, возлѣ которой постлали постель его, схватился за него, и, повиснувъ на немъ всѣмъ тѣломъ, кое-какъ добрался до щели, изъ которой выходилъ едва замѣтный свѣтъ въ его комнату. Онъ приложилъ глазъ къ отверстию и стала глядѣть, едва переводя духъ отъ волненія.

Въ углу хозяйствкой каморки стояла постель, передъ постелью столъ, покрытый ковромъ, заваленный книгами большой старинной формы, въ переплетахъ, напоминающихъ священныея книги. Въ углу стоялъ образъ, такой же старинный, какъ и въ его комнатѣ; передъ образомъ горѣла лампада. На постели лежалъ стариикъ Муринъ, больной, изможденный страданіемъ и блѣдный какъ полотно, закрытый мѣховымъ одѣяломъ. На колѣняхъ его была раскрыта книга. На скамьѣ, возлѣ постели, лежала Катерина, охвативъ рукою грудь старика и склонившись къ нему на плечо головою. Она смотрѣла на него внимательными, дѣтски-удивленными глазами и, казалось, съ неистощимымъ любопытствомъ, замирая отъ ожиданія, слушала то, что ей разсказывалъ Муринъ. По временамъ голосъ рассказчика возвышался, одушевленіе отражалось на блѣдномъ лицѣ его; онъ хмурилъ брови, глаза его начинали сверкать, и Катерина, казалось, блѣдила отъ страха и волненія. Тогда что-то похожее на улыбку являлось на лицѣ старика, и Катерина начинала тихо смѣяться. Порой слезы загорались въ глазахъ ея; тогда стариикъ нѣжно гладилъ ее по головѣ, какъ ребенка, и она еще крѣпче обнимала его своею обнаженною, сверкающею какъ снѣгъ рукою, и еще любовнѣе припадала къ груди его.

По временамъ Ордыновъ думалъ, что все это еще сонъ, даже былъ въ этомъ увѣренъ; но кровь ему бросилась въ голову и жилы напряженно, съ болью, бились на вискахъ его. Онъ выпустилъ гвоздь, всталъ съ постели, и, качаясь, пробираясь какъ лунатикъ, самъ не понимая своего побужденія, вспыхнувшаго цѣлымъ пожаромъ въ крови его, подошелъ къ хозяйствскимъ дверямъ и съ силой толкнулся въ нихъ; ржавая задвижка отлетѣла разомъ, и онъ вдругъ съ шумомъ и трескомъ очутился среди хозяйствской спальни. Онъ видѣлъ, какъ вся вспорхнула и вздрогнула Катерина, какъ злобно засверкали глаза старика изъ-подъ тяжело-сдавленныхъ вмѣстѣ бровей, и какъ внезапно ярость исказила все лицо его. Онъ видѣлъ, какъ стариикъ, не спуская съ него своихъ глазъ, блуждающей рукой наскоро ищетъ ружье, висѣвшее на стѣнѣ; видѣлъ потомъ, какъ сверкнуло дуло ружья, направленное невѣрной, дрожащей отъ бѣшенства рукой прямо въ грудь его... Раздался выстрѣлъ, раздался потомъ дикий, почти нечеловѣческій крикъ, и когда разлетѣлся дымъ,

страшное зрѣлище поразило Ордынова. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ нагнулся надъ старикомъ. Муринъ лежалъ на полу; его коробило въ судорогахъ, лицо его было искажено въ мукахъ и пѣна показывалась ча искривленныхъ губахъ его. Ордыновъ догадался, что несчастный былъ въ жесточайшемъ припадкѣ падучей болѣзни. Вмѣстѣ съ Катериной, онъ бросился помогать ему...

III.

Вся ночь прошла въ тревогѣ. На другой день Ордыновъ вышелъ рано поутру, несмотря на свою слабость и на лихорадку, которая все еще не оставляла его. На дворѣ онъ опять встрѣтилъ дворника. Въ этотъ разъ татаринъ еще издали приподнялъ фуражку и съ любопытствомъ поглядѣлъ на него. Потомъ, какъ будто опомнился, принялъ за свою метлу, искоса взглядывая на медленно приближавшагося Ордынова.

— Чѣдѣ, ты ничего не слыхалъ ночью? спросилъ Ордыновъ.

— Да, слыхалъ.

— Чѣдѣ это за человѣкъ? Кто онъ такой?

— Сама нанимала, сама и знай; а моя чужая.

— Да будешь-ли ты когда говорить! закричалъ Ордыновъ вѣдь себя отъ припадка какой-то болѣзненной раздражительности.

— А моя что сдѣлала? Виновата твоя,—твоя жильцовъ пугала. Внизу гробовщикъ жилъ: онъ глухъ, а все слышалъ, и баба его глухая, и та слышала, а на другомъ дворѣ, хоть и далеко, а тоже слышала—вотъ. Я къ надзирателю пойду.

— Я самъ туда же пойду, отвѣчалъ Ордыновъ, и пошелъ къ воротамъ.

— А хошь, какъ хошь: сама нанимала... Баринъ, баринъ, постой! Ордыновъ оглянулся; дворникъ изъ учтивости тронулъ за шапку.

— Ну!

— Коль пойдешь, я къ хозяину пойду.

— Чѣдѣ-жъ?

— Лучше сѣѣзжай.

— Ты глупъ, проговорилъ Ордыновъ, и опять пошелъ было прочь.

— Баринъ, баринъ, постой! Дворникъ опять тронулъ за шапку и оскалилъ зубы.— Слушай, баринъ: ты сердце

держи; за что бѣднаго гналь? Бѣднаго гонять—грѣхъ. Богъ не велитъ—слышь?

— Слушай же и ты: вотъ возьми это. Ну, кто-жъ онъ таковъ?

— Кто таковъ?

— Да.

— Я и безъ денегъ скажу.

Тутъ дворникъ взялъ метлу, махнулъ разъ-два, по-томъ остановился, внимательно и важно посмотрѣвъ на Ордынова.

— Ты баринъ хороший. А не хошь жить съ человѣкомъ хорошимъ, какъ хошь; моя вотъ какъ сказала.

Тутъ татаринъ посмотрѣлъ еще выразительнѣе и, какъ будто осердясь, опять принялъся за метлу. Показавъ, наконецъ, видъ, что кончилъ какое-то дѣло, онъ таинственно подошелъ къ Ордынову и, сдѣлавъ какой-то очень выразительный жестъ, произнесъ:

— Она вотъ чѣ?

— Чѣго? Какъ?

— Ума нѣть.

— Чѣ?

— Улетѣла. Да! Улетѣла! повторилъ онъ еще болѣе таинственнымъ тономъ.—Она больна. У него барка была, большая была, и другая была, и третья была, по Волгѣ ходила, а я самъ изъ Волги, еще заводъ была, да сгорѣла, и онъ безъ башка.

— Онъ помѣшанный?

— Ни!. Ни!. отвѣталъ съ разстановкой татаринъ.—Не мѣшана. Онъ умный человѣкъ. Онъ все знаетъ, книжки много читала, читала, читала, все читала и другимъ правда сказывала. Такъ; пришла кто два рубля, три рубля, 40 рубля, а не хошь, какъ хошь; книжка посмотритъ, увидитъ и всю правду скажетъ. А деньга на столъ, тотчасъ на столъ—безъ деньги ни!

Тутъ татаринъ, съ излишкомъ сердца входившій въ интересъ Мурина, даже засмѣялся отъ радости.

— Что-жъ, онъ колдовалъ, гадалъ кому-нибудь?

— Гм... промычалъ дворникъ, скоро кивнувъ головою.—Она правду сказывала. Она Бога молитъ, много молитъ. А то такъ, находитъ на него.

Тутъ татаринъ опять повторилъ свой выразительный жестъ.

Въ эту минуту кто-то кликнулъ дворника съ другого

„KULTURA“
Warszawa, Sienkiewicza 11

двора, а вслѣдъ затѣмъ показался какой-то маленький, согбенный, сѣденій человѣкъ въ тулупѣ. Онъ шелъ кряхтя, спотыкаясь, смотрѣлъ въ землю и что-то нашептывалъ про себя. Можно было подумать, что онъ отъ старости выжилъ изъ ума.

— Хозяева, хозяева! прошепталъ впопыхахъ дворникъ, наскоро кивнувъ головою Ордынову и, сорвавъ шапку, бросился бѣгомъ къ старицѣ, котораго лицо было какъ-то знакомо Ордынову, по крайней мѣрѣ, онъ гдѣ-то встрѣтилъ его очень недавно.

Сообразивъ, впрочемъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительного, онъ пошелъ со двора. Дворникъ ему показался мошенникомъ и наглецомъ первой руки.

„Бездѣльникъ точно торговался со мной! думалъ онъ.— Богъ знаетъ, что тутъ такое!“

Онъ уже произнесъ это на улицѣ.

Мало-по-малу его начали одолѣвать другія мысли. Впечатлѣніе было непріятное, день сѣрый и холодный, порхалъ снѣгъ. Молодой человѣкъ чувствовалъ, какъ ознобъ снова начинаетъ ломать его, онъ чувствовалъ тоже, что какъ будто земля начинала подъ нимъ колыхаться. Вдругъ одинъ знакомый голосъ непріятно-сладенький, дребезжащимъ теноромъ пожелалъ ему доброго утра.

— Ярославъ Ильичъ, сказалъ Ордыновъ.

Передъ нимъ стоялъ бодрый, краснощекій человѣкъ, съ виду лѣтъ тридцати, невысокаго роста, съ сѣренькими масляными глазками, съ улыбочкой, одѣтый... какъ и всегда бываетъ одѣтъ Ярославъ Ильичъ, и пріятнѣйшимъ образомъ протягивалъ ему руку. Ордыновъ познакомился съ Ярославомъ Ильичемъ тому назадъ ровно годъ, совершенно случайнымъ образомъ, почти на улицѣ. Очень легкому знакомству способствовала, кромѣ случайности, необыкновенная наклонность Ярослава Ильича отыскивать всюду добрыхъ, благородныхъ людей, прежде всего образованныхъ и, по крайней мѣрѣ, талантомъ и красотою обращенія достойныхъ принадлежать высшему обществу. Хотя Ярославъ Ильичъ имѣлъ чрезвычайно сладенький теноръ, но даже въ разговорахъ съ искреннѣйшими друзьями въ настроѣ его голоса проглядывало что-то необыкновенно свѣтлое, могучее и повелительное, не терпящее никакихъ отлагательствъ, что было, можетъ быть, слѣдствиемъ привычки.

— Какимъ образомъ? вскрикнулъ Ярославъ Ильичъ съ выражениемъ искреннейшей, восторженной радости.

— Я здѣсь живу.

— Давно-ли? продолжалъ Ярославъ Ильичъ, подымая ноту все выше и выше.—И я не зналъ этого! Но я съ вами сосѣдъ! Я теперь уже въ здѣшней части. Я уже мѣсяцъ какъ воротился изъ Рязанской губерніи. Поймаль же васъ, старинный и благороднѣйший другъ!—И Ярославъ Ильичъ разсмѣялся добродушнѣйшимъ образомъ.—Сергѣевъ! закричалъ онъ вдохновенно.—Жди меня у Тарасова, да чтобъ безъ меня не шевелили кулей. Да турни олсуфьевского дворника, скажи, чтобъ тотъ же часъ явился въ контору. Я приду черезъ часъ...

Наскоро отдавая кому-то этотъ приказъ, деликатный Ярославъ Ильичъ взялъ Ордынова подъ-руку и повелъ въ ближайшій трактиръ.

— Не успокоюсь безъ того, пока не перебросимъ двухъ словъ наединѣ послѣ такой долгой разлуки. Ну, что ваши занятія? прибавилъ онъ почти благоговѣйно и таинственно понизивъ голосъ.—Всегда въ nauкахъ?

— Да, я попрежнему, отвѣчалъ Ордыновъ, у которого мелькнула одна свѣтлая мысль.

— Благородно, Василій Михайловичъ, благородно! Тутъ Ярославъ Ильичъ крѣпко пожалъ руку Ордынова.—Вы будете украшеніемъ нашего общества. Подай вамъ Господь счастливаго пути на вашемъ поприщѣ... Боже! какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ! Сколько разъ я вспоминаль обѣ васъ, сколько разъ говорилъ: гдѣ-то онъ, нашъ добрый, великодушный, остроумный Василій Михайловичъ?

Они заняли особую комнату. Ярославъ Ильичъ заказалъ закуску, велѣлъ подать водки и съ чувствомъ взглянулъ на Ордынова.

— Я много читалъ безъ васъ, началъ онъ робкимъ, немножко вкрадчивымъ голосомъ.—Я прочелъ всего Пушкина...

Ордыновъ разсѣянно посмотрѣлъ на него.

— Удивительно изображеніе человѣческой страсти-съ. Но прежде всего позвольте мнѣ быть вамъ благодарнымъ. Вы такъ много сдѣлали для меня благородствомъ внушенній справедливаго образа мыслей...

— Помилуйте!

— Нѣть, позвольте-съ. Я всегда люблю воздать справедливость, и горжусь, что, по крайней мѣрѣ, хоть это чувство не замолкло во мнѣ.

— Помилуйте, вы несправедливы къ себѣ, и я, право...

— Нѣтъ, совершенно справедливъ-сь, возразилъ съ необыкновеннымъ жаромъ Ярославъ Ильичъ.—Чтѣ я такое въ сравненіи съ вами-сь? Не правда-ли?

— Ахъ, Боже мой!

— Да-сь...

Тутъ послѣдовало молчаніе.

— Слѣдя вашимъ совѣтамъ, я прервалъ много грубыхъ знакомствъ и смягчилъ отчасти грубость привычекъ, началъ опять Ярославъ Ильичъ нѣсколько робкимъ и вкрадчивымъ голосомъ.—Въ свободное отъ должности время большую частію сижу дома; по вечерамъ читаю какую-нибудь полезную книгу и... у меня одно желаніе, Василій Михайловичъ, приносить хоть посильную пользу отечеству...

— Я всегда считалъ васъ за благороднѣйшаго человѣка, Ярославъ Ильичъ.

— Вы всегда приносите бальзамъ... благородный молодой человѣкъ...

Ярославъ Ильичъ горячо пожалъ руку Ордынову.

— Вы не пьете? замѣтилъ онъ, немногого утишивъ свое волненіе.

— Не могу, я боленъ.

— Больны? Да, въ самомъ дѣлѣ? Давно-ли, какъ, какимъ образомъ вы изволили заболѣть? Угодно, я скажу... какой медикъ васъ лѣчитъ? Угодно, я сейчасъ скажу на-шему частному доктору. Я самъ, лично къ нему побѣгу. Искуснѣйший человѣкъ!

Ярославъ Ильичъ уже брался за шляпу.

— Покорно благодарю. Я не лѣчусь и не люблю лѣкарей...

— Что вы? Можно-ли этакъ? Но это искуснѣйший человѣкъ, продолжалъ Ярославъ Ильичъ, умоляя,—намѣди,—но позвольте вамъ это разсказать, дорогой Василій Михайловичъ,—намѣди приходитъ одинъ бѣдный слесарь: „я, вотъ“, говорить, „накололъ себѣ руку моимъ орудіемъ; излѣчите меня“... Семенъ Пафнутьичъ, видя, что несчастному угрожаетъantonovъ огонь, принялъ мѣру отрѣзать зараженный членъ. Онъ сдѣлалъ это при мнѣ. Но это было такъ сдѣлано, такимъ благор... то-есть, такимъ восхитительнымъ образомъ, что, признаюсь, если бъ не со-страданіе къ страждущему человѣчеству, то было бы пріятно посмотрѣть такъ, просто, изъ любопытства-сь. Но гдѣ и какъ изволили заболѣть?

— Переѣзжая на квартиру... Я только что всталъ.

— Но вы еще очень нездоровы, и вамъ бы не слѣдовало выходить. Стало-быть, вы уже не тамъ, гдѣ прежде, живете? Но чѣмъ побудило васъ?

— Моя хозяйка уѣхала изъ Петербурга.

— Домна Савишина? Неужели?.. Добрая, истинно благородная старушка! Знаете-ли? Я чувствовалъ къ ней почти сыновнее уваженіе. Что-то возвышенное прадѣдовскихъ лѣтъ свѣтилось въ этой почти отжившой жизни; и, глядя на нее, какъ будто видишь передъ собой воплощеніе нашей сѣй, величавой старинышки... то-есть изъ этого... что-то тутъ, знаете, этакъ поэтическое!.. заключилъ Ярославъ Ильичъ, совершенно оробѣвъ и покраснѣвъ до ушей.

— Да, она была добрая женщина.

— Но позвольте узнать, гдѣ вы теперь изволили поселиться?

— Здѣсь, недалеко, въ домѣ Кошмарова.

— Я съ нимъ знакомъ. Величавый стариkъ! Я съ нимъ, смѣю сказать, почти искренній другъ. Благородная страсть!

Уста Ярослава Ильича почти дрожали отъ радости умиленія. Онъ спросилъ еще рюмку водки и трубку.

— Сами по себѣ напоминаете?

— Нѣть, у жильца.

— Кто таковъ? Можетъ-быть, я тоже знакомъ.

— У Мурина, мѣщанина; стариkъ высокаго роста...

— Муринъ, Муринь; да, позвольте-съ, это на заднемъ дворѣ, надъ гробовщикомъ?

— Да, да, на самомъ заднемъ дворѣ.

— Гм... вамъ покойно жить-съ?

— Да я только что переѣхалъ.

— Гм... я только хотѣлъ сказать, гм... впрочемъ, но вы не замѣтили-ль чего особеннаго?

— Право...

— То-есть, я увѣренъ, что вамъ будетъ жить у него хорошо, если вы останетесь довольны помѣщеніемъ... я и не къ тому говорю, готовъ предупредить; но, зная вашъ характеръ... Какъ вамъ показался этотъ стариkъ-мѣщанинъ?

— Онъ, кажется, совсѣмъ болѣйной человѣкъ.

— Да, онъ очень страждущъ... Но вы такого ничего не замѣтили? Вы говорили съ нимъ?

— Очень мало; онъ такой нелюдимый и желчный.

— Гм... Ярославъ Ильичъ задумался.

— Несчастный человѣкъ! сказалъ онъ, помолчавъ.

— Онъ?

— Да, несчастный и вмѣстѣ съ тѣмъ до невѣроятности странный и занимательный человѣкъ. Впрочемъ, если онъ васъ не беспокоитъ... Извините, что я обратилъ вниманіе на такой предметъ, но я полюбопытствовалъ...

— И, право, возбудили и мое любопытство... Я бы очень желалъ знать, кто онъ таковъ. Къ тому же, я съ нимъ живу...

— Видите-ли-сь: говорять, этотъ человѣкъ былъ прежде очень богатъ. Онъ торговалъ, какъ вамъ, вѣроятно, удавалось слышать. По разнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ, онъ обѣднѣлъ; у него въ бурю разбило нѣсколько барокъ съ грузомъ. Заводъ, ввѣренный, кажется, управлению близкаго и любимаго родственника, тоже подвергся несчастной участіи и сгорѣлъ, при чёмъ въ пламени пожара погибъ и самъ его родственникъ. Согласитесь, потеря ужасная! Тогда Мурины, разсказываютъ, впали въ плачевное уныніе; стали опасаться за его разсудокъ, и дѣйствительно, въ однойссорѣ съ другимъ купцомъ, тоже владѣтелемъ барокъ, ходившихъ по Волгѣ, онъ вдругъ выказалъ себя съ такой странной и неожиданной точки зрењія, что все происшедшее не иначе отнесли, какъ къ сильному его помѣшательству, чѣму и я готовъ вѣрить. Я подробно слышалъ о нѣкоторыхъ его странностяхъ; наконецъ, вдругъ, случилось одно очень странное, такъ сказать, роковое обстоятельство, которое ужъ никакъ нельзя объяснить иначе, какъ враждебнымъ вліяніемъ прогнѣванной судьбы.

— Какое? спросилъ Ордыновъ.

— Говорятъ, что въ болѣзnenномъ припадкѣ сумасшествія онъ посягнулъ на жизнь одного молодого купца, котораго прежде чрезвычайно любилъ. Онъ былъ такъ пораженъ, когда очнулся послѣ припадка, что готовъ былъ лишить себя жизни; такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываютъ. Не знаю навѣрно, чѣмъ произошло за этимъ, но извѣстно то, что онъ находился нѣсколько лѣтъ подъ покаяніемъ... Но что съ вами, Василій Михайловичъ, не утомляетъ-ли васъ мой простой разсказъ?

— О, нѣть, ради Бога... Вы говорите, что онъ былъ подъ покаяніемъ; но онъ не одинъ.

— Не знаю-сь. Говорятъ, что былъ одинъ. По крайней мѣрѣ, никто другой не замѣшанъ въ томъ дѣлѣ. А, впрочемъ, не слыхалъ о дальнѣйшемъ; знаю только...

— Ну-съ.

— Знаю только,—то-есть, я собственно ничего особенного не имѣлъ въ мысляхъ прибавить... я хочу только сказать, если вы находите въ немъ что-то необыкновенное и выходящее изъ обыкновенного уровня вещей, то все это произошло не иначе, какъ слѣдствіемъ бѣдъ, обрушившихся на него одна за другою...

— Да, онъ такой богомольный, большой святоша.

— Не думаю, Василій Михайловичъ; онъ столько пострадалъ; мнѣ кажется, онъ чистъ своимъ сердцемъ.

— Но, вѣдь, теперь онъ не сумасшедший; онъ здоровъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ; въ этомъ я вамъ могу поручиться, готовъ присягнуть; онъ въ полномъ владѣніи всѣхъ своихъ умственныхъ способностей. Онъ только, какъ вы справедливо замѣтили мелькомъ, чрезвычайно чуднѣй и богомольный. Очень даже разумный человѣкъ. Говорить бойко, смѣло и очень хитро-съ. Еще виденъ слѣдъ прошлой, бурной жизни на лицѣ его-съ. Любопытный человѣкъ-съ и чрезвычайно начитанный.

— Онъ, кажется, читаетъ все священные книги?

— Да-съ, онъ мистикъ-съ.

— Что?

— Мистикъ. Но я вамъ говорю это по секрету. По секрету скажу вамъ еще, что за нимъ былъ нѣкоторое время сильный присмотръ. Этотъ человѣкъ имѣлъ ужасное влияніе на приходившихъ къ нему.

— Какое же?

— Но вы не повѣрите; видите-ли-съ: тогда еще онъ не жилъ въ здѣшнемъ кварталѣ; Александръ Игнатьевичъ, почетный гражданинъ, человѣкъ сановитый и пользующійся общимъ уваженіемъ, ъздили къ нему съ какимъ-то поручикомъ изъ любопытства. Пріѣзжаютъ они къ нему; ихъ принимаютъ, и странный человѣкъ начинаетъ имъ вглядываться въ лица. Онъ обыкновенно вглядывался въ лица, если соглашался быть полезнымъ; въ противномъ случаѣ отсылалъ приходившихъ назадъ и даже, говорятъ, весьма неучтиво. Спрашивается онъ ихъ: что вамъ угодно, господа? Такъ и такъ, отвѣчаетъ Александръ Игнатьевичъ: даръ вашъ можетъ сказать вамъ это и безъ нась. Пожалуйте-жъ, говорить, со мной въ другую комнату; тутъ онъ назначилъ именно того изъ нихъ, который до него имѣлъ надобность. Александръ Игнатьевичъ не рассказывалъ, что съ нимъ было потомъ, но онъ вышелъ отъ него блѣдный,

какъ платокъ. То же самое случилось и съ одной знатной дамой высшаго общества: она тоже вышла отъ него блѣдна какъ платокъ, вся въ слезахъ и въ изумлениі отъ его предсказанія и краснорѣчія.

— Странно. Но теперь онъ не занимается этимъ?

— Строжайше запрещено-сь. Были чудные примѣры-сь. Одинъ молодой корнетъ, цвѣть и надежда высшаго семейства, глядя на него, усмѣхнулся. „Что ты смѣешься?“ сказалъ, разсердившись, стариkъ,— „черезъ три дня ты самъ будешь вотъ что!“—и онъ сложилъ накресть руки, означая такимъ знакомъ трупъ мертвеца.

— Ну?

— Не смѣю вѣрить, но, говорятъ, предсказаніе сбылось. Онъ имѣеть даръ, Василій Михайловичъ... Вы изволили улыбнуться къ мой простодушный разсказъ. Знаю, что вы далеко упредили меня въ просвѣщеніи; но я вѣрю ему: онъ не шарлатанъ. Самъ Пушкинъ упоминаетъ о чёмъ-то подобномъ въ своихъ сочиненіяхъ.

— Гм! Не хочу вамъ противорѣчить. Вы, кажется, сказали, что онъ живеть не одинъ?

— Я не знаю... съ пимъ, кажется, дочь его.

— Дочь?

— Да-съ, или, кажется, жена его; я знаю, что живеть съ нимъ какая-то женщина. Я видѣлъ мелькомъ и вниманія не обратилъ.

— Гм! Странно...

Молодой человѣкъ впалъ въ задумчивость. Ярославъ Ильичъ—въ нѣжное созерцаніе. Онъ былъ растроганъ и тѣмъ, что видѣлъ старого друга, и тѣмъ, что удовлетворительно рассказалъ интереснѣйшую вещь. Онъ сидѣлъ, не спуская глазъ съ Василья Михайловича и потягивая изъ трубки; по вдругъ вскочилъ и засуетился.

— Цѣлый часъ прошелъ, а я и забылъ! Дорогой Василій Михайловичъ, еще разъ благодарю судьбу за то, что свела насъ вмѣстѣ, но мнѣ пора. Дозволите-ли мнѣ поѣтить васъ въ вашемъ ученомъ жилищѣ?

— Сдѣлайте одолженіе, буду вамъ очень радъ. Навѣщу и самъ васъ, когда выпадетъ время.

— Вѣрить-ли пріятному извѣстію? Обяжете, несказанно обяжете! Не повѣрите, въ какой восторгъ вы меня привели!

Они вышли изъ трактира. Сергѣевъ уже летѣлъ имъ навстрѣчу и скороговоркой рапортовалъ Ярославу Ильичу,

что Вильямъ Емельяновичъ изволять проѣзжать. Дѣйствительно, въ перспективѣ показалась пара лихихъ саврасокъ, впряженныхъ въ лихія пролетки. Особенно замѣчательна была необыкновенная пристяжная. Ярославъ Ильичъ скжаль словно въ тискахъ руку лучшаго изъ друзей своихъ, приложился къ шляпѣ и пустился встрѣчать налетавшія дрожки. Дорогою онъ раза два обернулся и прощальнымъ образомъ кивнулъ головою Ордынову.

Ордыновъ чувствовалъ такую усталость, такое изнеможеніе во всѣхъ членахъ, что едва волочилъ ноги. Кое-какъ добрался онъ до дому. Въ воротахъ его опять встрѣтилъ дворникъ, прилежно наблюдавшій все его прощеніе съ Ярославомъ Ильичемъ, и еще издали сдѣлалъ ему какой-то пригласительный знакъ. Но молодой человѣкъ прошелъ мимо. Въ дверяхъ квартиры онъ плотно столкнулся съ маленькой, сѣденькой фігуркой, выходившей, потупивъ очи, отъ Мурина.

— Господи, прости мои прегрѣшенія! прошептала фігурка, отскочивъ въ сторону съ упругостью пробки.

— Не ушибъ-ли я васъ?

— Нѣть-съ, никакше благодарю за вниманіе... О, Господи, Господи!

Тихій человѣчекъ, кряхтя, охал и нашептывая что-то наиздателное себѣ подъ нось, бережно пустился по лѣстницѣ. Это былъ хозяинъ дома, котораго такъ испугался дворникъ. Тутъ только Ордыновъ вспомнилъ, что видѣлъ его въ первый разъ тутъ же, у Мурина, когда переѣзжалъ на квартиру.

Онъ чувствовалъ, что былъ раздраженъ и потрясенъ; онъ зналъ, что фантазія и впечатлительность его напряжены до крайности, и рѣшилъ не довѣрять себѣ. Мало-по-малу, онъ впалъ въ какое-то оѣбленїе. Въ грудь его залегло какое-то тяжелое, гнетущее чувство. Сердце его ныло, какъ будто все изъязвленное, и вся душа была полна глухихъ, неиз不可缺少ыхъ слезъ.

Онъ опять припалъ на постель, которую она постлала ему, и сталъ снова слушать. Онъ слышалъ два дыханія: одно тяжелое, болѣзненное, прерывистое, другое тихое, но неровное и какъ будто тоже взволнованное, какъ будто тамъ билось сердце однимъ и тѣмъ же стремленіемъ, одною и тою же страстью. Онъ слышалъ порою шумъ ея платья, легкій шелестъ ея тихихъ, мягкихъ шаговъ, и даже этотъ шелестъ ноги ея отдавался глухою, но мучительно-слад-

достною болью въ его сердцѣ. Наконецъ, онъ какъ будто разслышалъ рыданія, мятежный вздохъ и, наконецъ, опять ея молитву. Онъ зналъ, что она стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ, ломая руки въ какомъ-то изступленномъ отчаяніи!.. Кто же она? За кого она просить? Какою безвыходною страстью смущено ея сердце? Отчего оно такъ болитъ и тоскуетъ и выливаются въ такихъ жаркихъ и безнадежныхъ слезахъ?

Онъ началъ припоминать ея слова. Все, что она говорила ему, еще звучало въ ушахъ его, какъ музыка, и сердце любовно отдавалось глухимъ, тяжелымъ ударомъ на каждое воспоминаніе, на каждое набожно повторенное ея слово... На мигъ мелькнуло въ умѣ его, что онъ видѣлъ все это во снѣ. Но въ тотъ же мигъ весь составъ его изнылъ въ замирающей тоскѣ, когда впечатлѣніе ея горячаго дыханія, ея словъ, ея поцѣлуя наклеймилось снова въ его воображеніи. Онъ закрылъ глаза и забылся. Гдѣ-то прошли часы; становилось поздно; падали сумерки.

Ему вдругъ показалось, что она опять склонилась надъ нимъ, что глядить въ его глаза своими чудно-ясными глазами, влажными отъ сверкающихъ слезъ безмятежной, свѣтлой радости, тихими и ясными, какъ бирюзовый, нескончаемый куполъ неба въ жаркій полдень. Такимъ торжественнымъ спокойствиемъ сяло лицо ея, такимъ обѣваніемъ нескончаемаго блаженства теплилась ея улыбка, съ такимъ сочувствіемъ, съ такимъ младенческимъ увлечениемъ преклонилась она на плечо его, что стопъ вырвался изъ его обезсиленной груди отъ радости. Она хотѣла ему что-то сказать; она ласково что-то повѣряла ему. Оять какъ будто сердце пронзающая музыка поразила слухъ его. Онъ жадно впивалъ въ себѣ воздухъ, нагрѣтый, наэлектризованный ея близкимъ дыханіемъ. Въ тоскѣ онъ простеръ свои руки, вздохнулъ, открылъ глаза... Она стояла передъ нимъ, нагнувшись къ лицу его, вся блѣдная, какъ отъ испуга, вся въ слезахъ, вся дрожа отъ волненія. Она что-то говорила ему, обѣ чѣмъ-то молила его, складывая и ломая свои полуобнаженные руки. Онъ обвиль ее въ своихъ объятіяхъ, она вся трепетала на его груди...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Что ты? Что съ тобою? говорилъ Ордыновъ, очнувшись совсѣмъ, все еще сжимая ее въ своихъ крѣпкихъ и горячихъ объятіяхъ.— Что съ тобой, Катерина? Что съ тобою, любовь мой?

Она тихо рыдала, потупивъ глаза и пряча разгорѣвшееся лицо у него на груди. Долго еще она не могла говорить и вся дрожала, какъ будто въ испугѣ.

— Не знаю, не знаю, проговорила она, наконецъ, едва слышнымъ голосомъ, задыхаясь и почти не выговаривая словъ,—не помню, какъ и къ тебѣ зашла я сюда... Тутъ она еще крѣпче, еще съ болѣшимъ стремленіемъ прижалась къ нему и въ неудержимомъ, судорожномъ чувствѣ цѣловала ему плечо, руки, грудь; наконецъ, какъ будто въ отчаяніи, закрылась руками, пришла на колѣни и скрыла въ его колѣняхъ свою голову. Когда же Ордыновъ, въ невыразимой тоскѣ, нетерпѣливо приподнялъ и посадилъ ее возлѣ себя, то цѣльмъ заревомъ стыда горѣло лицо ея, глаза ея плакали о помилованіи, и насилино пробивавшаяся на губѣ ея улыбка едва силилась подавить неудержимую силу нового ощущенія. Теперь она была какъ будто снова чѣмъ-то испугана, недовѣрчиво отталкивала его рукой, едва взглядавала на него и отвѣчала на его ускоренные вопросы, потупивъ голову, боязливо и шопотомъ.

— Ты, можетъ-быть, видѣла страшный сонъ, говорилъ Ордыновъ,—можетъ-быть, тебѣ привидѣлось что-нибудь... да? Можетъ-быть, онъ испугалъ тебя... Онъ въ бреду и безъ памяти... Можетъ-быть, онъ что-нибудь говорилъ, что не тебѣ было слушать?.. Ты слышала что-нибудь? Да?

— Нѣтъ, я не спала, отвѣчала Катерина, съ усилиемъ подавляя свое волненіе.— Сонъ и не шелъ ко мнѣ. Онъ все молчалъ и только разъ позвалъ меня. Я подходила, окликала его, говорила ему; мнѣ стало страшно; онъ не просыпался и не слышалъ меня. Онъ въ тяжеломъ недугѣ, подай Господь ему помощи! Тогда мнѣ на сердце стала тоска западать, горькая тоска! Я-же все молилась, все молилась, и вотъ это и нашло на меня.

— Полно, Катерина, полно, жизнь моя, полно! Это ты вчера испугалась...

— Нѣтъ, я не пугалась вчера!..

— Бываетъ это съ тобой другой разъ?

— Да, бываетъ.—И она вся задрожала и опять въ испугѣ стала прижиматься къ нему, какъ дитя.—Видишь, сказала она, прерывая рыданія,—я не напрасно пришла къ тебѣ, не напрасно тяжело было оставаться одной, повторяла она, благодарно сжимая его руки.—Полно же, полно о чужомъ горѣ слезы ронять! Прибереги ихъ на черный день, когда самому, одинокому, тяжело будетъ и не будетъ съ тобой никого!.. Слушай, была у тебя твоя люба?..

— Нѣтъ... до тебя я не зналъ ни одной...

— До меня?.. ты меня своей любой зовешь?

Она вдругъ посмотрѣла на него, какъ будто съ удивлениемъ, что-то хотѣла сказать, но потомъ утихла и потупилась. Мало-по-малу все лицо ея снова зардѣлось внезапно запылавшимъ румянцемъ; ярче, сквозь забытыя, еще не остывшія на рѣсницахъ слезы, блеснули глаза, и видно было, что какой-то вопросъ шевелился на губахъ ея. Съ стыдливымъ лукавствомъ взглянула она раза два на него и потомъ вдругъ снова потупилась.

— Нѣтъ, не бывать мнѣ твоей первой любой, сказала она,—нѣтъ, нѣтъ, повторяла она, покачивая головою, задумавшись, тогда какъ улыбка опять тихо прокрадывалась по лицу ея,—нѣтъ, сказала она, наконецъ, разсмѣявшись,—не мнѣ, родной, быть твоей любушкой.

Тутъ она взглянула на него; но столько грусти отразилось вдругъ на лицѣ ея, такая безвыходная печаль попростила разомъ всѣ черты ея, такъ неожиданно закипѣло изнутри, изъ сердца ея, отчаяніе, что непонятное, болѣзньное чувство состраданія къ горю невѣдомому захватило духъ Ордынова, и онъ съ невыразимымъ мученіемъ глядѣлъ на нее.

— Слушай, что я скажу тебѣ, говорила она голосомъ, пронзающимъ сердце, скавъ его руки въ своихъ рукахъ, усиливаясь подавить свои рыданія.—Слушай меня хорошо, слушай, радость моя! Ты укроти свое сердце и не люби меня такъ, какъ теперь полюбилъ. Тебѣ легче будетъ, сердцу станеть легче и радостнѣе, и отъ лютаго врага себя сбережешь, и любу-сестрицу себѣ наживешь. Буду къ тебѣ приходить, коль захочешь, миловать тебя

буду и стыда на себя не возьму, что спозналась съ тобой. Была же съ тобой два дня, какъ лежалъ ты въ зломъ недугѣ! Спознай сестрицу! Не даромъ же мы братались съ тобой, не даромъ же я за тебя Богородицу слезно молила! Другой такой не нажить тебѣ! Миръ изойдешь кругомъ, поднебесную узнаешь — не найти тебѣ другой такой любы, коли любы твое сердце просить. Голячо тебя полюблю, все какъ теперь любить буду, и за то полюблю, что душа твоя чистая, свѣтлая, насквозь видна; за то, что какъ я взглянула впервые на тебя, такъ тотчасъ спознала, что ты моего дома гость, желанный гость, и не даромъ къ намъ напросился; за то полюблю, что, когда глядишь, твои глаза любятъ и про сердце твое говорятъ, и когда скажутъ что, такъ я тотчасъ же обо всемъ, что ни есть въ тебѣ, знаю, и за то тебѣ жизнь отдать хочется на твою любовь, добрую волюшку, за тѣмъ, что сладко быть и рабыней тому, чье сердце нашла... да жизнь-то моя не моя, а чужая, и волюшка связана! Сестрицу-жь возьми, и самъ будь мнѣ братъ, и меня въ свое сердце прими, когда опять тоска, злая немочь нападетъ на меня; только самъ сдѣлай такъ, чтобы мнѣ стыда не было къ тебе приходить и съ тобой долгую ночь, какъ теперь, просидѣть. Слышаль меня? Открыль-ли мнѣ сердце свое? Взяль-ли въ разумъ, что я тебѣ говорила?.. Она хотѣла еще что-то сказать, взглянула на него, положила на плечо ему свою руку и, наконецъ, въ безсиліи припала къ груди его. Голосъ ея замеръ въ судорожномъ, страстномъ рыданіи, грудь волновалась глубоко, и лицо вспыхнуло, какъ заря вечерняя.

— Жизнь моя! прошепталъ Ордыновъ, у которого зреіе помутилось и духъ занялся.—Радость моя! говорилъ онъ, не зная словъ своихъ, не помня ихъ, не понимая себя, трепеща, чтобы однимъ дуновеніемъ не разрушить обаянія, не разрушить всего, что было съ нимъ и что скорѣе онъ принималъ за видѣніе, чѣмъ за дѣйствительность: такъ отуманилось все передъ нимъ!—Я не знаю, не понимаю тебя, я не помню, что ты мнѣ теперь говорила, разумъ тускнѣетъ мой, сердце поетъ въ груди, владычица моя!..

Тутъ голосъ его опять прескѣся отъ волненія. Она все крѣпче, все теплѣе, горячѣе прижималась къ нему. Онъ привсталъ съ мѣста и, уже не сдерживая себя болѣе, разбитый, обезсиленный восторгомъ, упалъ на колѣни.

Рыданія судорожно, съ болью прорвались, наконецъ, изъ груди его, и пробившійся прямо изъ сердца голосъ задрожалъ, какъ струна, отъ всей полноты невѣдомаго восторга и блаженства.

— Кто ты, кто ты, родная моя? Откуда ты, моя голубушка? говорилъ онъ, силясь подавить свои рыданія,— изъ какого неба ты въ мои небеса залетѣла? Точно сонъ кругомъ меня; я вѣрить въ тебя не могу. Не укоряй меня... дай мнѣ говорить, дай мнѣ все, все сказать тебѣ!.. Я долго хотѣлъ говорить... Кто ты, кто ты, радость моя?... Какъ ты нашла мое сердце? Расскажи мнѣ; давно ли ты сестрица моя?.. Расскажи мнѣ все про себя, гдѣ ты была до сихъ поръ,—расскажи, какъ звали мѣсто, гдѣ ты жила, чѣмъ тамъ полюбила сначала, чѣмъ рада была, и о чѣмъ тосковала?.. Былъ-ли тамъ тепель воздухъ, чисто-ли небо было?.. Кто тебѣ были милыя, кто любили тебя до меня, къ кому тамъ впервые твоя душа запросилась?.. Была-ль у тебя мать родная и она-ль тебя дитятей лелеяла, или, какъ я, одинокая, ты на жизнь оглянулась? Скажи мнѣ, всегда-ль ты была такова? Чѣо снилось, о чѣмъ гадала ты впередъ, чѣо сбылось и чѣо не сбылось у тебя—все скажи... По комъ заныло первый разъ твое дѣвичье сердце и за что ты его отдала? Скажи, что же мнѣ отдать тебѣ за него, что мнѣ отдать тебѣ за тебя?.. Скажи мнѣ, любушка, свѣтъ мой, сестрица моя, скажи мнѣ, чѣмъ же мнѣ твое сердце нажить?..

Тутъ голосъ его снова изсякъ, и онъ склонилъ голову. Но когда поднялъ глаза, то нѣмой ужасъ оледенилъ его всего разомъ, и волосы встали дыбомъ на головѣ его.

Катерина сидѣла блѣдная, какъ полотно. Она неподвижно смотрѣла въ воздухъ, губы ея были сини, какъ у мертвый, и глаза заволоклись нѣмой, мучительной мукой. Она медленно привстала, ступила два шага и съ пропнзительнымъ воплемъ упала передъ образомъ... Отрыви стыя, несвязные слова вырывались изъ груди ея. Она лишилась чувствъ. Ордыновъ, весь потрясенный страхомъ, поднялъ ее и донесъ до своей кровати; онъ стоялъ надъ нею, не помня себя. Спустя минуту, она открыла глаза, приподнялась на постели, осмотрѣлась кругомъ и схватила его руку. Она привлекла его къ себѣ, силилась что-то прошептать все еще блѣдными губами, но голосъ все еще измѣнился ей. Наконецъ, она разразилась градомъ слезъ; горячія капли жгли похолодѣвшую руку Ордынова.

— Тяжело, тяжело мнѣ теперь; часъ мой приходитъ послѣдній! проговорила она, наконецъ, тоскуя въ безвыходной мукѣ.

Она силилась еще что-то проговорить, но окостенѣлый языкъ ея не могъ произнести ни одного слова. Съ отчаяніемъ глядѣла она на Ордынова, не понимавшаго ея. Онъ нагнулся къ ней ближе и вслушивался... Наконецъ, онъ услышалъ, какъ она прошептала явственно:

— Я испорчена, меня испортили, погубили меня!

Ордыновъ поднялъ голову и съ дикимъ изумленіемъ взглянулъ на нее. Какая-то безобразная мысль мелькнула въ умѣ его. Катерина видѣла судорожное, болѣзненное сжатіе его лица.

— Да! Испортили, продолжала она,—меня испортилъ злой человѣкъ,—онъ погубитель мой!.. Я душу ему продала... Зачѣмъ, зачѣмъ обѣ родной ты помилуешь? Чѣмъ тебѣ было мучить меня? Богъ тебѣ, Богъ тебѣ судья!..

Черезъ минуту она тихо заплакала; сердце Ордынова билось и ныло въ смертной тоскѣ.

— Онъ говорить, шептала она сдержаннѣемъ, таинственнымъ голосомъ,—что когда умретъ, то придетъ за моей грѣшной душой... Я его, я ему душой продалась... Онъ мучилъ меня, онъ мнѣ въ книгахъ читаль... На, смотри, смотри его книгу! Вотъ его книга. Онъ говорить, что я сдѣлала смертный грѣхъ... Смотри, смотри...

И она показывала ему книгу; Ордыновъ не замѣтилъ, откуда взялась она. Онъ машинально взялъ ее, всю писанную, какъ древнія раскольнические книги, которыхъ ему удавалось прежде видѣть. Но теперь онъ былъ не въ силахъ смотрѣть и сосредоточить вниманіе свое на чемъ-нибудь другомъ. Книга выпала изъ рукъ его. Онъ тихо обнималъ Катерину, стараясь привести ее въ разумъ.

— Полно, полно! говорилъ онъ,—тебя испугали; я съ тобою; отдохни со мною, родная, любовь моя, свѣтъ мой!

— Ты не знаешь ничего, ничего, говорила она, крѣпко сжимая его руки,—я такая всегда!.. Я все боюсь... Полно, полно тебѣ меня мучить!..

— Я тогда къ нему иду, начала она черезъ минуту, переводя духъ.—Иной разъ онъ просто своими словами меня заговариваетъ, другой разъ беретъ свою книгу, самую большую, и читаетъ надо мной. Онъ все грозное, суровое такое читаетъ! Я не знаю что и понимаю не всякое слово; но меня беретъ страхъ, и когда я вслушу-

шиваюсь въ его голосъ, то словно это не онъ говоритъ, а кто-то другой, недобрый, кого ничѣмъ не умягчишь, ничѣмъ не замолишь, и тяжело-тяжело станетъ на сердцѣ, горить оно... Тяжелѣй, чѣмъ когда начиналась тоска!

— Не ходи къ нему! Зачѣмъ же ты ходишь къ нему? говорилъ Ордыновъ, едва сознавая слова свои.

— Зачѣмъ я къ тебѣ пришла? Спроси—тоже не знаю... А онъ мнѣ все говоритъ: молись, молись! Иной разъ я встаю въ темную ночь и молюсь долго, по цѣлымъ часамъ; часто и сонъ меня клонить, но страхъ все будить, все будить меня, и мнѣ все чудится тогда, что гроза кругомъ меня собирается, что худо мнѣ будетъ, что разорвутъ и затерзаютъ меня недобрые, что не замолить мнѣ угодниковъ, и что не спасутъ они меня отъ лютаго горя. Вся душа разрывается, словно распаяться все тѣло хочетъ отъ слезъ... Тутъ я опять стану молиться, и молюсь, и молюсь до той поры, пока Владычица не посмотритъ на меня съ иконы любовнѣе. Тогда я встаю и отхожу на сонъ какъ убитая; иной разъ и засну на полу, на колѣняхъ предъ иконой. Тогда, случится, онъ проснетъся, подзоветъ меня, начнетъ меня голубить, ласкать, утѣшать, и тогда ужъ мнѣ и легче становится, и приди хоть какая бѣда, я ужъ съ нимъ не боюсь. Онъ властенъ! Велико его слово!

— Но какая-жъ бѣда, какая-жъ бѣда у тебя?.. И Ордыновъ ломалъ руки въ отчаянії.

Катерина страшно поблѣднѣла. Она смотрѣла на него, какъ приговоренная къ смерти, не чая помилованія.

— Меня?.. Я дочь проклятая, я душегубка; меня мать прокляла! Я родную мать загубила!..

Ордыновъ безмолвно обнялъ ее. Она трепетно прижалась къ нему. Онъ чувствовалъ, какъ судорожная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу, и, казалось, душа ея разставалась съ тѣломъ.

— Я ее въ сырью землю зарыла, говорила она вся въ тревогѣ своихъ воспоминаній, вся въ видѣніяхъ своего безвозвратно прошедшаго,—я давно хотѣла говорить; онъ все заказывалъ мнѣ моленіемъ, укоромъ и словомъ гнѣвливымъ, а порой самъ на меня же подыметъ тоску мою, точно мой врагъ и супостать. А мнѣ все—какъ и теперь ночью—все приходить на умъ... Слушай, слушай! Это давно уже было, очень давно, я и не помню когда, а все какъ будто вчера передо мною, словно сонъ

вчераший, что сосаль мнѣ сердце всю ночь. Тоска на-
двоемъ времени длинишь. Сядь, сядь здѣсь, возлѣ меня; я все
мое горе тебѣ разскажу; разрази меня, проклятую, про-
клятиемъ матернимъ... Я тебѣ жизнь мою предаю...

Ордыновъ хотѣлъ остановить ее, но она сложила руки,
моля его любовь на вниманіе, и потомъ снова, еще съ
большей тревогой, начала говорить. Разсказъ ея былъ
бесвязенъ, въ словахъ слышалась буря душевная, но
Ордыновъ все понималъ, затѣмъ, что жизнь ея стала его
жизнью, горе ея—его горемъ, и затѣмъ, что врагъ его
уже вѣялъ стоять передъ нимъ, воинствовался и рохъ пе-
редъ нимъ въ каждомъ ея словѣ и какъ будто съ не-
истощимой силой давилъ его сердце и ругался надъ его
злобой. Кровь его волновалась, заливала сердце и путала
мысли. Злой старикъ его сна (въ это вѣрилъ Ордыновъ)
былъ вѣялъ передъ нимъ.

— Вотъ такая же ночь была, начала говорить Кате-
рина,—только грозище, и вѣтеръ вылъ по нашему лѣсу,
какъ никогда еще не удавалось мнѣ слышать... или ужъ
въ эту ночь началась погибель моя! Подъ нашимъ
окномъ дубъ сломило, а къ намъ приходилъ старый, сѣ-
дой старикъ-нищій, и онъ говорилъ, что еще малымъ ди-
тей помнилъ этотъ дубъ, и что онъ былъ такой же,
какъ и тогда, когда вѣтеръ осилилъ его... Въ эту же
ночь—какъ теперь все помню!—у отца барки на рѣкѣ
бурей разбило, и онъ, хоть и немочь ломала его, по-
ѣхалъ на мѣсто, какъ только приѣждали къ намъ на
заходъ рыбаки. Мы съ матушкой сидѣли одинѣ, я дре-
мала, она обѣ чемъ-то грустила и горько плакала... да,
я зпала о чёмъ! Она только что хворала, была блѣдна
и все говорила мнѣ, чтобы я ей саванъ готовила... Вдругъ
слышимъ въ полночь стукъ у воротъ; я вскочила, кровь
залила мнѣ сердце; матушка вскрикнула... я не взгля-
нула на нее, я боялась, взяла фонарь, пошла сама отпи-
ратъ ворота... Это былъ онъ! Мнѣ стало страшно, затѣмъ,
что мнѣ всегда страшно было, какъ онъ приходилъ, и
съ самого дѣтства такъ было, какъ только память во мнѣ
родилась! У него тогда еще не было бѣлаго волоса: бо-
рода его была какъ смоль черна, глаза горѣли словно
угли, и ни разу до той поры онъ ласково на меня не
взглянулъ. Онъ спросилъ: „дома-ли мать?“ Я, затворяя
калитку, говорю, что „отца нѣту дома“. Онъ сказалъ:
„знаю“, и вдругъ глянулъ на меня, такъ глянулъ... пер-

вый разъ онъ такъ глядѣлъ на меня. Я шла, а онъ все стоять. „Что ты не идешь?“—„Думу думаю“. Мы ужъ въ свѣтлку всходимъ. „А зачѣмъ ты сказала, что отца нѣту дома, когда я спрашивалъ, дома-ли мать?“ Я молчу... Матушка обмерла — къ нему бросилась... Онъ чуть взглянуль,—я все видѣла. Онъ былъ весь мокрый, издрогший: буря гнала его двадцать верстъ,—а откуда и гдѣ онъ бываетъ, ни я, ни матушка никогда не знали; мы его ужъ девять недѣль не видали... Бросилъ шапку, скинулъ рукавицы—образамъ не молится, хожевамъ не кланяется—сѣлъ у огня...

Катерина провела рукою по лицу, какъ будто что-то гнело и давило ее, но черезъ минуту опять подняла голову и опять начала:

— Онъ сталъ съ матерью говорить по-татарски. Мать умѣла, я не понимала ни слова. Другой разъ, какъ онъ приходилъ, меня отсыпали; а теперь мать родному дѣтищу слова сказать не посмѣла. Нечистый купилъ мою душу, и я, сама себѣ хвались, смотрѣла на матушку. Вижу, на меня смотрять, обо мнѣ говорять; она стала плакать; вижу, онъ за ножъ хватается, а ужъ не одинъ разъ, съ недавняго времени, онъ при мнѣ за ножъ хватался, когда съ матерью говорилъ. Я встала и схватилась за его поясъ, хотѣла у него ножъ его вырвать нечистый. Онъ скрипнулъ зубами, вскрикнулъ и хотѣлъ меня отбить—въ грудь ударилъ, да не оттолкнулъ. Я думала, тутъ и умру, глаза заволокло, падаю на землю—да не вскрикнула. Смотрю, сколько силъ было видѣть, снимаетъ онъ поясъ, засучиваетъ руку, которой ударилъ меня, ножъ вынимаетъ, мнѣ даетъ: „На, рѣжь ее прочь, натѣшься надъ ней во сколько обиды моей къ тебѣ было, а я, гордая, зато дѣ-земи тебѣ поклонюсь“. Я ножъ отложила; кровь меня душить начала, на него не глянула, помню, усмѣхнулась, губъ не разжимая, да прямо матушкѣ въ печальныя очи смотрю, грозно смотрю, а у самой смѣхъ съ губъ не сходитъ безстыдный; а мать сидитъ блѣдная, мертвая...

Ордыновъ съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ несвязный разсказъ; но мало-по-малу тревога ея стихла на первомъ порывѣ; рѣчь стала покойнѣе; воспоминанія увлекли совсѣмъ блѣдную женщину и разбили тоску ея по всему своему безбрежному морю.

— Онъ взялъ шапку, не кланяясь. Я опять взяла фо-

парь его провожать, вмѣсто матушки, которая, хоть большая сидѣла, а хотѣла за нимъ идти. Дошли мы съ нимъ до воротъ, я молчу, калитку ему отворила, собакъ проಗнала. Смотрю—снимаетъ онъ шапку и мнѣ поклонъ. Вижу, идетъ къ себѣ за пазуху, вынимаетъ коробокъ красный, сафьянныи, задвижку отводитъ; смотрю: бурмицкія зерна,—мнѣ на поклонъ. „Есть“, говоритъ, „у меня въ пригороды красавица, ей вѣзъ на поклонъ, да не къ ней завезъ: возьми, красная дѣвица, полелѣй свою красоту, хоть ногой растопчи, да возьми“. Я взяла, а ногой топтать не хотѣла, чести много не хотѣла давать, а взяла, какъ ехидна, не сказала ни слова на что. Пришла и поставила на столъ передъ матерью—для того и брала. Родимая съ минуту молчала, вся какъ платокъ бѣла, говорить со мной словно боится. „Что-жъ это, Катя?“ А я отвѣчаю:—„тебѣ, родная, купецъ приносилъ, я не вѣдаю“. Смотрю, у ней слезы выдавились, духъ захватали. „Не мнѣ, Катя; не мнѣ, дочка злая, не мнѣ“. Помню, такъ горько, такъ горько сказала, словно всю душу выплакала. Я глаза подняла, хотѣла ей въ ноги броситься, да вдругъ окаймленный подсказалъ: „Ну, не тебѣ, вѣрно батюшкѣ; ему передамъ, коль воротится; скажу: купцы были, товаръ позабыли...“ Тутъ какъ всплачешь она, родная моя... „Я сама скажу, что за купцы пріѣзжали и за какимъ товаромъ пріѣхали... Ужъ я скажу ему, чья ты дочь, беззаконница! Ты же не дочь мнѣ теперь, ты мнѣ змѣя подколодная! Ты дѣтище мое проклятое!“ Я молчу, слезы пейдутъ у меня... Ахъ! словно все во мнѣ вымерло... Пошла я къ себѣ въ свѣтлицу и всюто ноченьку бурю прослушала, да подъ бурей свои мысли слагала.

А между тѣмъ пять дёнъ прошло. Вотъ къ вечеру пріѣзжаетъ, черезъ пять дёнъ, батюшка, хмурый и грозный, да немочь-то дорогой сломила его. Смотрю, рука у него подвязана, смекнула я, что дорогу ему врагъ его перешелъ; а врагъ тогда утомилъ его и немочь насладъ на него. Знала я тоже, кто его врагъ, все знала. Съ матушкой слова не молвиль, про меня не спросилъ, всѣхъ людей созвалъ, заводъ остановить приказалъ и домъ отъ худого глаза беречь. Я почуяла сердцемъ въ тотъ часъ, что дома у насъ нездорово. Вотъ ждемъ, прошла ночь, тоже бурная, вьюжная, и тревога мнѣ въ душу запала. Отворила я окно—горитъ лицо, плачутъ очи, жжетъ

сердце неугомонное; сама какъ въ огнѣ: такъ и хочется мнѣ вонъ изъ свѣтлицы, дальше, на край свѣта, гдѣ молоныя и буря рождаются. Грудь моя дѣвичья ходенемъ ходить... вдругъ, ужъ поздно—я какъ будто вздрогнула, иль туманъ мнѣ на душу запалъ, разомъ смущилъ,— слышу, стучать въ окно: „отвори!“ Смотрю, человѣкъ въ окно по веревкѣ вскарабкался. Я тотчасъ узнала, кто въ гости пожаловалъ, отворила окно и впустила его въ свѣтлицу свою одинокую. А былъ онъ! Шапки не снялъ, сѣлъ на лавку, запыхался, еле духъ переводить, словно погоня была. Я стала въ уголь и сама знаю, какъ вся поблѣднѣла.—Дома отецъ? „Дома“.—А мать? „Дома и мать“.—Молчи же теперь; слышишь?—„Слыши“.—Что?— „Свистъ подъ окномъ!“—Ну, хочешь теперь, красная дѣвица, съ недруга голову снять, батюшку родимаго кликнуть, душу мою загубить? Изъ твоей дѣвичьей воли не выйду; вотъ и веревка, вяжи, коли сердце велитъ за обиду свою заступиться.—Я молчу.—Что-жъ? Промолви, радость моя?—„Чего тебѣ нужно?“—А нужно мнѣ ворога уходить, съ старой любой по добру, по здорову проститься, а новой, молодой, какъ ты, красной дѣвицѣ, душой поклониться... Я засмѣялась; и сама не знаю, какъ его нечистая рѣчъ въ мое сердце дошла.—Пусти-жъ меня, красная дѣвица, прогуляться внизъ, свое сердце извѣдать, хозяевамъ поклонъ отнести.—Я вся дрожу, стучу зубомъ объ зубъ, а сердце словно желѣзо каленое. Пошла, дверь ему отворила, впустила въ домъ, только на порогъ черезъ силу промолвила: „На, вотъ! Возьми свои зерна, и не дари меня другой разъ никогдѣ“, и сама ему коробокъ во слѣдъ бросила.

Тутъ Катерина остановилась перевести духъ; она то вздрагивала и листъ блѣднѣла, то кровь всходила ей въ голову, и теперь, когда она остановилась, щеки ея пылали огнемъ, глаза блестали сквозь слезы, и тяжелое, прерывистое дыханіе колебало грудь ея. Но вдругъ она опять поблѣднѣла, и голосъ ея упалъ, задрожавъ тревожно и грустно.

— Тогда я осталась одна, и будто буря меня кругомъ обхватила. Вдругъ слышу крикъ, слышу, по двору люди до завода бѣгутъ, слышу говоръ: „заводъ горитъ“. Я притаилась, изъ дома всѣ убѣжали; осталась я съ матушкой. Знала я, что она съ жизнью разстается, трети сутки на смертной постели лежить, знала я, окаянная дочь!..

Вдругъ крикъ подъ моей свѣтлицей, слабый, словно ребенокъ вскрикнулъ, когда во снѣ испугается, и потомъ все затихло. Я задула свѣчу, сама леденѣю, закрылась руками, глянуть боюсь. Вдругъ слышу крикъ подлѣ меня, слышу — съ завода люди бѣгутъ. Я въ окно свѣсились: вижу, несутъ батюшку мертваго, слышу, говорятъ межъ собою: „оступился, съ лѣстницы въ котель раскаленный упалъ; знать, нечистый его туда подтолкнулъ“. Я припала на постель; жду, сама вся замерла, и не знаю, чего и кого ждала; только тяжело у меня было въ этотъ часъ. Не помню, сколько ждала; помню, что меня вдругъ всю колыхать начало, головъ тяжело стало, глаза выѣдало дымомъ; и рада была я, что близка моя гибель! Вдругъ слышу, кто-то меня за плечи подымаетъ. Смотрю, сколько глядѣть могу: онъ, весь опаленный, и кафтанъ его, горячій на ощупь, дымится.

— „За тобой пришелъ, красная дѣвица; уводи-жь меня отъ бѣды, какъ прежде на бѣду наводила; душу свою я за тебя сгубилъ. Не отмолить мнѣ этой ночи проклятой! Развѣ вмѣстѣ будемъ молиться!“ Смѣялся онъ, злой че-ловѣкъ! — „Покажи,“ говоритъ, „какъ пройти, чтобы не мимо людей!“ Я взяла его за руку и повела за собой. Прошли мы коридоръ — со мной ключи были, — отворила я дверь въ кладовую и показала ему на окно. А окно наше въ садъ выходило. Онъ схватилъ меня па могучія руки, обнялъ и выпрыгнулъ со мною вонъ изъ окна. Мы побѣжали съ нимъ рука въ руку, долго бѣжали. Смотримъ: густой, темный лѣсъ. Онъ сталъ слушать: „погоня, Катя, за нами! Погоня за нами, красная дѣвица, да не въ этотъ часъ намъ животы свои положить! Поцѣлуй меня, красная дѣвица, на любовь да на вѣчное счастье!“ — А отчего у тебя руки въ крови? — „Руки въ крови, моя родимая? А вашихъ собакъ порѣзаль; разлазились болно на поздняго гостя. Пойдемъ!“ Мы опять побѣжали; видимъ, на тропинкѣ батюшкинъ конь, узду перервалъ, изъ конюшни выбѣжалъ; знать, ему горѣть не хотѣлось! „Садись, Катя, со мной! Богъ намъ помочь послалъ!“ Я молчу. „Аль не хочешь? Я вѣдь не нехристъ какой, не нечистый, вотъ перекрещусь, коли хочешь“, и тутъ онъ крестъ положилъ. Я сѣла, прижалась къ нему и забылась совсѣмъ у него на груди, словно сонъ какой нашелъ на меня, а какъ очнулась, вижу, стоимъ у широкой-широкой рѣки. Онъ слѣзъ, меня съ лошади снялъ и пошелъ въ тростникъ:

тамъ онъ лодку свою затаилъ. Мы ужъ садились. „Ну, прощай, добрый конь, ступай до новаго хозяина, а старые всѣ тебя покидають!“ Я бросилась къ коню батюшкуну и крѣпко на разлуку обняла его. Потомъ мы сѣли, онъ весла взялъ, и мигомъ стало намъ береговъ не видать. И когда стало намъ береговъ не видать, смотрю, онъ весла сложилъ и кругомъ, по всей водѣ, осмотрѣлся.

— „Здравствуй“, промолвилъ, „матушка, бурная рѣченька, Божьему люду полица, а моя кормилица! Скажи-ка, берегла-ль ты мое доброе безъ меня, цѣлы-ль товары мои!“ Я молчу, очи на грудь опустила: лицо стыдомъ, какъ полныемъ, пышеть. А онъ: „Ужъ и все-бѣ ты взяла, бурная, ненасытная, а дала-бѣ мнѣ обѣть беречь и ле-лѣять жемчужину мою многоцѣнную! Урони-жъ хоть словечко, красная дѣвица, просіай въ бурю солнцемъ, разгони свѣтомъ темную ночь!“ — Говорить, а самъ усмѣхается; жгло его сердце по мнѣ, да усмѣшки его, со стыда, мнѣ стерпѣть не хотѣлось; хотѣлось слово сказать, да сробѣла, смолчала. „Ну, инъ быть такъ!“ отвѣчаетъ онъ на мою думу робкую, говорить будто съ горя, самого будто горе беретъ. „Знать, съ силы ничего не возьмешь. Богъ же съ тобой, спѣсивая, голубица моя, красная дѣвица! Видно, сильна ко мнѣ твоя ненависть, или ужъ такъ не любо я твоимъ свѣтлымъ очамъ приглянулся“. Слушала я, и зло меня взяло, зло съ любви взяло; я сердце осилила, промолвила: „любѣ или не любѣ ты пришелся мнѣ, знать не мнѣ про то знать, а вѣрно другой какой неразумной, безстыжей, что свѣтлицу свою дѣвичью въ темную ночь опозорила, за смертный грѣхъ душу свою продала, да сердца своего не сдержала безумнаго; да знать про то вѣрно моимъ горючимъ слезамъ, да тому, кто чужой бѣдой воровски похваляется, надѣ дѣвичимъ сердцемъ насы-хается!“ Сказала, да не стерпѣла, заплакала... Онъ помолчалъ, поглядѣль на меня такъ, что я какъ листъ задрожала. „Слушай же“, говорить мнѣ, „красная дѣвица“, — а у самого чудно очи горятъ, — „не праздное слово скажу, а дамъ тебѣ великое слово: на сколько счастья мнѣ подаришь, на столько буду и я господинъ, а не взлюбишь когда — и не говори, словъ не роняй, не трудись, а двинь только бровью своей соболиною, поведи чернымъ глазомъ, мизинцемъ однимъ шевельни, и отдамъ тебѣ назадъ любовь твою съ золотою волюшкой; только будеть тутъ, краса

моя гордая, несносимая, и моей жизни конец!" И тутъ вся плоть моя на его слова усмѣхнулася...

Тутъ глубокое волненіе прервало было разсказъ Катерины; она перевела духъ, усмѣхнулась новой думѣ своей и хотѣла было продолжать, но вдругъ сверкающій взглядъ ея встрѣтилъ воспаленный, прикованный взглядъ Ордынова. Она вздрогнула, хотѣла было что-то сказать, но кровь залила ей лицо... Словно въ безшамятствѣ, закрылась она руками и бросилась лицомъ на подушки. Все потряслось въ Ордыновѣ! Какое-то мучительное чувство, смятеніе безотчетное, невыносимое разливалось, какъ ядъ, по всѣмъ его жиламъ и росло съ каждымъ словомъ разсказа Катерины: безвыходное стремленіе, страсть жадная и невыносимая захватила думы его, мущила его чувства. Но грусть тяжелая, безконечная въ то же время все болѣе и болѣе давила его сердце. Минутами онъ хотѣлъ кричать Катеринѣ, чтобы она замолчала, хотѣлъ броситься къ ногамъ ея и молить своими слезами, чтобы она возвратила ему его прежнія муки любви, его прежнее, безотчетное, чистое стремленіе, и ему жаль стало давно уже высохшихъ слезъ своихъ. Сердце его ныло, болѣзненно обливаясь кровью и не давая слезъ уязвленной душѣ его. Онъ не понялъ, что говорила ему Катерина, и любовь его пугалася чувства, волновавшаго бѣдную женщину. Онъ проклялъ страсть свою въ эту минуту: она душила, томила его, и онъ слышалъ, какъ растопленный свинецъ, вмѣсто крови, потекъ въ его жилахъ.

— Ахъ, не въ томъ мое горе, сказала Катерина, вдругъ приподнявъ свою голову, — что я тебѣ говорила теперь, не въ томъ мое горе, продолжала она голосомъ, зазвѣнѣвшимъ какъ мѣдь отъ нового нежданного чувства, тогда какъ вся душа ея разрывалась отъ затаившихся, безвыходныхъ слезъ, — не въ томъ мое горе, не въ томъ мука, забота моя! Что, что мнѣ до родимой моей, хоть и не нажить мнѣ на всемъ свѣтѣ другой родной матушки! Чѣмъ мнѣ до того, что прокляла она меня въ часть своей тяжелый, послѣдній! Чѣмъ мнѣ до золотой прежней жизни моей, до теплой свѣтлицы, до дѣвичьей волюшки! Чѣмъ мнѣ до того, что продалась я нечистому и душу мою отдала погубителю, за счастіе вѣчный грѣхъ понесла! Ахъ, не въ томъ мое горе, хоть и на этомъ велика погибель моя! А то мнѣ горько и рветъ мнѣ сердце, что я рабыня его опозоренная, что позоръ и стыдъ мой самой,

безстыдной, мнѣ любъ, что любо жадному сердцу и вспоминать свое горе, словно радость и счастье, — въ томъ мое горе, что нѣть силы въ немъ и нѣть гнѣва за обиду свою!..

Духъ занялся въ груди бѣдной женщины, и судорожное, истерическое рыданіе пресѣкло слова ея. Горячее, порывистое дыханіе палило ея губы, грудь подымалась и опускалась глубоко, и непонятнымъ негодованіемъ сверкнули глаза ея. Но столько очарованія озолотило лицо ея въ эту минуту, такимъ страстнымъ потокомъ чувства, такой невыносимой, неслыханной красотою задрожала каждая линія, каждый мускулъ его, что разомъ угасла черная дума и замолкла чистая грусть въ груди Ордынова. Сердце его рвалось прижаться къ ея сердцу и страстно, въ безумномъ волненіи, забыться въ немъ вмѣстѣ; застучать въ ладъ тою же бурею, тѣмъ же порывомъ незвѣдомой страсти и хоть замереть съ нимъ вмѣстѣ. Катерина встрѣтила помутившійся взоръ Ордынова и улыбнулась такъ, что удвоеннымъ потокомъ огня обдало его сердце. Онъ едва помнилъ себя.

— Пожалѣй меня, пощади меня! шепталъ онъ ей, сдерживая дрожащій свой голосъ, наклоняясь къ ней, опервшись рукою на ея плечо, и близко, близко такъ, что дыханіе ихъ сливалось въ одно, смотря ей въ глаза, — ты сгубила меня! Я твоего горя не знаю и душа моя смутилась... Что мнѣ до того, объ чемъ плачетъ твое сердце! Скажи, что ты хочешь... я сдѣлаю. Пойдемъ же со мною, пойдемъ, не убей меня, не мертвіи меня!...

Катерина смотрѣла на него неподвижно; слезы высохли на горячихъ щекахъ ея. Она хотѣла прервать его, взять его за руку, хотѣла сама что-то говорить и какъ будто не находила словъ. Какая-то странная улыбка медленно появилась на ея губахъ, словно смѣхъ пробивался сквозь эту улыбку.

— Не все-жъ я, знать, тебѣ рассказала, проговорила она, наконецъ, прерывистымъ голосомъ. — Еще расскажу; только будешь-ли, будешь-ли слушать меня, горячее сердце? Послушай сестрицу свою! Знать мало спозналъ ты ея лютаго горя! Хотѣла-бы я разсказать, какъ я съ нимъ годъ прожила, да не стану... А минулъ годъ, ушелъ онъ съ товарищами внизъ по рѣкѣ, и осталась я у названной матушки его во пристани ждать. Жду его мѣсяцъ, другой, и повстрѣчалась я въ пригородахъ съ мо-

лодымъ купцомъ, взглянула на него и вспомнила про
былые годы золотые. — „Любушка-сестрица!“ говорить
онъ, какъ два слова перемолвишь со мной, — „я Алеша,
твой названный суженый, нась дѣтьми старики на словахъ
повѣнчали; забыла меня, вспомни-ка, я изъ вашего мѣста“ ...
— А чѣмъ говорять обо мнѣ въ вашемъ мѣстѣ? — „А го-
ворить людской толкъ, что ты нечестно пошла, дѣвичій
стыдъ позабыла, съ разбойникомъ, душегубцемъ спозна-
лась“, говорить мнѣ Алеша, смѣясь. — А ты что про
меня говорилъ? — „Много хотѣлъ говорить, какъ сюда
подѣзжалъ“, — и смущилось въ немъ сердце, — „много
сказать захотѣлось, а теперь душа у меня помертвѣла,
какъ завидѣль тебя; сгубила ты меня!“ говорить. „Купи-жъ
и мою душу, возьми ее, хоть насыщайся надъ сердцемъ,
любовью моей, красная дѣвица. Я теперь сиротинушка,
хозянинъ свой, и душа-то моя своя, не чужая, не продава-
валъ ее никому, какъ иная, что память свою загасила,
а сердце не покупать стать, даромъ отдать, да видно
дѣло оно наживное!“ Я засмѣялась, и не разъ и не два
говорилъ — цѣлый мѣсяцъ въ усадьбѣ живеть, бросиль
товары, своихъ отпустилъ, одинъ-одинешенекъ. — Жаль
мнѣ стало его сиротскихъ слезъ. Вотъ и сказала я ему
разъ поутру: жди меня, Алеша, какъ стемнѣеть ночь,
пониже у пристани; пойдемъ съ тобой въ твое мѣсто!
Опостылѣла мнѣ жизнь моя горемычная! — Вотъ ночь
пришла, я узелокъ навязала, и душа заныла, заиграла
во мнѣ. Смотрю, входить хозяинъ мой, нежданно, невѣ-
домо. — Здравствуй; пойдемъ, на рѣкѣ будетъ буря, а время
не ждетъ. Я пошла за нимъ; къ рѣкѣ подошли, а до своихъ
было далеко плыть; смотримъ: лодка и знакомый въ ней гре-
бецъ сидитъ, словно поджидаетъ кого. „Здравствуй, Алеша,
Богъ въ помощь тебѣ! Что? Аль на пристани запоздалъ,
на суда свои поспѣшаешь? Довези-ка, добрый человѣкъ,
вотъ меня да съ хозяинкой къ своимъ, въ наше мѣсто;
лодку свою я отпустилъ, а вплавъ пойти не умѣю“. —
„Садись“, сказалъ Алеша, а у меня вся душа изныла,
какъ заслышила я голосъ его. „Садись и съ хозяинкой;
вѣтеръ для всѣхъ, а въ моемъ терему и для васъ будетъ
мѣсто“. Сѣли; ночь была темная, звѣзды попрятались,
вѣтеръ завылъ, встала волна, а отъ берега мы съ версту
отѣхали. Всѣ трое молчимъ.

— „Буря!“ говорить мой хозяинъ, — „и не къ добру эта
буря! Такой бури я сродясь еще на рѣкѣ не видалъ,

какая теперь разыграется! Тяжело нашей лодкѣ! Не сносить ей троихъ! — „Да, не сносить“, отвѣтаетъ Алеша, — „и одинъ изъ насъ, знать, лишній выходитъ“, говорить, а у самого голосъ дрожитъ какъ струна. — „А что, Алеша? Зналъ я тебя малымъ дитѣй, братался съ твоимъ роднымъ батюшкой, хлѣбъ-соль вмѣстѣ водили—скажи мнѣ, Алеша, дойдешь-ли безъ лодки до берега, иль сгинешь ни за чтѣ, душу погубишь свою?“ — „Не дойду!“ — „А ты, добрый человѣкъ, какъ случится, не ровенъ часъ и тебѣ порой водицы испить, дойдешь или нѣть?“ — „Не дойду, тутъ и конецъ моей душенѣкѣ, не сносить меня бурной рѣкѣ!“ — „Слушай же ты теперь, Катеринушка, жемчужина моя многоцѣнная! Помню я одну такую же ночь, только тогда не колыхалась волна, звѣзды сїали и мѣсяцъ свѣтиль... Хочу тебя такъ, спроста, спросить, не забыла-ли ты?“ — „Помню“, я говорю. — „А какъ не забыла ея, такъ и уговора не забыла, какъ училъ одинъ молодецъ одну красну дѣвицу волюшку свою похитить назадъ у немилова — а?“ — „Нѣть, и того не забыла“, говорю, а сама ни жива, ни мертвa. — „А, не забыла! Такъ вотъ теперь въ лодкѣ намъ тяжело. Ужъ не пришло-ли чье время? Скажи, родная, скажи, голубица, проворкуй намъ по-голубиному свое слово ласковое“...

„Я слова моего не сказала тогда!“ прошептала Катерина, блѣднѣя... Она не докончила.

— Катерина! раздался надъ ними глухой, хриплый голосъ. Ордыновъ вздрогнулъ. Въ дверяхъ стоялъ Муринъ. Онъ былъ едва закрытъ мѣховыми одѣяломъ, блѣденъ какъ смерть и смотрѣлъ на нихъ почти обезумѣвшимъ взглядомъ. Катерина блѣднѣла больше и больше и тоже смотрѣла на него неподвижно, какъ будто очарованная.

— Иди ко мнѣ, Катерина! прошепталъ больной едва слышнымъ голосомъ и вышелъ изъ комнаты. Катерина все еще смотрѣла неподвижно въ воздухъ, все будто бы еще старикъ стоялъ передъ нею. Но вдругъ кровь мгновенно опалила ея блѣдныя щеки, и она медленно приподнялась съ постели. Ордыновъ вспомнилъ первую встрѣчу.

— Такъ до завтра же, слезы мои! сказала она, какъ-то странно усмѣхаясь,—до завтра! Помни-жъ, на чемъ перестала я: „выбирай изъ двухъ: кто любъ иль не любъ тебѣ, красная дѣвица!“ Будешь помнить, подождешь одну почку? повторила она, положивъ ему свои руки на плеча и нѣжно смотря на него.

— Катерина, не ходи, не губи себя! Онъ сумасшедший!
шепталъ Ордыновъ, дрожа за нее.

— Катерина! раздался голосъ за перегородкой.

— Что-жъ? Зарѣжетъ, небось? отвѣчала, смѣясь, Катерина.—Доброй ночи тебѣ, сердце мое ненаглядное, голубь горячій мой, братецъ родной! говорила она, нѣжно прижалъ его голову къ груди своей, тогда какъ слезы оросили вдругъ лицо ея.—Это послѣднія слезы. Переспижъ свое горе, любезный мой, проснешься завтра на радость. И она страстно поцѣловала его.

— Катерина! Катерина! шепталъ Ордыновъ, упавъ передъ ней на колѣни и порываясь остановить ее.—Катерина!

Она обернулась, улыбаясь кивнула ему головою и вышла изъ комнаты. Ордыновъ слышалъ, какъ она вошла къ Мурину; онъ затаилъ дыханіе, прислушиваясь, но ни звука не услышалъ онъ болѣе. Старикъ молчалъ или, можетъ-быть, опять былъ безъ памяти... Онъ хотѣлъ было идти къ ней туда, но ноги его подкашивались... Онъ ослабѣлъ и присѣлъ на постели...

II.

Долго не могъ онъ узнать часа, когда очнулся. Были разсвѣтъ или сумерки: въ комнатѣ все еще было темно. Онъ не могъ означить именно сколько времени спалъ, но чувствовалъ, что сонъ его былъ сномъ болѣзненнымъ. Опомнившись, онъ провелъ рукой по лицу, какъ будто снимая съ себя сонъ и почтная видѣнія. Но когда онъ хотѣлъ ступить на полъ, то почувствовалъ, что какъ будто все тѣло его было разбито, и истомленные члены отказывались повиноваться. Голова его болѣла и кружилась, и все тѣло обдавало то мелкою дрожью, то иламенемъ. Вмѣстѣ съ сознаніемъ воротилась и память, и сердце его дрогнуло, когда въ одинъ мигъ пережилъ онъ воспоминаніемъ всю прошлую ночь. Сердце его такъ сильно билось въ отвѣтъ на его раздумье, такъ горячи, свѣжи были его ощущенія, что какъ будто не ночь, не долгіе часы, а одна минута прошла по уходѣ Катерины. Онъ чувствовалъ, что глаза его еще не обсохли отъ слезъ,—или новыя, свѣжія слезы брызнули какъ родникъ изъ горячей души его? И, чудное дѣло! Ему даже сладостны были муки его, хотя онъ глухо слышалъ всѣмъ составомъ своимъ, что не вынесеть

болѣе такого насилия. Была минута, когда онъ почти чувствовалъ смерть и готовъ былъ встрѣтить ее, какъ свѣтлую гостью: такъ напряглись его впечатлѣнія, такимъ могучимъ порывомъ закипѣла, по пробужденіи, вновь его страсть, такимъ восторгомъ обдало душу его, что жизнь, ускоренная напряженной дѣятельностью, казалось, готова была перерваться, разрушиться, истлѣть въ одинъ мигъ и угаснуть навѣки. Почти въ эту-жъ минуту, какъ бы въ отвѣтъ на тоску его, въ отвѣтъ его задрожавшему сердцу, зазвучалъ знакомый—какъ та внутренняя музыка, знакомая душѣ человѣка въ часъ радости о жизни своей, въ часъ безмаячнаго счастья—густой, серебряный голосъ Катерины. Близко, возлѣ, почти надъ изголовьемъ его, началась пѣсня, сначала тихо и заунывно... Голосъ то возвышался, то опадалъ, судорожно замирая, словно тая про себя и нѣжно лелѣя свою же мятежную муку ненасытимаго, сдавленнаго желанія, безвыходно затаеннаго въ тоскующемъ сердцѣ; то снова разливался соловьиною трелю и весь дрожа, пламенѣя уже несдержаною страстью, разливался въ цѣлое море восторговъ, въ море могучихъ, беспредѣльныхъ, какъ первый мигъ блаженства любви, звуковъ. Ордыновъ отличалъ и слова: они были просты, задушевны, сложенные давно, прямымъ, спокойнымъ, чистымъ и яснымъ самому себѣ чувствомъ. Но онъ забывалъ ихъ, онъ слышалъ лишь одни звуки. Сквозь простой, наивный складъ пѣсни, ему сверкали другія слова, гремѣвшія всѣмъ стремленіемъ, которое наполняло его же грудь, давшія откликъ сокровеннѣйшимъ, ему же невѣдомымъ, изгибамъ страсти его, прозвучавшимъ ему же ясно, цѣлымъ сознаніемъ о ней. И то слышался ему послѣдній стонъ безвыходно замершаго въ страсти сердца, то радость воли и духа, разбившаго цѣпи свои и устремившагося свѣтло и свободно въ неисходимое море невозбранной любви; то слышалась первая клятва любовницы съ благоуханнымъ стыдомъ за первую краску въ лицѣ, съ моленіями, со слезами, съ таинственнымъ, робкимъ шепотомъ; то желаніе вакханки, гордое и радостное силой своей, безъ покрова, безъ тайны, съ сверкающимъ смѣхомъ обводящее кругомъ опьянѣвшія очи...

Ордыновъ не выдержалъ окончанія пѣсни и всталъ съ постели. Пѣсня тотчасъ затихла.

— Доброе утро съ добрымъ днемъ прошли, мой желанный! зазвучалъ голосъ Катерины,—добрый вечеръ тебѣ!

Встань, приди къ намъ, пробудись на свѣтлую радость; ждемъ тебя я да хозяинъ, люди все добрые, твоей волѣ покорные, загаси любовью ненависть, коли все еще сердце обидой болитъ. Скажи слово ласковое!..

Ордыновъ уже вышелъ изъ комнаты па первый окликъ ея и едва понялъ онъ, что входитъ къ хозяевамъ. Передъ нимъ отворилась дверь, и, ясна какъ солнце, засияла ему золотая улыбка чудной его хозяйки. Въ этотъ мигъ онъ не видалъ, че слыхалъ никого, кроме ея. Мгновенно вся жизнь, вся радость его слились въ одно въ его сердцѣ — въ свѣтлый образъ его Катерины.

— Двѣ зари прошло, сказала она, подавая ему свои руки, — какъ мы попрощались съ тобой, вторая гаснетъ теперь, посмотри въ окно. Словно двѣ зари души красной дѣвицы, промолвила, смѣясь, Катерина, — одна, что первымъ стыдомъ лицо разрумянить, какъ впервники скажется въ груди одинокое дѣвичье сердце, а другая, какъ забудетъ первый стыдъ красная дѣвица, горить словно полымя, давить дѣвичью грудь и гонить въ лицо румяную кровь... Ступай, ступай въ нашъ домъ, добрый моладецъ! Что стоишь на порогѣ? Честь тебѣ да любовь, да поклонъ отъ хозяина!

Съ звонкимъ, какъ музыка, смѣхомъ взяла она руку Ордынова и ввела его въ комнату. Робость вошла въ его сердце. Все пламя, весь пожаръ, пламенѣвшій въ груди его, словно истлѣли и угасли въ одинъ мигъ и на одинъ мигъ; онъ съ смущенiemъ опустилъ глаза и боялся смотрѣть на нее. Онъ чувствовалъ, что она такъ чудно прекрасна, что не сносить его сердцу знайна го ея взгляда. Никогда еще онъ не видалъ такъ своей Катерины. Смѣхъ и веселье въ первый разъ засверкали въ лицѣ ея и изсушили грустныя слезы на ея черныхъ рѣсницахъ. Его руки дрожали въ ея рукѣ. И если бъ онъ поднялъ глаза, то увидѣлъ бы, что Катерина съ торжествующей улыбкой приковала свѣтлые очи къ лицу его, отуманенному смущенiemъ и страстью.

— Встань же, старый! сказала она, наконецъ, какъ будто сама только опомнившись, — скажи гостю слово привѣтливое. Гость, что братъ родной! Встань же, непоклонный, спѣсивый старинушка, встань, поклонись, гости за бѣлые руки возьми, посади за столъ!

Ордыновъ поднялъ глаза и какъ будто теперь лишь опомнился. Онъ теперь только подумалъ о Муринѣ. Глаза

старика, словно потухшіе въ предсмертной тоскѣ, смотрѣли на него неподвижно; и съ болью въ душѣ вспомнилъ онъ этотъ взглядъ, сверкнувшій ему въ послѣдній разъ изъ-подъ нависшихъ черныхъ, скатыхъ, какъ и теперь, тоскою и гнѣвомъ бровей. Голова его слегка закружилась. Онъ оглядѣлся кругомъ, и теперь только сообразилъ все ясно, отчетливо. Муринъ все еще лежалъ на постели, но онъ былъ почти одѣтъ и какъ будто уже вставалъ и выходилъ въ это утро. Шея была обвязана, какъ и прежде, краснымъ платкомъ, на ногахъ были туфли. Болѣзнь, очевидно, прошла, только лицо все еще было страшно блѣдно и желто. Катерина стояла возлѣ постели, опершись рукою на столъ, и внимательно смотрѣла на обоихъ. Но привѣтливая улыбка не сходила съ лица ея. Казалось, все сдѣлалось по ея мановенію.

— Да! Это ты, сказалъ Муринъ, приподымаясь и садясь на постели. — Ты мой жилицъ. Виновать я передъ тобою, баринъ, согрѣшилъ и обидѣль тебя незнамо-невѣдомо, пошалилъ намедни, съ ружьемъ. Кто-жъ-те зналъ, что на тебя тоже находить черная немочь? А со мною случается, прибавилъ онъ хриплымъ, болѣзненнымъ голосомъ, хмуря брови свои и невольно отводя глаза свои отъ Ордынова. — Бѣда идетъ — не стучитъ въ ворота, какъ воръ подползетъ! Я и ей чуть ножа ономнясь въ грудь не всадилъ... примолвилъ онъ, кивнувъ головой на Катерину. — Боленъ я, припадокъ находить, ну, и довольно съ тебя. Садись — будешь гость.

Ордыновъ все еще пристально смотрѣль на него.

— Садись же, садись! крикнулъ старикъ отъ нетерпѣнія, — садись, коли ей это любо! Ишь вы побратались, единоутробные! Слюбились, словно любовники!

Ордыновъ сѣлъ.

— Видиши, сестрица какая, продолжалъ старикъ, засмѣявши ся и показавъ два ряда своихъ бѣлыхъ, цѣлыхъ до единаго, зубовъ. — Милуйтесь, родные мои! Хороша-ль у тебя сестрица, баринъ? Скажи, отвѣчай! На, смотри-ка, какъ щеки ея полыменѣ пышать. Да оглянись же, почестуй всему свѣту красавицу! Покажи, что болитъ по ней ретивое!

Ордыновъ нахмурилъ брови и злобно посмотрѣль на старика. Тотъ вздрогнулъ отъ его взгляда. Слѣпое бѣшенство закипѣло въ груди Ордынова. Онъ какимъ-то животнымъ инстинктомъ чулъ близъ себя врага на

смерть. Онъ самъ не могъ понять, что съ нимъ дѣлается, разсудокъ отказывался служить ему.

— Не смотри! раздался голосъ сзади его. Ордыновъ оглянулся.

— Не смотри же, не смотри, говорю, коли бѣсь на-
ущаетъ, пожалѣй свою любу, говорила, смеясь, Катерина,
и вдругъ сзади закрыла рукою глаза его; потомъ тотчасъ
же отняла свои руки и закрылась сама. Но краска лица
какъ будто пробивалась сквозь ея пальцы. Она отняла
руки и, вся горя какъ огонь, попробовала свѣтло и не-
трепетно встрѣтить ихъ смѣхъ и любопытные взгляды.
Но оба молча глядѣли на нее — Ордыновъ съ какимъ-то
изумленіемъ любви, какъ будто въ первый разъ такая
страшная красота пронзила сердце его, старикъ — внима-
тельно, холодно. Ничего не выразилось на его блѣдномъ
лицѣ, только губы синѣли и слегка трепетали.

Катерина подошла къ столу, уже не смеясь болѣе, и
стала убирать книги, бумаги, чернильницу, все, что было
на столѣ, и сложила все на окно. Она дышала скоро,
прерывисто, и по временамъ жадно впивала въ себя воз-
духъ, какъ будто ей сердце тѣснило. Тяжело, словно
волна прибрежная, опускалась и вновь подымалась ея
полная грудь. Она потушила глаза, и черныя, смолистыя
рѣсницы, какъ острыя иглы, заблистали на свѣтлыхъ
щекахъ ея...

— Царь-дѣвица! сказалъ старикъ.

— Владычика моя! прошепталъ Ордыновъ, дрогнувъ
всѣмъ тѣломъ. Онъ опомнился, заслушавъ на себѣ взглядъ
старика; какъ молния сверкнулъ этотъ взглядъ на мгно-
вение — жадный, злой, холодно-презрительный. Ордыновъ
привсталъ было съ мѣста, но какъ будто невидимая сила
сковала ему ноги. Онъ снова усѣлся. Порой онъ сжималъ
свою руку, какъ будто не довѣряя дѣйствительности. Ему
казалось, что кошмаръ его душитъ и что на глазахъ его
все еще лежитъ страдальческій, болѣзненный сонъ. Но,
чудное дѣло! Ему не хотѣлось проснуться.

Катерина сняла со стола старый коверъ, потомъ от-
крыла сундукъ, вынула изъ него драгоцѣнную скатерь,
всю расшитую яркими шелками и золотомъ, и накрыла
ею столъ; потомъ вынула изъ шкафа старинный, прадѣ-
довскій, весь серебряный поставецъ, поставила его на
средину стола и отдѣлила отъ него три серебряныхъ
чарки — хозяину, гостю и чару себѣ, потомъ важнымъ.

почти задумчивымъ взглѣдомъ посмотрѣла на старика и на гостя.

— Кто-жъ изъ насъ кому любъ аль не любъ? сказала она,— кто не любъ кому, тотъ мнѣ любъ и со мной будетъ пить свою чару. А мнѣ всяко изъ васъ любъ, какъ родной: такъ пить всѣмъ на любовь и согласье!

— Пить, да черную думу въ винѣ топить! сказалъ старикъ измѣнившимся голосомъ.—Наливай, Катерина!

— А ты велишь наливать? спросила Катерина, смотря на Ордынова.

Ордыновъ молча подвинулъ свою чарку.

— Стой! У кого какая загадка и думушка, пусть по его же хотѣнью и сбудется! сказалъ старикъ, поднявъ свою чару.

Всѣ стукнули чарками и выпили.

— Давай же мы теперь выпьемъ съ тобой, старина! сказала Катерина, обращаясь къ хозяину,— выпьемъ, коли ласково твое сердце ко мнѣ! Выпьемъ за прожитое счастье, ударимъ поклонъ прожитымъ годамъ, сердцемъ за счастье, да любовью поклонимся! Вели-жъ наливать, коли горячо твое сердце ко мнѣ!

— Винцо твое крѣпко, голубица моя, а сама только губки помочишь! сказалъ старикъ, смѣясь и подставляя вновь свою чару.

— Ну, я отхлебну, а ты пей до дна!.. Что жить, старинушка, тяжелую думу за собой волочить; а только сердце ноетъ съ думы тяжелой! Думушка съ горя идетъ, думушка горе зоветъ, а при счастьи живется безъ думушки! Пей, старина! Утопи свою думушку!

— Много-жъ, знать, горя у тебя накипѣло, коли такъ на него ополчаешься! Знать, разомъ хочешь покончить, бѣлая голубка моя. Пью съ тобой, Катя! А у тебя есть-ли горе, баринъ, коль позволишь спросить?

— Чѣсть есть, чѣсть есть про себя, прошепталъ Ордыновъ, не сводя глазъ съ Катерины.

— Слышалъ, старинушка? Я и сама себя долго не знала, не помнила, а пришло время, все спознала и вспомнила; все, что прошло, ненасытной душой опять прожила.

— Да, горько, коль на бываломъ одномъ пробиваться начнешь, сказалъ старикъ задумчиво.—Чѣто прошло, какъ вино пропито! Чѣто въ прошломъ счастьи? Кафтанъ износишь, и долой...

— Новый надо! подхватила Катерина, засмѣявшись съ натуги, тогда какъ двѣ крупныя слезинки повисли, какъ алмазы, на сверкнувшихъ рѣсицахъ.—Знать, вѣку минутой одной не прожить, да и дѣвичье сердце живуче, не угоняешься въ ладъ! Спозналь, старина? Смотри, я въ твоей чарѣ слезинку мою скоропила!

— А за много-ль счастья ты свое горе купила? сказалъ Ордыновъ, и голосъ его задрожалъ отъ волненія.

— Знать, у тебя, баринъ, своего много продажнаго! отвѣчалъ стариkъ, — что суешься непрошеный. И онъ злобно и неслышно захохоталъ, нагло смотря на Ордынова.

— А за чѣо продала, тѣо и было, отвѣчала Катерина, какъ будто недовольнымъ, обиженнымъ голосомъ.—Одному кажется много, другому мало. Одинъ все отдать хочетъ, взять нечего, другой ничего не сулитъ, да за юмъ идеть сердце послушное! А ты не кори человѣка, промолвила она, грустно смотря на Ордынова, — одинъ такой человѣкъ, другой не тотъ человѣкъ, а будто знаешь, зачѣмъ къ кому душа просится! Наливай же свою чару, стариkъ! Выпей за счастье твоей дочки любезной, рабыни твоей тихой, покорной, какъ впервинки была, какъ съ тобой спознавалась. Подымай свою чару!

— Инь быть такъ! Наливай же свою! сказалъ стариkъ, взявъ вино.

— Стой, старина! Подожди пить, дай прежде слово сказать!..

Катерина облокотилась руками на столъ и пристально, разгорѣвшимися, страстными очами смотрѣла въ глаза старику. Какая-то странная рѣшимость сіяла въ глазахъ ея. Но всѣ движения ея были спокойны, жесты отрывисты, неожиданны, скоры. Она была вся словно въ огнь, и чудно дѣжалось это. Но какъ будто красота ея росла вмѣстѣ съ волненiemъ, съ одушевленiemъ ея. Изъ полуоткрытыхъ улыбкою губъ, выказывавшихъ два ряда бѣлыхъ, ровныхъ, какъ жемчугъ, зубовъ, вылетало порывистое дыханіе, слегка приподымая ея ноздри. Грудь волновалась; коса, три раза обернутая на затылкѣ, небрежно, слегка упала на лѣвое ухо и прикрыла часть горячей щеки. Легкій потъ пробивался у ней на вискахъ.

— Загадай, старина! Загадай мнѣ, родимый мой, загадай прежде чѣмъ умъ пропьешь; вотъ тебѣ ладонь моя бѣлая! Вѣдь не даромъ тебя у насъ колдуномъ люди про-

звали. Ты же по книгамъ учился и всякую черную грамоту знаешь! Погляди же, старинушка, расскажи мнѣ всю долю мою горемычную; только смотри, не солги! Ну, скажи какъ самъ знаешь—будетъ-ли счастье дочкѣ твоей, иль не простишь ты ее и накличешь ей на дорогу одну злую долю-кручинушку? Скажи, тепель-ли будетъ мой уголъ, гдѣ обживусь, иль, какъ иташка перелетная, весь вѣкъ сиротинушкой буду межъ добрыхъ людей своего мѣста искать? Скажи, кто мнѣ недругъ, кто любовь мнѣ готовить, кто зло про меня замышляетъ? Скажи, въ одиночку сердцу-ль моему молодому, горячему, вѣкъ прожить и до вѣка заглохнуть, иль найдеть оно ровню себѣ, да въ ладъ съ нимъ на радость забьется... до новаго горя! Угадай ужъ за одинъ разъ, старинушка, въ какомъ синемъ небѣ, за далекими морями-лѣсами соколь мой ясный живеть, гдѣ, да и зорко-ль себѣ соколицу высматриваетъ, да и любовно-ль онъ ждетъ, крѣпко-ль полюбить, скоро-ль разлюбить, обманеть иль не обманеть меня? Да ужъ заразъ, все одно къ одному, скажи мнѣ въ послѣдній, старинушка, долго-ль памъ съ тобой вѣкъ коротать, въ углу черствомъ сидѣть, черныя книги читать; да когда мнѣ тебѣ, старина, низко кланяться, по добру по здорову прощаться, за хлѣбъ-солъ благодарить, что поиль, кормилъ, сказки сказывалъ?.. Да смотри же, всю правду скажи, не солги; пришло время, постой за себя!

Одупевленіе ея росло все болѣе и болѣе до послѣдняго слова, какъ вдругъ ея голосъ пресекся отъ волненія, будто какой-то вихрь увлекалъ ея сердце. Глаза ея сверкнули и верхняя губа слегка задрожала. Слышино было, какъ злая насмѣшка змѣилась и пряталась въ каждомъ словѣ ея, но какъ будто плачь звенѣль въ ея смѣхѣ. Она наклонилась черезъ столъ къ старику, и пристально, съ жаднымъ вниманіемъ смотрѣла въ помутившиеся глаза его. Ордыновъ слышалъ, какъ вдругъ застучало ея сердце, когда она кончила; онъ вскрикнулъ отъ восторга, когда взглянулъ на нее, и привсталъ было со скамьи. Но бѣглый, мгновенный взглядъ старика опять приковалъ его къ мѣсту. Какая-то странная смѣсь презрѣнія, насмѣшки, нетерпѣливаго, досадного беспокойства и вмѣстѣ съ тѣмъ злого, лукаваго любопытства свѣтились въ этомъ бѣгломъ, мгновенномъ взглядѣ, отъ котораго каждый разъ вздрогивалъ Ордыновъ и который каждый разъ наполнялъ его сердце желчью, досадой и безсильною злобой.

Задумчиво и съ какимъ-то грустнымъ любопытствомъ смотрѣлъ стариkъ на свою Катерину. Сердце его было уязвлено, слова были сказаны. Но даже бровь не шевельнулась на лицѣ его! Онъ только улыбнулся, когда она кончила.

— Много-жъ ты разомъ захотѣла узнать, птенчикъ мой оперившійся, иташка моя встрепенувшаяся! Наливай же мнѣ скорѣе чару глубокую; выпьемъ сначала на размѣре, да на добрую волю; че то чымъ-нибудь глазомъ чернымъ, нечистымъ мое ножеланіе испорчу. Бѣсъ силенъ! Далеко-ль до грѣха!

Онъ поднялъ свою чару и выпилъ. Чѣмъ больше пилъ онъ вина, тѣмъ становился блѣднѣе. Глаза его стали красны, какъ уgli. Видно было, что лихорадочный блескъ ихъ и внезапная, мертвенная синева лица предвещали скоро новый припадокъ болѣзни. Вино-жъ было крѣпкое, такъ что съ одной выпитой чарки все болѣе и болѣе мутались глаза Ордынова. Лихорадочно воспаленная кровь его не могла болѣе выдержать: она заливалась его сердце, мучила и путала разумъ. Безпокойство его росло все сильнѣе и сильнѣе. Онъ налилъ и отхлебнулъ еще, самъ не зная, что дѣлаетъ, чѣмъ помочь возраставшему волненію своему, и кровь еще быстрѣе полетѣла по его жиламъ. Онъ былъ какъ въ бреду и едва могъ слѣдить, напрягая все вниманіе, за тѣмъ, что происходило между странныхъ хозяевъ его.

Стариkъ звонко стукнулъ серебряной чаркой объ столъ.

— Наливай, Катерина! вскричалъ онъ,—наливай еще, злая дочка, наливай до упаду! Уложи старика на покой, да и полно съ него! Вотъ такъ, наливай еще, наливай мнѣ, красавица! Выпьемъ съ тобой! Что-жъ ты мало пилъ? Али я не видалъ...

Катерина что-то отвѣчала ему, но Ордыновъ не разслышалъ, что именно: стариkъ не далъ ей кончить; онъ схватилъ ее за руку, какъ бы не въ силахъ болѣе сдержать всего, что тѣснилось въ груди его. Лицо его было блѣдно, глаза то мутались, то вспыхивали яркимъ огнемъ; побѣлѣвшія губы дрожали, и неровнымъ, смятеннымъ голосомъ, въ которомъ сверкалъ минутами какой-то странный восторгъ, онъ сказалъ ей:

— Давай ручку, красавица! Давай загадаю, всю правду скажу. Я и впрямь колдунъ; знать, не ошиблась ты, Катерина! Знать, правду сказали сердечко твоё золотое, что

одинъ я ему колдунъ, и правды не потаю отъ него, простого, нехитраго! Да одного не спознала ты: не мнѣ, колдуну, тебя учить уму-разуму! Разумъ не воля для дѣвицы, и слышать всю правду, да словно не знала, не вѣдала! У самой голова—змѣя хитрая, хоть и сердце слезой обливается! Сама пусть найдетъ, межъ бѣдой ползкомъ проползеть, сбережетъ волю хитрую! Гдѣ умомъ возьметъ, а гдѣ умомъ не возьметъ, красотой затуманить, чернымъ глазомъ умъ опьянить, — краса силу ломить; и желѣзное сердце, да пополамъ раснается! Ужъ и будеть-ли у тебя печаль со кручинушкой? Тяжела печаль человѣческая! Да на слабое сердце не бываетъ бѣды. Бѣда съ крѣпкимъ сердцемъ знакомится, втихомолку кровавой слезой отливаются, да на сладкій позоръ къ добрымъ людямъ не просится: твое-жъ горе, дѣвица, словно слѣдъ на пескѣ, дождемъ вымоетъ, солнцемъ выслушить, буйнымъ вѣтромъ снесетъ, замететь! Пусть и еще скажу, поколдую: кто полюбитъ тебя, тому ты въ рабыни пойдешь, сама волюшку свяжешь, въ закладъ отдашь, да ужъ и назадъ не возьмешь; въ пору во время разлюбить не сумѣешь; положишь зерно, а губитель твой возьметъ назадъ цѣлымъ колосомъ! Дита мое нѣжное, золотая головушка, склонила ты въ чаркѣ моей свою слезинку-жемчужинку, да по ней не стерпѣла, тутъ же сто пролила, словцо красное потеряла, да горемъ-головушкой своей похвалилася! Да по ней, по слезинкѣ, не бесной росинкѣ, тебѣ и тужить-горевать не приходится! Отольется она тебѣ съ лихвою, твоя слезинка жемчужная, въ долгую ночь, въ горемычную ночь, когда станетъ грызть тебя злая кручинушка, нечистая думушка,—тогда на твое сердце горячее, все за ту же слезинку, капнетъ тебѣ чья-то иная слеза, да кровавая, да не теплая, а словно топленый свинецъ; до крови бѣлу грудь разожжетъ, и до утра, тоскливаго, хмураго, что приходитъ въ ненастные дни, ты въ постелькѣ своей прометаешься, алу кровь точа, и не залѣчишь своей раны свѣжей до другого утра! Налей еще, Катерина, налей, голубица моя, налей мнѣ за мудрый совѣтъ, а дальше, знать, словъ терять нечего...

Голосъ его ослабѣлъ и задрожалъ: казалось, рыданіе готово было прорваться изъ груди его... Онъ налилъ вина и жадно выпилъ новую чару; потомъ снова стукнулъ чаркой объ столъ. Мутный взглядъ его еще разъ вспыхнулъ пламенемъ.

— А! Живи какъ живется! вскричалъ онъ,—что прошло, то ужъ съ плечъ долой! Наливай мнѣ, еще наливай, все подноси тяжелую чару, чтобы рѣзала головушку буйную съ плечъ, чтобы вся душа отъ нея замертьла! Уложи на долгую ночь, да безъ утра, да чтобы память совсѣмъ отошла. Чѣдѣ пропито, то прожито! Знать, заглохъ у купца товаръ, залежался, даромъ съ рукъ отдастъ! А не продаль бы своей волей-вольною его тотъ купецъ ниже своей цѣны; отлила бы и вражья кровь, пролиласъ бы и кровь неповинная, да въ придачу положилъ бы тотъ покупщикъ свою погибшую душеньку! Наливай, наливай мнѣ еще, Катерина!

Но рука его, державшая чару, какъ будто замерла и не двигалась; онъ дышалъ тяжело и трудно, голова его невольно склонилась. Въ послѣдній разъ онъ вперилъ тусклый взглядъ на Ордынова, но и этотъ взглядъ потухъ, наконецъ, и вѣки его упали, словно свинцовые. Смертная блѣдность разлилась по лицу его... Еще нѣсколько времени губы его шевелились и вздрагивали, какъ бы силясь еще что-то промолвить,—и вдругъ слеза, горячая, крупная, нависла съ рѣбницъ его, порвалась и медленно покатилась по блѣдной щекѣ... Ордыновъ былъ не въ силахъ выдержать болѣе. Онъ привсталъ и, пошатнувшись, ступилъ шагъ впередъ, подошелъ къ Катеринѣ и схватилъ ее за руку; но она и не взглянула на него, какъ будто его не примѣтила, какъ будто не признала его...

Она какъ будто тоже теряла сознаніе, какъ будто одна мысль, одна неподвижная идея увлекла ее всю. Она припала къ груди спящаго старика, обвила своей бѣлой рукой его шею и пристально, словно приковалась къ нему, смотрѣла на него огневымъ, воспаленнымъ взглядомъ. Она будто не слыхала, какъ Ордыновъ взялъ ее за руку. Наконецъ, она повернула къ нему свою голову и посмотрѣла на него долгимъ, пронзающимъ взглядомъ. Казалось, что она поняла, наконецъ, его, и тяжелая, удивленная улыбка таинственно, какъ будто съ болью, выдавилась на губахъ ея...

— Поди, поди прочь, прошептала она, — ты пьяный и злой! Ты не гость мнѣ!.. Тутъ она снова обратилась къ старику и опять приковалась къ нему своими очами.

Она какъ будто стерегла каждое дыханіе его и взглядомъ своимъ лелѣяла его сонъ. Она какъ будто боялась сама дохнуть, сдерживая вскипѣвшее сердце. И столько

изступленного любованием было въ сердце ея, что разомъ отчаяніе, бѣшенство и неистощимая злоба захватили духъ Ордынова...

— Катерина! Катерина! звалъ онъ, сжимая какъ въ тискахъ ея руку.

Чувство боли прошло по лицу ея; она опять подняла свою голову и посмотрѣла на него съ такой насмѣшкой, такъ презрительно-нагло, что онъ едва устоялъ на ногахъ. Потомъ она указала ему на спящаго старика и— какъ будто вся насмѣшка врага его перешла ей въ глаза— терзающимъ, леденящимъ взглядомъ опять взглянула на Ордынова.

— Чѣм? Зарѣжетъ, небось? проговорилъ Ордыновъ, не помня себя отъ бѣшенства.

Словно демонъ его шепнулъ ему на ухо, что онъ ее понялъ... И все сердце его засмѣялось на неподвижную мысль Катерины.

— Куплю-жъ я тебя, красота моя, у купца твоего, коль тебѣ души моей надобно! Небось, не зарѣзать ему!..

Неподвижный смѣхъ, мертвившій все существо Ордынова, не сходилъ съ лица Катерины. Неистощимая насмѣшка разорвала на части его сердце. Не помня, почти не сознавая себя, онъ облокотился рукою объ стѣну и снялъ съ гвоздя дорогой, старинный ножъ старика. Какъ будто изумленіе отразилось на лицѣ Катерины; но какъ будто въ то же время злость и презрѣніе впервые съ такой силой отразились въ глазахъ ея. Ордынову дурно становилось, смотря на нее... Онъ чувствовалъ, что какъ будто кто-то вырывалъ, подмывалъ потерявшуюся руку его на безумство; онъ вынулъ ножъ... Катерина, неподвижно, словно не дыша болѣе, слѣдила за нимъ...

Онъ взглянулъ на старика...

Въ эту минуту ему показалось, что одинъ глазъ старика медленно открывался и, смѣясь, смотрѣлъ на него. Глаза ихъ встрѣтились. Нѣсколько минутъ Ордыновъ смотрѣлъ на него неподвижно... Вдругъ ему показалось, что все лицо старика засмѣялось и что дьявольскій, убивающій, леденящій хохотъ раздался, наконецъ, по комнатѣ. Безобразная, черная мысль, какъ змѣя, проползла въ голову его. Онъ задрожалъ; ножъ выпалъ изъ рукъ его и зазвенѣлъ на полу. Катерина вскрикнула, какъ будто очнувшись отъ забытья, отъ кошмара, отъ тяжелаго, неподвижнаго видѣнья... Старикъ, блѣдный, медленно под-

нялся съ постели и злобно оттолкнулъ ногой ножъ въ уголъ комнаты; Катерина стояла блѣдная, помертвѣлая, неподвижная; глаза ея закрывались; глухая, невыносимая боль судорожно выдавалась на лицѣ ея; она закрылась руками и съ крикомъ, раздирающимъ душу, почти беззыянная, упала къ ногамъ старика...

— Алеша! Алеша! вырвалось изъ стѣсненной груди ея...

Старикъ обхватилъ ее могучими руками и почти сдавилъ на груди своей. Но когда она спрятала у сердца его свою голову, такимъ обнаженнымъ, безстыднымъ смѣхомъ засмѣялась каждая черточка на лицѣ старика, что ужасомъ обдало весь составъ Ордынова. Обманъ, расчетъ, холодное, ревнивое тиранство и ужасъ надъ бѣднымъ, разорваннымъ сердцемъ—вотъ чѣмъ понялъ онъ въ этомъ безстыдно-нетаинвшемся болѣе смѣхъ.

— Сумасшедшая! прошепталъ онъ, задрожавъ какъ листъ, обмирая отъ ужаса, и выбѣжалъ вонъ изъ квартиры.

III.

Когда Ордыновъ, блѣдный, встревоженный, еще не опомнившійся отъ вчерашней тревоги, отворилъ на другой день, часовъ въ восемь утра, дверь къ Ярославу Ильичу, къ которому пришелъ, впрочемъ, самъ не зная зачѣмъ, то отшатнулся отъ изумленія и какъ вкопанный сталъ на порогѣ, увидя въ комнатѣ — Мурина. Старикъ былъ еще блѣднѣе Ордынова и, казалось, едва стоялъ на ногахъ отъ болѣзни; впрочемъ, сѣсть не хотѣлъ, несмотря ни на какія приглашенія вполнѣ счастливаго такимъ посѣщеніемъ Ярослава Ильича. Ярославъ Ильичъ тоже вскрикнулъ, завидѣвъ Ордынова, но почти въ ту же минуту радость его прошла, и какое-то замѣшательство застигло его вдругъ, совершиенно врасплохъ, на полдорогѣ отъ стола къ сосѣднему стулу. Очевидно было, что онъ не зналъ, чѣмъ сказать, чѣмъ сдѣлать, и вполнѣ сознавалъ всю неприличность — сосать въ такую хлопотливую минуту, оставивъ гостя въ сторонѣ, одного, какъ онъ есть, свой чубучокъ, а между тѣмъ (такъ сильно было смущеніе его) все-таки тянулъ изъ чубчика чѣмъ было силы и даже почти съ иѣкоторымъ вдохновенiemъ. Ордыновъ вошелъ, наконецъ, въ комнату. Онъ бросилъ бѣглый взглядъ на Мурина. Что-то похожее на вчерашнюю злую улыбку, отъ которой и теперь бросило въ дрожь и въ негодованіе

Ордынова, проскользнуло по лицу старика. Впрочемъ, все враждебное тотчасъ же скрылось и сгладилось, и выражение лица его приняло видъ самый неприступный и замкнутый. Онъ отвѣсилъ пренизкій поклонъ жильцу своему... Вся эта сцена воскресила, наконецъ, сознаніе Ордынова. Онъ пристально посмотрѣлъ на Ярослава Ильича, желая вникнуть въ положеніе дѣла. Ярославъ Ильичъ затрепеталъ и замялся.

— Войдите-жъ, войдите, промолвилъ онъ, наконецъ,— войдите, драгоцѣннѣйшій Василій Михайловичъ, осѣните прибытіемъ и положите печать... на всѣ эти обыкновенные предметы... проговорилъ Ярославъ Ильичъ, показавъ рукою въ одинъ уголъ комнаты, покрасивъ какъ махровая роза, сбившись, запутавшись въ сердцахъ на то, что самая благородная фраза завязла и лопнула даромъ, и съ громомъ подвинулъ стулъ на самую середину комнаты.

— Я вамъ не мѣшаю, Ярославъ Ильичъ, я хотѣлъ... на двѣ минуты.

— Помилуйте! Возможно-ли вамъ мнѣ помѣшать-сь... Василій Михайловичъ! Но — позвольте чайку-сь! Эй! Служба... Я увѣренъ, что и вы не откажетесь еще одну чашечку!

Муринъ кивнулъ головою, давъ знать такимъ образомъ, что совсѣмъ не откажется.

Ярославъ Ильичъ закричалъ на вошедшую службу и наистрожайшимъ образомъ потребовалъ еще три стакана, затѣмъ сѣлъ возлѣ Ордынова. Нѣсколько времени онъ вертѣлъ свою голову, какъ гипсовый котенокъ, то вправо, то влѣво отъ Мурина къ Ордынову и отъ Ордынова къ Мурину. Положеніе его было весьма непріятное. Ему, очевидно, что-то хотѣлось сказать, по идеямъ его, весьма щекотливое, по крайней мѣрѣ, для одной стороны. Но при всѣхъ усиляхъ своихъ, онъ рѣшительно не могъ вымолвить слова... Ордыновъ тоже какъ будто находился въ недоумѣніи. Была минута, когда оба они разомъ вдругъ принялись говорить... Молчаливый Муринъ, наблюдавшій ихъ съ любопытствомъ, медленно расправилъ ротъ и показалъ зубы свои всѣ до единаго...

— Я пришелъ объявить вамъ, вдругъ началъ Ордыновъ, — что, по самому непріятному случаю, принужденъ оставить квартиру, и...

— Представьте себѣ, какой странный случай! перебилъ

вдругъ Ярославъ Ильичъ.—Я, признаюсь, былъ въ себѣ отъ изумленія, когда этотъ почтенный старикъ объявилъ мнѣ сегодня поутру ваше рѣшеніе. Но...

— Онъ объявилъ вамъ? спросилъ съ изумленіемъ Ордыновъ, смотря на Мурина.

Муринъ погладилъ свою бороду и засмѣялся въ рукавъ.

— Да-съ, подхватилъ Ярославъ Ильичъ,—впрочемъ, я могу еще ошибаться. Но, смѣло скажу, для васъ—честью моей могу вамъ ручаться, что для васъ въ словахъ этого почтенного старика не было ни тѣни обиднаго...

Тутъ Ярославъ Ильичъ покраснѣлъ и черезъ силу подавилъ свое волненіе. Муринъ, какъ будто натѣшась, на конецъ, вдоволь замѣшательствомъ хозяина и гостя, ступилъ шагъ впередъ.

— Я вотъ про то, ваше благородіе, началъ онъ, съ вѣжливостью поклонившись Ордынову,—ихъ благородіе на вашъ счетъ маленько утрудить посмѣлъ. Оно того, сударь, выходитъ—сами знаете—я и хозяйка, то-есть рады бы душою и волею, и слова бы сказать не посмѣли... да житѣе-то мое какое, сами знаете, сами видите, сударь! А, право, только что животы Господь бережетъ, за то и молимъ святую волю Его; а то сами видите, сударь, взвѣтъ мнѣ что-ли приходится? Тутъ Муринъ опять утеръ рукавомъ свою бороду.

Ордынову почти дѣлалось дурно.

— Да, да, я вамъ самъ про него говорилъ: больной, то-есть это malheur... то-есть я было хотѣлъ выразиться по-французски, но, извините, я по-французски не такъ свободно, то-есть...

— Да-съ...

— Да-съ, то-есть...

Ордыновъ и Ярославъ Ильичъ сдѣлали другъ другу по полупоклону, каждый съ своего стула и нѣсколько набокъ, и оба прикрыли возникшее недоумѣніе извинительнымъ смѣхомъ. Дѣловой Ярославъ Ильичъ тотчасъ поправился.

— Я, впрочемъ, подробно разспрашивалъ этого честнаго человѣка, началъ онъ,—онъ мнѣ говорилъ, что болѣзнь той женщины...

Тутъ щекотливый Ярославъ Ильичъ, вѣроятно, желал скрыть маленькое недоумѣніе, опять возникшее на лицѣ его, быстро, вопросительнымъ взглядомъ устремился на Мурина:

— Да, хозяйки-то нашей...

Деликатный Ярославъ Ильичъ не настаивалъ.

— Хозяйки, то-есть бывшей хозяйки вашей, я какъ-то, право... ну, да! Она, видите-ли, больная женщина. Она говоритъ, что она вамъ мѣшаетъ... въ вашихъ занятіяхъ, да и онъ самъ... вы отъ меня скрыли одно важное обстоятельство, Василій Михайловичъ!

— Какое?

— Насчетъ ружья-съ, промолвилъ почти шепотомъ, самымъ снисходительнымъ голосомъ Ярославъ Ильичъ, съ одной миллионной долей упрека, нѣжно зазвенѣвшаго въ его дружескомъ тенорѣ.— Но, прибавилъ онъ поспѣшно,— я все знаю, онъ мнѣ все разсказалъ, и вы благородно сдѣлали, отпустивъ ему его невольную вину передъ вами. Клянусь, я видѣлъ слезы на глазахъ его!

Ярославъ Ильичъ снова покраснѣлъ; глаза его засіяли, и онъ съ чувствомъ повернулся на стулѣ.

— Я, то-есть, мы, сударь, ваше благородіе, то-есть я, примѣромъ сказать, да и хозяйка моя ужъ и какъ за васъ Бога молимъ, началъ Муринъ, обращаясь къ Ордынову, покамѣстъ Ярославъ Ильичъ подавлялъ обычное волненіе свое, и пристально смотря на него,— да сами знаете, сударь, она баба хворая, глупая; меня самого еле ноги носятъ...

— Да я готовъ, сказалъ въ нетерпѣніи Ордыновъ,—полноте, пожалуйста; я хоть сейчасъ!..

— Нѣть, то-есть, сударь, многимъ вашей милости довольны (Муринъ пренизко поклонился). Я, сударь, вамъ не про то; я вотъ хотѣлъ слово вымолвить,—вѣдь она, сударь, мнѣ-то почти изъ родни, то-есть изъ дальней, примѣромъ, какъ говорится, седьмая вода, то-есть ужъ не побрезгайте словомъ нашимъ, сударь, люди мы темные—да съ измѣлѣства такая! Головенка больная, задорная, въ лѣсу росла, мужичкой росла, все межъ бурлаковъ да заводчиковъ; а тутъ ихъ домъ сгори; мать, сударь, *ейная* погори; отецъ свою душу опали—поди-ко-съ, она и нѣвѣсть что разскажетъ вамъ... Я только такъ *не мѣшаюсь*, а ее хи-хир-рург-гический совѣтъ на Москву смотрѣлъ... то-есть, сударь, совсѣмъ повредилась, вотъ что! Я только у ней и остался, со мной и живеть. Живемъ, Бога молимъ, на все-вышиню силу надѣемся; ужъ я ей и не поперечу совсѣмъ...

Ордыновъ измѣнился въ лицѣ. Ярославъ Ильичъ смотрѣлъ то на того, то на другого.

— Да я не про то, сударь... нѣтъ! поправился Муринъ, важно покачавъ головою,—она, примѣромъ сказать, такой вѣтеръ, вихорь такой, голова такая любовная, буйная, все милаго дружка,—если извинительно будетъ сказать,—да зазнобушку въ сердце ей подавай; на томъ и помѣшана. Я ужъ ее сказками улещаю, то-есть какъ улещаю. А я вѣдь, сударь, видѣлъ, какъ она — ужъ простите, сударь, мое глупое слово, продолжалъ Муринъ, кланяясь и утирая рукавомъ бороду,—примѣрно, спознавалась-то съ вами; вы, то-есть, примѣромъ сказать, ваше сіятельство, относительно любви къ ней польнуть пожелали...

Ярославъ Ильичъ вспыхнулъ и съ упрекомъ взглянуль на Мурина. Ордыновъ едва усидѣлъ на стулѣ.

— Нѣтъ... то-есть я, сударь, не про то... я, сударь, спроста, мужикъ, я изъ вашей воли... конечно, мы люди темные, мы, сударь, ваши слуги, примолвилъ онъ, низко кланяясь,—а ужъ какъ съ женой про вашу милость Бога будемъ молить!... Что намъ? Были бы сыты, здоровы, роптать не роптаемъ; — да мнѣ-то, сударь, что-жъ дѣлать, въ петлю лѣзть, что-ли? Сами знаете, сударь, дѣло житейское, нась пожалѣйте; а это ужъ что-жъ, сударь, будетъ, какъ еще съ полюбовникомъ!.. Грубое-то, сударь, вы слово простите... мужикъ, сударь, а вы, баринъ... вы, сударь, ваше сіятельство, человѣкъ молодой, гордый, горячій, а она, сударь, сами знаете, дитя малое, неразумное—долго-ль съ ней до грѣха! Баба она ядреная, румяная, милая, а меня, старика, все немочь беретъ. Ну, чтѣ? Бѣсь уже, знать, вану милость попуталъ! Я ужъ ее сказками все улещаю, право, улещаю. А ужъ какъ про вашу милость съ женой стали бы Бога молить! То-есть вотъ какъ молить! Да и что вамъ, ваше сіятельство, хоть она бы и милая, а все-жъ мужичка она, баба немытая, по-невница глупая, мнѣ мужику чета! Не вамъ, примѣрно, сударь, батюшка-баринъ, по мужичкамъ якшаться! А ужъ какъ съ ней стали-бъ про вашу милость Бога молить, во какъ молить!..

Туть Муринъ поклонился низко-низко и долго не разгибаль спины, безпрерывно утирая рукавомъ бороду. Ярославъ Ильичъ не зналъ, гдѣ стоялъ.

— Да-сь, этотъ добрый человѣкъ, замѣтилъ онъ, весь замѣшившись,— говорилъ мнѣ о какихъ-то существовавшихъ между вами безпорядкахъ-сь; я не осмѣливаюсь вѣрить, Василій Михайловичъ... Я слышалъ, вы все еще

больны-сь, быстро перебилъ онъ со слезящимися отъ волненія глазами, въ неистощимомъ замѣшательствѣ смотря на Ордынова.

— Да-сь... Сколько я долженъ вамъ? быстро спросилъ Ордыновъ у Мурина.

— Что вы, батюшка-баринъ? Полноте! Мы вѣдь не христопродавцы какіе-нибудь. Что вы, сударь, настъ обижаете! Постыдились бы, сударь; чѣмъ мы съ супружницей васъ обижали? Помилуйте-сь!

— Но, однажды, это странно, другъ мой; вѣдь они же у васъ нанимали; чувствуете-ли вы, что отказомъ своимъ вы ихъ обижаете? вступилъ Ярославъ Ильичъ, долгомъ почитая показать Мурину всю странность и щекотливость его поступка.

— Да помилуйте-жъ, батюшка! Что вы, сударь, баринъ? Помилуйте-сь! Ужъ и чѣмъ мы не угодили про вашу честь? Ужъ и такъ старались-старались, животы надорвали, помилуйте-сь! Полноте, сударь; полноте, свѣтъ-баринъ, Христосъ васъ помилуетъ! Что мы, невѣрные, что-ли, какіе? Пусть бы жиль, кушаль бы у насъ наше яство мужицкое на здоровье, пусть бы лежалъ—ничего-бѣ не сказали, и... слова не молвили-бѣ; да нечистый попуталъ, хворый я человѣкъ, да и хозяйка моя хворая—что будешь дѣлать! Услужить-то бы некому было, а рады бы, душою бы рады были. А ужъ какъ мы съ хозяйствой будемъ про вашу милость Бога молить, то-есть вѣдь какъ молить!

Муринъ поклонился въ поясъ. Слеза выдавилась изъ восторженныхъ глазъ Ярослава Ильича. Съ энтузіазмомъ посмотрѣлъ онъ на Ордынова.

— Скажите, какая благородная черта-сь! Какое святое гостепріимство почило-сь на русскомъ народѣ-сь!

Ордыновъ дико взглянулъ на Ярослава Ильича.

Онъ почти ужаснулся... и осматривалъ его съ головы до ногъ.

— А и право, сударь, гостепріимство, именіо, чтимъ, то-есть вотъ какъ какъ чтимъ, сударь! подхватилъ Муринъ, заслоняя всѣмъ рукавомъ свою бороду,—право, вотъ теперь дума идетъ: погостили-бѣ вы у насъ, сударь, ей Богу-бѣ, погостили, продолжалъ онъ, подступая къ Ордынову,— да и я, сударь, ничего; денекъ-другой, ничего, право-бѣ ничего не сказалъ. Да грѣхъ больно попуталъ, хозяйка-то ишь моя нездорова! Ахъ, кабы не хозяйка! Вотъ быльбы, примѣрно, одинъ я: ужъ и какъ я вашу милость ува-

жиль, ужъ и какъ бы ходилъ, т. е. вѣдь какъ ходилъ! Кого-жъ намъ, коли и не вашу милость уважить? Ужъ я бы васъ вылѣчилъ, право бы вылѣчилъ, я средстvie знаю... Право бы погостили, сударь, ей Богу, вотъ великое слово, у насъ погостили бы!..

— Въ самомъ дѣлѣ, нѣть-ли какого средства? замѣтилъ Ярославъ Ильичъ... да и не докончилъ.

Ордыновъ сдѣлалъ напраслину, съ дикимъ изумленіемъ оглядѣвъ незадолго до того съ ногъ до головы Ярослава Ильича.

Это былъ, конечно, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но онъ теперь понялъ все, и, признаться, положеніе его было весьма затруднительно! Ему хотѣлось, что называется, лопнуть со смѣха! Будь онъ одинъ на одинъ, вмѣстѣ съ Ордыновымъ,—два такие друга!—конечно, Ярославъ Ильичъ не вытериѣлъ бы и неумѣренно предался порыву веселости. Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ бы это благородно, съ чувствомъ пожалъ бы послѣ смѣха руку Ордынова, искренно и справедливо увѣрилъ бы его, что чувствуетъ удвоенное уваженіе къ нему и что извиняется во всякомъ случаѣ... да, наконецъ, и глядѣть не будетъ на молодость. Но теперь, при извѣстной своей деликатности, онъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи и почти не зналъ, куда скрыть себя...

— Средствія, то-есть снаidобья, подхватилъ Муринъ, у которого все лицо шевельнулось отъ неловкаго воскличенія Ярослава Ильича.— Я, то-есть, сударь, по глупости моей мужицкой, вотъ что сказалъ бы, продолжалъ онъ, ступивъ еще шагъ впередъ,— книжекъ вы, сударь, больно зачитались; скажу, умыны болыно стали; оно, то-есть, какъ по-русски говорится у насъ, по-мужицкому, умъ за разумъ зашелъ...

— Довольно! строго сказалъ Ярославъ Ильичъ.

— Я иду, сказалъ Ордыновъ, — благодарю васъ, Ярославъ Ильичъ; буду, буду у васъ непремѣнно, говорилъ онъ на удвоенные вѣжливости Ярослава Ильича, который былъ не въ силахъ долѣе его удерживать. — Прощайте, прощайте...

— Прощайте, ваше благородіе; прощайте, сударь; не забудьте настъ, навѣстите насъ грѣшныхъ.

Ордыновъ не слыхалъ ничего болѣе. Онъ вышелъ какъ полуумный.

Онъ не могъ вынести болѣе; онъ былъ какъ убитый;

сознаніе его цѣпенѣло. Онъ глухо чувствовалъ, что его душить болѣнь, но холодное отчаяніе воцарилось въ душѣ его, и только слышалъ онъ, что какая-то глухая боль ломить, томить, сосетъ ему грудь. Ему хотѣлось умереть въ эту минуту. Ноги подкосились, и онъ присѣлъ у забора, не обращая болѣе вниманія ни на проходившихъ людей, ни на толпу, начинавшую собираться возлѣ него, ни на оклики и разспросы любопытныхъ, его окружавшихъ. Но вдругъ изъ множества голосовъ раздался надъ нимъ голосъ Мурина. Ордыновъ поднялъ голову. Старикъ дѣйствительно стоялъ передъ нимъ; блѣдное лицо его было важно и задумчиво. Это ужъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ тотъ, который такъ грубо глумился надъ нимъ у Ярослава Ильича. Ордыновъ привсталъ, Муринъ взялъ его за руку и вывелъ изъ толпы...

— Тебѣ еще нужно свой скарбъ захватить, сказалъ онъ, искоса взглянувъ на Ордынова.—Не горюй, баринъ! вскрикнулъ Муринъ.—Ты молодъ, чего горевать!..

Ордыновъ не отвѣталъ.

— Обижаешься, баринъ? Знать, больно зло теперь взяло... да нечemu; всякъ свое добро бережеть!

— Я не знаю васть, сказалъ Ордыновъ,— я не хочу знать вашихъ тайнъ. Но она, она!.. проговорилъ онъ, и слезы градомъ, въ три ручья, потекли изъ глазъ его. Вѣтеръ срывалъ ихъ одну за другой съ его щекъ... Ордыновъ утиралъ ихъ рукой. Жестъ его, взглядъ, непроизвольное движение дрожавшихъ, посинѣлыхъ губъ—все предсказывало въ немъ помѣшательство.

— Я ужъ тебѣ толковалъ, сказалъ Муринъ, стиснувъ брови,—она полоумная! Отчего и какъ помѣшалась... зачѣмъ тебѣ знать? Только мнѣ она и такая—родная! Возлюбилъ я ее больше жизни моей и никому не отдамъ. Понимаешь теперь?

Огонь на мгновеніе сверкнулъ въ глазахъ Ордынова.

— Но зачѣмъ же я... зачѣмъ я теперь словно жизнь потерялъ? Зачѣмъ же болитъ мое сердце? Зачѣмъ я спозналъ Катерину?

— Зачѣмъ? Муринъ усмѣхнулся и задумался.—Зачѣмъ, я и самъ не знаю зачѣмъ, вымолвилъ онъ, наконецъ.—Женскій норовъ не морская пучина, распознать его распознаешь, да хитеръ онъ, стоекъ, живучъ! На, дескать, вынь да положь! Знать и впрямь, баринъ, она съ вами хотѣла уйти отъ меня, продолжалъ онъ въ раздумья.—

Побрезгала старымъ, изжила съ нимъ все, насколько можно изжить! Приглянулись вы, знать, ей больно сначала! Аль ужъ такъ, вы-ли, другой-ли... Я вѣдь ей не перечу ни въ чемъ; итичья молока пожелаетъ, и молока итичья достану, птицу такую самъ сдѣлаю, коли нѣть такой птицы! Тицеславна она! За волюшкой гонится, а и сама не знаетъ, о чёмъ сердце блажить. Ань и вышло, что лучше по-старому! Эхъ, баринъ! Молодъ ты больно! Сердце твое еще горячо, словно у дѣвки, что рукавомъ свои слезы утираетъ, покинутая! Спознай, баринъ: слабому человѣку одному не сдержаться! Только дай ему все, онъ самъ же придетъ, все назадъ отдастъ, дай ему полцарства земного въ обладаніе, попробуй — ты думаешь что? Онъ тебѣ тутъ же въ башмакъ тотчасъ спрячется, такъ умалится. Дай ему волюшку, слабому человѣку — самъ ее свяжетъ, назадъ принесеть. Глупому сердцу и воля не въ прокъ! Не прожить съ такимъ норовомъ! Я тебѣ это все такъ говорю — молоденекъ ты больно! Ты что мнѣ? Ты былъ да пошелъ — ты иль другой, все равно. Я и сначала зналъ, что будетъ одно. А перечить нельзя! Слова молвить нельзя попрекъ, коли хошь свое счастье сберечь. Оно вѣдь, знаешь, баринъ, продолжалъ философствовать Муринъ, — только все такъ говорится: и чего не бываетъ? За ножъ возьмется въ сердцахъ, не то безоружный, съ голыми руками на тебя какъ баранъ ползетъ, да зубами глотку врагу перерветъ. А пусть тѣ дадутъ этотъ ножъ-отъ въ руки, да врагъ твой самъ предъ тобою широкую грудь распахнетъ, небось и отступишься!

Они вошли во дворъ. Татаринъ еще издали завидѣлъ Мурина, снялъ передъ нимъ шапку и лукаво, пристально смотрѣлъ на Ордынова.

— Чѣмъ мать? Дома? закричалъ ему Муринъ.

— Дома.

— Скажи, чтобы ему скарбъ его перетащить помогла! Да и ты, пошелъ, двигайся!

Они взошли на лѣстницу. Старуха, служившая у Мурина и оказавшаяся дѣйствительно матерью дворника, возилась съ пожитками бывшаго жильца и ворчливо вязала ихъ въ одинъ большой узелъ.

— Подожди; я те еще изъ твоего принесу, тамъ осталась...

Муринъ вошелъ къ себѣ. Черезъ минуту онъ воротился и подалъ Ордынову богатую подушку, всю вышитую шел-

ками и гарусомъ,—ту самую, которую положила ему Катерина, когда онъ сдѣлался боленъ.

— Это она тебѣ шлетъ, сказалъ Муринъ. — А теперь ступай по добру, по здорову, да смотри-жъ, не шатайся, прибавилъ онъ вполголоса, отеческимъ тономъ, — не то худо будетъ.

Видно было, что ему не хотѣлось обижать жильца. Но когда онъ бросилъ на него послѣдній взглядъ, то невольно видно было, какъ приливъ неистощимой злобы закипѣлъ на лицѣ его. Почти съ отвращенiemъ затворилъ онъ дверь за Ордыновымъ.

Черезъ два часа Ордыновъ перебѣхалъ къ пѣмцу Шпису. Тинхенъ ахнула, взглянувъ на него. Она тотчасъ спросила его о здоровъѣ и, узнавъ въ чёмъ дѣло, немедленно расположилась лѣчить.

Старикъ-нѣмецъ самодовольно показалъ жильцу своему, что онъ только что хотѣлъ идти къ воротамъ и снова налѣпить ярлычокъ, затѣмъ, что сегодня аккуратно въ копейку вышелъ задатокъ его, высчитывая изъ него каждый день найма. При чёмъ старикъ не преминулъ дальновидно похвалить нѣмецкую аккуратность и честность. Въ тотъ же день Ордыновъ занемогъ, и только черезъ три мѣсяца могъ встать съ постели.

Мало-по-малу онъ выздоровѣлъ и сталъ выходить. Жизнь у нѣмца была однообразна, покойна. Нѣмецъ былъ безъ особаго норова; хорошенькая Тинхенъ, не трогая нравственности, была всѣмъ, чѣмъ угодно, но какъ будто жизнь навѣки потеряла свой цвѣтъ для Ордынова! Онъ сталъ задумчивъ, раздражителенъ; впечатлительность его приняла направленіе болѣзненное, и онъ непримѣтно впадалъ въ злую, очерствѣлую инохондрію. Книги не раскрывались иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Будущее было для него заперто, деньги его выходили, и онъ опустилъ руки заранѣе; онъ даже не думалъ о будущемъ. Иногда прежняя горячка къ наукѣ, прежній жаръ, прежніе образы, имъ самимъ созданные, ярко возставали предъ нимъ изъ прошедшаго, но они только давили, душили его энергію. Мысль не переходила въ дѣло. Созданіе остановилось. Казалось, всѣ эти образы нарочно вырастали гигантами въ его представленіяхъ, чтобы смыть надъ безсиліемъ его, ихъ же творца. Ему невольно приходило въ грустную минуту сравненіе самого себя съ тѣмъ хвастливымъ ученикомъ колдуна, который, укравъ слово учи-

теля, приказалъ метлѣ носить воду и захлебнулся въ неї, забывъ какъ сказать „перестань“. Можетъ-быть, въ немъ осуществилась бы цѣлая, оригинальная, самобытная идея. Можетъ-быть, ему суждено было быть художникомъ въ наукѣ. По крайней мѣрѣ, прежде, онъ самъ вѣрилъ въ это. Искренняя вѣра есть уже залогъ будущаго. Но теперь онъ самъ смѣялся въ иных минуты надъ своимъ слѣпымъ убѣжденiemъ и — не подвигался впередъ.

За полгода передъ тѣмъ, онъ выжилъ, создалъ и набросалъ на бумагу стройный эскизъ созданія, на которомъ (по молодости своей) въ нетворческія минуты строилъ самыя вещественные надежды. Сочиненіе относилось къ исторіи церкви, и самыя теплія, горячія убѣжденія легли подъ перомъ его. Теперь онъ перечелъ этотъ планъ, передѣлалъ, думалъ о немъ, читалъ, рылся и, наконецъ, отвергъ идею свою, не построивъ ничего на развалинахъ. Но что-то похожее на мистицизмъ, на предопределеніе и таинственность начало проникать въ его душу. Несчастный чувствовалъ страданія свои и просилъ исцѣленія у Бога. Работница нѣмца, изъ русскихъ, старуха богомольная, съ наслажденiemъ рассказывала, какъ молится ея смиренный жилецъ и какимъ образомъ по цѣлымъ часамъ лежитъ онъ, словно бездыханный, на церковномъ помостѣ...

Онъ никому не говорилъ ни слова о случившемся съ нимъ. Но порой, особенно въ сумерки, въ тотъ часъ, когда гулъ колоколовъ напоминалъ ему то мгновеніе, когда впервые задрожала, заныла вся грудь его дотолѣ невѣдомымъ чувствомъ, когда онъ сталъ возлѣ нея на колѣняхъ въ Божіемъ храмѣ, забывъ обо всемъ, и только слышалъ, какъ стучало ея робкое сердце, когда слезами восторга и радости омылъ онъ новую, свѣтлую надежду, мелькнувшую ему въ его одинокой жизни, — тогда буря вставала изъ уязвленной павѣшки души его; тогда содрогался его духъ, и мученіе любви жгучимъ огнемъ снова пылало въ груди его; тогда сердце его грустно и страшно болѣло и, казалось, любовь его возрастала вмѣстѣ съ печалью. Часто по цѣлымъ часамъ, забывъ себя и всю обыденную жизнь свою, забывъ все на свѣтѣ, просиживалъ онъ на одномъ мѣстѣ, одинокій, унылый, безнадежно качая головой и, роняя безмолвныя слезы, шепталъ про себя: „Катерина! Голубица моя ненаглядная! Сестрица моя одинокая!..“

Какая-то безобразная мысль стала все болѣе и болѣе

мучить его. Все сильнѣе и сильнѣе преслѣдовала она его и съ каждымъ днемъ воплощалась передъ нимъ въ вѣроятность, въ дѣйствительность. Ему казалось,—и онъ, наконецъ, самъ повѣрилъ во все,—ему казалось, что невредимъ былъ разсудокъ Катерины, но что Муринъ былъ по-своему правъ, называвъ ее слабымъ сердцемъ. Ему казалось, что какая-то тайна связывала ее со старикомъ, но что Катерина, не сознавъ преступленія, какъ голубица чистая, перешла въ его власть. Кто они?—онъ не зналъ того. Но ему безпрерывно снилась глубокая, безвыходная тирания надъ бѣднымъ, беззащитнымъ созданіемъ, и сердце смущалось и трепетало безсильнымъ негодованіемъ въ груди его. Ему казалось, что передъ испуганными очами вдругъ прозрѣвшей души коварно выставляли ея же паденіе, коварно мучили бѣдное, слабое сердце, толковали передъ ней вкрай и вкось правду, съ умысломъ поддерживали слѣпоту, гдѣ было нужно, хитро лъстили неопытнымъ наклонностямъ порывистаго, смятеннаго сердца ея и мало-по-малу рѣзали крылья у вольной, свободной души, неспособной, наконецъ, ни къ возстанію, ни къ свободному порыву въ настоящую жизнь...

Мало-по-малу, Ордыновъ одичалъ еще болѣе прежняго, въ чемъ, нужно отдать справедливость, его нѣмцы несколько ему не мѣшали.

Онъ часто любилъ бродить по улицамъ, долго, безъ цѣли. Онъ выбиралъ преимущественно сумеречный часъ, а мѣсто прогулки—мѣста глухія, отдаленные, рѣдко посѣщаемыя народомъ. Въ одинъ ненастный, нездоровыи, весенний вечеръ, въ одномъ изъ такихъ закоулковъ, встрѣтилъ онъ Ярослава Ильича.

Ярославъ Ильичъ примѣтно похудѣлъ, пріятные глаза его потускнѣли и самъ онъ какъ будто весь разочаровался. Онъ бѣжалъ впопыхахъ за какимъ-то нетерпящимъ отлагательства дѣломъ, промокъ, загрязнился, и дождевая капля, какимъ-то почти фантастическимъ образомъ, уже цѣлый вечеръ не сходила съ весьма приличнаго, но теперь посинѣвшаго носа его. Къ тому же, онъ отрастилъ бакенбарды.

Эти бакенбарды, да и то, что Ярославъ Ильичъ взглянулъ такъ, какъ будто избѣгалъ встрѣчи съ стариннымъ знакомымъ своимъ, почти поразили Ордынова... Чудесное дѣло! даже какъ-то уязвило, разобидѣло его сердце, ненуждавшееся доселѣ ни въ чьемъ состраданіи.

Ему, наконецъ, приятнѣе быть прежній человѣкъ, простой, добродушный, наивный, — рѣшился сказать, наконецъ, откровенно, — немножечко глупый, но безъ претензій разочароваться и коумнѣть. А непріятно, когда глупый человѣкъ, котораго мы прежде любили, можетъ-быть, именно за глупость его, *вдругъ поумнѣетъ*, рѣшительно непріятно. Впрочемъ, недовѣрчивость, съ которой онъ смотрѣлъ на Ордынова, тотчасъ же сгладилась.

При всемъ разочарованіи своемъ, онъ вовсе не оставилъ своего прежняго норова, съ которымъ человѣкъ, какъ известно, и въ могилу идетъ, и съ наслажденіемъ полѣзъ, такъ, какъ былъ, въ дружескую душу Ордынова. Прежде всего онъ замѣтилъ, что у него много дѣла, потомъ, что они давно не видались; но вдругъ разговоръ опять принялъ какое-то странное направление. Ярославъ Ильичъ заговорилъ о лживости людей вообще, о непрочности благъ міра сего, о суетѣ суетъ, мимоходомъ, даже болѣе чѣмъ съ равнодушіемъ, не преминулъ отозваться о Пушкинѣ, съ некоторымъ цинизмомъ о хорошихъ знакомствахъ и, въ заключеніе, даже намекнулъ на лживость и коварство тѣхъ, которые называются въ свѣтѣ друзьями, тогда какъ истинной дружбы на свѣтѣ и сродясь не бывало. Однимъ словомъ, Ярославъ Ильичъ поумнѣлъ.

Ордыновъ не противорѣчилъ ни въ чемъ, но несказанно, мучительно грустно стало ему: какъ будто онъ схоронилъ своего лучшаго друга!

— Ахъ! Представьте, я было совсѣмъ позабылъ разсказать, молвилъ вдругъ Ярославъ Ильичъ, какъ будто припомнившъ что-то весьма интересное, — у насъ новость! Я вамъ скажу по секрету. Помните домъ, где вы жили? Ордыновъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Такъ вообразите же, недавно открыли въ этомъ домѣ цѣлую шайку воровъ, то-есть, сударь вы мой, ватагу, притонъ-сь; контрабандисты, мошенники всякие, кто ихъ знаетъ! Иныхъ переловили, за другими еще только гоняются; отданы строжайшія приказанія! И можете себѣ представить: помните хозяина дома, богомольный, почтенный, благородный съ виду...

— Ну!

— Судите послѣ этого о всемъ человѣчествѣ! Это и былъ начальникъ всей шайки ихъ, коноводъ! Не нелѣпо-ли это-сь?

Ярославъ Ильичъ говорилъ съ чувствомъ и осудилъ за-

одного все человечество, потому что Ярославъ Ильичъ и не можетъ иначе сдѣлать; это въ его характерѣ.

— А тѣ? А Муринь? проговорилъ Ордыновъ шепотомъ.

— Ахъ, Муринь, Муринь! Нѣтъ, это почтенный старикъ, благородный... Но, позовольте, вы проливаете новый свѣтъ...

— А что? Онъ тоже былъ въ шайкѣ?

Сердце Ордынова готово было пробить грудь отъ нетерпѣнія...

— Впрочемъ, какъ же вы говорите... прибавилъ Ярославъ Ильичъ, пристально вперивъ оловянныя очи въ Ордынова — признакъ, что онъ соображалъ. — Муринь не могъ быть между ними. Ровно за три недѣли онъ уѣхалъ съ женой къ себѣ, въ свое мѣсто... Я отъ дворника узналъ... Этотъ татарченокъ, помните?

ПОЛЗУНКОВЪ. *)

ПОВѢСТЬ.

Я началъ всматриваться въ этого человѣка. Даже въ наружности его было что-то такое особенное, что невольно заставляло вдругъ, какъ бы вы разсѣяны ни были, пристально приковаться къ нему взглядомъ и тотчасъ же разразиться самымъ неумолкаемымъ смѣхомъ. Такъ и случилось со мною. Нужно замѣтить, что глазки этого маленькаго господина были такъ подвижны, или, наконецъ, что онъ самъ, весь, до того поддавался магнетизму всячаго взгляда, на него устремленаго, что почти инстинктомъ угадывалъ, что его наблюдаютъ, тотчасъ же обращался къ своему наблюдателю и съ беспокойствомъ анализировалъ взглядъ его. Отъ вѣчной подвижности, поворотливости онъ рѣшительно походилъ на жиরутку. Странное дѣло! Онъ какъ будто боялся насмѣшки, тогда какъ почти добывалъ тѣмъ хлѣбъ, что былъ всесвѣтнымъ шутомъ и съ покорностю подставлялъ свою голову подъ всѣ щелчки, въ нравственномъ смыслѣ и даже въ физическомъ, смотря по тому, въ какой находился компаніи. Добровольные шуты даже не жалки. Но я тотчасъ замѣтилъ, что это странное созданіе, этотъ смѣшной человѣчекъ вовсе не былъ шутомъ изъ профессіи. Въ немъ оставалось еще кое-что благороднаго. Все беспокойство, его вѣчная болѣзненная боязнь за себя уже свидѣтельствовали въ пользу его. Мне казалось, что все его желаніе услужить происходило скорѣе отъ доброго сердца, чѣмъ отъ материальныхъ выгодъ. Онъ съ удовольствиемъ позволялъ засмѣяться надъ собой во все горло и неприличнѣйшимъ образомъ, въ глаза, но въ то же время — и я даю клятву въ томъ — его сердце ныло и обливалось кровью отъ мысли, что его слушатели такъ неблагородно-жестокосерды, что способны смѣяться не факту, а надъ нимъ, надъ всѣмъ существомъ его, надъ сердцемъ, головой, надъ наружностью, надъ всею его плотью и кровью. Я увѣренъ, что онъ чувствовалъ въ эту минуту всю глупость своего положенія; но протестъ тотчасъ же умиралъ въ груди его, хотя непремѣнно каждый разъ зарождался великодушнѣй-

*) Въ первый разъ напечатанъ въ „Иллюстрированномъ Альманахѣ“ изд. И. Панаевъ и Н. Некрасовымъ, СПБ. 1848 г.

шимъ образомъ. Я увѣренъ, что все это происходило не иначе, какъ отъ доброго сердца, а вовсе не отъ материальной невыгоды быть прогнаннымъ въ толчки и не занять у кого-нибудь денегъ: этотъ господинъ вѣчно занималъ деньги, то-есть просилъ въ этой формѣ милостынью, когда, погримасничавъ и достаточно насытивъ на свой счетъ, чувствовалъ, что имѣть нѣкоторымъ образомъ право занять. Но, Боже мой! Какой это былъ заемъ? И съ какимъ видомъ онъ дѣлалъ этотъ заемъ! Я предположить не могъ, чтобы на такомъ маленькомъ пространствѣ, какъ сморщенное, угловатое лицо этого человѣчка, могло умѣститься въ одно и то же время столько разнородныхъ гризансъ, столько странныхъ, разнохарактерныхъ ощущеній, столько самыхъ убийственныхъ впечатлѣній. Чего-чего тутъ не было—и стыдъ-то, и ложная наглость, и досада съ внезапной краской въ лицѣ, и гневъ, и робость за неудачу, и просьба о прощеніи, что смѣль утруждать, и сознаніе собственного достоинства, и полнѣйшее сознаніе собственного ничтожества,—все это какъ молнии проходили по лицу его. Цѣлыхъ шесть лѣтъ пробивался онъ такимъ образомъ на Божьемъ свѣтѣ и до сихъ поръ не составилъ себѣ фигуры въ интересную минуту займа! Само собою разумѣется, что очерствѣть и заподличаться въ конецъ онъ не могъ никогда. Сердце его было слишкомъ подвижно, горячо! Я даже скажу болѣе: по моему мнѣнію, это былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, но съ маленькою слабостью: сдѣлать подлость по первому приказанію, добродушно и безкорыстно, лишь бы угодить ближнему. Однимъ словомъ, это былъ, что называется, человѣкъ—тряпка вполнѣ. Всего смѣшилъ было то, что онъ былъ одѣтъ почти такъ же, какъ всѣ, не хуже, не лучше, чисто, даже съ нѣкоторою изысканностью и съ пополновенiemъ на солидность и собственное достоинство. Это равенство наружное и несравненно внутреннее, его беспокойство за себя и въ то же время безпрерывное самоумаленіе,—все это составляло разительнѣйшій контрастъ и достойно было смѣха и жалости. Если бъ онъ былъ увѣренъ сердцемъ своимъ (что, несмотря на опытъ, поминутно случалось съ нимъ), что всѣ его слушатели были добрѣйшіе въ мірѣ люди, которые смыются только факту смѣшному, а не надъ его обреченною личностю, то онъ съ удовольствиемъ снялъ бы фракъ свой, надѣлъ его какъ-нибудь на изнанку и попалъ бы въ этомъ нарядѣ, друг-

гимъ въ угоду, а себѣ въ наслажденіе, по улицамъ, лишь бы разсмѣшить своихъ покровителей и доставить имъ всѣмъ удовольствіе. Но до равенства онъ не могъ достигнуть никогда и ничѣмъ. Еще черта: чудакъ былъ самолюбивъ и порывами, если только не предстояло опасности, даже великодушенъ. Нужно было видѣть и слышать, какъ онъ умѣлъ отдѣлать, иногда не щадя себя, слѣдовательно съ рискомъ, почти съ геройствомъ, кого-нибудь изъ своихъ покровителей, уже до нельзя его разбѣшившаго. Но это было минутами... Однимъ словомъ, онъ былъ мученикъ въполномъ смыслѣ слова, но самый бесполезнѣйший, и слѣдовательно самый комическій мученикъ.

Между гостями поднялся общий споръ. Вдругъ я увидѣлъ, что чудакъ мой вскакиваетъ со стула и кричитъ, что есть мочи, желая, чтобы ему одному дали исключительно слово.

— Слушайте, шепнулъ мнѣ хозяинъ.—Онъ разсказываетъ иногда прелюбопытныя вещи... Интересуетъ онъ васъ?

Я кивнулъ головою и втѣсnilся въ толпу. Дѣйствительно, видѣлъ порядочно одѣтаго господина, вскочившаго на стуль и кричавшаго всѣмъ голосомъ, возбудилъ общее вниманіе. Многіе, кто не знали чудака, переглядывались съ недоумѣніемъ, другіе хохотали во все горло.

— Я знаю Федосія Николаича! Я лучше всѣхъ долженъ знать Федосія Николаича! кричалъ чудакъ съ своего возвышенія.—Господа, позовольте разсказать. Я хорошо разскажу про Федосія Николаича! Я знаю одну исторію — чудо!..

— Разскажите, Осипъ Михайловичъ, разскажите.

— Разсказывай!!!

— Слушайте же...

— Слушайте, слушайте!!!

— Начинаю; но, господа, это исторія особенная...

— Хорошо, хорошо!

— Это исторія комическая.

— Очень хорошо, превосходно, прекрасно,—къ дѣлу!

— Это эпизодъ изъ собственной жизни вашего низайшаго...

— Ну, зачѣмъ же вы трудились объявлять, что она комическая!

— И даже немного трагическая!

— А???

— Словомъ, та исторія, которая вамъ всѣмъ доста-

вляеть счастіе слушать меня теперь, господа,—та исторія, вслѣдствіе которой я попалъ въ такую интересную для меня компанію...

— Безъ каламбуровъ!

— Та исторія...

— Словомъ, та исторія,—ужъ доканчивайте поскорѣе апологъ,—та исторія, которая чего-нибудь стоитъ, промолвилъ сиплымъ голосомъ одинъ блокурый молодой господинъ съ усами, запустивъ руку въ карманъ своего сюртука и какъ будто нечаянно вытащивъ оттуда кошелькъ вмѣсто платка.

— Та исторія, мои сударики, послѣ которой я бы желалъ видѣть многихъ изъ васъ на моемъ мѣстѣ. И, наконецъ, та исторія, вслѣдствіе которой я не женился.

— Женился!.. Жена!.. Ползунковъ хотѣлъ жениться!!

— Признаюсь, я бы желалъ теперь видѣть т-те Ползункову!

— Позвольте поинтересоваться, какъ звали прошедшую т-те Ползункову, пищаль одинъ юноша, пробираясь къ рассказчику.

— Итакъ, первая глава, господа: то было ровно шесть лѣтъ тому, весной, 31-го марта,—замѣтьте число, господа,—наканунѣ...

— Перваго апрѣля! закричалъ юноша въ завиткахъ.

— Вы необыкновенно угадливы-сь. Былъ вечеръ. Надъ уѣзднымъ городомъ N. сгущались сумерки, хотѣла выплыть луна... ну, и все тамъ какъ слѣдуетъ. Вотъ-сь, въ самыя позднія сумерки, втихомолочку, и я выплылъ изъ своей квартирки,—простившись съ моей замкнутой покойницей бабушкой. Извините, господа, что я употребляю такое модное выраженіе, слышанное мною въ послѣдній разъ у Николая Николаича. Но бабушка моя была вполнѣ замкнутая: она была слѣпа, нѣма, глуха, глупа,—все что угодно!.. Признаюсь, я былъ въ трепетѣ, я собирался на великое дѣло; сердчишко во мнѣ било, какъ у котенка, когда его хватаетъ чья-нибудь костлявая лапа за шиворотъ.

— Позвольте, т-г Ползунковъ.

— Чего требуете?

— Разсказывайте проще; пожалуйста, не слишкомъ старайтесь!

— Слушаю-сь, проговорилъ немногого смутившійся Осипъ Михайлычъ.— Я вошелъ въ домикъ Федосія Николаича

(благопріобрѣтенный-сь). Федосей Николаичъ, какъ извѣстно, не то, чтобы сослуживецъ, но цѣлый начальникъ. Обо мнѣ доложили и тотчасъ же ввели въ кабинетъ. Какъ теперь вижу; совсѣмъ, совсѣмъ почти темная комната, а свѣчай не подаютъ. Смотрю: входитъ Федосей Николаичъ. Тамъ мы и остаемся съ нимъ въ темнотѣ...

— Что же бы такое произошло между вами? спросилъ одинъ офицеръ...

— А какъ вы полагаете-сь? спросилъ Ползуновъ, немедленно обращаясь, съ судорожно шевельнувшимся лицомъ, къ юношѣ въ завиткахъ.

— Итакъ, господа, тутъ произошло одно странное обстоятельство. То-есть странного тутъ не было ничего, а было, что называется, дѣло житейское,—я просто за-просто вынулъ изъ кармана свертокъ бумажекъ, только государственными...

— Ассигнаціями?

— Ассигнаціями-сь, и мы помѣнялись.

— Бьюсь объ закладъ, что тутъ пахло взятками, проговорилъ одинъ солидно одѣтый и выстриженный молодой господинъ.

— Взятками-сь! подхватилъ Ползуновъ.—Эхъ!

Пусть я буду либераломъ,
Какихъ много видѣлъ я!

Если вы тоже, какъ вамъ попадется служить въ губерніи, не погрѣете руки... на родномъ очагѣ... Зане, сказалъ одинъ литераторъ:

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Мать, мать, господа, родная, родина-то наша, мы птенцы, такъ мы ее и сосемъ!..

Поднялся общій смѣхъ.

— А только, повѣрите-ли, господа, я никогда не бралъ взятокъ, сказалъ Ползуновъ, недовѣрчиво оглядывая все собраніе. Гомерическій, неумолкаемый смѣхъ всѣхъ заломъ своимъ покрылъ слова Ползунова.

— Право такъ, господа...

Но тутъ онъ остановился, продолжая оглядывать всѣхъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ лица. Можетъ-быть, — кто знаетъ, — можетъ-быть, въ эту минуту ему вспало на умъ, что онъ почетнѣе многихъ изъ всей этой честной компаніи... Только серьезное выраженіе лица его не исчезало до самаго окончанія всеобщей веселости.

— Итакъ, началь Ползуновъ,—когда всѣ умолкли,—

хотя я никогда не бралъ взятокъ, но въ этотъ разъ грѣшень: положилъ въ карманъ взятку... съ взяточника... То-есть были кое-какія бумажки въ рукахъ моихъ, которыя, если бъ я захотѣлъ послать кой-кому, такъ худо бы пришлось Федосѣю Николаичу.

— Такъ, стало-быть, онъ ихъ выкупилъ?

— Выкупилъ-съ.

— Много далъ?

— Даль столько, за сколько иной въ наше время продалъ бы совѣсть свою, всю, со всѣми варъяціями-съ... если бы только что-нибудь дали-съ. Только меня варомъ обдало, когда я положилъ въ карманъ денежки. Право, я не знаю, какъ это со мной всегда дѣлается, господа, — но вотъ, ни живъ, ни мертвъ, губами шевелю, ноги трясутся; ну, виновать, виноватъ, совсѣмъ виноватъ, въ пухъ засовѣстился, готовъ прощенья просить у Федосѣя Николаича...

— Ну, чтѣ-жъ онъ, простили?

— Да я не просилъ-съ... я только такъ говорю, что такъ оно было тогда; у меня, то-есть, сердце горячее. Вижу, смотрить мнѣ прямо въ глаза:— „Бога, говорить, вы не боитесь, Осипъ Михайлычъ“. Ну, что дѣлать? Я этакъ развелъ изъ приличія руки, голову на сторону.— „Чѣмъ же, я говорю, Бога не боюсь, Федосѣй Николаичъ?..“ Только ужъ такъ говорю, изъ приличія... самъ сквозь землю провалиться готовъ.— „Бывъ такъ долго другомъ семейства нашего, бывъ, могу сказать, сыномъ,—и кто знаетъ, что небо предполагало, Осипъ Михайлычъ! И вдругъ, что же, доносъ, готовить доносъ, и вотъ теперь!.. Чѣмъ послѣ этого думать о людяхъ, Осипъ Михайлычъ?“ Да вѣдь какъ, господа, какъ рацею читалъ! Нѣтъ, говорить, вы мнѣ скажите, что послѣ этого думать о людяхъ, Осипъ Михайлычъ?—Чѣмъ, думаю, думать! Знаете, и въ горлѣ заскребло, и голосенко дрожитъ, ну, ужъ предчувствую свой скверный поровъ и схватился за шляпу...— „Куда-жъ вы, Осипъ Михайлычъ? Неужели вы наканунѣ такого дня, неужели вы и теперь злопамятали; чѣмъ я противъ васъ согрѣшилъ?..“ — „Федосѣй Николаичъ, говорю, Федосѣй Николаичъ!“ Ну, то-есть растаялъ, господа, какъ мокрый сахаръ-медовичъ растаялъ. Куда! И пакетъ, что въ карманѣ лежитъ съ государственными, и тотъ словно тоже кричитъ: „неблагодарный ты, разбойникъ, тать окаянный,—словно пять пудовъ въ немъ, такъ тянетъ... (А если бъ и взаправду въ немъ пять пудовъ было!...).— „Вижу, говорить Федосѣй

Николаичъ,—вижу ваше раскаяніе... вы знаете, завтра..."
— „Марії Египетскія-съ...“ — „Ну, не плачь, говоритъ Федосѣй Николаичъ,—полно: согрѣшилъ и покаялся! Пойдемъ! Можетъ-быть, удастся мнѣ возвратить, говоритъ, васъ опять на путь истинный... Можетъ-быть, скромные пенаты мои (именно, помню, пенаты, такъ и выразился, разбойникъ) согрѣютъ, говоритъ, опять ваше очерств... не скажу очерствълое,—заблудшее сердце...“ Взялъ онъ меня, господа, за руку и повелъ къ домочадцамъ. Мнѣ спину морозомъ прохватываетъ; дрожу! Думаю, съ какими глазами предстану я...—А нужно вамъ знать, господа... какъ бы сказать, здѣсь выходило одно щекотливое дѣльцо!

— Ужъ не госпожа-ли Ползункова?

— Марья Федосѣевна-съ, — только не суждено, знать, ей было быть такой госпожой, какой вы ее называете, не дождалась такой чести. Оно, видите, Федосѣй-то Николаичъ былъ и правъ, говоря, что въ домѣ-то я почти сыномъ считался. Оно и было такъ назадъ тому полгода, когда еще былъ живъ одинъ юнкеръ въ отставкѣ, Михайло Максимычъ Двигайловъ по прозвищу. Только онъ волею Божію помре, а завѣщаніе-то совершить все въ долгій ящикѣ откладывалъ; оно и вышло такъ, что ни въ какомъ ящикѣ его не отыскали потомъ...

— Ухъ!!!

— Ну, ничего, нечего дѣлать, господа, простите, обмолвился, — каламбурчикъ-то плохъ, да это бы еще ничего, что онъ плохъ,—штука-то была еще плоше, когда я остался, такъ сказать, съ нулемъ въ перспективѣ, потому что юнкеръ-то въ отставкѣ, хоть меня въ домѣ къ нему и не пускали (на большую ногу жилъ, затѣмъ, что были руки длинны!), а тоже, можетъ-быть, не ошибкой, роднымъ сыномъ считалъ.

— Ага!!!

— Да-съ, оно вотъ какъ-съ! Ну, и стали мнѣ посы показывать у Федосѣя Николаича. Я замѣчалъ-замѣчалъ, крѣпился-крѣпился, а тутъ, вдругъ, на бѣду мою (а можетъ, и къ счастью!), какъ снѣгъ на голову ремонтеръ наскакалъ на нашъ городишко. Дѣло-то оно его, правда, подвижное, легкое, кавалерійское, — только такъ плотно утвердился у Федосѣя Николаича, — ну, словно мортира засѣль! Я обиходцемъ, да стороночкой, по подлому иорову, такъ и такъ, говорю, Федосѣй Николаичъ, за что-жъ

обижать! Я въ нѣкоторомъ родѣ ужъ сынъ... Отеческаго-то, отеческаго когда я дождусь... Началь онъ мнѣ, сударикъ ты мой, отвѣтить! Ну, то-есть, начнетъ говорить, поэму наговоритъ цѣлую, въ двѣнадцати пѣсняхъ, въ стихахъ, только слушаешь, облизываешься, да руки разводишь отъ сладости, а толку нѣть ни на грошъ, то-есть какого толку, не разберешь; не поймешь, стоишь дуракъ-дуракомъ, затуманишь, словно выонъ вьется, вывертывается; ну, талантъ, просто талантъ, даръ такой, что вчужѣ страхъ пробираеть! Я кидаться пошелъ во всѣ стороны: суды да суды! Ужъ и романсы таскаю, и конфектъ привожу, и калумбіры высуживаю, охи да вздохи, болитъ, говорю, мое сердце, отъ амура болить, да въ слезы, да тайное объясненіе! Вѣдь глупъ человѣкъ! Вѣдь не провѣрилъ у дьячка, что мнѣ тридцать лѣтъ... куды! Хитрить выдумаешь! Нѣть же! Не пошло мое дѣло, смѣшки да насмѣшки кругомъ, — ну, и зло меня взяло, за горло совсѣмъ захватило, — я улизнулъ, да въ домъ ни ногой, думалъ-думаешь—да хватъ доносъ! Ну, поподличаль, друга выдать хотѣлъ, сознаюсь, материальцу-то было много, и славный такой материалъ, капитальное дѣло! Тысячу пятьсотъ серебромъ принесло, когда я его вмѣстѣ съ доносомъ на государственный вымѣнялъ!

— А! Такъ вотъ она взятика-то!

— Да, сударь, вотъ была взяточка-то-сь, поплатился мнѣ взяточникъ! (И вѣдь не грѣшино, ну, право же нѣть!) Ну, вотъ-сь теперь продолжать начну: притащилъ онъ меня, если запомнить изволите, въ чайнную, ни жива, ни мертвa; встрѣчаютъ меня: всѣ какъ будто обиженные, то-есть не то что обиженные,—разогорченные такъ, что ужъ просто... Ну, убиты, убиты совсѣмъ, а между тѣмъ и важность такая приличная на лицахъ сіяетъ, солидность во взорахъ, этакъ что-то отеческое, родственное такое... блудный сынъ воротился къ нимъ—вотъ куда пошло! За чай усадили, а чего: у меня у самого словно самоваръ въ грудь засѣлъ, кинуть во мнѣ, а ноги леденѣютъ: умалился, струсиль! Марья Фоминишина, супруга его, совсѣмъ надворная (а теперь коллежская), мнѣ ты съ первого слова начала говорить: что ты, батенька, такъ похудѣлъ, говорить. — Да такъ, прихварываю, говорю, Марья Фоминишина... голосенкѣ-то дрожитъ у меня! А она мнѣ ни съ того, ни съ сего, знать выжидала свое ввернуть, ехидна такая:—что, видно совсѣсть, говорить, твоей душѣ не по мѣрѣ пришлась,

Осипъ Михайлычъ, отецъ родной! Хлѣбъ-соль-то наша, говоритъ, родственная возопяла къ тебѣ! Отлились, знать, тебѣ мои слезки кровавыя! Ей Богу, такъ и сказала, пошла противъ совѣсти! Чего! То-ли за ней, бой-баба! Только такъ сидѣла да чай разливала. А поди-ка, я думаю, на рынкѣ, моя голубушка, всѣхъ бабъ перекри-чала бы. Вотъ какая была она, наша совѣтница! А тутъ, на бѣду мою, Марья Федосѣвна, дочка, выходитъ, со всѣми своими невинностями, да блѣдненька немножко, глазки раскраснѣлись, будто отъ слезъ, — я какъ дуракъ и погибъ тутъ на мѣсть. А вышло потомъ, что по ре-монтерѣ она слезки роняла: тотъ утекъ во-свояси, уле-петнулъ по добру, по здорову, потому что, знаете, знать (оно пришлось теперь къ слову сказать), пришло ему время уѣхать, срокъ вышелъ; оно не то чтобы и казенныій былъ срокъ-то! а такъ... ужъ послѣ родители дражайшіе спохватились, узнали всю подноготную, да что дѣлать, втихомолку зашили бѣду — своего дому при-было!... Ну, нечего дѣлать, какъ взглянулъ я на нее, пропалъ, просто пропалъ, накосился на шляпу, хотѣлъ схватить да улепетнуть поскорѣе; не тутъ-то было: ута-щили шляпу мою... Я ужъ, признаюсь, и безъ шляпы хотѣлъ—ну, думаю,—иѣть же, дверь на крючокъ наса-дили, смѣшки дружескіе начались, подмигиванья да за-игрыванья, сконфузился я, что-то совралъ, обѣ амурѣ понесъ: она, моя голубушка, за клавикорды сѣла, да гусара, который на саблю опирался, пропѣла на обижен-ный тонъ, — смерть моя! — Ну, говорить Федосѣй Нико-лаичъ,—все забыто, приди, приди... въ объятія! — Я какъ быль, такъ тутъ же и припалъ къ нему лицомъ на жи-летку. Благодѣтель мой, отецъ ты мой родной, говорю! Да какъ залъюсь своими горючими! Господи Богъ мой, какое тутъ поднялось! Онъ плачетъ, баба его плачетъ, Машенька плачетъ... тутъ еще бѣлобрысенькая одна была, и та плачетъ... куда — со всѣхъ угловъ ребятишки по-выползли (благословилъ его домикомъ Господь!), и тѣ ре-вутъ... сколько слезъ, то-есть умиленіе, радость такая, блудного обрѣли, словно на родину солдатъ воротился! — Тутъ угощеніе подали, фанты пошли: „Охъ, болитъ!“ Что болитъ? „Сердце“. По комъ? Она краснѣеть, голубушка! Мы со старикомъ пуншику выпили, — ну, уходили, услѣ-стили меня совершенно... Воротился я къ бабушкѣ. У самаго голова кругомъ ходить; всю дорогу шелъ да по-

смѣвался, дома два часа битыхъ по каморкѣ ходилъ, старуху разбудилъ, ей все счастье повѣдалъ.—„Да денегъ-то далъ-ли, разбойникъ?“ —Далъ, бабушка, далъ, далъ, родная моя, далъ, привалило къ намъ, отворяй ворота!—„Ну, теперь хоть женись, такъ въ ту-жъ пору, женись, говорить мнѣ старуха,—знать молитвы мои услышаны!“ Софронъ разбудилъ. Софронъ, говорю, снимай сапоги. Софронъ потащилъ съ меня сапоги.—Ну, Софроша! Поздравь ты теперь меня, поцѣлуй! Женюсь, просто, братецъ, женюсь, напейся пьянь завтра, гуляй душа, говорю: баринъ твой женится!—Смѣшки да игрушки на сердце!. Ужъ засыпать было началъ; пѣтъ, подняло меня опять на ноги, сижу да думаю; вдругъ и мелькни у меня въ головѣ: завтра-де 1-е апрѣля, день-то такой свѣтлый, игривый, какъ бы такъ? — Да и выдумалъ! Чтѣ-жъ, сударики, съ постели всталъ, свѣчу зажегъ, въ чемъ былъ за столь письменный сѣль, т. е. ужъ расходился совсѣмъ, заигрался,—знаете, господа, когда человѣкъ разыграется! Всей головой, отды мои, въ грязь полѣзъ! То-есть вотъ такой норовъ: они у тебя вотъ что возьмутъ, а ты имъ вотъ и это отдашь: дескать, на-те и это возьмите! Они тебя по ланитѣ, а ты имъ на радостяхъ всю спину подставишь. Они тебя потомъ калачомъ какъ собаку манить начнутъ, а ты тутъ всѣмъ сердцемъ и всей душой облапишь ихъ глупыми лапами — и ну лобызаться! Вѣдь вотъ хоть бы теперь, господа! Вы смѣетесь да шепчетесь, я вѣдь вижу! Послѣ, какъ разскажу вамъ всю мою подноготную, меня-же начнете на смѣхъ подымать, меня же начнете гонять, а я-то вамъ говорю-говорю-говорю! Ну, кто мнѣ велѣлъ! Ну, кто меня гонить! Кто у меня за плечами стоитъ да шепчетъ: говори, говори да рассказывай! А вѣдь говорю же, рассказываю, вамъ въ душу лѣзу, словно вы мнѣ, примѣромъ, всѣ братья родные, друзья закадышные... э-эхъ!..

Хохотъ, начинавший мало-по-малу подыматься со всѣхъ сторонъ, покрылъ, наконецъ, совершенно голосъ рассказчика, дѣйствительно пришедшаго въ какой-то восторгъ; онъ остановился, нѣсколько минутъ перебѣгая глазами по собранію, и потомъ вдругъ, словно увлеченный какимъ-то вихремъ, махнулъ рукой, захочоталъ самъ, какъ будто, дѣйствительно, находя смѣшнымъ свое положеніе, и снова пустился рассказывать:

— Едва заснулъ я въ ту ночь, господа; всю ночь строчилъ на бумагѣ; видите-ли, штуку я выдумалъ! Эхъ,

господа! припомнить только, такъ совѣстно станеть! И добро бы ужъ воочью: ну, съ пьяныхъ глазъ, заблудился, напуталъ вздору, навралъ, — нѣтъ же! Утромъ проснулся ни свѣтъ ни заря, всего-то и спалъ часикъ - другой, и за то же! Одѣлся, умылся, завился, припомадился, фракъ новый напялилъ и прямо на праздникъ къ ѡедосѣю Николаичу, а бумагу въ шляпѣ держу. Встрѣчаетъ меня самъ съ отверстыми, и опять зоветъ на жилетку родительскую. Я и пріосанился, въ головѣ еще вчерашнее бродить! На шагъ отступилъ. — Нѣтъ, говорю, ѡедосѣй Николаевичъ, а вотъ, колъ угодно, сю бумажку прочтите, — да и подаю ее при рапортѣ; а въ рапортѣ-то знаете чѣмъ было? А было: По такимъ-то, да по такимъ-то, такого-то Осипа Михайлыча уволить въ отставку, да подъ прошьбой-то весь чинъ подмахнулъ! Вотъ вѣдь чѣмъ выдумалъ, Господи! И умнѣе-то ничего придумать не могъ! Дескать, сегодня первое апрѣля, такъ я вотъ и сдѣлаю видъ, ради шуточки, что обида моя не прошла, что одумался за ночь, одумался да нахохлился, да пуще прежняго обидѣлся, да, дескать, вотъ же вамъ, родные мои благодѣтели, и ни васъ, ни дочки вашей знать не хочу; дескать, вамъ рапортъ обѣ отставкѣ. Не хочу служить подъ такимъ начальствомъ, какъ ѡедосѣй Николаевичъ! Въ другую службу хочу, а тамъ, смотри, и донось подамъ. Этакимъ подлецомъ представился, напугать ихъ выдумалъ! И выдумалъ чѣмъ напугать! А? Хорошо, господа? То-есть вотъ заласкалось къ нимъ сердце со вчерашняго дня, такъ дай я за это шуточку семейную отпушу, подтрунью надъ родительскимъ сердечкомъ ѡедосѣя Николаича...

Только взялъ онъ бумагу мою, развернулъ и вижу, шевельнулась у него вся физіономія. — Чѣмъ, Осипъ Михайлычъ? А я, какъ дурачокъ: — Первое апрѣля! Съ праздникомъ васть, ѡедосѣй Николаичъ! То-есть совсѣмъ какъ мальчишка, который за бабушкино кресло спрятался втихомолку, да потомъ уфъ! ей на ухо, во все горло, — попугать вздумалъ! Да... да просто даже совсѣмъ разсказывать, господа! Да нѣтъ же! Я не буду разсказывать!

— Да нѣтъ, чѣмъ же дальше?

— Да нѣтъ, да нѣтъ, разскажите! Нѣтъ ужъ рассказывайте, поднялось со всѣхъ сторонъ.

— Поднялись, судари мои, толки да пересуды, охи да ахи! И проказникъ-то я, и забавникъ-то я, и пере-

пугалъ-то я ихъ, ну, такое сладчайшее, что самому стыдно стало, такъ что стоишь да со страхомъ и думаешь: какъ такого грѣшника такое мѣсто святое на себѣ держать можетъ! „Ну, родной ты мой, запищала совѣтница,— напугалъ меня такъ, что о сю пору ноги трясутся, еле на мѣстѣ держать! Выѣжала я какъ полоумная къ Машѣ: Машенька, говорю, чтѣ съ нами будетъ! Смотри, какимъ твоимъ-то оказывается! Да сама согрѣшила, родимый, ужъ ты прости меня старуху, опростоволосилась! Ну, думаю: какъ пошелъ онъ отъ насъ вчера, пришелъ домой поздно, началъ думать, да, можетъ, показалось ему, что нарочно мы вчера ходили за нимъ, завлечь хотѣли, такъ и обмерла я! — Полно, Машенька, полно мигать мнѣ, Осипъ Михайлышъ намъ не чужой, я же твоя мать, дурного ничего не скажу! Слава Богу, не двадцать лѣтъ на свѣтѣ живу: цѣлыхъ сорокъ пять!..“

Ну, чтѣ, господа! Чуть я ей въ ноги не чебурахнулся тутъ! Опять прослезились, опять лобызанія пошли! Шуточки начались! Федосѣй Николаичъ тоже для 1-го апрѣля штучку изволили выдумать! Говорить, дескать, жарь-птица прілетѣла, съ брильянтовымъ клювомъ, а въ клювѣ-то письмо прінесла! Тоже надуть хотѣль,— смѣхъ-то пошелъ какой! Умиленіе-то было какое!—Тыфу!—Даже срамно раз рассказывать!

Ну, что, мои милостивцы, теперь и вся недолга! Пожили мы день, другой, третій, недѣлю живемъ; я ужъ совсѣмъ женихъ! Чего! Кольца заказаны, день назначили, только оглашать не хотятъ до времени, ревизора ждутъ. Я-то жду не дождусь ревизора, счастье мое остановилось за нимъ. Спустить бы его скорѣй съ плечъ долой, думаю. А Федосѣй-то Николаичъ подъ шумокъ и на радостяхъ всѣ дѣла свалилъ на меня: счеты, рапорты писать, книги свѣрять, итоги подводить, — смотрю: беспорядокъ ужасный, все въ запустѣніи, вездѣ крючки да ковыки! Ну, думаю, потружусь для тестюшки! А тотъ все прихварываетъ, болѣзнь приключилась, день ото дня ему, видишь, хуже. А чего, я самъ какъ спичка, ночей не сплю, повалиться боюсь! Однако, кончилъ-таки дѣло на славу! Выручилъ къ сроку! Вдругъ шлютъ за мной гонца. Посторонний, говорятъ, худо Федосѣю Николаичу! Бѣгу, сломя голову,—что такое? Смотрю, сидитъ мой Федосѣй Николаичъ обвязанный, уксусу къ головѣ примочилъ, морщится, кряхтить, охаетъ: охъ да охъ! Родной ты мой, милый ты мой, говорить, умру, говорить, на кого-то я

vasъ оставлю, птенцы мои! Жена съ дѣтьми пришелась, Машенька въ слезы,—ну, я и самъ зарюмилъ!—Ну, нѣту же, говорить, Богъ будетъ милостивъ, не взыщетъ же Онъ съ васъ за всѣ мои прегрѣшения! Тутъ онъ ихъ всѣхъ отпустилъ, приказалъ за ними дверь запереть, остались мы съ нимъ вдвоемъ, съ глазу на глазъ.— „Просьба есть до тебя!“— „Какая-съ?“— Такъ и такъ, братецъ, и на смертномъ одрѣ нѣтъ покоя, зануждался совсѣмъ!— „Какъ такъ?“— Меня тутъ и краска прошибла, языкъ отнялся. — „Да такъ, братецъ, изъ своихъ пришлось въ казну приплатиться; я, братецъ, для пользы общей ничего не жалѣю! Жизни своей не жалѣю! Ты не думай чего! Грустно мнѣ, что меня передъ тобой клеветники очернили... Заблуждался ты, горе съ тѣхъ поръ мою голову убѣлило. Ревизоръ на носу, а у Матвѣева въ семи тысячахъ недочетъ, а отвѣчаю я... кто-жъ больше! Съ меня, братецъ, взыщутъ: чего смотрѣлъ! А что съ Матвѣева взять! Ужъ и такъ довольно съ него; что горемыку подъ обухъ подводить!“ — Святители, думаю, вотъ праведникъ! Вотъ душа! А онъ: „да, говорить, дочернихъ братъ не хочу изъ того, что ей пошло на приданое: это священная сумма! Есть свои, есть, правда, да въ люди отданы, гдѣ ихъ сейчасъ соберешь!“— Я тутъ какъ былъ, такъ и брякъ передъ нимъ на колѣни. — „Благодѣтель ты мой, кричу, оскорбилъ я тебя, разобидѣлъ, клеветники на тебя бумаги писали, не убей въ конецъ, возьми назадъ свои денежки!“— смотритъ онъ на меня, потекли у него изъ глазъ слезы.— „Этого я и ждалъ отъ тебя, мой сынъ, встань; тогда простиль ради дочернихъ слезъ! Теперь и мое сердце прощаетъ тебя. Ты залѣчилъ, говорить, мои язвы! Благословляю тебя во вѣки вѣковъ!“ — Ну, какъ благословилъ-то онъ меня, господа, я во всѣ лопатки домой, досталь сумму: „вотъ, батюшка, все, только пятьдесятъ цѣлковыхъ извелъ!“ — „Ну, ничего, говорить, а теперь всякое лыко въ строку; время сиѣшное, напиши-ка рапортъ, заднимъ числомъ, что зануждался, да впередъ просишь жалованья 50 руб. Я такъ и покажу по начальству, что тебѣ впередъ выдано...“ Ну, что-жъ, господа! Какъ вы думаете! Вѣдь я и рапортъ написаль!..

— Ну, что же,—ну, чѣмъ же,—ну, какъ это кончилось?

— Только что я написаль рапортъ, сударики вы мои, вотъ чѣмъ кончилось. На завтра же, на другой же день, ранехонько поутру, пакетъ за казенною печатью. Смотрю—

и что-жъ обрѣтаю! Отставка! Дескать, сдать дѣла, свести счеты, а самому идти на всѣ стороны!

— Какъ такъ?

— Да ужъ и я тутъ благимъ матомъ крикнулъ: какъ такъ, сударики! Чего, въ ушахъ зазвенѣло! Я думалъ спроста, анъ нѣтъ, ревизоръ въ городъ вѣхалъ. Дрогнуло сердце мое! Ну, думаю, не спроста! Да такъ, какъ былъ, къ Федосѣю Николаичу; „что?“ говорю. — „А что-жъ?“ говоритъ. — „Да вотъ же отставка!“ — „Какая отставка?“ — „А это?“ — „Ну, что-жъ, и отставка-сь!“ — „Да какъ же, развѣ я пожелалъ?“ — „А какъ же, вы подали-сь, 1-го апрѣля вы подали“ (а бумагу-то я не взялъ назадъ!). „Федосѣй Николаичъ, да васъ-ли слышать уши мои, васъ-ли видѣть очи мои!“ — „Меня-сь, а чѣ-съ?“ — „Господи, Богъ мой!“ — „Жаль мнѣ, сударь, жаль, очень жаль, что такъ рано службу оставить задумали! Молодому человѣку нужно служить, а у васъ, сударь, вѣтеръ началъ бродить въ головѣ. А насчетъ аттестата будьте покойны: я по-забочусь. Вы же такъ хорошо себя всегда аттестуете-сь!“ — „Да вѣдь я-же тогда шуткой, Федосѣй Николаичъ, я-же не хотѣлъ, я такъ подалъ бумагу, для родительского вашего... вотъ...“ — „Какъ-сь вотъ! Какое, сударь, шуткой! Да развѣ такими бумагами шутятъ-сь? Да вѣдь за такія шуточки когда-нибудь въ Сибирь упекутъ-сь. Теперь прощайте, мнѣ некогда-сь; у насъ ревизоръ-сь, обязанности службы прежде всего; вамъ бить баклушки, а намъ тутъ сидѣть за дѣлами-сь. А ужъ я вѣдь тамъ какъ слѣдуетъ аттестую-сь. — Да еще-сь, вотъ я домъ у Матвѣева сторговалъ, переѣдемъ на-дняхъ, такъ ужъ надѣюсь, что не буду имѣть удовольствія вѣдь на новосельѣ у себя увидѣть. Счастливый путь!“ — Я домой со всѣхъ ногъ: „пропали мы, бабушка!“ Взвыла она, сердечная; а тутъ, смотримъ, бѣжитъ казачокъ отъ Федосѣя Николаича, съ запиской и съ клѣткой, а въ клѣткѣ скворецъ сидить; это я ей отъ избытка чувствъ скворца подарилъ; а въ запискѣ стоитъ: *1-е апрѣля*, а больше и нѣтъ ничего. Вотъ, господа, что; какъ вы думаете-сь?

— Ну, что же, что же дальше???

— Чего дальше! Встрѣтилъ я разъ Федосѣя Николаича, хотѣлъ было ему въ глаза подлеца сказать...

— Ну!

— Да какъ-то не выговорилось, господа!

СЛАБОЕ СЕРДЦЕ.*)

ПОВѢСТЬ.

Подъ одной кровлей, въ одной квартирѣ, въ одномъ четвертомъ этажѣ, жили два молодые сослуживца, Аркадій Ивановичъ Нефедевичъ и Вася Шумковъ... Авторъ, конечно, чувствуетъ необходимость объяснить читателю, почему одинъ герой названъ полнымъ, а другой уменьшительнымъ именемъ, хоть бы, напримѣръ, для того только, чтобъ не сочли такой способъ выраженія неприличнымъ и отчасти фамильярнымъ. Но для этого было бы необходимо предварительно объяснить и описать и чинъ, и лѣта, и званіе, и должность, и, наконецъ, даже характеры дѣйствующихъ лицъ; а такъ какъ много такихъ писателей, которые именно такъ начинаютъ, то авторъ предлагаемой повѣсти, единственno для того, чтобъ не походить на нихъ (то-есть, какъ скажутъ, можетъ быть, нѣкоторые, вслѣдствіе неограниченаго своего самолюбія) рѣшается начать прямо съ дѣйствія. Кончивъ такое предисловіе, онъ начинаетъ.

Вечеромъ, наканунѣ Новаго года, часу въ шестомъ, Шумковъ веротился домой. Аркадій Ивановичъ, который лежалъ на кровати, проснулся и въ полглаза посмотрѣлъ на своего пріятеля. Онъ увидалъ, что тотъ былъ въ своей превосходнѣйшей партикулярной парѣ и въ чистѣйшей манишкѣ. Это, разумѣется, его поразило. „Куда бы хо-

---

*.) Въ первый разъ напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1818 г., т. 56 л.

дить такимъ образомъ Васѣ? Да и не обѣдалъ онъ дома!" Шумковъ между тѣмъ зажегъ свѣчку, и Аркадій Ивановичъ немедленно догадался, что пріятель собирается разбудить его нечаяннымъ образомъ. Дѣйствительно, Вася два раза кашлянулъ, два раза прошелся по комнатѣ и, наконецъ, совершенно печально выпустилъ изъ рукъ трубку, которую было стало набивать въ уголку, возлѣ печки. Аркадій Ивановичъ взялъ смѣхъ про себя.

— Вася, полно хитрить! сказалъ онъ.

— Аркаша, не спиши?

— Право, навѣрно не могу сказать; кажется мнѣ, что не сплю.

— Ахъ, Аркаша! Здравствуй, голубчикъ! Ну, братъ! Ну, братъ!.. Ты не знаешь, что я скажу тебѣ!

— Рѣшительно не знаю; подойди-ка сюда.

Вася, какъ будто ждалъ того, немедленно подошелъ, никакъ не ожидая, впрочемъ, коварства отъ Аркадія Ивановича. Тотъ какъ-то преловко схватилъ его за руку, повернулъ, подвернулъ подъ себя и началъ, какъ говорится, "душить" жертвочку, что, казалось, доставляло неимовѣрное удовольствіе веселому Аркадію Ивановичу.

— Попался! закричалъ онъ,—попался!

— Аркаша, Аркаша, что ты дѣлаешь? Пусти, ради Бога,пусти, я фракъ замарашу!

— Нужды нѣть; зачѣмъ тебѣ фракъ? Зачѣмъ ты такой легковѣрный, что самъ въ руки даешься? Говори, куда ты ходилъ, гдѣ обѣдалъ?

— Аркаша, ради Бога, пусти!

— Гдѣ обѣдалъ?

— Да про это-то я и хочу разсказать.

— Такъ рассказывай.

— Да ты прежде пусти.

— Такъ вотъ нѣть же, не пущу, пока не разскажешь!

— Аркаша, Аркаша! Да понимаешь-ли ты, что, вѣдь, нельзя, никакъ невозможно! кричалъ слабосильный Вася, выбиваясь изъ крѣпкихъ лапъ своего непріятеля,—вѣдь, есть такія матеріи!

— Какъ—матеріи?..

— Да такія, что вотъ о которыхъ начнешь разсказы-

вать въ такомъ положеніи, такъ теряешь достоинство; никакъ нельзя; выйдетъ смѣшно,—а тутъ дѣло совсѣмъ не смѣшное, а важное.

— И ну его къ важному! Вотъ еще выдумалъ! Ты мнѣ рассказывай такъ, чтобы я смѣяться хотѣлъ, вотъ какъ рассказывай; а важнаго я не хочу; а то какой же ты будешь пріятель? Вотъ ты мнѣ скажи, какой же ты будешь пріятель! А?

— Аркаша, ей Богу нельзя!

— И слышать не хочу...

— Ну, Аркаша! началъ Вася, лежа поперекъ кровати и стараясь всѣми силами придать какъ можно болѣе важности словамъ своимъ.—Аркаша! Я, пожалуй, скажу; только...

— Ну, что!..

— Ну, я помолвилъ жениться!

Аркадій Ивановичъ, не говоря болѣе слова, взялъ молча Васю на руки, какъ ребенка, несмотря на то, что Вася былъ не совсѣмъ коротенький, но довольно длинный, только худой, и преловко началъ его носить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, показывая видъ, что убаюкиваетъ.

— А вотъ я тебя, женихъ, спеленою, приговаривалъ онъ. Но увидя, что Вася лежитъ на его рукахъ, не шелохнется и не говоритъ болѣе ни слова, тотчасъ одумался и взялъ въ соображеніе, что шутки, видно, далеко зашли; онъ поставилъ его среди комнаты и самымъ искреннимъ, дружескимъ образомъ облобызalъ его въ щеку.

— Вася, не сердишься?

— Аркаша, послушай...

— Ну, для Нового года.

— Да я-то ничего; да зачѣмъ же ты самъ такой сумасшедший, повѣса такой? Сколько я разъ тебѣ говорилъ: Аркаша, ей Богу не остро, совсѣмъ не остро!

— Ну, да не сердишься?

— Да я ничего; на кого я сержусь когда! Да ты меня огорчишь, понимаешь-ли ты!

— Да какъ огорчишь? Какимъ образомъ?

— Я шелъ къ тебѣ, какъ къ другу, съ полнымъ сердцемъ, излить передъ тобой свою душу, разсказать тебѣ мое счастье...

— Да какое же счастье? Что-жъ ты не говоришь?..

— Ну, да я женюсь-то! отвѣчалъ съ досадою Вася, потому что дѣйствительно немнога былъ взбѣшенъ.

— Ты! Ты женишься! Такъ и вправду? закричалъ благимъ матомъ Аркаша.—Нѣтъ, нѣтъ... да что-жъ это? И говорить такъ, и слезы текутъ!.. Вася, Васюкъ ты мой, сыночекъ мой, полно! Да вправду, что-ль? И Аркадій Ивановичъ бросился къ нему снова съ объятіями.

— Ну, понимаешь, изъ-за чего теперь вышло? сказалъ Вася.—Вѣдь ты добрый, ты другъ, я это знаю. Я иду къ тебѣ съ такою радостью, съ восторгомъ душевнымъ, и вдругъ всю радость сердца, весь этотъ восторгъ я долженъ былъ открыть, баражаясь поперекъ кровати, теряя достоинство... Ты понимаешь, Аркаша, продолжалъ Вася, полусмѣясь,—вѣдь это было въ комическомъ видѣ: ну, а я нѣкоторымъ образомъ не принадлежалъ себѣ въ эту минуту. Я же не могъ унизить этого дѣла... Вотъ еще-бѣ ты спросишь меня: какъ зовутъ? Вотъ, клянусь, скорѣй убилъ бы меня, а я бы тебѣ не отвѣтилъ.

— Да, Вася, что же ты молчалъ! Да ты бы мнѣ все раньше сказалъ, я бы и не сталъ шалить! закричалъ Аркадій Ивановичъ въ истинномъ отчаяніи.

— Ну, полно же, полно! Я вѣдь такъ это... Вѣдь ты знаешь, отчего это все,—оттого, что у меня доброе сердце. Вотъ мнѣ и досадно, что я не могъ сказать тебѣ, какъ хотѣлъ, обрадовать, принести удовольствіе, разсказать хорошо, прилично посвятить тебя... Право, Аркаша, я тебя такъ люблю, что не будь тебя, я бы, мнѣ кажется, и не женился, да и не жилъ бы на свѣтѣ совсѣмъ!

Аркадій Ивановичъ, который необыкновенно былъ чувствителенъ, и смѣялся, и плакалъ, слушая Васю. Вася тоже. Оба снова бросились въ объятія и позабыли о бывшемъ.

— Какъ же, какъ же это? Расскажи мнѣ все, Вася! Я, братъ, извини меня, я пораженъ, совсѣмъ пораженъ; вотъ точно громомъ сразило, ей Богу! Да нѣтъ же, братъ, нѣтъ, ты выдумалъ, ей Богу выдумалъ, ты навралъ! закричалъ Аркадій Ивановичъ, и даже съ неподѣльнымъ сомнѣніемъ взглянулъ въ лицо Васи, но видя въ немъ блестящее подтвержденіе непремѣнного намѣренія жениться какъ можно скорѣе, бросился въ постель, и началь кувыркаться въ ней отъ восторга, такъ что стѣны дрожали.

— Вася, садись сюда! закричалъ онъ, усѣвшись, наконецъ, на кровати.

— Ужъ я, братецъ, право, не знаю, какъ и начать, съ чего!

Оба въ радостномъ волненіи смотрѣли другъ на друга.

— Кто она, Вася?

— Артемьевы!.. произнесъ Вася разслабленнымъ отъ счастія голосомъ.

— Нѣть?

— Ну, да я тебѣ уши прожужжалъ обѣ нихъ, потомъ замолкъ, а ты ничего и не примѣтилъ. Ахъ, Аркаша, чего стоило мнѣ скрывать отъ тебя; да боялся, боялся говорить! Думалъ, что все разстроится, а я, вѣдь, влюбленъ, Аркаша! Боже мой, Боже мой! Видишь-ли, вотъ какая исторія, началъ онъ, безпрерывно останавливаясь отъ волненія,—у ней былъ женихъ, еще годъ назадъ, да вдругъ его командировали куда-то; я и зналъ его—такой, право, Богъ съ нимъ! Ну, вотъ, онъ и не пишетъ совсѣмъ, запалъ. Ждутъ, ждутъ; чѣмъ бы это значило?.. Вдругъ онъ, четыре мѣсяца назадъ, пріѣзжаетъ женатый и къ нимъ ни ногой! Грубо! подло! Да за нихъ заступиться некому. Плакала-плакала она, бѣдная, а я влюбился въ нее... да я и давно, всегда былъ влюбленъ! Вотъ, сталъ утѣшать, ходилъ-ходилъ... Ну, и я, право, не знаю, какъ это все произошло, только и она меня полюбила; недѣлю назадъ я не выдержалъ, заплакалъ, зарыдалъ и сказалъ ей все,—ну, что люблю ее,—однимъ словомъ, все!.. „Я васъ сама любить готова, Василій Петровичъ, да я бѣдная дѣвушка, не насытитесь надо мной; я и любить-то никого не смѣю“. Ну, братъ, понимаешь! Понимаешь?.. Мы тутъ съ ней на словѣ и помолвились; я думалъ-думалъ, думалъ-думалъ, говорю: какъ сказать маменькѣ? Она говоритъ: трудно, подождите немножко; она боится; теперь еще, пожалуй, не отдастъ меня вамъ; сама плачетъ. Я, ей не сказавшись, брякъ старухѣ сегодня. Лизанька передъ ней на колѣни, я тоже... ну, и благословила. Аркаша, Аркаша! Голубчикъ ты мой! Будемъ жить вмѣстѣ. Нѣть! я съ тобой ни за что не разстанусь.

— Вася, какъ я ни смотрю на тебя, а не вѣрю, ей Богу, какъ-то не вѣрю, клянусь тебѣ. Право, мнѣ все что-то кажется... Послушай, какъ же ты это женишься?.. Какъ

же я не зналъ, а? Право, Вася, я, уже признаюсь тебѣ, я самъ, братъ, думалъ жениться; а ужъ какъ теперь ты женишься, такъ ужъ все равно! Ну, будь счастливъ, будь счастливъ!..

— Братъ, теперь такъ сладко въ сердцѣ, такъ легко на душѣ... сказалъ Вася, вставая и шагая въ волненіи по комнатѣ.—Не правда-ли, не правда-ли? Вѣдь ты чувствуешь тоже? Мы будемъ жить бѣдно, конечно, но счастливы будемъ; и вѣдь это не химера; наше счастье-то вѣдь не изъ книжки сказано: вѣдь это на дѣлѣ счастливы мы будемъ!..

— Вася, Вася, послушай!

— Чѣд? сказалъ Вася, остановясь передъ Аркадіемъ Ивановичемъ.

— Мнѣ пришла мысль; право, я какъ-то боюсь и сказать тебѣ!.. Ты прости меня, ты разрѣши мои сомнѣнія. Чѣмъ же ты жить будешь? Я, знаешь, я въ восторгѣ, что ты женишься, конечно, въ восторгѣ и владѣть собой не могу, но—чѣмъ ты жить будешь? А?

— Ахъ, Боже, Боже мой! Какой ты, Аркаша! сказалъ Вася, въ глубокомъ удивленіи смотря на Нефедевича.—Да что ты въ самомъ дѣлѣ? Даже старуха, и та двухъ минутъ не подумала, когда я ей представилъ все ясно. Ты спроси, чѣмъ они жили? Вѣдь 500 рублей въ годъ на троихъ: вѣдь всего-то пенсиону послѣ покойника столько. Жила она, да старуха, да еще братинка, за котораго въ школу платить изъ тѣхъ же денегъ,—вѣдь вотъ какъ живутъ! Вѣдь это только мы капиталисты съ тобой! А у меня, поди-ка ты, въ иной годъ, въ хорошій, даже семисотъ наберется.

— Послушай, Вася, ты меня извини; я, ей Богу, я такъ вѣдь, я все только думаю, какъ бы это не разстроить—какихъ же семьсотъ? Только триста...

— Триста!.. А Юліанъ Мастаковичъ? Забыть?

— Юліанъ Мастаковичъ! Да вѣдь это дѣло, братецъ, невѣрное; это не то, что триста рублей вѣрнаго жалованья, гдѣ всякий рубль какъ другъ неизмѣнныи. Юліанъ Мастаковичъ, конечно, ну, даже великий онъ человѣкъ, я его уважаю, понимаю его, даромъ что онъ такъ высоко стоитъ, и, ей Богу, люблю его, потому что онъ тебя любить, и тебѣ за работу дарить, тогда какъ могъ бы не платить, а командировать себѣ прямо чиновника,—но

вѣдь согласись самъ, Вася... Послушай еще: я вѣдь не вздоръ говорю; я согласенъ, во всемъ Петербургъ не найдешь такого почерка, какъ твой почеркъ, я готовъ тебѣ уступить, не безъ восторга заключилъ Нефедевичъ,—но вдругъ, Боже сохрани! ты не понравишься, вдругъ ты не угодишь ему, вдругъ у него дѣла прекратятся, вдругъ онъ другого возьметъ—ну, да, наконецъ, мало-ли что можетъ случиться! Вѣдь Юліанъ-то Мастаковичъ былъ да сплылъ, Вася...

— Послушай, Аркаша, вѣдь этакъ, пожалуй, надѣй нами сейчасъ потолокъ провалится...

— Ну, конечно, конечно... Я вѣдь ничего...

— Нѣтъ, послушай меня, ты выслушай—видишь что: какимъ онъ образомъ можетъ со мною разстаться... Нѣтъ, ты только выслушай, выслушай. Вѣдь я все исполняю рачительно; вѣдь онъ такой добрый, вѣдь онъ мнѣ, Аркаша, вѣдь онъ мнѣ сегодня далъ пятьдесятъ рублей серебромъ!

— Неужели, Вася? Такъ тебѣ награжденіе?

— Какое награжденіе! Изъ своего кармана. Говорить: ужъ ты, братъ, пятый мѣсяцъ денегъ не получалъ; хочешь, возьми: спасибо, говорить, тебѣ, спасибо, доволенъ... ей Богу! Не даромъ же ты мнѣ, говорить, работаешь—право! Такъ и сказалъ. У меня слезы полились, Аркаша. Господи Боже!

— Послушай, Вася, а ты дописалъ тѣ бумаги?..

— Нѣтъ... еще не дописалъ.

— Ва...синька! Ангелъ мой! Что ты сдѣлалъ?

— Послушай, Аркадій, ничего, еще два дня сроку, успѣю...

— Какъ же ты это такъ не писалъ?..

— Ну, вотъ, ну, вотъ! Ты съ такимъ убитымъ видомъ смотришь, что у меня вся внутренность ворочается, сердце болитъ! Ну, что-жъ? Ты меня всегда этакъ убиваешь! Такъ и закричать: а-а-а!!! Да ты разсуждай: ну, что-жъ такое? Ну, кончу, ей Богу кончу...

— Чѣмъ, если не кончишь! закричалъ Аркадій, вскочивъ,—а онъ же тебѣ сегодня далъ награжденіе! Ты же тутъ женишься... Ай-ай-ай!..

— Ничего, ничего, закричалъ Шумковъ,—я сейчасъ же и сажусь, сю минуту сажусь; ничего!

— Какъ это ты манкировалъ, Васютка?

— Ахъ, Аркаша! Ну, могъ-ли я усидѣть! Такой-ли я былъ? Да я въ канцеляріи-то едва сидѣлъ, вѣдь и сердца сносить не могъ... Ахъ! Ахъ! Теперь ночь просижу, и завтра ночь просижу, да послѣ завтра еще,—и покончу..

— Много осталось?

— Не мѣшай, ради Бога, не мѣшай, замолчи.

Аркадій Ивановичъ на цыпочкахъ подошелъ къ кровати и усѣлся, потомъ вдругъ хотѣлъ было встать, но потомъ опять принужденъ былъ сѣсть, вспомнивъ, что помѣшать можетъ, хотя и сидѣть не могъ отъ волненія: видно было, что его совѣтъ перевернуло извѣстіе, и первый восторгъ еще не успѣлъ выкинуть въ немъ. Онъ взглянулъ на Шумкова, тотъ взглянулъ на него, улыбнулся, погрозилъ ему пальцемъ и потомъ, страшно нахмуривъ брови (какъ будто въ этомъ заключалась вся сила и весь успѣхъ работы), уставилъ глазами на бумаги.

Казалось, и онъ тоже еще не пересилилъ своего волненія, перемѣнялъ перья, вертѣлся на стулѣ, пристраивался, опять принимался писать, но рука его дрожала и откашивалась двигаться.

— Аркаша! Я имъ говорилъ объ тебѣ! закричалъ онъ вдругъ, какъ будто только что вспомнилъ.

— Да! закричалъ Аркаша,—а я только спросить хотѣлъ, ну?

— Ну! Ахъ, да, я тебѣ послѣ все разскажу? Вотъ, ей Богу, самъ виноватъ, а совсѣмъ изъ ума вышло, что не хотѣлъ ничего говорить, покамѣстъ не напишу четырехъ листовъ, да вспомнилъ про тебя и про нихъ. Я, братъ, и писать какъ-то не могу; все объ васъ вспоминаю... Вася улыбнулся.

Настало малчаніе.

— Фу! какое скверное перо! закричалъ Шумковъ, ударивъ въ досадѣ имъ по столу. Онъ взялся за другое.

— Вася! Послушай! Одно слово...

— Ну, поскорѣй и въ послѣдній разъ.

— Много тебѣ осталось?

— Ахъ, братъ!.. Вася такъ поморщился, какъ будто ничего въ свѣтѣ не было ужаснѣе и убийственнѣе такого вопроса.—Много, ужасно много!

— Знаешь, у меня была идея...

— Что?

— Да, нѣтъ, ужъ нѣтъ, пиши.

— Ну, что? Что?

— Теперь седьмой часть, Васюкъ!

Тутъ Нефедевичъ улыбнулся и плутовски подмигнулъ Васю, но, однаждъ, все-таки нѣсколько съ робостію, не зная, какъ приметъ онъ его.

— Ну, что-жъ? сказалъ Вася, бросивъ совсѣмъ писать, смотря ему прямо въ глаза и даже поблѣднѣвъ отъ ожиданія.

— Знаешь что?

— Ради Бога, что?

— Знаешь что? Ты взволнованъ, ты много не наработаешь... Постой, постой, постой—вижу, вижу—слушай! заговорилъ Нефедевичъ, вскочивъ въ восторгъ съ постели и прерывая заговорившаго Васю, всѣми силами отстраивая возраженія,—прежде всего нужно успокоиться, нужно съ духомъ собраться, такъ-ли?

— Аркаша! Аркаша! закричалъ Вася, вскочивъ съ кресель,—я просижу всю ночь, ей Богу просижу!

— Ну, да, да! Ты къ утру только заснешь...

— Не засну, ни за что не засну...

— Нѣтъ, нельзя, нельзя; конечно, заснешь, въ пять часовъ засни. Въ восемь я тебя бужу. Завтра праздникъ; ты садишься и строчишь цѣлый день... Потомъ ночь и—да много-ль осталось тебѣ?

— Да вотъ, вотъ!

Вася, дрожа отъ восторга и отъ ожиданія, показалъ тетрадку:—Вотъ!

— Послушай, братъ, вѣдь это немного...

— Дорогой мой, еще тамъ есть, сказалъ Вася, робко-робко смотря на Нефедевича, какъ будто отъ него зависѣло разрѣшеніе, идти или нѣтъ.

— Сколько?

— Два листочка...

— Ну, что-жъ? Ну, послушай! Вѣдь кончить успѣемъ, ей Богу успѣемъ!

— Аркаша!

— Вася! Послушай! Теперь, подъ Новый годъ, всѣ по семействамъ собираются, мы съ тобой только бездомные, сирые... У! Васинька!

Нефедевичъ облапилъ Васю и стиснулъ въ своихъ львиныхъ объятіяхъ.

— Аркадій, рѣшено!

— Васюкъ, я только обѣ этомъ сказать хотѣлъ. Видишь, Васюкъ, косолапый ты мой! Слушай! Слушай! Вѣдь...

Аркадій остановился съ открытымъ ртомъ, потому что не могъ говорить отъ восторга. Вася держалъ его за плечи, глядѣлъ ему во всѣ глаза и такъ двигалъ губами, какъ будто самъ хотѣлъ договорить за него.

— Ну! проговорилъ онъ наконецъ.

— Представь имъ сегодня меня!

— Аркадій! Идемъ туда чай пить! Знаешь что? Знаешь что? Даже до Новаго года не досидимъ, раньше уйдемъ, закричалъ Вася въ истинномъ вдохновеніи.

— То-есть, два часа, ни больше, ни меныше!..

— И потомъ разлука до тѣхъ поръ, пока не докончу!..

— Васюкъ!..

— Аркадій!..

Въ три минуты Аркадій былъ по парадному. Вася только почистился, затѣмъ, что и не снималъ своей пары: съ такимъ рвеніемъ присѣлъ онъ за дѣло.

Они поспѣшили вышли на улицу, одинъ радостнѣе другого. Путь лежалъ съ Петербургской стороны въ Коломну. Аркадій Ивановичъ отмѣривалъ шаги бодро и энергично, такъ что по одной походкѣ его уже можно было видѣть всю его радость о благополучії все болѣе и болѣе счастливаго Васи. Вася сѣменилъ болѣе мелкими шажкомъ, но не теряя достоинства. Напротивъ, Аркадій Ивановичъ еще никогда не видалъ его въ выгодномъ для него свѣтѣ. Онъ въ эту минуту даже какъ-то болѣе уважалъ его, и извѣстный тѣлесный недостатокъ Васи, о которомъ до сихъ поръ еще не знаетъ читатель (Вася былъ немногого кривобокъ), вызывавшій всегда глубоколюбящее чувство состраданія въ добромъ сердцѣ Аркадія Ивановича, теперь еще болѣе способствовалъ глубокому умиленію, которое особенно питалъ къ нему другъ его въ эту минуту и котораго Вася ужъ, разумѣется, всячески былъ досто-

инъ. Аркадію Ивановичу даже хотѣлось заплакать отъ счастія, но онъ удержался.

— Куда, куда, Вася? Здѣсь ближе пройдемъ! вскричалъ онъ, видя, что Вася норовитъ повернуть къ Вознесенскому.

— Молчи, Аркаша, молчи...

— Право, ближе, Вася.

— Аркаша! Знаешь-ли что? началъ Вася таинственно, замирающимъ отъ радости голосомъ, — знаешь-ли что? Миѣ хочется принести подарочекъ Лизанькѣ...

— Что-жъ такое?

— Здѣсь, братъ, на углу мадамъ Леру, чудесный магазинъ!

— А, ну!

— Чепчикъ, душечка, чепчикъ; сегодня я видѣлъ такой чепченочекъ миленькой; я спрашивалъ: фасонъ, говорить, Manon Lescaut называется—чудо! Ленты серизбоя, и если недорого... Аркашка, да хоть бы и дорого!..

— Ты, по-моему, выше всѣхъ поэтовъ, Вася! Идемъ!..

Они побѣжали, и черезъ двѣ минуты вошли въ магазинъ. Ихъ встрѣтила черноглазая француженка въ локонахъ, которая тотчасъ же, при первомъ взглядѣ на своихъ покупателей, сдѣлалась такъ же весела и счастлива, какъ они сами, даже счастливѣе, если можно сказать. Вася готовъ былъ расцѣловать мадамъ Леру отъ восторга...

— Аркаша! сказалъ онъ вполголоса, бросивъ обычновенный взглядъ на все прекрасное и великое, стоявшее на деревянныхъ столбикахъ на огромномъ столѣ магазина.—Чудеса! Что это такое? Чѣдѣ это? Вотъ этотъ, напримѣръ, бонбончикъ, видиши? прошепталъ Вася, показывая одинъ миленькой крайній чепчикъ, но вовсе не тотъ, который купить хотѣлъ, потому что уже издалека наглядѣлся и впился глазами въ другой, знаменитый, настоящій, стоявшій на противоположномъ концѣ. Онъ такъ смотрѣлъ на него, что можно было подумать, будто его кто-нибудь возьметъ да украдетъ, или будто самъ чепчикъ, именно для того, чтобы не доставаться Васѣ, улетѣтъ съ своего мѣста на воздухъ.

— Вотъ, сказалъ Аркадій Ивановичъ, указавъ на одинъ,—вотъ, по-моему, лучшій.

— Ну, Аркашка! Это даже дѣлаетъ честь тебѣ; я тебѣ, право, особенно уважать начинаю за вкусъ, сказалъ Вася, плутовски схитривъ въ умиленыи своего сердца предъ Аркашой,—прелестъ твой чепчикъ, но поди-ка сюда!

— Гдѣ же, братъ, лучше?

— Смотри-ка сюда!

— Этотъ, сказалъ Аркадій съ сомнѣніемъ.

Но когда Вася, не въ силахъ болѣе выдержать, сорвалъ его съ деревяжки, съ которой онъ, казалось, вдругъ слетѣлъ самовольно, какъ будто обрадовавшись такому хорошему покупщику, послѣ долгаго ожиданія, когда захрустѣли всѣ его ленточки, рюши и кружева, неожиданный крикъ восторга вырвался изъ мощной груди Аркадія Ивановича. Даже мадамъ Леру, наблюдавшая все свое несомнѣнное достоинство и преимущество въ дѣлѣ вкуса во все время выбора и только молчавшая изъ снисхожденія, наградила Васю полною улыбкою одобренія, такъ что все въ ней, во взглядѣ, въ жестѣ и въ этой улыбкѣ разомъ проговорило: да! Вы угадали и достойны счастія, которое васъ ожидаетъ.

— Вѣдь кокетничалъ, кокетничалъ въ уединеніи! закричалъ Вася, перенеся всю любовь свою на миленький чепчикъ,—нарочно прятался, плутишка, голубчикъ мой! И онъ поцѣловалъ его, то-есть воздухъ, который его окружалъ, потому что боялся дотронуться до своей драгоцѣнности.

— Такъ скрываетъ себя истинная заслуга и добродѣтель, прибавилъ Аркадій въ восторгѣ, для юмора привавъ фразу изъ одной остроумной газеты, которую читалъ поутру.—Ну, Вася, что же?

— Вивать, Аркаша! Да ты и оstriшь сегодня, ты сдѣлаешь фуроръ, какъ они говорятъ, между женщинами, предрекаю тебѣ. Мадамъ Леру, мадамъ Леру!

— Что прикажете?

— Голубушка, мадамъ Леру!

Мадамъ Леру взглянула на Аркадія Ивановича и снисходительно улыбнулась.

— Вы не повѣрите, какъ я васъ обожаю въ эту минуту... Позвольте поцѣловать васъ... И Вася поцѣловалъ магазинщицу.

Рѣшительно нужно было призвать на минуту все достоинство, чтобы не уронить себя съ подобнымъ повѣсой.

Но я утверждаю, что нужно иметь къ тому и всю врожденную, неподдельную любезность и грацію, съ которою мадамъ Леру приняла восторгъ Васи. Она извинила его, и какъ умно, какъ граціозно умѣла она пайтись въ этомъ случаѣ! Неужели же можно было разсердиться на Васю?

— Мадамъ Леру, сколько цѣна?

— Это пять рублей серебромъ, отвѣчала она, оправившись, съ новою улыбкою.

— А этотъ, мадамъ Леру, сказалъ Аркадій Ивановичъ, указавъ на свой выборъ.

— Этотъ восемь рублей серебромъ.

— Ну, позвольте, ну, позвольте! Ну, согласитесь, мадамъ Леру, ну, который лучше, граціознѣе, милѣе, который изъ нихъ болѣе походить на васъ?

— Тотъ богаче, но вашъ выборъ—*c'est plus coquet.*

— Ну, такъ его и беремъ!

Мадамъ Леру взяла листъ тонкой-тонкой бумаги, зашипила булавочкой и, казалось, бумага съ завернутымъ чепчикомъ сдѣлалась легче, нежели прежде, безъ чепчика. Вася взялъ все это бережно, чуть дыша, раскладялся съ мадамъ Леру, что-то еще сказалъ ей очень любезное и вышелъ изъ магазина.

— Я вивёръ, Аркаша, я рожденъ былъ вивёромъ! кричалъ Вася, хохоча, заливаясь неслышнимъ, мелкимъ, первическимъ смѣхомъ и обѣгая прохожихъ, которыхъ всѣхъ разомъ подозрѣвалъ въ непремѣнномъ покушеніи измѣять его драгоцѣнѣйший чепчикъ.

— Послушай, Аркадій, послушай! началъ онъ минуту спустя, и что-то торжественное, что-то до нельзя любящее зазвенѣло въ настроѣ его голоса.—Аркадій, я такъ счастливъ, я такъ счастливъ!

— Васинъка! Какъ я-то счастливъ, голубчикъ мой!

— Нѣть, Аркаша, нѣть, твоя любовь ко мнѣ безпрѣдѣльна, я знаю; но ты не можешь ощущать и сотой доли того, что я чувствую въ эту минуту. Мое сердце такъ полно, такъ полно!! Аркаша! Я недостоинъ этого счастія! Я слышу, я чувствую это. За что мнѣ, говорилъ онъ голосомъ, полнымъ заглушенныхъ рыданій,— что я сдѣлалъ такое, скажи мнѣ! Посмотри, сколько людей, сколько слезъ, сколько горя, сколько будничной жизни безъ праздника! А я! Меня любить такая дѣвушка,

меня... Но ты самъ ее увидишь сейчасъ, самъ оцѣнишь это благородное сердце. Я родился изъ низкаго званія, теперь чинъ у меня и независимый доходъ — жалованье. Я родился съ тѣлеснымъ недостаткомъ, я кровобокъ немногого. Смотри, она меня полюбила какъ есть. Сегодня Юліанъ Мастаковичъ былъ такой нѣжный, такой внимательный, такой вѣжливый; онъ со мною рѣдко говорить; подошелъ: „Ну, что, Вася (ей Богу, такъ-таки Васей и назвалъ), кутить пойдешь на праздникахъ, а?“ (Самъ смѣется).

— Такъ и такъ, говорю, ваше превосходительство, дѣло есть, да тутъ же ободрился и говорю: и повеселюсь, можетъ-быть, ваше превосходительство,—ей Богу, сказалъ. Онъ мнѣ тутъ денегъ далъ, потомъ еще сказалъ мнѣ два слова. Я, братъ, заплакалъ, ей Богу, слезы прошибли, а онъ тоже, кажется, тронутъ былъ, потрепалъ меня по плечу, да говорить: „чувствуй, Вася, чувствуй всегда такъ, какъ теперь это чувствуешь“...

Вася замолкъ на мгновеніе. Аркадій Ивановичъ отвернулся и тоже отеръ кулакомъ слезинку.

— И еще, еще... продолжалъ Вася.—Я никогда еще не говорилъ тебѣ этого, Аркадій... Аркадій! Ты такъ счастливишь меня дружбой своею, безъ тебя я бы не жилъ на свѣтѣ,—нѣтъ, нѣтъ, не говори ничего, Аркаша! Дай мнѣ пожать тебѣ руку, дай по...благо...дар...ить тебя!.. Вася опять не докончилъ.

Аркадій Ивановичъ хотѣлъ прямо броситься Васѣ на шею, но такъ какъ они переходили улицу и почти надѣшами ихъ раздалось визгливое: „Падь-падь-пади!“ —то оба, испуганные и взволнованные, добѣжали бѣгомъ до тротуара. Аркадій Ивановичъ былъ даже радъ тому. Онъ извинилъ изліяніе благодарности Васи развѣ только исключительностью настоящей минуты. Самому же ему было досадно. Онъ чувствовалъ, что онъ до сихъ поръ такъ мало сдѣлалъ для Васи! Ему даже стыдно стало за себя, когда Вася началъ благодарить его за такую малость! Но еще цѣлая жизнь была впереди, и Аркадій Ивановичъ вздохнулъ свободнѣе...

Рѣшительно ихъ совсѣмъ перестали ждать! Доказательство — что ужъ сидѣли за чаемъ! А, право, иногда старь-человѣкъ прозорливѣе молодежи, да еще какой молодежи! Вѣдь Лизанька-то пресерьезно увѣряла, что „не будетъ, не будетъ, маменька; ужъ сердце чувствуетъ, что не будетъ“; а

маменька все говорила, что ея сердце, напротивъ, чувствуєть, что непремѣнно будетъ, что не усидитъ, что прибѣжть, что и занятій-то служебныхъ теперь нѣтъ у него, что и подъ Новый-то годъ! Лизанька, и отворяя, не ждала совсѣмъ—глазамъ не вѣрила, и встрѣтила ихъ запыхавшись, съ забившимся внезапно сердечкомъ, какъ у пойманной пташки, вся заалѣвъ, зарумянившись, словно вишнка, на которую она ужасно какъ походила. Боже мой, какой сюрпризъ! Какое радостное „ахъ!“ вылетѣло изъ ея губокъ! „Обманщикъ! Голубчикъ ты мой!“ вскричала она, обвиивъ шею Васи.. Но представьте все удивленіе ея, весь ея стыдъ внезапный: прямо за Васей, какъ будто желая спрятаться сзади его, стоялъ, немного потерявшись, Аркадій Ивановичъ. Нужно признаться, что онъ былъ неловокъ съ женщинами, даже очень неловокъ, даже однажды случилось, что... Но это потомъ. Однако же, войдите и въ его положеніе: смѣшного тутъ нѣть ничего; онъ стоить въ передней, въ калошахъ, въ шинели, въ ушатой шапкѣ, которую поспѣшилъ было сдернуть, весь пребезобразно обмотанный желтымъ, вязаннымъ пресквернымъ шарфомъ, еще для большаго эффекта завязаннымъ сзади. Все это нужно распутать, снять поскорѣе, представиться въ болѣе выгодномъ видѣ, потому что нѣть человека, который не желалъ бы представиться въ болѣе выгодномъ видѣ. А тутъ Вася, досадный, несносный, хотя, впрочемъ, конечно, тотъ же милый, добрѣйший Вася, но, наконецъ, несносный, безжалостный Вася! „Вотъ, кричить онъ,—Лизанька, вотъ тебѣ мой Аркадій? Каковъ? Вотъ мой лучшій другъ, обними его, поцѣлуй его, Лизанька, напередъ поцѣлуй, узнаешь потомъ лучше, сама расцѣлуешь“... Ну, чѣмъ? Ну, чѣмъ, я спрашиваю, было дѣлать Аркадію Ивановичу? А онъ еще размоталъ всего половину шарфа! Право, мнѣ даже иногда совсѣмъ за излишнюю восторженность Васи; она, конечно, означаетъ доброе сердце, но... неловко, нехорошо!

Наконецъ, оба вошли... Старушка была нескажанно рада познакомиться съ Аркадіемъ Ивановичемъ; она такъ много слышала, она...—Но, она не докончила. Радостное: „ахъ!“ звонко раздавшееся въ комнатѣ, остановило ее на полфразѣ. Боже мой! Лизанька стояла передъ развернутымъ неожиданно чепчикомъ, пренаивно сложивъ свои ручки и улыбаясь, улыбаясь такъ... Боже мой, да зачѣмъ это у madame Леру не было еще лучшаго чепчика!

Ахъ, Боже мой, да гдѣ-жъ вы найдете чепчикъ лучше? Это ужъ изъ рукъ вонь! Гдѣ же вы сышете лучше? Я говорю серьезно! Меня, наконецъ, даже приводить въ некоторое негодование, даже огорчаетъ немнога такая неблагодарность влюбленныхъ. Ну, посмотрите сами, господа, посмотрите, что можетъ быть лучше этого амурчика-чепчика! Ну, взгляните... Но нѣть, нѣть, мои пени напрасны; они уже согласились всѣ со мною; это было минутное заблужденіе, туманъ, горячка чувства; я готовъ имъ простить... Да зато посмотрите... Вы ужъ извините, господа, я все обѣ этомъ чепчикѣ: тюлевый, легонькій, широкая серизовая лента, покрытая кружевомъ, идетъ между тульею и рюшемъ и сзади двѣ ленты, широкія, длинныя; онѣ будутъ падать немнога ниже затылка, на шею... Нужно только и весь чепчикъ немнога надѣть на затылокъ; ну, посмотрите; ну, я васъ спрошу послѣ этого!.. Да вы, я вижу, не смотрите!.. Вамъ, кажется, все равно! Вы заглядѣлись въ другую сторону... Вы смотрите, какъ двѣ крупныя-крупныя, словно перлы, слезинки накинѣли въ одинъ мигъ въ черныхъ какъ смоль глазахъ, задрожали на мгновеніе на длинныхъ рѣсницахъ и потомъ канули на этотъ скорѣе воздухъ, чѣмъ тюль, изъ которого состояло художественное произведеніе madame Леру... И опять мнѣ досадно: вѣдь почти не за чепчикъ были эти двѣ слезинки!.. Нѣть! по-моему, такую вещь нужно дарить хладнокровно. Тогда только можно истинно одѣнить ее! Я, признаюсь, господа, все за чепчикъ!

Услыхись—Вася съ Лизанькой, а старушка съ Аркадіемъ Ивановичемъ; начали разговоръ, и Аркадій Ивановичъ вполнѣ поддержалъ себя. Я съ радостью отдаю ему справедливость. Даже трудно было ожидать отъ него. Послѣ двухъ словъ обѣ Васѣ, онъ превосходно успѣлъ заговорить обѣ Юліанѣ Мастаковичѣ, его благодѣтель. Да такъ умно, такъ умно заговорилъ, что разговоръ, право, не истощился и въ часъ. Нужно было видѣть, съ какимъ умѣньемъ, съ какимъ тактомъ касался Аркадій Ивановичъ иѣкоторыхъ особенностей Юліана Мастаковича, имѣвшихъ прямое или косвенное отношеніе къ Васѣ. Зато и старушка была очарована, истинно очарована: она сама призналась въ этомъ; она нарочно отозвала Васю въ сторону и тамъ сказала ему, что другъ его превосходнѣйший, любезнѣйший молодой человѣкъ, и, главное, такой серьезный, солидный молодой человѣкъ. Вася чуть не захо-

талъ отъ блаженства. Онъ вспомнилъ, какъ солидный Аркада вертѣлъ его четверть часа на постели! Потомъ старушка мигнула Васѣ и сказала, чтобы онъ вышелъ за нею тихонько и осторожнѣе въ другую комнату. Нужно сознаться, она немного дурно поступила относительно Лизаньки: она, конечно, отъ избытка сердца, измѣнила ей и вздумала показать потихоньку подарокъ, который готовила Лизанька Васѣ къ Новому году. Это былъ бумажникъ, шитый бисеромъ, золотомъ и съ превосходнѣйшимъ рисункомъ: на одной сторонѣ изображенъ былъ олень, совершенно какъ натуральный, который чрезвычайношибко бѣжалъ, и такъ похоже, такъ хорошо! На другой сторонѣ былъ портретъ одного извѣстнаго генерала, тоже превосходно и весьма похоже отображеный. Я ужъ не говорю о восторгѣ Васи. Между тѣмъ, и въ залѣ не прошло даромъ время. Лизанька прямо подошла къ Аркадію Ивановичу. Она взяла его за руки, она за что-то благодарила его, и Аркадій Ивановичъ догадался, наконецъ, что дѣло идетъ о томъ же драгоцѣннѣйшемъ Васѣ. Лизанька даже была глубоко растрогана: она слышала, что Аркадій Ивановичъ былъ такой истинный другъ ея жениха; такъ любилъ его, такъ наблюдалъ за нимъ, напутствовалъ на каждомъ шагу спасительными совѣтами, что, право, она, Лизанька, не можетъ не благодарить его, не можетъ удержаться отъ благодарности, что она надѣется, наконецъ, что Аркадій Ивановичъ полюбитъ и ее хоть въ половину такъ, какъ любить Васю. Потомъ она стала разспрашивать, бережеть-ли Вася свое здоровье, извѣтила нѣкоторое опасеніе насчетъ особенной пылкости его характера, насчетъ несовершенного знанія людей и практической жизни, сказала, что она религіозно будетъ со временемъ наблюдать за нимъ, хранить и лелѣять судьбу его, и что она надѣется, наконецъ, что Аркадій Ивановичъ не только ихъ не оставитъ, но даже жить будетъ съ ними вмѣстѣ.

— Мы будемъ втроемъ какъ одинъ человѣкъ! вскричала она въ пренаивномъ восторгѣ.

Но нужно было идти. Разумѣется, стали удерживать, но Вася объявилъ наотрѣзъ, что нельзя. Аркадій Ивановичъ засвидѣтельствовалъ то же самое. Спросили, разумѣется, почему, и немедленно открылось, что было дѣло, вѣрренное Юліаномъ Мастаковичемъ Васѣ, спѣшное, нужное, ужасное, которое нужно представить послѣ завтра

утромъ, а что оно не только не кончено, но даже запущено совершенно. Маменька ахнула, какъ услышала объ этомъ, а Лизанька просто испугалась, встревожилась и даже погнала Васю. Послѣдній поцѣлуй вовсе не проигралъ отъ этого; онъ былъ короче, поспѣшилъ, но зато горячѣе и крѣпче. Наконецъ, разстались, и оба друга пустились домой.

Немедленно оба взапуски начали повѣрять другъ другу свои впечатлѣнія, только что очутились на улицѣ. Да тому такъ и слѣдовало быть: Аркадій Ивановичъ былъ влюбленъ, на-смерть влюбленъ въ Лизаньку! И кому-жъ это лучше повѣрить, какъ не самому счастливчику Васѣ? Онъ такъ и сдѣлалъ, онъ не посовѣтился и тотчасъ же признался Васѣ во всемъ. Вася ужасно смѣялся и страшно былъ радъ, даже замѣтилъ, что это вовсе не лишилъ и что теперь они будутъ еще больше друзьями. „Ты угадалъ меня, Вася, сказалъ Аркадій Ивановичъ,—да! Я люблю ее такъ, какъ тебя; это будетъ и мой ангелъ, такъ же какъ твой, затѣмъ, что и на меня ваше счастье прольется, и меня пригрѣеть оно. Это будетъ и моя хозяйка, Вася; въ ея рукахъ будетъ счастіе мое; пусть хзайничаетъ какъ съ тобою, такъ и со мной. Да, дружба къ тебѣ—дружба къ ней; вы у меня нераздѣльны теперь; только у меня будутъ два такія существа, какъ ты, вмѣсто одного“... Аркадій замолчалъ отъ избытка чувствъ, а Вася былъ потрясенъ до глубины души его словами. Дѣло въ томъ, что онъ никогда не ожидалъ такихъ словъ отъ Аркадія. Аркадій Ивановичъ вообще говорить не умѣлъ, мечтать тоже совсѣмъ не любилъ; теперь же тотчасъ пустился и въ мечтанія, самыя веселыя, самыя свѣжія, самыя радужныя! „Какъ я буду хранить васъ обоихъ, лелѣять васъ“, заговорилъ онъ опять. — „Во-первыхъ, я, Вася, буду у тебя всѣхъ дѣтей крестить, всѣхъ до единаго, а во-вторыхъ, Вася, надоѣно похлопотать и о будущемъ. Нужно мебель купить, нужно квартиру нанять, такъ чтобы и ей, и тебѣ, и мнѣ были каморки отдѣльныя. Знаешь, Вася, я завтра же побѣгу смотрѣть ярлыки на воротахъ. Три... нѣтъ, двѣ комнаты, намъ больше не нужно. Я даже думаю, Вася, что я сегодня вздоръ говорилъ, денегъ достанетъ; чего! Я какъ взглянулъ въ ея глазки, такъ тотчасъ разсчелъ, что достанетъ. Все для нея! Ухъ, какъ будемъ работать! Теперь, Вася, можно рискнуть и заплатить рублей 25 за квартиру. Квартира,

брать, все! Хорошія комнаты... да тутъ и человѣкъ вѣсель и мечтанія радужныя! А, во-вторыхъ, Лизанька будетъ нашъ общій кассиръ: ни копейки лишней! Чтобы этакъ я теперь въ трактиръ побѣжалъ? Да за кого ты меня принимаешь? Ни за что? А тутъ прибавка, награды будутъ, потому что мы будемъ прилежно служить, у! какъ работать, какъ волы землю пахать!.. Ну, представь себѣ,— и голосъ Аркадія Ивановича ослабѣлъ отъ удовольствія,— вдругъ этакъ совсѣмъ неожиданно цѣлковыхъ тридцать или двадцать пять на голову!.. Вѣдь что ни награда, то чепчикъ, то шарфикъ, чулочки какіе-нибудь! Она мнѣ непремѣнно должна связать шарфъ; смотри, какой скверный у меня: желтый, поганый, надѣлалъ сегодня онъ мнѣ бѣды! Да и ты, Вася, хорошъ; представляешь, а я въ хомутѣ стою... Да не въ томъ вовсе дѣло! А вотъ, видишь-ли: я все серебро беру на себя! Я вамъ вѣдь обязанъ сдѣлать подарочекъ,—это честь, это мое самолюбіе!.. А вѣдь награды мои не уйдутъ: Скороходову, что-ли, ихъ отдадутъ? Небось, не залежатся онѣ у этой цапли въ карманѣ. Я, братъ, вамъ куплю ложекъ серебряныхъ, ножей хорошихъ — не серебряныхъ ножей, а отличныхъ ножей, и жилетку, то-есть жилетку-то себѣ: я вѣдь шаферомъ буду! Только ужъ ты теперь держись у меня, ужъ держись, ужъ я надѣя тобой, братъ, и сегодня, и завтра, и всю ночь буду съ палкой стоять, замучаю на работѣ: кончай! Кончай, братъ, скорѣе! И потомъ опять на вечеръ, и потомъ оба счастливы; въ лото пустимся!.. Вечера сидѣть будемъ — у, хорошо! Фу, чортъ! Какъ досадно, что не могу тебѣ помочь. Такъ бы взялъ и все бы, все бы, писалъ за тебя... Зачѣмъ это у насъ не одинаковый почеркъ?

— Да! отвѣтилъ Вася.—Да! Нужно спѣшить. Я думаю, теперь часовъ одиннадцать будетъ; нужно спѣшить... За работу! И проговоривъ это, Вася, который все время то улыбался, то какъ-нибудь старался прервать какимъ-нибудь восторженнымъ замѣяніемъ изліяніе дружескихъ чувствъ и, однимъ словомъ, оказывалъ самое полное одушевленіе, вдругъ присмирѣлъ, замолчалъ и пустился чуть не бѣгомъ по улицѣ. Казалось, какая-то тяжкая идея вдругъ оледенила его пылавшую голову; казалось, все сердце его сжалось.

Аркадій Ивановичъ даже сталъ беспокоиться; на ускользящіе вопросы свои онъ почти не получалъ отвѣтовъ

отъ Васи, который отдѣлывался словцомъ-другимъ, иногда восклицаніемъ, часто вовсе не относившимся къ дѣлу. „Да что съ тобой, Вася?“ закричалъ онъ, наконецъ, едва догоняя его.—„Неужели ты такъ беспокоишься?..“—Ахъ, братъ, полно болтать! отвѣтилъ Вася даже съ досадою.—„Не унывай, Вася, полно, прервалъ Аркадій,—да я видывалъ, что ты и гораздо больше въ меньшій срокъ писывалъ... Чего тебѣ! У тебя просто талантъ! Въ крайнемъ случаѣ, можно даже ускорить перо; вѣдь не литографировать же на прописи будутъ. Успѣшь!.. Вотъ развѣ только ты взволнованъ теперь, разсѣянъ, такъ работа тяжелѣе пойдетъ“... Вася не отвѣчалъ или пробороматъ что-то подъ носъ, и оба въ рѣшительной тревогѣ добѣжали домой.

Вася тотчасъ же сѣлъ за бумаги. Аркадій Ивановичъ присмирѣлъ и притихъ, втихомолку раздѣлся и легъ на кровать, не спуская глазъ съ Васи... Какой-то страхъ нашелъ на него... „Что съ нимъ? сказалъ онъ про себя, смотря на поблѣднѣвшее лицо Васи, на разгорѣвшіеся глаза его, на беспокойство, выказывавшееся въ каждомъ движениі,—у него и рука дрожитъ... Фу ты, право! Да не посовѣтовать-ли ему заснуть часа два; хоть бы онъ переспалъ свое раздраженіе“. Вася только что окончилъ страницу, поднялъ глаза, нечаянно взглянуль на Аркадія и, тотчасъ же потупившись, схватился опять за перо.

— Послушай, Вася, началь вдругъ Аркадій Ивановичъ,—не лучше-ль было бы тебѣ переспать немножко? Смотри, ты совсѣмъ въ лихорадкѣ...

Вася съ досадой, даже со злостью, взглянуль на Аркадія и не отвѣчалъ.

— Послушай, Вася, что ты надъ собой дѣлаешь?.. Вася тотчасъ одумался.

— Не выпить-ли чайку, Аркаша? сказалъ онъ.

— Какъ такъ? Зачѣмъ?

— Силы придастъ. Я спать не хочу, ужъ я спать не буду! Я все буду писать. А теперь и отдохнуль бы за чаемъ, да и мгновеніе тяжелое перешло бы.

— Лихо, братъ Вася, чудесно! Именно такъ; я самъ хотѣлъ предложить. Но я дивлюсь, какъ мнѣ самому не пришло это въ голову. Только знаешь-ли что? Мавра не встанетъ, ни за что не проснется...

— Да!..

— Вздоръ, ничего! закричалъ Аркадій Ивановичъ, вскочивъ босикомъ съ постели.— Я самъ самоваръ поставилю. Въ первой что-ли мнѣ?..

Аркадій Ивановичъ побѣжалъ въ кухню и пустился хлопотать съ самоваромъ; Вася покамѣстъ писалъ. Аркадій Ивановичъ одѣлся и сбѣгалъ, сверхъ того, въ булочную, затѣмъ, чтобы Вася могъ вполнѣ подкрѣпить себя на ночь. Черезъ четверть часа самоваръ стоялъ на столѣ. Они начали пить, но разговоръ не клеился. Вася все былъ разсѣянъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, наконецъ, какъ будто одумавшись,— нужно завтра пойти поздравлять...

— Тебѣ вовсе не нужно.

— Нѣтъ, братъ, нельзя, сказалъ Вася...

— Да я за тебя у всѣхъ распишусь... Чего тебѣ! Ты завтра работай. Сегодня бы ты посидѣлъ часовъ до пяти, какъ я говорилъ, а тамъ и заснулъ бы. А то на что ты завтра будешь похожъ? Я бы тебя ровно въ восемь часовъ разбудилъ...

— Да хорошо-ли это будетъ, что ты за меня распишешься? сказалъ Вася, полусоглашаясь.

— Да чего же лучше? Такъ дѣлаютъ всѣ!..

— Право, боюсь...

— Да чего же, чего?

— Оно, знаешь, у другихъ ничего, а Юліанъ Мастаковичъ—онъ, Аркаша, мой благодѣтель; ну, какъ замѣтить, что чужая рука...

— Замѣтить! Ну, какой ты, право, Васюкъ! Ну, какъ онъ можетъ замѣтить?.. Да вѣдь я, знаешь, твое имя ужасно какъ похоже подписываю и завитокъ такой же дѣлаю, ей-Богу. Полно; что ты! Кому тутъ замѣтить?..

Вася не отвѣчалъ и поспѣшно допивалъ свой стаканъ... Потомъ онъ сомнительно покачалъ головою.

— Вася, голубчикъ! Ахъ, кабы намъ удалось! Вася, да что съ тобою? Ты меня просто пугаешь! Знаешь, я теперь и не лягу, Вася, не засну. Покажи мнѣ, много-ль осталось тебѣ?

Вася такъ взглянулъ на него, что у Аркадія Ивановича сердце повернулось и языкъ осѣкся.

— Вася! Чё съ тобой? Что ты? Чего ты такъ смотришь?

— Аркадій, я, право, пойду завтра поздравить Юліана Мастаковича.

— Ну, ступай, пожалуй! говорилъ Аркадій, смотря на него во всѣ глаза въ томительномъ ожиданіи.

— Послушай, Вася, ускори перо; я зла тебѣ не совѣтую, ей-Богу же такъ! Сколько разъ говорилъ самъ Юліанъ Мастаковичъ, что у тебя въ перѣ ему всего болѣе нравится четкость! Вѣдь это Скороплехинъ только любить, чтобы было четко и красиво, какъ пропись, чтобы потомъ какъ-нибудь зажилить бумажку, да дѣтямъ домой нести переписывать; не можетъ купить, болванъ, прописей! А Юліанъ Мастаковичъ только и говоритъ, только и требуетъ: четко, четко и четко!.. Чего же тебѣ! Право! Вася, я ужъ не знаю, какъ и говорить съ тобой... Я боюсь даже... Ты меня убиваешь тоской своей.

— Ничего, ничего! говорилъ Вася, и въ изнеможеніи упалъ на стулъ.—Аркадій встревожился.

— Не хочешь ли воды? Вася! Вася!

— Полно, полно, сказалъ Вася, сжимая его руку.—Я ничего; мнѣ только стало какъ-то грустно, Аркадій. Я даже и самъ не могу сказать отчего. Послушай, говори лучше о другомъ, не напоминай мнѣ...

— Успокойся, ради Бога, успокойся, Вася. Ты докончишь, ей-Богу докончишь! А хоть бы и не докончилъ, такъ что-жъ за бѣда? Точно преступленье какое!

— Аркадій, сказалъ Вася, такъ значительно смотря на своего друга, что тотъ рѣшительно испугался, ибо никогда Вася не тревожился такъ ужасно.—Если-бъ я былъ одинъ, какъ прежде... Нѣть! Я не то говорю. Мнѣ все хочется тебѣ сказать, повѣрить, какъ другу... Впрочемъ, зачѣмъ же беспокоить тебя?.. Видишь, Аркадій, однимъ дано многое, другіе дѣлаютъ маленькое, какъ я. Ну, если отъ тебя потребовали благодарности, признательности—и ты бы не могъ этого сдѣлать?..

— Вася! Я рѣшительно не понимаю тебѣ!

— Я никогда не былъ неблагодаренъ, продолжалъ Вася тихо, какъ будто разсуждая самъ съ собою.— Но если я не въ состояніи высказать всего, чё чувствую, то оно какъ будто бы... Оно, Аркадій, выйдетъ, какъ будто я и въ самомъ дѣлѣ неблагодаренъ, а это меня убиваетъ.

— Да что-жь, да что! Неужели же въ томъ вся благодарность, что ты перепишишь къ сроку? Подумай, Вася, чо ты говоришь! Развѣ въ этомъ выражается благодарность?

Вася вдругъ замолчалъ и посмотрѣлъ во всѣ глаза на Аркадія, какъ будто его неожиданный аргументъ разрушилъ всѣ сомнѣнія. Онъ даже улыбнулся, но тотчасъ же принялъ опять прежнее задумчивое выраженіе. Аркадій, принявъ эту улыбку за окончаніе всѣхъ страховъ, а тревогу, опять явившуюся, за рѣшимость па что-нибудь лучшее, крайне обрадовался.

— Ну, братъ, Аркаша, проснешься, сказалъ Вася,— взгляни на меня; неравно я засну, бѣда будетъ; а теперь я сажусь за работу... Аркаша!

— Что?

— Нѣть, я такъ только, я ничего... Я хотѣлъ...

Вася усѣлся и замолчалъ, Аркадій улегся. Ни тотъ, ни другой не сказали двухъ словъ о коломенскихъ. Можетъ быть, оба чувствовали, что провинились немножко, покутили некстати. Вскорѣ Аркадій Ивановичъ заснулъ, все тоскуя объ Васѣ. Къ удивленію своему, онъ проснулся ровно въ восьмомъ часу утра. Вася спалъ на стулѣ, держа въ руцѣ перо, блѣдный и утомленный; свѣчка сгорѣла. Въ кухнѣ возилась Мавра за самоваромъ.

— Вася, Вася! закричалъ Аркадій въ испугѣ. — Когда ты легъ?

Вася открылъ глаза и вскочилъ со стула.

— Ахъ! сказалъ онъ,— я такъ и заснулъ!..

Онъ тотчасъ же бросился къ бумагамъ — ничего; все было въ порядкѣ; ни чернилами, ни саломъ отъ свѣчки не капнуло.

— Я думаю, я заснулъ часовъ въ шесть, сказалъ Вася.— Какъ ночью холодно! Выпьемъ-ка чаю, и я опять...

— Подкрѣпился-ли ты?

— Да, да, ничего, теперь ничего!..

— Съ Новымъ годомъ, братъ Вася.

— Здравствуй, братъ, здравствуй; тебя также, милый. Они обнялись.— У Васи дрожалъ подбородокъ и повлажнѣли глаза. Аркадій Ивановичъ молчалъ: ему стало горько; оба пили чай па-скоро...

— Аркадій! Я рѣшилъ, я самъ пойду къ Юліану Мастаковичу...

- Да вѣдь онъ не замѣтить...
- Да меня-то, братъ, почти мучитъ совѣсть.
- Да вѣдь ты для него же сидишь, для него же убиваешься... Полно!
- А я, знаешь что, братъ, я зайду туда...
- Куда? спросилъ Вася.
- Къ Артемьевымъ, поздравлю съ моей и съ твоей стороны.
- Голубчикъ мой, миленький! Ну! Я здѣсь останусь; да, я вижу, что ты хорошо придумалъ; вѣдь я же тутъ работаю, не въ праздности время провожу! Постой на минутку, я тотчасъ письмо напишу.
- Пиши, братъ, пиши, успѣшь; я еще умоюсь, побреюсь, фракъ почищу. Ну, братъ Вася, мы будемъ довольны и счастливы! Обними меня, Вася!
- Ахъ, кабы, братъ!..
- Здѣсь живеть господинъ чиновникъ Шумковъ? раздался дѣтскій голосокъ на лѣстницѣ.
- Здѣсь, батюшка, здѣсь, проговорила Мавра, впуская гостя.
- Что тамъ? Что, что? закричалъ Вася, вспрыгнувъ со стула и бросаясь въ переднюю.— Петинъка, ты?..
- Здравствуйте, съ Новымъ годомъ васть честь имѣю поздравить, Василій Петровичъ, сказалъ хорошенъкій черноволосый мальчикъ лѣтъ десяти, въ кудряшкахъ,— сестрица вамъ кланяется и маменька тоже, а сестрица вѣлья васъ поцѣловать отъ себя...
- Вася вскинулъ на воздухъ посланика и вльпилъ въ его губки, которая ужасно походили на Лизанькины, медовый, длинный, восторженный поцѣлуй.
- Цѣлуй, Аркадій! говорилъ онъ, передавъ ему Петю, и Петя, не касаясь земли, тотчасъ же перешелъ въ мощная и жадная въполномъ смыслѣ слова объятія Аркадія Ивановича.
- Голубчикъ ты мой, хочешь чайку?
- Покорно благодарю-съ. Ужъ мы нили! Сегодня поднялись рано. Наши къ обѣднѣ ушли. Сестрица два часа меня завивала, напомадила, умыла, панталончики мнѣ зашила, потому что я ихъ разодралъ вчера съ Сашкой, на улицѣ; мы въ снѣжки стали играть...
- Ну-ну-ну-ну!
- Ну, все меня парижала къ вамъ идти; потомъ на-

помадила, а потомъ зацѣловала совсѣмъ, говорить: „сходи къ Васѣ, поздравь, да спроси, довольны-ли они, покойно-ли почивали и еще...“ и еще что-то спросить,—да! и еще кончено-ль дѣло, обѣ которомъ вы вчера... Тамъ какъ-то... Да вотъ, у меня записано, сказалъ мальчикъ, читая по бумажкѣ, которую вынулъ изъ кармана,—да! беспокоились.

— Будетъ кончено! Будетъ! Такъ ей и скажи, что будетъ, непремѣнно кончу, честное слово!

— Да, еще... Ахъ! Я и забылъ; сестрица записочку и подарокъ прислала, а я и забылъ!..

— Боже мой!.. Ахъ ты, голубчикъ мой! Гдѣ... гдѣ? Вотъ—а?! Смотри, братъ, смотри, чѣмъ пишетъ. Го-лу-бушка, миленькая! Знаешь, я вчера видѣлъ у ней бумаж-никъ для меня; онъ не конченъ, такъ вотъ, говорить, посылаю вамъ локонъ волосъ моихъ, а то отъ васъ не уйдетъ. Смотри, братъ, смотри!

И потрясенный отъ восторга Вася показывалъ локонъ густѣйшихъ, чернѣйшихъ въ свѣтѣ волосъ Аркадію Ивановичу; потомъ горячо поцѣловалъ ихъ и спряталъ въ боковой карманъ, поближе къ сердцу.

— Вася! Я тебѣ медальонъ закажу для этихъ волосъ! Рѣшительно сказалъ, наконецъ, Аркадій Ивановичъ.

— А у насъ жаркое телятина будетъ, а потомъ завтра мозги; маменька хочетъ бисквиты готовить... А пшеничной каши не будетъ, сказалъ мальчикъ, подумавъ, какъ заключить свои розказни.

— Фу, какой хорошенъкій мальчикъ! закричалъ Аркадій Ивановичъ.—Вася, ты счастливѣйший смертный!

Мальчикъ кончилъ чай, получилъ записочку, тысячу поцѣлуевъ и вышелъ счастливый и рѣзвый попрежнему.

— Ну, братъ, заговорилъ обрадованный Аркадій Ивановичъ,—видишь, какъ хорошо, видишь! Все уладилось къ лучшему, не горюй, не робѣй! Впередъ! Кончай, Вася, кончай! Въ два часа я домой; заѣду къ нимъ, потомъ къ Юліану Мастаковичу.

— Ну, прощай, братъ, прощай... Ахъ, кабы!.. Ну, хорошо, ступай, хорошо, сказалъ Вася,—я, братъ, рѣшительно не пойду къ Юліану Мастаковичу.

— Прощай!

— Стой, братецъ, стой; скажи имъ... Ну, все, чѣмъ найдешь; ее поцѣлуй... Да расскажи, братецъ, все потомъ, расскажи...

— Ну, ужъ, ну, ужъ—извѣстно, знаемъ чѣмъ! Это счастье

перевернуло тебя! Это неожиданность; ты самъ не свой со вчерашняго дня. Ты еще не отдохнулъ отъ вчерашихъ своихъ впечатлѣній. Ну, конечно! Оправься, голубчикъ Вася! Прощай, прощай!

Наконецъ, друзья разстались. Все утро Аркадій Ивановичъ былъ разсѣянъ и думалъ только о Васѣ. Онъ зналъ слабый, раздражительный характеръ его. „Да, это счастье перевернуло его, я не ошибся!“ говорилъ онъ самъ про себя.—Боже мой! Онъ и на меня нагналъ тоску. И изъ чего этотъ человѣкъ способенъ поднять трагедію! Экая горячка какая! Ахъ, его нужно спасти! Нужно спасти!“ проговорилъ Аркадій, самъ не замѣчая того, что въ своемъ сердце уже возвелъ до бѣды, повидимому, маленькия домашнія неурядицы, въ сущности ничтожныя. Только въ одиннадцать часовъ попалъ онъ въ швейцарскую Юліана Мастаковица, чтобы примкнуть свое скромное имя къ длинному столбцу почтительныхъ лицъ, расписавшихся въ швейцарской на листѣ закапанной и кругомъ исчерченной бумаги. Но каково было его удивленіе, когда передъ нимъ мелькнула собственная подпись Васи Шумкова! Это его поразило.—„Что съ нимъ дѣлается?“ подумалъ онъ. Аркадій Ивановичъ, взыгравшій еще недавно надеждой, вышелъ разстроенный. Дѣйствительно, приготовлялась бѣда, но гдѣ? Но какая?

Въ Коломну онъ пріѣхалъ съ мрачными мыслями, былъ разсѣянъ сначала, но, поговоривъ съ Лизанькой, вышелъ со слезами на глазахъ, потому что рѣшительно испугался за Васю. Домой онъ пустился бѣгомъ, и на Невѣ, носомъ къ носу, столкнулся съ Шумковымъ. Тотъ тоже бѣжалъ.

— Куда ты? закричалъ Аркадій Ивановичъ.

Вася остановился, какъ пойманный въ преступленіи.

— Я, братъ, такъ; я прогуляться хотѣлъ.

— Не утерпѣлъ, въ Коломну шелъ? Ахъ, Вася, Вася! Ну, зачѣмъ ты ходилъ къ Юліану Мастаковичу?

Вася не отвѣчалъ, но потомъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Аркадій! Я не знаю, что со мной дѣлается! Я...

— Полно, Вася, полно! Вѣдь я знаю, что это такое. Успокойся! Ты взволнованъ и потрясенъ со вчерашняго дня! Подумай: ну, какъ не снести этого! Всѣ-то тебя любятъ, всѣ-то около тебя ходятъ, работа твоя подвигается, ты ее кончишишь, непремѣнно кончишишь, я знаю: ты вообразилъ что-нибудь, у тебя страхи какие-то...

— Нѣть, ничего, ничего...

— Помнишь, Вася, помнишь, вѣдь это было съ тобою; помнишь, когда ты чинъ получилъ, ты отъ счастья и отъ благодарности удвоилъ ревность и недѣлю только портилъ работу. Съ тобой и теперь то же самое...

— Да, да, Аркадій; но теперь другое, теперь совсѣмъ не то...

— Да какъ не то: помилуй! И дѣло-то, можетъ-быть, вовсе че спѣшное, а ты себя убиваешь...

— Ничего, ничего, я только такъ. Ну, пойдемъ!

— Что-жъ ты домой, а не къ нимъ?

— Нѣтъ, братъ, съ какимъ я лицомъ явлюсь?.. Я раздумалъ. Я только одинъ безъ тебя не высидѣлъ; а вотъ ты теперь со мной, такъ я и сладу писать. Пойдемъ!

Они пошли и нѣкоторое время молчали. Вася спѣшилъ.

— Что-жъ ты меня не разспрашиваешь объ нихъ? сказалъ Аркадій Ивановичъ.

— Ахъ, да! Ну, Аркашенька, что-жъ?

— Вася, ты на себя не похожъ!

— Ну, ничего, ничего. Расскажи же мнѣ все, Аркаша! сказалъ Вася умоляющимъ голосомъ, какъ будто изѣгая дальнѣйшихъ объясненій. Аркадій Ивановичъ вздохнулъ. Онъ рѣшительно терялся, смотря на Васю.

Рассказъ о коломенскихъ оживилъ его. Онъ даже разговорился. Они пообщдали. Старушка наложила бисквитами полный карманъ Аркадія Ивановича, и пріятели, кущая ихъ, развеселились. Послѣ обѣда Вася обѣщалъ заснуть, чтобы просидѣть всю ночь. Очъ дѣйствительно легъ. Утромъ кто-то, передъ кѣмъ нельзя было отказаться, позвалъ Аркадія Ивановича на чай. Друзья разстались. Аркадій положилъ приди какъ можно раньше, если можно, даже въ восемь часовъ. Три часа разлуки прошли для него какъ три года. Наконецъ, онъ вырвался къ Васѣ. Войдя въ комнату, онъ увидѣлъ, что все темно. Васи не было дома. Онъ спросилъ Мавру. Мавра сказала, что все писалъ и не спалъ ничего, потомъ ходилъ по комнатѣ, а потомъ, часъ тому назадъ, уѣжалъ, сказавъ, что черезъ полчаса будетъ; „а когда, моль, Аркадій Ивановичъ придутъ, такъ скажи, моль, старуха“, заключила Мавра, „что гулять я пошелъ, и три, не то, моль, четыре раза наказывалъ“.

„У Артемьевыхъ онъ!“ подумалъ Аркадій Ивановичъ и покачалъ головой.

Черезъ минуту онъ вскочилъ, оживленный надеждой.—

„Онъ просто кончилъ, подумалъ онъ,—вотъ и все; не утерпѣлъ, да и убѣжалъ туда. Впрочемъ, нѣтъ! Онъ меня бѣжалъ... Взгляну-ка, чѣмъ тамъ у него!”

Онъ зажегъ свѣтлую и бросился къ письменному столу Васи: работа шла и, казалось, до конца было не такъ далеко. Аркадій Ивановичъ хотѣлъ было изслѣдоватъ дальше, но вдругъ вошелъ Вася...

— А! Ты здѣсь? закричалъ онъ, вздрогнувъ отъ испуга...

Аркадій Ивановичъ молчалъ. Онъ боялся спросить Васю. Тотъ потупилъ глаза и тоже молча началъ разбирать бумаги. Наконецъ, глаза ихъ встрѣтились. Взглядъ Васи былъ такой просияющій, умоляющій, убитый, что Аркадій вздрогнулъ, когда встрѣтилъ его. Сердце его задрожало и переполнилось...

— Вася, братъ мой, чѣмъ съ тобой? Что ты? закричалъ онъ, бросаясь къ нему и сжимая его въ объятіяхъ,—объясни со мной; я не понимаю тебя и тоски твоей, чѣмъ съ тобой, мученикъ ты мой? Что? Скажи мнѣ все безъ утайки. Не можетъ быть, чтобы это одно...

Вася крѣпко прижался къ нему и не могъ ничего говорить. Духъ его захватило.

— Полно, Вася, полно! Ну, не кончить тебѣ, чѣмъ такое? Я не понимаю тебя; открои мнѣ мученія свои. Видиши-ли, я для тебя... Ахъ, Боже мой, Боже мой! говорилъ онъ, шагая по комнатѣ и хватаясь за все, чѣмъ ни попадалось ему подъ руки, какъ будто немедленно искалъ карства для Васи.—Я самъ завтра, вместо тебя, пойду къ Юліану Мастаковичу, буду просить, умолять его, чтобы дать еще день отсрочки. Я объясню ему все, все, если это такъ тебя мучаетъ...

— Боже тебя сохрани! вскричалъ Вася и побѣлѣлъ какъ стѣна. Онъ едва устоялъ на мѣстѣ.

— Вася, Вася!

Вася очнулся. Губы его дрожали; онъ хотѣлъ чѣмъ-то выговорить, и только молча, судорожно пожималъ руку Аркадія. Рука его была холодна. Аркадій стоялъ передъ нимъ, полный тоскливатаго и мучительного ожиданія. Вася опять поднялъ на него глаза.

— Вася! Богъ съ тобой, Вася! Ты истерзалъ мое сердце, другъ мой, милый ты мой.

Слезы градомъ хлынули изъ глазъ Васи; онъ бросился на грудь Аркадія.

— Я обманулъ тебя, Аркадій! говорилъ онъ,—я обман-

иуль тебя; прости меня, прости! Я обманулъ твою дружбу...

— Что, что, Вася? Что-жъ такое? спросилъ Аркадій, рѣшительно въ ужасѣ.

— Вотъ!..

И Вася съ отчаяннымъ жестомъ выбросилъ на столъ изъ ящика шесть толстѣйшихъ тетрадей, подобныхъ той, которую онъ переписывалъ.

— Чѣдъ это?

— Вотъ чѣдъ мнѣ нужно приготовить къ послѣ завтрашнему дню. Я и четвертой доли не сдѣлалъ!

— Не спрашивай, не спрашивай, какъ это сдѣлалось! продолжалъ Вася, самъ тотчасъ заговоривъ о томъ, что такъ его мучило.—Аркадій, другъ мой! Я не знаю самъ, чѣдъ было со мной. Я какъ будто изъ какого сна выхожу. Я цѣлыхъ три недѣли потерялъ даромъ. Я все... я... ходилъ къ ней... У меня сердце болѣло, я мучился... неизвѣстностью... я и не могъ писать. Я и не думалъ объ этомъ. Только теперь, когда счастье настаетъ для меня, я очнулся.

— Вася! началъ Аркадій Ивановичъ рѣшительно, — Вася! Я спасу тебя. Я понимаю все это. Это дѣло не шутка. Я спасу тебя! Слушай, слушай меня: я завтра же иду къ Юліану Мастаковичу... Не качай головой, нѣть, слушай! Я разскажу ему все какъ было; позволь ужъ мнѣ сдѣлать такъ... Я объясню ему!.. Я на все пойду! Я разскажу ему, какъ ты убить, какъ ты мучаешься.

— Знаешь-ли, что ты теперь убиваешь меня? проговорилъ Вася, весь похолодѣвъ отъ испуга.

Аркадій Ивановичъ поблѣдѣлъ было, но одумался и тотчасъ же разсмѣялся.

— Только-то? Только-то? сказалъ онъ.—Помилуй, Вася, помилуй! Не стыдно-ли? Ну, послушай! Я вижу, что огорчаю тебя. Видишь, я понимаю тебя; я знаю, что въ тебѣ происходитъ. Вѣдь ужъ мы пять лѣтъ вмѣстѣ живемъ, слава Богу! Ты добрый, нѣжный такой, но слабый, не-простительно слабый. Вѣдь ужъ и Лизавета Михайловна это замѣтила. Ты, кромѣ того, и мечтатель, а вѣдь это тоже нехорошо; свихнуться, братъ, можно! Послушай, вѣдь я знаю, чего тебѣ хочется! Тебѣ хочется, напримѣръ, чтобы Юліанъ Мастаковичъ былъ вѣнчанъ съ собой и еще, пожалуй, заладить бы баль отъ радости, что ты женишься... Ну, постой, постой! Ты морщишься. Видишь, ужъ отъ одного моего слова ты обидѣлся за Юліана Мастаковича! Я

оставлю его. Я вѣдь и самъ его уважаю не меныше твоего. Но ужъ ты меня не оспоришь и не откажешь мнѣ думать, что ты бы желалъ, чтобы не было даже и несчастныхъ на землѣ, когда ты женишься... Да, братъ, ты ужъ согласись, что тебѣ бы хотѣлось, чтобы у меня, напримѣръ, твоего лучшаго друга, стало вдругъ тысячъ сто капитала; чтобы всѣ враги, какіе ни есть на свѣтѣ, вдругъ бы, ни съ того, ни съ сего, помирились, чтобы всѣ они обнялись среди улицы отъ радости, и потомъ сюда къ тебѣ на квартиру, пожалуй, въ гости пришли. Другъ мой! Милый мой! Я не смѣюсь, это такъ; ты ужъ давно мнѣ все почти такое же въ разныхъ видахъ представлялъ. Потому, что ты счастливъ, ты хочешь, чтобы всѣ, рѣшительно всѣ сдѣлались разомъ счастливыми. Тебѣ больно, тяжело одному быть счастливымъ! Потому ты хочешь сейчасъ всѣми силами быть достойнымъ этого счастья и, пожалуй, для очистки совѣсти, сдѣлать подвигъ какой-нибудь! Ну, я и понимаю, какъ ты готовъ себя мучить за то, что тамъ, гдѣ бы нужно было показать свое радѣніе, умѣнье... ну, пожалуй, благодарность, какъ ты говоришь, ты вдругъ манкировалъ! Тебѣ ужасно горько при мысли, что Юліанъ Мастаковичъ поморщится и даже разсердится, когда увидитъ, что ты не оправдалъ надеждъ, которыя онъ возложилъ на тебя. Тебѣ больно думать, что ты услышишь упреки отъ того, кого считаешь своимъ благодѣтелемъ, — и въ какую минуту! Когда у тебя радостью переполнено сердце и когда ты не знаешь, на кого излить свою благодарность... Вѣдь такъ, не правдали? Вѣдь такъ?

Аркадій Ивановичъ, у котораго дрожалъ голосъ оканчивая, замолчалъ и перевѣль духъ.

Вася смотрѣлъ съ любовью на своего друга. Улыбка скользила по губамъ его.

Даже какъ будто ожиданіе надежды ожило лицо его.

— Ну, такъ слушай же, началь снова Аркадій, еще болѣе вдохновленный надеждою,—такъ и не нужно, чтобы Юліанъ Мастаковичъ измѣнилъ къ тебѣ свою благосклонность. Такъ-ли, голубчикъ мой? Въ этомъ вопросѣ? А колѣ въ этомъ, такъ я же, сказалъ Аркадій, вскочивъ съ мѣста,—я же пожертвую собой для тебя. Я завтра ѿду къ Юліану Мастаковичу... И не противорѣчь мнѣ! Ты, Вася, свой проступокъ до преступленья возводишь. А онъ, Юліанъ Мастаковичъ, великодушенъ и милосердъ, да къ

тому же не таковъ, какъ ты! Онъ, братъ Вася, нась съ тобой выслушаетъ и изъ бѣды вывезетъ. Ну! Спокоенъ ли ты?

Вася со слезами на глазахъ скжаль руку Аркадія.

— Полно, Аркадій, полно, сказалъ онъ, — дѣло рѣшеное. Ну, я не кончилъ, ну и хорошо; не кончилъ, такъ не кончилъ. И тебѣ ходить не нужно: я самъ все разскажу, самъ пойду. Я теперь успокоился, я совершенно спокоенъ; только ты не ходи... Да послушай...

— Вася, дорогой ты мой! вскричалъ въ радости Аркадій Ивановичъ,— я по твоимъ словамъ говорилъ; я радъ, что ты одумался и оправился. Но чѣмъ бы съ тобой ни было, чѣмъ бы ни случилось, я при тебѣ, это помни! Я вижу, тебя терзаетъ то, чтобы я не говорилъ ничего Юліану Мастаковичу—и не скажу, ничего не скажу, ты самъ скажешь. Видишъ-ли: ты завтра пойдешь... Или нѣтъ, ты не пойдешь, ты здѣсь будешь писать, понимаешь? А я тамъ узнаю, какое это дѣло, очень-ли спѣшное или нѣтъ, нужно-ли къ сроку или нѣтъ, и если просчиши, такъ чѣмъ можетъ выйти изъ этого? Потомъ я къ тебѣ прибѣгу... Видишь, видишь! Ужъ есть надежда; ну, представь, что дѣло не спѣшное — вѣдь, выиграть можно. Юліанъ Мастаковичъ можетъ не напомнить, и тогда все спасено.

Вася сомнительно покачалъ головою. Но благодарный взоръ его не сходилъ съ лица друга.

— Ну, полно, полно! Я такъ слабъ, такъ усталъ, говорилъ онъ, задыхалось, — мнѣ и самому обѣ этомъ думать не хочется. Ну, поговоримъ о другомъ! Я, видишъ-ли, и писать, пожалуй, не буду теперь, а только такъ, двѣ странички только окончу, чтобы дойти хоть до какой-нибудь точки. Послушай... Я давно хотѣлъ спросить тебя: какъ это ты такъ хорошо меня знаешь?

Слезы капали изъ глазъ Васи на руки Аркадія.

— Если бѣ ты зналъ, Вася, до какой степени я люблю тебя, такъ ты бы не спросилъ этого—да!

— Да, да, Аркадій, я не знаю этого, потому... потому что я не знаю, за чѣмъ ты меня такъ полюбиль! Да, Аркадій, знаешь-ли, что даже твоя любовь меня убивала? Знаешь-ли, что сколько разъ я, особенно ложась спать и думая обѣ тебѣ (потому что я всегда думаю обѣ тебѣ, когда засыпаю), я обливался слезами и сердце мое дрожало оттого... оттого... Ну, оттого, что ты такъ любилъ

меня, а я ничѣмъ не могъ облегчить своего сердца, ничѣмъ тебя въблагодарить не могъ...

— Видишь, Вася, видишь, какой ты!.. Смотри, какъ ты разстроенъ теперь, говорилъ Аркадій, у котораго душа изныла въ эту минуту и который вспомнилъ про вчерашнюю сцену на улицѣ.

— Полно; ты хочешь, чтобы я успокоился, а я никогда еще не былъ такъ спокоенъ и счастливъ! Знаешь-ли... Послушай, мнѣ бы хотѣлось тебѣ все разсказать, да я все боюсь тебя огорчить... Ты все огорчаешься и кричишь на меня; а я пугаюсь... Смотри, какъ я дрожу теперь, я не знаю отчего... Видишь-ли, вотъ что мнѣ сказать хочется. Мнѣ кажется, не зналъ себя прежде,—да! Да и другихъ тоже вчера только узналъ. Я, братъ, не чувствовалъ, не цѣнилъ вполнѣ Сердце... во мнѣ было черство... Слушай, какъ это случилось, что никому-то, никому я не сдѣлалъ добра на свѣтѣ, потому что сдѣлать не могъ—даже и видомъ-то я непріятенъ... А всякий-то мнѣ дѣлалъ добро! Вотъ ты первый: развѣ я не вижу. Я только молчалъ, только молчалъ!

— Вася, полно!

— Что-жъ, Аркаша! Что-жъ!.. Я вѣдь ничего... прервалъ Вася, едва выговаривая слова отъ слезъ.—Я тебѣ говорилъ вчера про Юліана Мастаковича. И вѣдь самъ ты знаешь, онъ строгій, суровый такой, даже ты нѣсколько разъ на замѣчанье къ нему попадалъ, а со мной онъ вчера шутить вздумалъ, ласкать, и доброе сердце свое, которое передъ всѣми благоразумно скрываетъ, открылъ мнѣ...

— Ну, что-жъ, Вася? Это только показываетъ, что ты достоинъ своего счастія.

— Ахъ, Аркаша! Какъ мнѣ хотѣлось кончить это все дѣло!.. Нѣтъ, я сгублю свое счастье! У меня есть предчувствіе! Да нѣтъ, не черезъ это, перебилъ Вася, затѣмъ, что Аркадій покосился на стопудовое, спѣшное дѣло, лежавшее на столѣ,—это ничего, это бумага писаная... вздоръ! Это дѣло рѣшеное... Я, Аркаша, былъ сегодня тамъ, у нихъ... Я вѣдь не входилъ. Мнѣ тяжело было, горько! Я толькоостоялъ у дверей. Она играла на фортепіано, я слушалъ. Видишь, Аркадій, сказалъ онъ, понижая голосъ,—я не посмѣлъ войти...

— Послушай, Вася, что съ тобой? Ты такъ на меня смотришь?

— Что? Ничего! Мнѣ немного дурно; ноги дрожать; это оттого, что я ночью сидѣль. Да! У меня въ глазахъ зеленѣеть. У меня здѣсь, здѣсь...

Онъ показалъ на сердце. Съ нимъ сдѣлался обморокъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, Аркадій хотѣль принять насильственный мѣры. Онъ хотѣль уложить его насильно въ постель. Вася не согласился ни за что. Онъ плакалъ, ломалъ себѣ руки, хотѣль писать, хотѣль непремѣнно докончить свои двѣ страницы. Чтобъ не разгорячить его, Аркадій допустилъ его до бумагъ.

— Видишь, сказалъ Вася, усаживаясь на мѣсто,—видишь, и у меня идея пришла, есть надежда.

Онъ улыбнулся Аркадію, и блѣдное лицо его дѣйствительно какъ будто оживилось лучомъ надежды.

— Вотъ что: я понесу ему послѣ завтра не все. Про остальное солгу, скажу, что сгорѣло, что подмокло, что потерялъ... что, наконецъ, ну, не кончилъ; я лгать не могу. Я самъ объясню—знаешь что? Я объясню ему все, я скажу: такъ и такъ, не могъ... Я разскажу ему про любовь мою; онъ же самъ недавно женился, онъ пойметъ меня! Я сдѣлаю это все, разумѣется, почтительно, тихо; онъ увидитъ слезы мои, онъ тронется ими...

— Да, разумѣется, поди, поди къ нему, объяснись... Да тутъ и слезъ не нужно! Изъ чего? Право, Вася, ты и меня совсѣмъ запугалъ.

— Да, я пойду, пойду. А теперь дай мнѣ писать, дай мнѣ писать, Аркаша. Я никого не трону, дай мнѣ писать!

Аркадій бросился на постель. Онъ не довѣрялъ Васѣ, рѣшительно не довѣрялъ. Вася былъ способенъ на все. Но просить прощенія, въ чемъ, какъ! Дѣло было не въ томъ. Дѣло было въ томъ, что Вася не исполнилъ обязанностей, что Вася чувствуетъ себя виноватымъ *самъ передъ собою*; чувствуетъ себя неблагодарнымъ къ судьбѣ, что Вася подавленъ, потрясенъ счастіемъ и считаетъ себя его недостойнымъ, что, наконецъ, онъ отыскалъ себѣ только предлогъ повихнуть на эту сторону, а что со вчерашняго дня еще не опомнился отъ своей неожиданности; вотъ что такое! подумалъ Аркадій Ивановичъ. Нужно спасти его. Нужно помирить его съ самимъ собою. Онъ самъ себя отпѣваетъ.—Онъ думалъ-думалъ, да и рѣшилъ немедленно идти къ Юліану Мастаковичу, завтра же идти, разскказать ему все.

Вася сидѣль и писалъ. Измученный Аркадій Ивано-

вичь прилегъ, чтобы пораздумать о дѣлѣ опять, и проснулся передъ разсвѣтомъ.

— Ай, чортъ! Опять! закричалъ онъ, посмотрѣвъ на Васю; тотъ сидѣлъ и писалъ.

Аркадій бросился къ нему, обхватилъ его и насильно уложилъ въ постель. Вася улыбался: глаза его смыкались отъ слабости. Онъ едва могъ говорить.

— Я и самъ хотѣлъ лечь, сказалъ онъ.—Знаешь, Аркадій, у меня есть идея; я кончу. Я ускорилъ перо! Дальше сидѣть я былъ неспособенъ; разбуди меня въ восемь часовъ.

Опять не договорилъ и заснулъ какъ убитый.

— Мавра! шепотомъ сказалъ Аркадій Ивановичъ Маврѣ, вносявшей чай,—опять просилъ разбудить его черезъ часъ. Ни подъ какимъ видомъ! Пусть спитъ хоть десять часовъ, понимаешь?

— Понимаю, баринъ-батюшка.

— Обѣдъ не готовъ, съ дровами не возись, не шуми, бѣда тебѣ! Коли спросить меня, скажи, что я въ должность ушелъ, понимаешь?

— Понимаю-ста, батюшка-баринъ; пусть почиваетъ въ волю, что мнѣ! Я рада барскому сну и барское добро берегу. А намедни, что чашку разбила и попрекать изволили, такъ это не я, это кошка-машка разбила, а я не догляди за пей; брысь, говорю, проклятая!

— Тсс, молчи, молчи!

Аркадій Ивановичъ выпроводилъ Мавру въ кухню, потребовалъ ключъ и заперъ ее тамъ на замокъ. Потомъ пошелъ на службу. Дорогою онъ раздумывалъ, какъ бы ему предстать къ Юліану Мастаковичу, и ловко-ли, и не дерзко-ли будетъ? Въ должность пришелъ онъ съ рожстью, и робко освѣдомился, тутъ-ли его превосходительство; отвѣтили, что нѣтъ, да и не будетъ. Аркадій Ивановичъ мигомъ хотѣлъ идти къ нему на квартиру, но весьма кстати сообразилъ, что если Юліанъ Мастаковичъ не приѣхалъ, такъ, стало-быть, занять и дома. Онъ остался. Часы казались ему нескончаемыми. Подъ рукою онъ выѣдывалъ о дѣлѣ, порученномъ Шумкову. Но никто не зналъ ничего. Знали только, что Юліанъ Мастаковичъ изволилъ занимать его особыми порученіями, какими—не зналъ никто. Наконецъ, пробило три часа, и Аркадій Ивановичъ бросился домой. Въ прихожей остановилъ его одинъ писарь и сказалъ, что Василій Петровичъ Шум-

ковъ приходилъ, этакъ будеть, въ первомъ часу и спрашивалъ, прибавилъ писарь: „тутъ-ли вы и не былъ-ли туть Юліанъ Мастаковичъ“. Услышавъ это, Аркадій Ивановичъ напялъ извозчика и доѣхалъ домой виѣ себѧ отъ испуга.

Шумковъ быль дома. Онъ ходилъ по комнатѣ чрезвычайно взволнованный. Взглянувъ на Аркадія Ивановича, онъ какъ будто тотчасъ оправился, одумался и поспѣшилъ скрыть свое волненіе. Онъ молча сѣлъ за бумаги. Казалось, онъ избѣгалъ вопросовъ своего друга, тяготился ими, самъ задумалъ кое-что про себя и уже рѣшился не открывать своего рѣшенія, затѣмъ, что и на дружбу болѣе нельзя положиться. Это поразило Аркадія, и сердце его изныло отъ тяжкой, пронзительной боли. Онъ сѣлъ на кровать и развернулъ какую-то книжонку, единственную, бывшую въ его обладаніи, а самъ не спускалъ глазъ съ бѣднаго Васи. Но Вася упорно молчалъ, писалъ и не подымалъ головы. Такъ прошло нѣсколько часовъ, и мученія Аркадія возросли до послѣдней степени. Наконецъ, часу въ одиннадцатомъ, Вася поднялъ голову, и тупымъ, неподвижнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Аркадія. Аркадій ждалъ. Прошло двѣ-три минуты; Вася молчалъ.— „Вася!“ крикнулъ Аркадій. Вася не далъ отвѣта. — „Вася!“ повторилъ онъ, вскочивъ съ кровати.— „Вася, что съ тобой? Что ты?“ закричалъ онъ, подбѣгая къ нему. Вася поднялъ голову и опять посмотрѣлъ на него тѣмъ же тупымъ, неподвижнымъ взглядомъ. „На него столбнякъ нашелъ!“ подумалъ Аркадій, весь дрожа отъ испуга. Онъ схватилъ графинъ съ водой, приподнялъ Васю, налилъ ему воды на голову, намочилъ виски, теръ руки въ своихъ рукахъ — и Вася очнулся. — „Вася, Вася!“ кричалъ Аркадій, заливаясь слезами, не удерживаясь болѣе. — „Вася, не губи себя, вспомни! Вспомни!..“ Онъ не договорилъ и горячо скималъ его въ своихъ объятіяхъ. Какое-то тягостное ощущеніе прошло по всему лицу Васи; онъ теръ себѣ лобъ и схватился за голову, словно боясь, что она разлетится.

— Не знаю, что это со мною! проговорилъ онъ, наконецъ.— я, кажется, надорвался. Ну, хорошо, хорошо! Полно, Аркадій, не печалься; полно! повторялъ онъ, смотря на него грустнымъ, изнеможеннымъ взглядомъ, — чего беспокоишься? Полно!

— Ты же, ты же меня утѣшаешь! закричалъ Аркадій,

у которого разрывалось сердце. — Вася, сказал онъ, наконецъ, — прилягъ, засни немножко, что? Не мучь себи понапрасну! Лучше потомъ опять сядешь работать!

— Да, да! повторялъ Вася, — изволь! Я лягу: хорошо; да! Видишь-ли, я хотѣлъ кончить, а теперь раздумалъ, да...

И Аркадій утащилъ его на постель.

— Слушай, Вася, сказалъ онъ твердо, — нужно окончательно рѣшить это дѣло! Скажи мнѣ, что ты задумалъ?

— Ахъ! сказалъ Вася, махнувъ ослабѣвшей рукой и повернувъ на другую сторону голову.

— Полно, Вася, полно! Рѣшись! Я не хочу быть убийцей твоимъ: я не могу больше молчать. Ты не заснешь, коль не рѣшишься, я знаю.

— Какъ хочешь, какъ хочешь, загадочно повторилъ Вася.

„Сдается!“ подумалъ Аркадій Ивановичъ.

— Послѣдуй мнѣ, Вася, сказалъ онъ, — вспомни, что я говорилъ, и я спасу тебя завтра; завтра я рѣшу твою участъ! Что я говорю, участъ! Ты такъ напугалъ меня, Вася, что я самъ толкую твоими словами. Какая участъ! Просто вздоръ, пустяки! Тебѣ не хочется потерять расположение, любовь, если хочешь, Юліана Мастаковича, да! И не потеряешь, увидишь... Я...

Аркадій Ивановичъ еще долго бы говорилъ, но Вася прервалъ его. Онъ приподнялся на постели, молча обвили объими руками шею Аркадія Ивановича и поцѣловалъ его.

— Довольно! сказалъ онъ слабымъ голосомъ, — довольно! Полно обѣ этомъ!

И онъ снова повернулся къ стѣнѣ свою голову.

„Боже мой! думалъ Аркадій, — Боже мой! Что съ нимъ? Онъ совсѣмъ потерялся; на что онъ рѣшился такое? Онъ нюгубить себя“.

Аркадій смотрѣлъ на него въ очаянії.

„Если бъ онъ заболѣлъ, думалъ Аркадій, — можетъ-быть, лучше бы было. Съ болѣзнью прошла бы забота, а тамъ можно бы отличнымъ образомъ уладить все дѣло. Но что я вру? Ахъ, Создатель мой...“

Между тѣмъ Вася какъ будто задремалъ. Аркадій Ивановичъ обрадовался. „Добрый знакъ!“ думалъ онъ. Онъ рѣшился сидѣть надъ нимъ всю ночь. Но самъ Вася былъ неспокойенъ. Онъ поминутно вздрагивалъ, метался на постели и па мгновеніе открывалъ глаза. Наконецъ, утомле-

не взяло верхъ; казалось, онъ заснуль какъ убитый. Было около двухъ часовъ утра, Аркадій Ивановичъ задремалъ на стулѣ, облокотясь локтемъ на столъ.

Сонъ его былъ тревожень и страненъ. Ему все казалось, что онъ не спитъ и что Вася попрежнему лежитъ на постели. Но, странное дѣло! Ему казалось, что Вася притворяется, что онъ даже обманываетъ его и вотъ-вотъ встаетъ потихоньку, наблюдая его въ полглаза, и крадется за письмений столъ. Жгучая боль захватывала сердце Аркадія; ему было и досадно, и грустно, и тяжело видѣть Васю, который не довѣряетъ ему, таится отъ него и кроется. Онъ хотѣлъ обхватить его, закричать, унести на кровать... Тогда Вася вскрикивалъ у него на рукахъ, и онъ уносилъ на постель одинъ бездыханный трупъ. Холодный потъ проступалъ на лбу Аркадія, сердце его страшно билось. Онъ открылъ глаза и проснулся. Вася сидѣлъ передъ нимъ за столомъ и писалъ.

Не довѣряя чувствамъ своимъ, Аркадій взглянулъ на постель: тамъ не было Васи. Аркадій вскочилъ въ испугѣ, еще подъ вліяніемъ своихъ сновидѣній. Вася не шелохнулся. Онъ все писалъ. Вдругъ Аркадій съ ужасомъ замѣтилъ, что Вася водить по бумагѣ сухимъ перомъ, перевертывая совсѣмъ бѣлыя страницы и спѣшишь, спѣшишь наполнить бумагу, какъ будто онъ дѣлаетъ отличнѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ образомъ дѣло! „Нѣтъ, это не столбнякъ!“ подумалъ Аркадій Ивановичъ и затрясся всемъ тѣломъ. „Вася, Вася! Отклиknись же мнѣ!“ закричалъ онъ, схвативъ его за плечо. Но Вася молчалъ и попрежнему продолжалъ строчить сухимъ перомъ по бумагѣ.

— Наконецъ, я ускорилъ перо, проговорилъ онъ, не подымая головы на Аркадія.

Аркадій схватилъ его за руки и вырвалъ перо.

Стонъ вырвался изъ груди Васи. Онъ опустилъ руку и поднялъ глаза на Аркадія, потомъ съ томительно-тоскливымъ чувствомъ провелъ рукою по лбу, какъ будто желая снять съ себя какой-то тяжелый, свинцовый грузъ, налегший на все существо его, и тихо, какъ будто въ раздумья, опустилъ на грудь голову.

— Вася, Вася! вскричалъ Аркадій Ивановичъ въ отчаяніи.—Вася!

Черезъ минуту, Вася посмотрѣлъ на него. Слезы стояли въ его большихъ голубыхъ глазахъ, и блѣдное, прят-

кое лицо его выразило безконечную муку... Онъ что-то шепталъ.

— Что, что? закричалъ Аркадій, наклоняясь къ нему.

— За что же, за что меня? шепталъ Вася, — за что? Чѣдѣ я сдѣлалъ?

— Вася! Чѣдѣ ты! Чего ты боишься, Вася? Чего? закричалъ Аркадій, ломая руки отъ отчаянія.

— За чѣдѣ мя въ солдаты-то отдавать? сказалъ Вася, посмотрѣвъ прямо въ глаза своего друга,—за чѣдѣ? Чѣдѣ я сдѣлалъ?

Волосы стали дыбомъ на головѣ Аркадія; онъ не хотѣлъ вѣрить. Онъ стоялъ надъ нимъ какъ убитый.

Черезъ минуту онъ опомнился: „это такъ, это минутное!“ говорилъ онъ про себя, весь блѣдный, съ дрожащими, посинѣлыми губами, и бросился одѣваться. Онъ хотѣлъ бѣжать прямо за докторомъ. Вдругъ Вася кликнулъ его, Аркадій бросился на него и обнялъ его, какъ мать, у которой отнимаютъ родное дитя...

— Аркадій, Аркадій, не говори никому! Слышишь, моя бѣда! Пусть я одинъ инесу...

— Что ты? Что ты? Опомнись, Вася, опомнись!

Вася вздохнулъ и тихія слезы заструились по щекамъ его.

— За чѣдѣ ее убивать? Чѣмъ же она, чѣмъ же она виновата!.. проворчалъ онъ мучительнымъ, раздирающимъ душу голосомъ.—Мой грѣхъ, мой грѣхъ!..

Онъ замолчалъ на минуту.

— Прощай, моя люба! Прощай, моя люба! шепталъ онъ, качая бѣдной своей головою. Аркадій вздрогнулъ, очнулся и хотѣлъ броситься за докторомъ... „Идемъ! Пора! закричалъ Вася, увлекшись послѣднимъ движениемъ Аркадія.— Идемъ братъ, идемъ, я готовъ! Ты меня проводи!“—Онъ замолчалъ и взглянулъ на Аркадія убитымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Вася, не ходи за мной, ради Бога! Подожди меня здѣсь. Я сейчасъ, сейчасъ ворочусь къ тебѣ, говорилъ Аркадій Ивановичъ, самъ теряя голову и схвативъ фуражку, чтобы бѣжать за докторомъ. Вася усѣлся тотчасъ; онъ былъ тихъ и послушенъ, только въ глазахъ его сіяла какая-то отчаянная рѣшимость. Аркадій воротился, схватилъ со стола разогнутый перочинный ножичекъ, послѣдній разъ взглянулъ на бѣднагу и выбѣжалъ изъ квартиры.

Былъ восьмой часъ. Свѣтъ уже давно разогналъ сумерки въ комнатѣ.

Онъ не нашелъ никого. Онъ бѣгалъ уже цѣлый часъ. Всѣ доктора, адресы которыхъ узнавалъ онъ у дворниковъ, навѣдываясь, не живетъ-ли хоть какой-нибудь докторъ въ домѣ, уже уѣхали, кто по службѣ, кто по своимъ дѣламъ. Былъ одинъ, который принималъ пациентовъ. Онъ долго и подробно разспрашивалъ слугу, доложившаго, что пришелъ Нефедевичъ: отъ кого, кто и какъ, по какой надобности и какъ даже будетъ примѣтами ранній посѣтитель! — и заключилъ тѣмъ, что нельзя, дѣла много иѣхать не можетъ, а что такого рода больныхъ нужно въ больницу везти.

Тогда убитый, потрясенный Аркадій, никакъ не ожидавшій подобной развязки, бросилъ все, всѣхъ докторовъ на свѣтѣ, и пустился домой, въ послѣдней степени испуга за Васю. Онъ вѣжалъ въ квартиру. Мавра, какъ ни въ чемъ не бывало, мела полъ, ломала лучинки и готовилась печь топить. Онъ въ комнату, — Васи и слѣдѣ простылъ, онъ ушелъ со двора.

„Куда? Гдѣ? Куда побѣжитъ несчастный?“ подумалъ Аркадій, леденѣя отъ ужаса. Онъ началъ допрашивать Мавру. Та ничего не знала, не вѣдала, да и не слыхала, какъ вышелъ, прости его Господи! Нефедевичъ бросился къ коломенскимъ.

Ему, Богъ знаетъ отчего, пришло на мысль, что онъ тамъ.

Былъ уже десятый часъ, какъ онъ прїѣхалъ туда. Тамъ его не ждали, ничего не знали, не вѣдали. Онъ стоялъ передъ ними испуганный, растроганный и спрашивалъ, гдѣ Вася? У старухи подломились ноги; она рухнулась на диванъ. Лизанька, вся дрожа отъ испуга, начала разспрашивать о случившемся. Что было говорить? Аркадій Ивановичъ отдѣлался на-скоро, выдумалъ какуюто басню, которой, разумѣется, не повѣрили, и уѣжалъ, оставивъ всѣхъ потрясеннымъ, измученнымъ. Отъ бросился въ свое вѣдомство, чтобы, по крайней мѣрѣ, не опоздать, и далъ знать туда, чтобы поскорѣе приняли мѣры. Дорогою ему вздумалось, что Вася у Юліана Мастаковича. Это было вѣрище всего: Аркадій прежде всего, прежде коломенскихъ, подумалъ объ этомъ. Пробѣзжая мимо дома его превосходительства, онъ хотѣлъ остановиться, но тотчасъ же велѣлъ продолжать путь далѣе. Онъ рѣшился

попытаться узнать: нѣтъ-ли чего въ вѣдомствѣ, и потомъ, какъ ужъ тамъ не найдеть, явиться къ его превосходительству, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ рапортующаго обѣ Васѣ. Кому-нибудь нужно же было рапортовать.

Еще въ приемной окружили его товарищи помоложе, все большею частію ему равные чиномъ, и въ одинъ голосъ стали разспрашивать, что сдѣлалось съ Васей? Всѣ они въ то же время говорили, что Вася съ ума сошелъ и помѣшался на томъ, что его въ солдаты хотять отдать за неисправное исполненіе дѣла. Аркадій Ивановичъ отвѣчалъ на всѣ стороны, или, лучше сказать, не отвѣчая положительно никому, стремился во внутренніе покой. На дорогѣ узналъ онъ, что Вася въ кабинетѣ Юліана Мастаковича, что туда всѣ пошли, и что Эсперь Ивановичъ тоже туда пошелъ. Онъ было пріостановился. Кто-то изъ старшихъ спросилъ его, куда онъ и что ему надо? Не отличивъ лица, онъ проговорилъ что-то обѣ Васѣ и пошелъ прямо въ кабинетъ. Оттуда уже слышался голосъ Юліана Мастаковича. „Куда вы?“ спросилъ его кто-то у самыхъ дверей. Аркадій Ивановичъ почти потерялся; онъ уже хотѣль было воротиться, но изъ-за пріотворенной двери увидѣлъ своего бѣднаго Васю. Онъ отворилъ и прѣтѣсnilся кое-какъ въ комнату. Тамъ царствовала суматоха и недоумѣніе, затѣмъ, что Юліанъ Мастаковиچъ былъ, повидимому, въ сильномъ огорченіи. Около него стояли всѣ, кто поважнѣе, толковали и не рѣшили ровно ничего. Поодаль стоялъ Вася. Все замерло въ груди Аркадія, когда онъ взглянулъ на него. Вася стоялъ блѣдный, съ поднятой головой, вытянувшись въ нитку, какъ рекрутъ передъ новымъ начальствомъ, сплотивъ ноги и опустивъ руки по швамъ. Онъ глядѣлъ прямо въ глаза Юліану Мастаковичу. Тотчасъ замѣтили Нефедевича, и кто-то, знаяшій, что они сожители, доложилъ о томъ его превосходительству. Аркадія подвели. Онъ хотѣль что-то отвѣтить на предложенные вопросы, взглянуулъ на Юліана Мастаковича и, видя, что на лицѣ его изобразилась истинная жалость, затрясся и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ даже сдѣлалъ болѣе: бросился, схватилъ руку начальника и поднесъ къ глазамъ своимъ, омывая ее слезами, такъ что даже самъ Юліанъ Мастаковиچъ принужденъ былъ отнять ее на-скоро, махнуть ею по воздуху и сказать: „ну, полно, братъ, полно; вижу, что у тебя доброе сердце“. Аркадій рыдалъ и бросалъ на всѣхъ умоляю-

щие взгляды. Ему казалось, что вся братья его бѣдному Васѣ, что вся они тоже терзаются и плачутъ объ немъ. „Какъ же это, какъ же это съ нимъ сдѣлалось?“ говорилъ Юліанъ Мастаковичъ, — „отчего же онъ съ ума сошелъ?“

— Отъ bla-bлаго-dарности! могъ только выговорить Аркадій Ивановичъ.

Всѣ выслушали отвѣтъ его въ недоумѣніи, и всѣмъ показалось страннымъ и невѣроятнымъ: какъ же это такъ можетъ изъ благодарности сойти съ ума человѣкъ? Аркадій объяснился, какъ умѣлъ.

— Боже, какъ жаль! проговорилъ, наконецъ, Юліанъ Мастаковичъ, — и дѣло-то, порученное ему, было неважное и вовсе не спѣшное. Такъ-таки, ни изъ-за чего погибъ человѣкъ! Что-жъ, отвезти его!.. Тутъ Юліанъ Мастаковичъ обратился снова къ Аркадію Ивановичу и снова началъ его разспрашивать: „онъ просить“, сказалъ онъ, указавъ на Васю, — „чтобъ не говорили объ этомъ какой-то дѣвушкѣ; что она — невѣста что-ли его?“

Аркадій сталъ объяснять. Между тѣмъ Вася какъ будто думалъ о чёмъ-то, какъ будто съ величайшимъ напряженіемъ припоминалъ одну важную, нужную вещь, которая вотъ именно теперь бы и пригодилась. Порой онъ страдальчески поводилъ глазами, какъ будто надѣялся, что кто-нибудь напомнитъ ему про то, чтѣ забылъ онъ. Онъ устремился глазами на Аркадія. Наконецъ, вдругъ, какъ будто надежда блеснула въ глазахъ его, онъ двинулся съ мѣста съ лѣвой ноги, ступилъ три шага какъ только могъ ловче и даже пристукнулъ правымъ сапогомъ, какъ дѣлаютъ солдаты, подойдя къ подозвавшему ихъ офицеру. Всѣ ожидали, что будетъ.

— Я съ тѣлеснымъ недостаткомъ, ваше превосходительство, слабосиленъ и малъ, не гожусь на службу, сказалъ онъ отрывисто.

Тутъ вся, кто ни были въ комнатѣ, вся почувствовали, какъ будто кто-нибудь сжалъ имъ сердце, и даже, какъ ни твердъ былъ характеромъ Юліанъ Мастаковичъ, но слеза потекла изъ глазъ его. „Уведите его“, сказалъ онъ, махнувъ рукою.

— Лобъ! сказалъ Вася вполногоса, повернулся нальво кругомъ и вышелъ изъ комнаты. За нимъ бросились вся, кого интересовала его участъ. Аркадій тѣснился за прочими. Васю усадили въ прѣмной въ ожиданіи пред-

писанія и кареты, чтобы отвезти его въ больницу. Онъ сидѣлъ молча и былъ, казалось, въ чрезвычайной заботѣ. Кого узнавалъ, тому кивалъ головою, какъ будто прощаешься съ нимъ. Онъ поминутно оглядывался на дверь и готовился, когда скажутъ: „пора“. Кругомъ его столпился тѣсный кружокъ; всѣ покачивали головами, всѣ сътевали. Многихъ поразила его исторія, которая уже вдругъ сдѣлалась извѣстною; одни разсуждали, другіе жалѣли и хвалили Васю, говорили, что былъ такой скромный, тихій молодой человѣкъ, что обѣщалъ такъ много; рассказывали, какъ онъ старался учиться, былъ любознательенъ, стремился образовать себя. „Собственными силами вышелъ изъ низкаго состоянія!“ замѣтилъ кто-то. Съ умиленiemъ говорили о привязанности къ нему его превосходительства. Нѣкоторые пустились объяснять, почему именно пришло въ голову Васѣ, и онъ на томъ помѣшался, что его отадутъ въ солдаты за то, что не кончилъ работы. Говорили, что бѣднякъ недавно изъ податного званія, и только по ходатайству Юліана Мастаковича, умѣвшаго отличить въ немъ талантъ, послушаніе и рѣдкую кротость, получилъ первый чинъ. Однимъ словомъ, очень много было разныхъ толковъ и мнѣній. Въ особенности, изъ потрясенныхъ, замѣтенъ былъ одинъ, очень маленькой ростомъ, сослуживецъ Васи Шумкова. И не то, чтобы такъ былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, а примѣрно лѣтъ уже тридцати. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и какъ-то странно улыбался, можетъ-быть, потому, что всякое скандальное дѣльдо или ужасная сценка и пугаетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то нѣсколько радуетъ посторонняго зрителя. Онъ поминутно обѣгалъ весь кружокъ, обступившій Шумкова, и такъ какъ былъ малъ, становился на цыпочки, хваталъ за пуговицу встրѣчнаго и попоперечнаго, т. е. изъ тѣхъ, кого имѣлъ право хватать, и все говорилъ, что онъ знаетъ, отчего это все, что это не то, чтобы простое, а довольно важное дѣло, что такъ оставить нельзя; потомъ опять становился на цыпочки, напшептывалъ на ухо слушателю, опять кивалъ раза два головою и снова перебѣгалъ далѣе. Наконецъ, кончилось все: явился сторожъ, фельдшеръ изъ больницы, подошли къ Васѣ и сказали ему, что пораѣхать. Онъ вскочилъ, засуетился и пошелъ съ ними, оглядываясь кругомъ. Онъ искалъ кого-то глазами! „Вася, Вася!“ закричалъ, рыдая, Аркадій Ивановичъ. Вася остановился, и Аркадій таки

протянулся къ нему. Они бросились въ послѣдній разъ другъ другу въ объятія и тяжело сжали другъ друга... Грустно было ихъ видѣть. Какое химерическое несчастіе вырывало слезы изъ глазъ ихъ! Объ чёмъ они плакали? Гдѣ эта бѣда? Зачѣмъ они не понимали другъ друга?

— На, на, возьми! Сбереги это, говорилъ Шумковъ, всовывая какую-то бумажку въ руку Аркадія.—Они у меня унесутъ. Принеси мнѣ потомъ; принеси; сбереги... Вася не договорилъ, его кликнули. Онъ поспѣшилъ сбѣжалъ съ лѣстницы, кивая всѣмъ головой, прощаюсь со всѣми. Отчаяніе было на лицѣ его. Наконецъ, усадили его въ карету и повезли. Аркадій поспѣшилъ развернуть бумажку: это былъ локонъ черныхъ волосъ Лизы, съ которыми не разставался Шумковъ. Горячія слезы брызнули изъ глазъ Аркадія: „Ахъ, бѣдная Лиза!”

По окончаніи служебнаго времени, онъ пошелъ къ коломенскимъ. Нечего говорить, что тамъ было! Даже Петя, малютка Петя, не совсѣмъ понявший, что сдѣлалось съ добрымъ Васей, зашелъ въ уголъ, закрылся ручонками и зарыдалъ во сколько стало его дѣтскаго сердца. Были уже полныя сумерки, когда Аркадій возвращался домой. Подойдя къ Невѣ, онъ остановился на минуту и бросилъ пронзительный взглядъ вдоль рѣки въ дымную, морозно-мутную даль, вдругъ заалѣвшую послѣднимъ пурпуромъ кровавой зари, догоравшей въ мглиномъ небосклонѣ. Ночь ложилась надъ городомъ, и вся необъятная, вспухшая отъ замерзшаго снѣга поляна Невы, съ послѣднимъ отблескомъ солнца, осыпалась безконечными мириадами искръ иглица-стаго инею. Становился морозъ въ двадцать градусовъ. Мерзлый паръ валилъ съ загнанныхъ на смерть лошадей, съ бѣгущихъ людей. Сжатый воздухъ дрожалъ отъ малѣйшаго звука и, словно великаны, со всѣхъ кровель обѣихъ набережныхъ подымались и неслись вверхъ по холодному небу столпы дыма, сплетаясь и расплетаясь въ дорогѣ, такъ что, казалось, новые зданія вставали надъ старыми, новый городъ складывался въ воздухѣ... Казалось, наконецъ, что весь этотъ міръ, со всѣми жильцами его, сильными и слабыми, со всѣми жилищами ихъ, пріютами нищихъ или раззолоченными палатами—отрадой сильныхъ міра сего, въ этотъ сумеречный часъ походить на фантастическую, волшебную грѣзу, на сонъ, который въ свою очередь тотчасъ исчезнеть и искурится паромъ къ темносинему небу. Какая-то странная дума посѣтила осиротѣ-

лаго товарища бѣднаго Васи. Онъ вздрогнулъ, и сердце его какъ будто облилось въ это мгновеніе горячимъ ключомъ крови, вдругъ вскипѣвшей отъ прилива какого-то могучаго, но досель незнакомаго ему ощущенія. Онъ какъ будто только теперь понялъ всю эту тревогу и узналъ, отчего сошелъ съ ума его бѣдный, не вынесшій своего счастія Вася. Губы его задрожали, глаза вспыхнули, онъ поблѣднѣлъ и какъ будто прозрѣлъ во что-то новое въ эту минуту...

Онъ сдѣлался скученъ и угрюмъ и потерялъ всю свою веселость. Прежняя квартира стала ему ненавистна—онъ взялъ другую. Къ коломенскимъ идти онъ не хотѣлъ, да и не могъ. Черезъ два года онъ встрѣтилъ Лизаньку въ церкви. Она была уже замужемъ; за нею шла мамка съ груднымъ ребенкомъ. Они поздоровались и долгое время избѣгали разговора о старомъ. Лиза сказала, что она, слава Богу, счастлива, что она не бѣдна, что мужъ ея добрый человѣкъ, котораго она любить... Но вдругъ, среди рѣчи, глаза ея наполнились слезами, голова упала, она отвернулась и склонилась на церковный помостъ, чтобы скрыть отъ людей свое горе...

ЧУЖАЯ ЖЕНА

и

МУЖЪ ПОДЪ КРОВАТЬЮ. *)

ПРОИСШЕСТВИЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ

I.

— Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, позвольте вѣстъ спросить...

Прохожій вздрогнулъ и нѣсколько въ испугѣ взглянулъ на господина въ енотахъ, приступившаго къ нему такъ, безъ обиняковъ, въ восьмомъ часу вечера, среди улицы. А ужъ извѣстно, что если одинъ петербургскій господинъ вдругъ заговоритъ на улицѣ о чемъ-нибудь съ другимъ, совершенно незнакомымъ ему господиномъ, то другой господинъ непремѣнно испугается.

Итакъ, прохожій вздрогнулъ и нѣсколько испугался.

— Извините, что я вѣстъ потревожилъ, говорилъ господинъ въ енотахъ,—но я... я, право, не знаю... вы, вѣроятно, извините меня; вы видите, я въ нѣкоторомъ разстройствѣ духа...

Тутъ только замѣтилъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, что господинъ въ енотахъ былъ точно въ разстройствѣ. Его сморщенное лицо было довольно блѣдненько, голось его дрожалъ, мысли, очевидно, сбивались, слова не лѣзли

*) Рассказъ „Чужая жена“ былъ помещенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г., т. 56, рассказъ „Ревнивый мужъ“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ того же года, т. 61, Затѣмъ для полнаго собранія сочиненій О. М. Достоевскаго, изд. Ф. Стѣлловскаго 1865 г., оба эти рассказа были соединены авторомъ вмѣстѣ подъ названіемъ: „Чужая жена и мужъ подъ кроватью“.

сь языка, и видно было, что ему ужаснаго труда стоило согласить покорнейшую просьбу, можетъ-быть, къ своему низшему въ отношеніи степени или сословія лицу, съ нуждою непремѣнно обратиться къ кому-нибудь съ просьбой. Да и, наконецъ, просьба эта во всякомъ случаѣ была не-приличная, несолидная, странная со стороны человѣка, имѣвшаго такую солидную шубу, такой почтенный, пре-восходнаго темнозеленаго цвѣта фракъ и такія многозна-менательныя украшенія, успестрившія этотъ фракъ. Видно было, что все это смущало самого господина въ енотахъ, такъ что, наконецъ, разстроенный духомъ господинъ не выдержалъ, рѣшился подавить свое волненіе и прилично замять непріятную сцену, которую самъ же вызвалъ.

— Извините меня, я не въ себѣ: но вы, правда, меня не знаете... Извините, что обезпокоилъ васъ; я разду-маль.

Тутъ онъ приподнялъ изъ учтивости шляпу и побѣжалъ далѣе.

— Но позвольте, сдѣлайте милость.

Маленький человѣкъ, однако, скрылся во мракѣ, оставивъ въ остолбенѣломъ состояніи господина въ бекешѣ.

„Что за чудакъ!“ подумалъ господинъ въ бекешѣ. По-томъ, какъ слѣдуетъ, подивившись и вышедъ, наконецъ, изъ остолбенѣлого состоянія, онъ вспомнилъ про свое и началъ прохаживаться взадъ и впередъ, пристально глядя на ворота одного безконечно-этажнаго дома. Начиналъ падать туманъ, и молодой человѣкъ нѣсколько обрадо-вался, ибо прогулка его при туманѣ была незамѣтнѣе, хотя, впрочемъ, только какой-нибудь безнадежно весь день простоявшій извозчикъ могъ замѣтить ее.

— Извините!

Прохожій опять вздрогнулъ, опять тотъ же господинъ въ енотахъ стоялъ передъ нимъ.

— Извините, что я опять... заговорилъ онъ, — но вы, вы—вѣрно благородный человѣкъ! Не обращайте на меня вниманія, какъ на лицо, взятое въ общественномъ смыслѣ; я, впрочемъ, сбиваюсь; но вникните, по-человѣчески... передъ вами, сударь, человѣкъ, нуждающійся въ покор-нейшей просьбѣ...

— Если могу... что вамъ угодно?

— Вы, можетъ, подумали, что ужъ я у васъ денегъ прошу! сказалъ таинственный господинъ, кривя ротъ, исте-рически смеясь и блѣднѣя.

— Помилуйте-сь.

— Нѣтъ, я вижу, что я вамъ въ тягость! Извините, я не могу переносить себя; считайте, что вы видите меня въ разстроенному состояніи духа, почти въ сумасшествії и не заключите чего-нибудь...

— Но къ дѣлу, къ дѣлу! отвѣчалъ молодой человѣкъ, ободрительно и нетерпѣливо кивнувъ головой.

— А! теперь вотъ какъ! Вы, такой молодой человѣкъ, мнѣ напоминаете о дѣлѣ, какъ будто я какой нерадивый мальчишка! Я рѣшительно выжилъ изъ ума!.. Какъ я вамъ кажусь теперь въ моемъ унженіи, скажите откровенно?

Молодой человѣкъ сконфузился и смолчалъ.

— Позвольте васъ спросить откровенно: не видали-ль вы одной дамы? Въ этомъ вся просьба моя! рѣшительно проговорилъ, наконецъ, господинъ въ енотовой шубѣ.

— Дамы?

— Да-съ, одной дамы.

— Я видѣлъ... но ихъ, признаюсь, такъ прошло много...

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ таинственный человѣкъ съ горькой улыбкой. — Я сбиваюсь, я не то хотѣлъ спросить, извините меня; я хотѣлъ сказать, не видали-ль вы одной госпожи въ лисьемъ салопѣ, въ темномъ бархатномъ капорѣ съ черною вуалью?

— Нѣтъ, такой не видалъ... нѣтъ, кажется, не замѣтилъ.

— А! въ такомъ случаѣ, извините-сь!

Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то спросить, но господинъ въ енотахъ опять исчезъ, опять оставилъ въ остояніи своего терпѣливаго слушателя. „А чортъ бы его взялъ!“ подумалъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, очевидно, разстроенный.

Онъ съ досадою закрылся бобромъ и опять сталъ прохаживаться, соблюдая предосторожности, мимо воротъ безконечно-этажнаго дома. Онъ злился.

„Что-жъ она не выходитъ? думалъ онъ, — скоро восемь часовъ!“

На башнѣ пробило восемь часовъ.

— Ахъ! Чортъ васъ возьми, наконецъ!

— Извините-сь!..

— Извините меня, что я васъ такъ... Но вы такъ подкатились мнѣ подъ ноги, что испугали совсѣмъ, проговорилъ прохожій, морщась и извиняясь.

— Я опять къ вамъ-съ. Конечно, я вамъ долженъ ка-
заться беспокойнымъ и страннымъ-съ.

— Сдѣлайте одолженіе, безъ пустяковъ, объяснитесь
скорѣе; я еще не знаю, въ чемъ ваше желанье?..

— Вы торопитесь? Видите-ли-съ. Я вамъ все расскажу
откровенно, безъ лишнихъ словъ. Что-жъ дѣлать! Обстоя-
тельства связываютъ иногда людей совершенно разнород-
ныхъ характеровъ... Но я вижу, вы нетерпѣливы, моло-
дой человѣкъ... Такъ вотъ-съ... впрочемъ, я не знаю, какъ
и говорить: я ищу даму-съ (я ужъ рѣшился все говорить).
Я именно долженъ знать, куда пошла эта дама? Кто она—я
думаю, вамъ не нужно знать ея имени, молодой человѣкъ.

— Ну-съ, ну-съ, дальше.

— Дальше! Но вашъ тонъ со мной! Извините, можетъ-
быть, я васъ оскорбилъ, называвъ васъ молодымъ человѣ-
комъ, но я не имѣлъ ничего... однимъ словомъ, если вамъ
угодно оказать мнѣ величайшую услугу, такъ вотъ-съ,
одна дама-съ, то-есть, я хочу сказать, порядочная жен-
щина, изъ превосходнаго семейства, моихъ знакомыхъ...
мнѣ поручено... я, видите-ли, самъ не имѣю семейства...

— Ну-съ?

— Вникните въ мое положеніе, молодой человѣкъ (ахъ,
опять! извините-съ; я все называю васъ молодымъ человѣ-
комъ). Каждая минута дорога... Представьте себѣ, эта
дама... но не можете-ли вы мнѣ сказать, кто живетъ въ
этомъ домѣ?

— Да... тутъ много живутъ.

— Да, то-есть вы совершенно справедливы, отвѣчалъ
господинъ въ енотахъ, слегка засмѣявшись для спасенія
приличій, — чувствую, я немного сбиваюсь... но къ чому
такой тонъ вашихъ словъ? Вы видите, что я чистосер-
дечно сознаюсь въ томъ, что сбиваюсь, и если вы надмен-
ный человѣкъ, то ужъ вы достаточно видѣли мое уни-
женіе... Я говорю, одна дама благороднаго поведенія, то-
есть легкаго содержанія, — извините, я такъ сбиваюсь,
точно про литературу какую говорю; вотъ—выдумали, что
Поль-де-Кокъ легкаго содержанія, а вся бѣда отъ Поль-
де-Кока-то-съ... вотъ...

Молодой человѣкъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на го-
сподина въ енотахъ, который, казалось, окончательно сбился,
замолчалъ, глядѣлъ на него безсмысленно улыбаясь и дро-
жащею рукою, безъ всякой видимой причины, хваталь-
его за лацканъ бекени.

— Вы спрашиваете, кто здѣсь живеть? спросилъ молодой человѣкъ, нѣсколько отступая назадъ.

— Да, многіе живутъ, вы сказали.

— Здѣсь... я знаю, что здѣсь Софья Остафьевна тоже живеть, проговорилъ молодой человѣкъ шопотомъ и даже съ какимъ-то соболѣзвованіемъ.

— Ну, вотъ видите, видите! Вы что-нибудь знаете, молодой человѣкъ?

— Увѣряю васъ, нѣть, ничего не знаю... Я судилъ по разстроенному вашему виду.

— Я тотчасъ узналъ отъ кухарки, что она сюда ходить; но вы не на то напали, то-есть не къ Софѣ Остафьевнѣ... она съ ней незнакома...

— Нѣть? Ну, извините-съ...

— Видно, что вамъ это все неинтересно, молодой человѣкъ, проговорилъ странный господинъ съ горькой ironией.

— Послушайте, сказалъ молодой человѣкъ, запинаясь,— я въ сущности не знаю причины вашего состоянія, но вамъ вѣрно измѣнили, вы скажите прямо?

Молодой человѣкъ одобрительно улыбнулся.

— Мы, по крайней мѣрѣ, поймемъ другъ друга, прибавилъ онъ, и все тѣло его великодушно обнаружило желаніе сдѣлать легкій полупоклонъ.

— Вы убили меня! Но—откровенно признаюсь вамъ—именно такъ... но съ кѣмъ не случается!.. До глубины тронутъ вашимъ участіемъ. Согласитесь, между молодыми людьми... Я хоть не молодъ, но, знаете, привычка, холостая жизнь, между холостежью, извѣстно...

— Ну, ужъ извѣстно, извѣстно! Но чѣмъ же я могу вамъ помочь?

— А вотъ-съ; согласитесь, что посѣщать Софию Остафьевну... Впрочемъ, я еще не знаю навѣрно, куда пошла эта дама; я знаю только, что она въ этомъ домѣ; но, видя васъ прогуливающимся,—а я самъ прогуливался по той сторонѣ,—думаю... я вотъ, видите-ли, жду эту даму... я знаю, что она тутъ—мнѣ бы хотѣлось встрѣтить ее и объяснить, какъ неприлично и гнусно... однимъ словомъ, вы меня понимаете...

— Гм! Ну?

— Я и не для себя это дѣлаю; вы не подумайте—это чужая жена! Мужъ тамъ стоитъ, на Вознесенскомъ мосту; онъ хочетъ поймать, но онъ не рѣшается,—онъ еще не

върить, какъ и всякий мужъ... (тутъ господинъ въ енотахъ хотѣлъ улыбнуться), я—другъ его; согласитесь сами, я человѣкъ, пользующійся нѣкоторымъ уваженiemъ,—я не могу быть тѣмъ, за кого вы меня принимаете.

— Конечно-съ; ну-съ, ну-съ!

— Такъ вотъ, я все ее ловлю, мнѣ поручено-съ (нечастный мужъ!); но я знаю, что хитрая молодая дама (вѣчно Поль-де-Кокъ подъ подушкой); я увѣренъ, что она прошмыгнетъ какъ-нибудь незамѣтно... Мнѣ, признаюсь, кухарка сказала, что она ходитъ сюда; я какъ сумасшедшій бросился, только что извѣстіе получилъ; я хочу поймать; я давно подозрѣвалъ, и потому хотѣлъ просить васъ, вы здѣсь ходите... вы—вы—я не знаю...

— Ну, да, наконецъ, что-жъ вамъ угодно?

— Да-съ... Не имѣю чести знать васъ; не смѣю любопытствовать, кто и какъ... Во всякомъ случаѣ, позвольте познакомиться; пріятный случай!..

Дрожащій господинъ жарко потрясъ руку молодого человѣка.

— Это бы я долженъ былъ сдѣлать въ самомъ началѣ, прибавилъ онъ,—но я забылъ все приличіе!

Говоря, господинъ въ енотахъ не могъ постоять на мѣстѣ, съ беспокойствомъ оглядывался по сторонамъ, сѣменилъ ногами, и поминутно, какъ погибающій, хватался рукою за молодого человѣка

— Видите-ли-съ, продолжалъ онъ, — я хотѣлъ обратиться къ вамъ по-дружески... извините за вольность... хотѣлъ испросить у васъ, чтобы вы ходили по той сторонѣ и со стороны переулка, гдѣ черный выходъ, этакъ, по-коемъ, описывая букву П, то-есть. Я тоже, съ своей стороны, буду ходить съ главнаго подъѣзда, такъ что мы не пропустимъ; а я все боялся одинъ пропустить; я не хочу пропустить. Вы, какъ увидите ее, то остановите и закричите мнѣ... Но я сумасшедшій! Только теперь вижу всю глупость и неприличіе моего предложенія!

— Нѣтъ, что-жъ! Помилуйте!..

— Не извиняйте меня; я въ разстройствѣ духа, я теряюсь, какъ никогда не терялся! Точно меня подъ судъ отдали! Я даже признаюсь вамъ—я буду благороденъ и откровененъ съ вами, молодой человѣкъ; я даже вѣсѣлъ за любовника!

— То-есть, по-просту, вы хотите знать, что я здѣсь дѣлаю?

— Благородный человѣкъ, милостивый государь, я да-

лекъ отъ мысли, что вы онъ; я не замараю васъ этою мыслю, но... но даете-ли вы мнѣ честное слово, что вы не любовникъ?..

— Ну, хорошо, извольте честное слово, что любовникъ, но не вашей жены; иначе бы я не былъ на улицѣ, а былъ бы теперь вмѣстѣ съ нею!

— Жены? Кто вамъ сказалъ жены, молодой человѣкъ? Я холостой, я, то-есть, самъ любовникъ...

— Вы говорили, есть мужъ... на Вознесенскомъ мосту...

— Конечно, конечно, я заговариваюсь; но есть другія узы! И согласитесь, молодой человѣкъ, нѣкоторая легкость характеровъ, то-есть...

— Ну, ну! Хорошо, хорошо!..

— То-есть, я вовсе не мужъ...

— Очень вѣрно-съ. Но, откровенно говорю вамъ, что, разувѣряя васъ теперь, хочу самъ себя успокоить, и оттого, собственно, съ вами и откровененъ; вы меня разстроили и мѣшаете мнѣ. Обѣщаю вамъ, что кликну васъ. Но прошу васъ покорнѣйше дать мнѣ мѣсто и удалиться. Я самъ тоже жду.

— Извольте, извольте-съ, я удаллюсь, я уважаю страстное нетерпѣніе вашего сердца. Я понимаю это, молодой человѣкъ. О, какъ васъ я теперь понимаю!

— Хорошо, хорошо...

— До свиданія!.. Впрочемъ, извините, молодой человѣкъ, я опять къ вамъ... Я не знаю, какъ сказать... Дайте мнѣ еще разъ честное и благородное слово, что вы не любовникъ!

— Ахъ, Господи Богъ мой!

— Еще вопросъ, послѣдній: вы знаете фамилію мужа вашей... то-есть той, которая составляетъ вашъ предметъ?

— Разумѣется, знаю; не ваша фамилія и кончено дѣло!

— А почему-жъ вы знаете мою фамилію?

— Да послушайте, ступайте; вы теряете время: она уйдетъ тысячу разъ... Ну, что же вы? Ну, ваша въ лисьемъ салопѣ и въ капорѣ, а моя въ клѣтчатомъ плащѣ и въ голубой бархатной шляпкѣ... Ну, что-жъ вамъ еще? Чего-жъ больше?

— Въ голубой бархатной шляпкѣ! У ней есть и клѣтчатый плащѣ, и голубая шляпка, закричалъ неотвязчивый человѣкъ, мигомъ возвратившись съ дороги.

— Ахъ, чортъ возьми! Ну, да вѣдь это можетъ случиться... Да, впрочемъ, что-жъ я? Моя же туда неходить!

- А гдѣ она—ваша?
- Вамъ это хочется знать; что-жъ вамъ?
- Признаюсь, я все про то...
- Фу, Богъ мой! Да вы безъ стыда безъ всякаго. Ну, у моей здѣсь знакомые, въ третьемъ этажѣ, на улицу. Ну, что-жъ вамъ, по именамъ людей называть, что-ли?
- Богъ мой! И у меня есть знакомые въ третьемъ этажѣ, и окна на улицу... Генераль...
- Генераль?
- Генераль. Я вамъ, пожалуй, скажу, какой генераль: ну, генераль Половицынъ.
- Вотъ тебѣ на! Нѣтъ, это не тѣ! (Ахъ, чортъ возьми! чортъ возьми!).
- Не тѣ?
- Не тѣ.
- Оба молчали и въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга.
- Ну, что-жъ вы такъ смотрите на меня? воскликнулъ молодой человѣкъ, съ досадою отряхивая съ себя столбнякъ и раздумье.
- Господинъ заметался.
- Я, я, признаюсь...
- Нѣтъ, ужъ позвольте, позвольте, теперь будемте говорить умнѣе. Общее дѣло. Объясните мнѣ... Кто у васъ тамъ?..
- То-есть, знакомые?
- Да, знакомые...
- Вотъ видите, видите! Я по глазамъ вашимъ вижу, что я угадалъ!
- Чортъ возьми! Да нѣтъ же, нѣтъ, чортъ возьми! Слѣпы вы, что-ли? Вѣдь я передъ вами стою, вѣдь я не съ ней нахожусь. Ну! ну же! Да, впрочемъ, мнѣ все равно; хоть говорите, хоть нѣть!
- Молодой человѣкъ въ бѣшенствѣ повернулся два раза на каблукѣ и махнулъ рукой.
- Да я ничего, помилуйте, какъ благородный человѣкъ, я вамъ все расскажу: сначала жена сюда ходила одна. Она имѣ родна; я и не подозрѣвалъ; вчера встрѣчаю его превосходительство: говорить, что ужъ три недѣли, какъ перѣхалъ отсюда на другую квартиру, а же... то-есть не жена, а чужая жена (на Вознесенскомъ мосту), эта дама говорила, что еще третьяго дня была у нихъ, то-есть на этой квартирѣ... А кухарка-то мнѣ раз-

сказала, что квартиру его превосходительства снялъ молодой человѣкъ Бобыницынъ...

— Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми!..
— Милостивый государь, я въ страхѣ, я въ ужасѣ!
— Э, чортъ возьми! Да мнѣ-то какое дѣло до того, что вы въ страхѣ и въ ужасѣ? Ахъ! Вонъ-вонъ мелькнуло, вонъ...

— Гдѣ? гдѣ? Вы только крикните: Иванъ Андреичъ, а я побѣгу...

— Хорошо, хорошо. Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми! Иванъ Андреичъ!!

— Здѣсь, закричалъ воротившійся Иванъ Андреичъ, совсѣмъ задыхаясь.—Ну, чтѣ? Чтѣ? Гдѣ?

— Нѣть, я только такъ... я хотѣлъ знать, какъ зовутъ эту даму?

— Глаф...
— Глафира?

— Нѣть, не совсѣмъ Глафира... извините, я вами не могу сказать ея имѧ.

Говоря это, почтенный человѣкъ былъ блѣденъ какъ платокъ.

— Да, конечно, не Глафира, я самъ знаю, что не Глафира, и та не Глафира; а, впрочемъ, съ кѣмъ же она?

— Гдѣ?
— Тамъ! Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми! (Молодой человѣкъ не могъ устоять на мѣстѣ отъ бѣшенства).

— А, видите! Почему же вы знали, что ее зовутъ Глафирай?

— Ну, чортъ возьми, наконецъ! Еще съ вами возня! Да вѣдь вы говорите—вашу не Глафирай зовутъ!..

— Милостивый государь, какой топъ!

— А, чортъ, не до тону! Что она, жена, что-ли, ваша?

— Нѣть, то-есть, я не женатъ... Но не сталъ бы я сулить почтенному человѣку въ несчастіи, человѣку—не скажу достойному всякагоуваженія, но, по крайней мѣрѣ, воспитанному человѣку, чорта на каждомъ шагу. Вы все говорите: чортъ возьми! чортъ возьми!

— Ну, да, чортъ возьми! Вотъ же вами, понимаете?

— Вы ослѣплены гнѣвомъ, и я молчу. Боже мой, кто это?

— Гдѣ?

Раздался шумъ и хохотъ; двѣ смазливыя дѣвушки вышли съ крыльца; оба бросились къ нимъ.

— Ахъ, какие! Что вы?
— Куда вы суетесь?
— Не тѣ!
— Что, не на тѣхъ напали! Извозчикъ!
— Куда васть, мамзель?
— Къ Покрову; садись, Аннушка, я довезу.
— Ну, а я съ той стороны; пошелъ! Смотри же, шибче вези...

Извозчикъ уѣхалъ.

— Это откуда?
— Боже мой, Боже! Но не пойти-ли туда!
— Куда?
— Да къ Бобыницыну...
— Нѣтъ-съ, нельзя...
— Отчего?
— Я бы, конечно, пошелъ, но тогда она скажетъ другое, она... обернется; я ее знаю! Она скажетъ, что нарочно пришла, чтобъ меня поймать съ кѣмъ-нибудь, да бѣду на меня же и свалить!

— И знать, что, можетъ-быть, тамъ она! Да вы—я не знаю, почему же—ну, да вы подите къ генералу-то...

— Да вѣдь онъ переѣхалъ!

— Все равно, понимаете? Она же вѣдь пошла; ну, и вы тоже—поняли? Сдѣлайте такъ, что какъ будто не знаете, что генералъ переѣхалъ, приходите какъ будто къ нему за женой, ну, и такъ далѣе.

— А потомъ?

— Ну, а потомъ накрываютъ кого слѣдуетъ у Бобыницы. Фу, ты, чортъ, какой безтолк...

— Ну, а вамъ-то что до того, что я накрываю? Видите, видите!

— Что, что, батенька. Что? Опять за то же, что прежде? Ахъ, ты, Господи, Господи! Срамитесь вы, смѣшной человѣкъ, безтолковый вы человѣкъ!

— Ну, да зачѣмъ же вы такъ интересуетесь? Вы хотите узнать...

— Чѣмъ узнатъ? Что? Ну, да, чортъ возьми, не до васть теперъ! Я и одинъ пойду, ступайте, подите прочь, стерегите, бѣгайте тамъ, ну!

— Милостивый государь, вы почти забываетесь! закричалъ господинъ въ енотахъ въ отчаянії.

— Ну, что-жъ? Ну, что-жъ, что я забываюсь? проговорилъ молодой человѣкъ, стиснувъ зубы и въ бѣшенствѣ

приступая къ господину въ енотахъ.—Ну, что-жъ? Передъ кѣмъ забываюсь?! загремѣлъ онъ, сжимая кулаки.

— Но, милостивый государь, позвольте...

— Ну, кто вы, передъ кѣмъ забываюсь; какъ ваша фамилія?

— Я не знаю, какъ это, молодой человѣкъ; зачѣмъ же фамилію?.. Я не могу объявить... Я лучше съ вами пойду. Пойдемте, я не отстану, я на все готовъ... Но, повѣрьте, я заслуживаю болѣе вѣжливыхъ выраженій! Не нужно нигдѣ терять присутствія духа, и если вы чѣмъ разстроены,—я догадываюсь чѣмъ,—то, по крайней мѣрѣ, забываться не нужно... Вы еще очень, очень молодой человѣкъ!..

— Да что мнѣ, что вы старый! Эка невидалъ! Ступайте прочь, чего вы тутъ бѣгаете?..

— Почему-жъ я старый? Какой же я старый? Конечно, по званію, но я не бѣгаю...

— Это и видно. Да убирайтесь же прочь...

— Нѣть, ужъ я съ вами; вы мнѣ не можете запретить; я тоже замѣшанъ; я съ вами...

— Ну, такътише же,тише,молчать!..

Оба они взошли на крыльцо и поднялись на лѣстницу въ третій этажъ; было темнеонъко.

— Стойте! Есть у васъ спички?

— Спички? Какія спички?

— Вы курите сигары?

— А, да! Есть, есть; здѣсь онѣ, здѣсь; вотъ постойте... Господинъ въ енотахъ засуетился.

— Фу, какой безтолковъ... чортъ! Кажется, эта дверь...

— Эта-эта-эта-эта...

— Эта-эта-эта... что вы орете? Тише!..

— Милостивый государь, я, скрѣпля сердце... вы дерзкій человѣкъ, вотъ что!..

Вспыхнулъ огонь.

— Ну, такъ и есть, вотъ мѣдная дощечка? Вотъ Бобыницынъ; видите: Бобыницынъ?..

— Вижу, вижу!

— Ти-ше! Что, потухла?

— Потухла.

— Нужно постучаться?

— Да, нужно! отозвался господинъ въ енотахъ.

— Стучитесь!

— Нѣть, зачѣмъ же я? Вы начните, вы постучите...

- Трусь!
- Сами вы трусь!
- Уб-бир-райтесь же!
- Я почти раскаиваюсь, что повѣрилъ вамъ тайну; вы...
- Я? Ну, что-жъ я?
- Вы воспользовались разстройствомъ моимъ, вы видѣли, что я въ разстроенномъ духѣ...
- А наплевать! Мнѣ смѣшино—вотъ и кончено!
- Зачѣмъ же вы здѣсь?
- А вы-то зачѣмъ?..
- Прекрасная нравственность! замѣтилъ съ негодованіемъ господинъ въ енотахъ.
- Ну, что вы про нравственность? Вы-то чего?
- А вотъ и безнравственно!
- Что?..
- Да, по-вашему, каждый обиженный мужъ есть колпакъ!
- Да вы развѣ мужъ? Вѣдь мужъ-то на Вознесенскомъ мосту? Что-жъ вамъ-то? Чего вы пристали?
- А вотъ мнѣ кажется, что вы-то и есть любовникъ!..
- Послушайте, если вы будете такъ продолжать, то я долженъ буду признаться, что вы-то и есть колпакъ! То-есть знаете кто?
- То-есть вы хотите сказать, что я мужъ! сказалъ господинъ въ енотахъ, какъ будто кипяткомъ обваренный, отступая назадъ.
- Тсс! Молчать! Слышите...
- Это она.
- Нѣть!
- Фу! какъ темно!
- Все затихло; въ квартирѣ Бобыницина послышался шумъ.
- За что намъ ссориться, милостивый государь? прощенталь господинъ въ енотахъ.
- Да вы же, чортъ возьми, сами обидѣлись!
- Но вы меня вывели изъ послѣднихъ границъ.
- Молчите!
- Согласитесь, что вы еще очень молодой человѣкъ...
- Мо-л-чите же!
- Конечно, я согласенъ съ вашей идеей, что мужъ въ такомъ положеніи—колпакъ.
- Да замолчите-ли вы? О!..

— Но къ чему же такое озлобленіе преслѣдованіе несчастнаго мужа?..

— Это она!

Но шумъ въ это время умолкъ.

— Она?

— Она! Она! Да вы-то, вы-то изъ чего хлопочете? Вѣдь не ваша бѣда!

— Милостивый государь, милостивый государь! бормоталь господинъ въ енотахъ, блѣднѣя и всхлипывая,—я, конечно, въ разстройствѣ... вы достаточно видѣли мое униженіе; но теперь ночь, конечно, по завтра... впрочемъ, мы, вѣрно, не встрѣтимся завтра, хотя я и не боюсь встрѣтиться съ вами,—и это, впрочемъ, не я, это мой пріятель, который на Вознесенскомъ мосту; право, онъ! Это его жена, это чужая жена! Несчастный человѣкъ! Увѣряю васъ. Я съ нимъ знакомъ хорошо; позовольте я вамъ все разскажу. Я съ нимъ другъ, какъ вы можете видѣть, ибо не сталъ бы я такъ теперь изъ-за него скрущаться—сами видите, я же нѣсколько разъ ему говорилъ: зачѣмъ ты женишься, милый другъ? Званіе есть у тебя, достатокъ есть у тебя, почтенный ты человѣкъ, что-жъ мѣнять это все на прихоть кокетства! Согласитесь! Нѣтъ, женюсь, говоритъ: семейное счастіе... Вотъ и семейное счастіе! Сначала самъ мужей обманывалъ, а теперь и пить чашу... вы извините меня, по это объясненіе было вынуждено необходимостью!.. Онъ несчастный человѣкъ, и пить чашу — вотъ!.. Тутъ господинъ въ енотахъ такъ всхлипнулъ, какъ будто зарыдалъ не на шутку.

— А чортъ бы взялъ ихъ всѣхъ! Мало-ли дураковъ! Да вы кто такой?

Молодой человѣкъ скрежеталъ зубами отъ бѣшенства.

— Ну, ужъ послѣ этого, согласитесь сами... я былъ съ вами благороденъ и откровененъ... этакой тонъ!

— Нѣтъ, позовольте, вы меня извините... какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилія?

— А!!

— Ниѣ нельзя сказать фамилію...

— Шабрина знаете? быстро сказалъ молодой человѣкъ.

— Шабринъ!!!

— Да, Шабринъ! А!!! (Тутъ господинъ въ бекешѣ нѣ-

сколько поддразнилъ господина въ енотахъ). Поняли дѣло?

— Нѣтъ-съ, какой же Шабринъ! отвѣчалъ оторопѣвшій господинъ въ енотахъ.—Совсѣмъ не Шабринъ; онъ почтенный человѣкъ! Извиняю вашу невѣжливость мученіями ревности.

— Мошенникъ онъ, продажная душа, взяточникъ, плутъ, казну обворовалъ! Его скоро подъ судъ отдадутъ!

— Извините, говорилъ господинъ въ енотахъ, блѣднѣя,— вы его не знаете; совершенно, какъ я вижу, онъ вамъ не извѣстенъ.

— Да, въ лицо-то не знаю, а изъ другихъ очень близкихъ ему источниковъ знаю.

— Милостивый государь, изъ какихъ источниковъ? Я въ разстройствѣ, вы видите...

— Дуракъ! Ревнивецъ! За женой не усмотрить! Вотъ онъ какой, коль пріятно вамъ знать!

— Извините, вы въ ожесточенномъ заблужденіи, молодой человѣкъ...

— Ахъ!

— Ахъ!

Въ квартирѣ Бобыницына послышался шумъ. Стали отворять дверь. Послышались голоса.

— Ахъ, это не она, не она! Я узнаю ея голосъ; я теперь узналъ все, это не она! сказалъ господинъ въ енотахъ, поблѣднѣвъ какъ платокъ.

— Молчатъ!

Молодой человѣкъ прислонился къ стѣнѣ.

— Милостивый государь, я бѣгу: это не она, я очень радъ.

— Ну, ну! Ступайте, ступайте!

— А чего-жъ вы стоите?

— А вы-то чего?

Дверь отворилась, и господинъ въ енотахъ, не выдергавъ, стремглавъ покатился съ лѣстницы.

Мимо молодого человѣка прошли мужчина и женщина, и сердце его замерло... Послышался знакомый женскій голосъ, и потомъ сиплый мужской, но совсѣмъ не знакомый.

— Ничего, я прикажу сани подать, говорилъ сиплый голосъ.

— Ахъ, ну, ну, согласна; ну, прикажите...

— Они тамъ, сейчасъ.

Дама осталась одна.

— Глафира! Гдѣ твои клятвы? вскричалъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, хватая за руку даму.

— Ай, кто это? Это вы, Твороговъ? Боже мой! Что вы дѣлаете?

— Съ кѣмъ вы здѣсь были?

— Но это мой мужъ, уйдите, уйдите, онъ сейчасъ выйдетъ оттуда... отъ Половицыхъ; уйдите, ради Бога, уйдите.

— Половицыны три недѣли какъ перѣхали! Я все знаю!

— Ай! Дама бросилась на крыльцо. Молодой человѣкъ догналъ ее.

— Кто вамъ сказалъ? спросила дама.

— Мужъ вашъ, сударыня, Иванъ Андреичъ; онъ здѣсь, онъ передъ вами, сударыня...

Иванъ Андреичъ дѣйствительно стоялъ у крыльца.

— Ай, это вы? закричалъ господинъ въ енотовой шубѣ.

— А! c'est vous? закричала Глафира Петровна, съ неподдѣльною радостью бросаясь къ нему.—Боже! Что со мной было? Я была у Половицыхъ; можешь себѣ представить... ты знаешь, что они теперь у Измайлова моста; я говорила тебѣ, помнишь? Я взяла сани оттудова. Лошади взбѣсились, понесли, разбили сани, и я упала отсюда во ста шагахъ; кучера взяли; я была внѣ себя. Къ счастію, m-r Твороговъ...

— Какъ?

M-r Твороговъ походилъ болѣе на окаменѣлость, чѣмъ на m-r Творогова.

— M-r Твороговъ увидалъ меня здѣсь и взялся проводить; но теперь вы здѣсь, и я могу вамъ только изъявить мою жаркую благодарность, Иванъ Ильичъ...

Дама подала руку остолбенѣлому Ивану Ильичу и почти ущипнула, а не скжала ее.

— M-r Твороговъ! мой знакомый; на балѣ у Скорлуповыхъ имѣли удовольствіе видѣться; я, кажется, говорила тебѣ? Неужели ты не помнишь, Коко?

— Ахъ, конечно, конечно! Ахъ, помню! заговорилъ господинъ въ енотовой шубѣ, котораго называли Коко.— Очень пріятно, очень пріятно.

И онъ жарко пожалъ руку господину Творогову.

— Это съ кѣмъ? Что же это значитъ? Я жду... раздался сиплый голосъ.

Передъ группой стоялъ господинъ безконечнаго роста; онъ вынулъ лорнетъ и внимательно посмотрѣлъ на господина въ енотовой шубѣ.

— Ахъ, м-г Бобыницынъ! зашебетала дама,—откудова? Вотъ встрѣча! Представьте, меня тотчасъ разбили лошади.. но вотъ мой мужъ! Jean! М-г Бобыницынъ, на балѣ у Карповыхъ...

— Ахъ, очень, очень, очень пріятно!.. Но я сейчасъ возьму карету, мой другъ.

— Возьми, Jean, возьми: я вся въ испугѣ; я дрожу; со мной даже дурно... Сегодня въ маскарадѣ, шепнула она Творогову... Прощайте, прощайте, господинъ Бобыницынъ! Мы вѣрно встрѣтимся завтра на балѣ у Карповыхъ...

— Нѣтъ, извините, я завтра не буду; я ужъ завтра того, коль теперь не такъ... Господинъ Бобыницынъ проворчалъ что-то еще сквозь зубы, шаркнулъ сапожищемъ, сѣлъ въ свои сани и уѣхалъ.

Подѣхала карета: дама сѣла въ нее. Господинъ въ енотовой шубѣ остановился; казалось, онъ не въ силахъ быть сдѣлать движенія и безсмысльно смотрѣлъ на господина въ бекешѣ. Господинъ въ бекешѣ улыбался довольно пеостроумно.

— Я не знаю...

— Извините, очень радъ быть знакомымъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, кланяясь съ любопытствомъ и немногого сробѣвъ...

— Очень, очень радъ...

— У васъ, кажется, свалилась калоша...

— У меня? Ахъ, да! Благодарю, благодарю; хочу все завести резинныя...

— Въ резинныхъ нога какъ будто потѣеть-сь, сказалъ молодой человѣкъ, повидимому, съ безграничнымъ участіемъ.

— Jean! Да скоро-ли ты?

— Именно потѣеть. Сейчасъ, сейчасъ, душенька, вотъ разговоръ интересный! Именно, какъ вы изволили замѣтить, потѣеть нога... Впрочемъ, извините, я...

— Помилуйте-сь.

— Очень, очень, очень радъ познакомиться...

Господинъ въ енотахъ сѣлъ въ карету; карета тронулась; молодой человѣкъ все еще стоялъ на мѣстѣ, въ изумленіи провожая ее глазами.

II.

На другой же вечеръ шло какое-то представление въ итальянской оперѣ. Иванъ Андреевичъ ворвался въ залу какъ бомба. Еще никогда не замѣчали въ немъ такого furore, такой страсти къ музыкѣ. По крайней мѣрѣ, положительно знали, что Иванъ Андреевичъ чрезвычайно любилъ всхрапнуть часокъ-другой въ итальянской оперѣ; даже отзывался нѣсколько разъ, что оно и пріятно, и сладко; „да и примадонна-то тебѣ“, говоривъ онъ друзьямъ,—„мякуетъ, словно бѣленъкая кошечка, колыбельную пѣсенку“. Но онъ это уже давно что-то говоривалъ, еще въ прошлый сезонъ; а теперь, увы! Иванъ Андреевичъ и дома не спитъ по ночамъ. Однакожъ, онъ все-таки ворвался, какъ бомба, въ залу, набитую биткомъ. Даже капельдинеръ вздрогнулъ на него какъ-то подозрительно и тутъ же накосился глазомъ на его боковой карманъ, въ полной надеждѣ увидѣть ручку припрятанную на всякий случай кинжала. Нужно замѣтить, что въ то время проходили двѣ партіи, и каждая стояла за свою примадонну. Одни назывались ***зисты, другие ***нисты. Обѣ партіи до того любили музыку, что капельдинеры, наконецъ, рѣшительно стали опасаться какого-нибудь очень рѣшительного проявленія любви ко всему прекрасному и высокому, совмѣщающему въ двухъ примадоннахъ. Вотъ почему, смотря на такой юношескій порывъ въ залу театра даже сѣдовласаго старца, хотя, впрочемъ, не совсѣмъ сѣдовласаго, а такъ, около пятидесяти лѣтъ, плѣшивенькаго и вообще человѣка съ виду солиднаго свойства, капельдинеръ невольно вспомнилъ высокія слова Гамлета, датскаго припца:

Когда ужъ старость надаетъ такъ странно,
Что-же юность?..“ и т. д.

и, какъ было сказано выше, накосился на боковой карманъ фрака, въ надеждѣ увидѣть кинжалъ. Но тамъ былъ только одинъ бумажникъ, и болѣе ничего.

Влетѣвъ въ театръ, Иванъ Андреевичъ мигомъ облѣтѣлъ взглядомъ всѣ ложи второго яруса, и—о, ужасъ! Сердце его замерло: она была здѣсь! Она сидѣла въ ложѣ! Тутъ былъ и генералъ Половицынъ съ супругою и свояченицею; тутъ былъ и адъютантъ генерала—чрез-

вычайно ловкій молодой человѣкѣ; тутъ былъ еще одинъ статскій... Иванъ Андреевичъ напрягъ все вниманіе, всю остроту зрѣнія, но—о, ужасъ! Статскій человѣкъ предательски спрятался за адъютанта и остался во мракѣ неизвѣстности.

Она была здѣсь, а между тѣмъ сказала, что будетъ вовсе не здѣсь!

Вотъ эта-то двойственность, проявлявшаяся съ нѣкотораго времени на каждомъ шагу Глафиры Петровны, и убивала Ивана Андреевича. Вотъ этотъ-то статскій юноша и повергъ его, наконецъ, въ совершенное отчаяніе. Онъ опустился въ кресла совсѣмъ пораженный. Отчего бы, кажется? Случай очень простой...

Нужно замѣтить, что кресла Ивана Андреевича приходились именно возлѣ бенуара, и вдобавокъ предательская ложа второго яруса приходилась прямо надъ его креслами, такъ что онъ, къ величайшей своей непріятности, рѣшительно не могъ замѣтить, что дѣжалось надъ его головою. Зато онъ злился и горячился какъ самоваръ. Весь первый актъ прошелъ для него незамѣтно, то-есть, онъ не слыхалъ ни одной ноты. Говорять, что музыка тѣмъ и хороша, что можно настроить музыкальныя впечатлѣнія подъ ладъ всякаго ощущенія. Радующійся человѣкъ найдетъ въ звукахъ радость, печальный—печаль; въ ушахъ Ивана Андреевича завывала цѣлая буря. Къ此刻 довершенію досады, сзади, спереди, сбоку кричали такие страшные голоса, что у Ивана Андреевича разрывалось сердце. Наконецъ, актъ кончился. Но въ ту минуту, какъ падалъ занавѣсъ, съ нашимъ героямъ случилось такое приключение, которое никакое перо не опишетъ.

Слuchaется, что иногда съ верхнихъ ярусовъ ложь слѣтаетъ афишка. Когда пьеса скучна и зрители зѣваютъ, для нихъ это цѣлое приключение. Особенно съ участіемъ смотрѣть они на полетъ этой чрезвычайно мягкой бумаги съ самаго верхняго яруса и находятъ пріятность слѣдить за ея путешествіемъ зигзагами до самыхъ креселъ, гдѣ она непремѣнно уляжется на чью-нибудь, вовсе неприготовленную къ этому слушаю, голову. Дѣйствительно, очень любопытно смотрѣть, какъ эта голова сконфузится (потому что она непремѣнно сконфузится). Мнѣ всегда тоже бываетъ страшно за дамскіе бинокли, которые лежать зачастую на бордюрахъ ложь; мнѣ все такъ и кажется, что

они вотъ тотчасъ слетять на чью-нибудь неприготовленную къ этому случаю голову. Но я вижу, что некстати сдѣлалъ такое трагическое примѣчаніе, и потому отсылаю его къ фельетонамъ тѣхъ газетъ, которыхъ предохраняютъ отъ обмановъ, отъ недобросовѣстности, отъ таракановъ, если они у васъ въ домѣ, рекомендую извѣстнаго г-на Принципе, страшнаго врага и противника всѣхъ таракановъ на свѣтѣ, не только русскихъ, но даже и иностранныхъ, какъ-то прусаковъ и проч.

Но съ Иваномъ Андреевичемъ случилось приключеніе, до сихъ поръ еще нигдѣ не описанное. Къ нему слетѣла на голову — какъ уже сказано, довольно плѣшивую — пе афишка. Признаюсь, я даже совѣщусь сказать, что къ нему слетѣло на голову, потому что, дѣйствительно, какъ-то совѣстно объявить, что на почтенную и обнаженную, то-есть отчасти лишенную волосъ голову ревниваго, раздраженнаго Ивана Андреевича слетѣлъ такой безнравственный предметъ, какъ, напримѣръ, любовная раздущенная записочка. По крайней мѣрѣ, бѣдный Иванъ Андреевичъ, совершенно неприготовленный къ этому непредвидѣнному и безобразному случаю, вздрогнулъ такъ, какъ будто поймалъ на своей головѣ мышь или другого какого-нибудь дикаго звѣря.

Что записка была любовнаго содержанія — въ этомъ ошибиться было нельзя. Она была писана на раздущенной бумажкѣ, совершенно такъ, какъ пишутся записки въ романахъ, и сложена въ предательски малую форму, такъ что ее можно было скрыть подъ дамской перчаткой. Упала же она, вѣроятно, по случаю, во время самой передачи; какъ-нибудь спрашивали, напримѣръ, афишку, и ужъ записочка проворно была ввернута въ эту афишку, уже передавалась въ извѣстныя руки, но одинъ мигъ, можетъ быть, нечаянnyй толчокъ адъютанта, чрезвычайно ловко извинившагося въ своей неловкости, и записочка выскользнула изъ маленькой дрожавшей отъ смущенія ручки, а статскій юноша, уже протягивавшій свою нетерпѣливую руку, вдругъ получаетъ, вмѣсто записки, одну афишку, съ которой рѣшительно не знаетъ что дѣлать. Непріятный, странный случай, совершенная правда, но, согласитесь сами, Ивану Андреевичу было еще непріятнѣе.

— Predestiné, прошепталъ онъ, обливаясь холоднымъ потомъ и сжимая записочку въ рукахъ, — predestiné! Пуля найдетъ виноватаго! промелькнуло въ его головѣ, — нѣть,

не то! Чѣмъ же я виноватъ? А вотъ, тамъ есть другая пословица: на бѣднаго Макара и т. д.

Но мало-ли что начнетъ перезванивать въ головѣ, оглушенной такимъ внезапнымъ происшествиемъ! Иванъ Андреевичъ сидѣлъ на стулѣ, окостенѣвъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ. Онъ увѣренъ былъ, что его приключение замѣчено со всѣхъ сторонъ, несмотря на то, что во всей залѣ, въ это самое время, началась суматоха и вызовъ пѣвицы. Онъ сидѣлъ такъ сконфузившись, такъ покраснѣвъ и не смѣя поднять глазъ, какъ будто съ нимъ случилась какая-нибудь неожиданная непріятность, какой-нибудь диссонансъ въ прекрасномъ, многолюдномъ обществѣ. Наконецъ, онъ рѣшился поднять глаза.

— Пріятно пѣли-сь! замѣтилъ онъ одному франту, сидѣвшему по лѣвой его сторонѣ.

Франтъ, который былъ въ послѣдней степени энтузіазма и хлопалъ руками, но преимущественно выѣжалъ на ногахъ, бѣгло и разсѣянно взглянулъ на Ивана Андреевича и, тотчасъ же сдѣлавъ руками щитокъ надъ своимъ ртомъ, чтобы было слышнѣе, крикнулъ имя пѣвицы. Иванъ Андреевичъ, который еще никогда не слыхалъ подобной глотки, былъъ въ восторгѣ. „Ничего не замѣтилъ!“ подумалъ онъ и обратился назадъ. Но толстый господинъ, сидѣвшій сзади его, теперь, въ свою очередь, сталъ къ нему задомъ и лорнировалъ ложи. „Тоже хорошо!“ подумалъ Иванъ Андреевичъ. Впереди, разумѣется, ничего не видали. Онъ робко и съ радостной надеждой покосился на бенуаръ, возлѣ котораго были его кресла, и вздрогнулъ отъ самого непріятнаго чувства. Тамъ сидѣла прекрасная дама, которая, закрывъ ротъ платкомъ и упавъ на спинку креселъ, хотѣала какъ изступленная.

— Охъ, ужъ эти мнѣ женщины! прошепталъ Иванъ Андреевичъ и пустился по ногамъ зрителей къ выходу.

Теперь я предлагаю рѣшить самимъ читателямъ, я прошу ихъ самихъ разсудить меня съ Иваномъ Андреевичемъ. Неужели правъ онъ былъ въ эту минуту? Большой театръ, какъ известно, заключаетъ въ себѣ четыре яруса ложъ и пятый ярусъ—галлерею. Почему же непремѣнно предположить, что записка упала именно изъ одной ложи, именно изъ этой самой, а не другой какой-нибудь,— напримѣръ, хоть изъ пятаго яруса, гдѣ тоже бываютъ дамы? Но страсть исключительна, а ревность — самая исключительная страсть въ мірѣ.

Иванъ Андреевичъ бросился въ фойе, сталь у лампы, сломалъ печать и прочелъ:

„Сегодня, сейчасъ послѣ спектакля, въ Г—вой, на углу ***скаго переулка, въ домѣ К***, въ третьемъ этажѣ, направо отъ лѣстницы. Входъ съ подъѣзда. Будь тамъ, sans faute; ради Бога“.

Руки Иванъ Андреевичъ не узналъ, по сомнѣнія нѣть: назначалось свиданіе. „Поймать, изловить и пресѣчь зло въ самомъ началѣ“, была первая идея Ивана Андреевича. Ему было пришло въ голову изобличить теперь же, тутъ же, на мѣстѣ; но какъ это сдѣлать? Иванъ Андреевичъ взбѣжалъ даже во второй ярусъ, но благоразумно воротился. Рѣшительно онъ не зналъ: куда бѣжать. Отъ нечего дѣлать, онъ забѣжалъ съ другой стороны и посмотрѣлъ чрезъ открытую дверь чужой ложи на противоположную сторону. Такъ, такъ! Во всѣхъ пяти ярусахъ по вертикальному направленію сидѣли молодыя дамы и молодые люди. Записка могла упасть изъ всѣхъ пяти ярусовъ разомъ, потому что Иванъ Андреевичъ подозрѣвалъ рѣшительно всѣ ярусы въ заговорѣ противъ него. Но его ничто не исправило, никакія видимости. Весь второй актъ онъ бѣгалъ по всѣмъ коридорамъ и нигдѣ не находилъ спокойствія духа. Онъ было сунулся въ кассу театра, въ надеждѣ узнать отъ кассира имени особъ, взявшихъ ложи во всѣхъ четырехъ ярусахъ, но касса уже была заперта. Наконецъ, раздались неистовыя восклицанія и аплодисменты. Представленіе кончилось. Начинались вызовы и особенно гремѣли съ самаго верха два голоса, — предводители обѣихъ партій. Но не до нихъ было дѣло Ивану Андреевичу. У него уже мелькнула мысль дальнѣйшаго его поведенія. Онъ надѣлъ бекешъ и пустился въ Г—вую, чтобъ тамъ застать, накрыть, изобличить и вообще поступить немногого энергичнѣе, чѣмъ вчерашній день. Онъ скоро нашелъ домъ и уже ступилъ на подъѣздъ, какъ вдругъ, словно подъ руками у него, прошмыгнула фигура франта въ пальто, обогнала его и пустилась по лѣстницѣ въ третій этажъ. Ивану Андреевичу показалось, что это тотъ самый франтъ, хотя онъ не могъ различить и тогда лицо этого франта. Сердце въ немъ замерло. Франтъ обогналъ его уже двумя лѣстницами. Наконецъ, онъ услышалъ, какъ отворилась дверь въ третьемъ этажѣ, и отворилась безъ звонка, какъ будто ждали пришедшаго. Молодой человѣкъ промелькнулъ въ

квартиру. Иванъ Андреевичъ достигъ третьаго этажа, когда не успѣли еще затворить эту дверь. Онъ хотѣлъ было постоять передъ дверью, благоразумно пообдуматъ свой шагъ, поробѣть немнога и потомъ уже рѣшиться на что-нибудь очень рѣшительное: но въ эту самую минуту загремѣла карета у подъѣзда, съ шумомъ отворились двери, и чьи-то тяжелые шаги начали съ кряхтотъ и кашлемъ свое восшествіе въ верхній этажъ. Иванъ Андреевичъ не устоялъ, отворилъ дверь и очутился въ квартирѣ со всею торжественностью оскорблennаго мужа. Навстрѣчу къ нему бросилась горничная, вся въ волненіи, потомъ явился человѣкъ; но остановить Ивана Андреевича не было никакой возможности. Какъ бомба влетѣлъ онъ въ покой, и, пройдя двѣ темныя комнаты, вдругъ очутился въ спальнѣ передъ молодой, прекрасной дамой, которая вся трепетала отъ страха и смотрѣла на него съ рѣшительнымъ ужасомъ, какъ будто не понималъ, что вокругъ нея дѣлается. Въ эту минуту послышались тяжелые шаги въ сосѣдней комнатѣ, которые прямо шли въ спальню: это были тѣ самые шаги, которые всходили на лѣстницу.

— Боже! Это мой мужъ! вскрикнула дама, всплеснувъ руками и поблѣднѣвъ бѣлѣ своего пеньюара.

Иванъ Андреевичъ почувствовалъ, что онъ не туда попалъ, что сдѣлалъ глупую, дѣтскую выходку, что не обдумалъ хорошо своего шага, что не поробѣлъ достаточно на лѣстницѣ. Но дѣлать было нечего. Уже отворилась дверь, уже тяжелый мужъ, если только судить по его тяжелымъ шагамъ, входилъ въ комнату... Не знаю, за кого принялъ себя Иванъ Андреевичъ въ эту минуту! Не знаю, что ему помѣшало прямо стать навстрѣчу мужа, объявить, что попался впросакъ, сознаться, что безсознательно поступилъ неприличнѣйшимъ образомъ, попросить извиненія и скрыться,—конечно, не съ большою честью, конечно, не со славою, но, по крайней мѣрѣ, уйти благороднымъ, откровеннымъ образомъ. Но нѣтъ, Иванъ Андреевичъ опять поступилъ какъ мальчикъ, какъ будто бы считалъ себя Донъ-Жуаномъ или Ловеласомъ! Онъ сначала прикрылся занавѣсками у кровати, а потомъ, когда почувствовалъ себя въполномъ упадкѣ духа, припалъ на землю и безсмысленно полѣзъ подъ кровать. Испугъ подействовалъ на него сильнѣе благоразумія, и Иванъ Апдреевичъ, самъ оскорблennый мужъ, или, по крайней мѣрѣ, считавшій себя такимъ, не вынесъ встрѣчи съ другимъ мужемъ, можетъ-быть, боясь

оскорбить его своимъ присутствиемъ. Такъ или не такъ, но онъ очутился подъ кроватью, рѣшительно не понимая, какъ это сдѣлалось. Но, чѣмъ всего удивительнѣе, дама не оказала никакой оппозиції. Она не закричала, видя, какъ чрезвычайно странный, пожилой господинъ ищетъ убѣжища въ ея спальнѣ. Рѣшительно она была такъ испугана, что, по всей вѣроятности, у нея отнялся языкъ.

Мужъ вошелъ, охал и кряхтя, поздоровался съ женой нараспѣвъ, самымъ старческимъ образомъ, и свалился на кресла такъ, какъ будто только что принесъ бремя дровъ. Раздался глухой и продолжительный кашель. Иванъ Андреевичъ, превратившійся изъ разъяренного тигра въ ягненка, оробѣвъ и присмирѣвъ какъ мышенокъ передъ котомъ, едва смѣль дышать отъ испуга, хотя и могъ бы знать, по собственному опыту, что не всѣ оскорбленные мужья кусаются. Но это не пришло ему въ голову или отъ недостатка соображенія, или отъ другого какого-нибудь припадка. Осторожно, тихонько, ощупью, началъ онъ оправляться подъ кроватью, чтобы какъ-нибудь улечься удобнѣе. Каково же было его изумленіе, когда онъ ощущалъ рукою предметъ, который, къ его величайшему изумленію, пошевелился и въ свою очередь схватилъ его за руку! Подъ кроватью былъ другой человѣкъ.

— Кто это? шепнулъ Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ я вамъ и сказалъ сейчасъ, кто я такой! прошепталъ странный незнакомецъ. — Лежите и молчите, коли попались впросакъ!

— Однакоже!..

— Молчать!

И посторонній человѣкъ (потому что подъ кроватью довольно было и одного), посторонній человѣкъ стиснулъ въ своеемъ кулакѣ руку Ивана Андреевича такъ, что тотъ едва не вскрикнулъ отъ боли.

— Милостивый государь...

— Тсс!

— Такъ не жмите же меня, или закричу.

— Ну-ка, закричите! Попробуйте!

Иванъ Андреевичъ покраснѣлъ отъ стыда. Незнакомецъ былъ суровъ и сердитъ. Можетъ-быть, это былъ человѣкъ, испытавшій не разъ гоненія судьбы и не разъ находившійся въ стѣсненномъ положеніи; но Иванъ Андреевичъ былъ новичокъ и задыхался отъ тѣсноты. Кровь била ему въ голову. Однакожъ, нечего было дѣлать; нужно

было лежать ничкомъ. Иванъ Андреевичъ покорился и замолчалъ.

— Я, душенъка, былъ, началъ мужъ, — я, душенъка, былъ у Павла Иваныча. Сѣли мы играть въ преферансъ, да такъ, кхи-кхи-кхи! (онъ закашлялся) такъ... кхи! Такъ спина... кхи! Ну ее... Кхи-кхи-кхи!

И старишокъ погрузился въ свой кашель.

— Спина... проговорилъ онъ, наконецъ, со слезами на глазахъ, — спина разболѣлась... геморрой проклятый. Ни стать, ни сѣсть... ни сѣсть! Акхи-кхи-кхи!..

И казалось, что вновь начавшемуся кашлю суждено было прожить гораздо долѣе, чѣмъ старишку, обладателю этого кашля. Старишокъ что-то ворчалъ языкомъ въ промежуткахъ, но рѣшительно ничего нельзя было разобрать.

— Милостивый государь, ради Бога, подвиньтесь! прошепталъ несчастный Иванъ Андреевичъ.

— Куда прикажете? Мѣста нѣть.

— Однакоже, согласитесь сами, мнѣ невозможно такимъ образомъ. Я еще въ первый разъ находусь въ такомъ скверномъ положеніи.

— А я въ такомъ непріятномъ сосѣдствѣ.

— Однакоже, молодой человѣкъ...

— Молчать!

— Молчать? Однако, вы поступаете чрезвычайно неучтиво, молодой человѣкъ... Если не ошибаюсь, вы еще очень молодой; я постарше васъ.

— Молчать!

— Милостивый государь! Вы забываетесь; вы не знаете, съ кѣмъ говорите!

— Съ господиномъ, который лежитъ подъ кроватью...

— Но меня привлекъ сюда сюрпризъ... ошибка, а васъ, если не ошибаюсь, безнравственность.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь.

— Милостивый государь! Я постарше васъ, я вамъ говорю...

— Милостивый государь! Знаете, что мы здѣсь на одной доскѣ. Прому васъ, не хватайте меня за лицо!

— Милостивый государь! Я ничего не разберу. Извините меня, но нѣть мѣста.

— Зачѣмъ же вы такой толстый?

— Боже! Я никогда не былъ въ такомъ унизительномъ положеніи!

— Да, ниже лежать нельзя.

— Милостивый государь, милостивый государь! Я не знаю, кто вы такой, я не понимаю, какъ это случилось; но я здѣсь по ошибкѣ; я не то, что вы думаете...

— Я бы ровно ничего не думалъ объ васъ, если-бъ вы не толкались. Да молчите же!

— Милостивый государь! Если вы не подвинитесь, со мной будетъ ударъ. Вы будете отвѣтать за смерть мою. Увѣряю васъ... Я почтенный человѣкъ, я отецъ семейства. Не могу же я быть въ такомъ положеніи!..

— Сами же вы сунулись въ такое положеніе. Ну, подвигайтесь же! Вотъ вамъ мѣсто; больше пользы!

— Благородный молодой человѣкъ! Милостивый государь! Я вижу, что я въ васъ ошибался, сказалъ Иванъ Андреевичъ въ восторгѣ благодарности за уступленное мѣсто и расправляя затекшіе члены.—Я понимаю стѣсненное положеніе ваше, но что же дѣлать? Вижу, что вы дурно обо мнѣ думаете. Позвольте мнѣ поднять въ вашемъ мнѣніи мою репутацію, позвольте мнѣ сказать, кто я такой, я пришелъ сюда противъ себя, увѣряю васъ; я не затѣмъ, зачѣмъ вы думаете... Я въ ужаснѣйшемъ страхѣ.

— Да замолчите-ли вы? Понимаете-ли, что если услышать насъ, будетъ худо? Тсс... Онъ говоритъ. Дѣйствительно, кашель старика, повидимому, началъ проходить.

— Такъ вотъ, душенька, хріпѣль онъ на самый плачевный напѣвъ, — такъ вотъ, душенька, кхи-кхи! Ахъ! Несчастье! Федосѣй-то Ивановичъ и говоритъ: вы бы, говоритъ, тысячелистvenникъ пить попробовали; слышишь, душенька?

— Слыши, мой другъ.

— Ну, такъ и говорить: вы бы, говоритъ, попробовали тысячелистvenникъ пить. Я и говорю: я піявки пріпускалъ. А онъ мнѣ: нѣтъ, Александръ Демьяновичъ, тысячелистvenникъ лучше, онъ открываетъ, я вамъ скажу... Кхи-кхи! Охъ, Боже мой! Какъ же ты думаешьъ, душенька? Кхи-кхи! Ахъ, Создатель мой! Кхи-кхи!.. Такъ лучше тысячелистvenникъ, что-ли?.. Кхи-кхи-кхи! Ахъ! Кхи! и т. д.

— Я думаю, что попробовать этого средства не худо; отвѣтала супруга.

— Да, не худо! У васъ, говоритъ, пожалуй, чахотка, кхи-кхи! А я говорю: подагра, да раздраженіе въ желудкѣ; кхи-кхи. А онъ мнѣ: можетъ-быть, и чахотка.

Какъ ты, кхи-кхи! Какъ ты думаешь, душенька: чахотка?

— Ахъ, Боже мой, что это вы говорите такое?

— Да, чахотка! А ты бы, душенька, раздѣвалась теперь, да спать ложилась, кхи-кхи! А у меня, кхи! сегодня насморкъ.

— Уфъ! сдѣлалъ Иванъ Андреевичъ,—ради Бога, подвиньтесь!

— Рѣшительно я вамъ удивляюсь, что съ вами дѣлается; ну, не можете вы спокойно лежать?..

— Вы ожесточены противъ меня, молодой человѣкъ; хотите меня уязвить. Я это вижу. Вы, вѣроятно, любовникъ этой дамы?

— Молчать!

— Не буду молчать! Не дамъ вамъ командовать! А, вы вѣрно любовникъ? Если настъ откроютъ, я ни въ чемъ не виноватъ, я ничего не знаю.

— Если вы не замолчите, сказалъ молодой человѣкъ, скрежеща зубами,— я скажу, что вы завлекли меня; я скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состояніе. Тогда, по крайней мѣрѣ, не подумаютъ, что я любовникъ этой дамы.

— Милостивый государь! Вы издѣваетесь надо мной. Вы истощаете терпѣніе мое.

— Тсс! или я васъ заставлю молчать! Вы несчастье мое! Ну, скажите, на что вы здѣсь? Безъ васъ я бы пролежалъ какъ-нибудь до утра, а тамъ бы и вышелъ.

— Но я здѣсь не могу же лежать до утра, я человѣкъ благоразумный; у меня, конечно, связи... Какъ вы думаете, неужели онъ будетъ здѣсь ночевать?

— Кто?

— Да этотъ старикъ...

— Разумѣется, будетъ. Не всѣ-жъ такие мужья, какъ вы. Ночуютъ и дома.

— Милостивый государь, милостивый государь! закричалъ Иванъ Андреевичъ, похолодѣвъ отъ испуга,— будьте увѣрены, что и я тоже дома, а теперь въ первый разъ; но, Боже мой, я вижу, что вы меня знаете. Кто вы такой, молодой человѣкъ? Скажите мнѣ тотчасъ же, умоляю васъ, изъ безкорыстной дружбы, кто вы таковъ?

— Послушайте! Я употреблю насилие...

— Но позовольте, позовольте вамъ разсказать, милостивый государь, позовольте вамъ объяснить все это скверное дѣло...

— Никакихъ объясненій не слушаю, ничего знать не хочу. Молчите, или...

— Но я не могу же...

Подъ кроватью послѣдовала легкая борьба, и Иванъ Андреевичъ умолкъ.

— Душенъка, что-то здѣсь какъ будто коты шепчутся?

— Какие коты? Чего вы не выдумаете?

Очевидно, что супруга не знала, о чёмъ разговаривать со своимъ мужемъ. Она была такъ поражена, что еще не могла опомниться. Теперь же она вздрогнула и подняла ушки.

— Какие коты?

— Коты, душенъка. Я намедни прихожу, сидитъ васъка у меня въ кабинетъ, шю-шю-шю, и шепчетъ. Я ему: что ты, васенька? а онъ опять: шю-шю-шю! И такъ, какъ будто все шепчетъ. Я и думаю: ахъ, отцы мои! Ужъ не о смерти-ли онъ мнѣ нашептываетъ?

— Какая глупости вы говорите сегодня! Стыдитесь, пожалуйста.

— Ну, ничего; не сердись, душенъка; я вижу, тебѣ непрѣятно, что я умру, не сердись; я только такъ говорю. А ты бы, душенъка, стала раздѣваться и спать легла, а я бы здѣсь посидѣлъ, пока ты ложиться будешь.

— Ради Бога, полноте; послѣ...

— Ну, не сердись, не сердись! Только, право, здѣсь будто мыши.

— Ну, вотъ, то коты, то мыши! Право, я не знаю, что съ вами дѣлается.

— Ну, я ничего, я ни... кхи! Я ничего, кхи-кхи-кхи! Ахъ, Боже ты мой! Кхи!

— Слышите, вы такъ возитесь, что и онъ услыхалъ, прошепталъ молодой человѣкъ.

— Но если-бъ вы знали, что со мною дѣлается. У меня носомъ кровь идетъ.

— Пусть идетъ, молчите; подождите, когда онъ уйдетъ.

— Молодой человѣкъ, по вникните въ мое положеніе: вѣдь я не знаю, съ кѣмъ я лежу.

— Да легче вамъ отъ этого будетъ, что-ли? Вѣдь я не интересуюсь знать вашу фамилію. Ну, какъ ваша фамилія?

— Нѣть, зачѣмъ же фамилію... Я только интересуюсь объяснить, какимъ безсмысленнымъ образомъ...

— Тсс... онъ опять говорить...

— Право, душенька, шепчутся.

— Да нѣтъ же, это у тебя вата въ ушахъ дурно лежитъ.

— Ахъ, по поводу ваты. Знаешь-ли, тутъ, наверху... кхи-кхи! Наверху, кхи-кхи-кхи! и т. д.

— Наверху! прошепталъ молодой человѣкъ. — Ахъ, чортъ! А я думалъ, что это послѣдній этажъ; да развѣ это второй?

— Молодой человѣкъ, прошепталъ, встрепенувшись, Иванъ Андреевичъ,—что вы говорите? Ради Бога, почему это васъ интересуетъ? И я думалъ, что это послѣдній этажъ. Ради Бога, развѣ здѣсь еще этажъ?

— Право, кто-то ворочается, сказалъ старикъ, переставшій, наконецъ, кашлять.

— Тсс! Слышите! прошепталъ молодой человѣкъ, сдавивъ обѣ руки Ивана Андреевича.

— Милостивый государь, вы держите мои руки въ насилии. Пустите меня.

— Тсс...

Послѣдовала легкая борьба, и потомъ опять наступило молчаніе.

— Такъ вотъ я и встрѣчаю хорошенъкую... началъ старикъ.

— Какъ, хорошенъкую? перебила жена.

— Да вѣдь вотъ... говорилъ прежде я, что встрѣтилъ хорошенъкую даму на лѣстницѣ, или я пропустилъ? У меня вѣдь память слаба. Это звѣробой... кхи!

— Что?

— Звѣробой пить надо: говорятъ, лучше будетъ... кхи-кхи-кхи! Лучше будетъ!

— Это вы его перебили, проговорилъ молодой человѣкъ, онять заскрежетавъ зубами.

— Ты говорилъ, что встрѣтилъ сегодня хорошенъкую какую-то? спросила жена.

— А?

— Хорошенъкую встрѣтилъ?

— Кто такой?

— Да ты?

— Я-то? Когда? Да, бишь!..

— Наконецъ-то! Экая мумія! Ну, прошепталъ молодой человѣкъ, мысленно подгоняя забывчиваго старичка.

— Милостивый государь! Я трепещу отъ ужаса. Боже мой! что я слышу? Это какъ вчера; рѣшительно, какъ вчера!..

— Тсс...

— Да, да, да! Вспомнилъ: преплутовочка! Глазенки такіе... въ голубой шляпкѣ...

— Въ голубой шляпкѣ! Ай-ай!

— Это она! У ней есть голубая шляпка. Боже мой! закричалъ Иванъ Андреевичъ.

— Она? Кто она? прошепталъ молодой человѣкъ, стиснувъ руки Ивана Андреевича.

— Тсс! сдѣлалъ въ свою очередь Иванъ Андреевичъ,— онъ говорить.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой!

— Ну, да, впрочемъ, у кого-жъ нѣть голубой шляпки... Ну!

— И такая плутовка! продолжалъ старикъ.—Она тутъ къ какимъ-то знакомымъ приходитъ. Все глазки дѣлаетъ. А къ тѣмъ знакомымъ тоже ходятъ знакомые...

— Фу, какъ это скучно, перебила дама,—помилуй, чѣмъ ты интересуешься?

— Ну, хорошо, ну, ну! Не сердись! возразилъ старичокъ нараспѣвъ,— ну, я не буду говорить, колъ ты не желаешь. Ты что-то не въ духѣ сегодня..

— Да вы какъ же сюда попали? заговорилъ молодой человѣкъ.

— А, видите, видите! Вотъ вы теперь интересуетесь, а прежде не хотѣли и слушать!

— Ну, да вѣдь мнѣ все равно! Не говорите, пожалуйста! Ахъ, чортъ возьми, какая исторія!

— Молодой человѣкъ, не сердитесь; я не знаю, чѣмъ говорю; это я такъ; я только хотѣлъ сказать, что тутъ вѣрно что-нибудь не даромъ, что вы принимаете участіе... Но кто вы, молодой человѣкъ? Я вижу, вы незнакомецъ; но кто же вы, наконецъ! Боже! я не знаю, чѣмъ говорю!

— Э! подите, пожалуйста! прервалъ молодой человѣкъ, какъ будто чѣмъ-то обдумывая.

— Но я вамъ все разскажу, все. Вы, можетъ-быть, думаете, что я не разскажу, что я золъ на васъ, нѣть! Вотъ рука моя! Я только въ упадкѣ духа, больше ничего. Но, ради Бога, скажите мнѣ все сначала: какъ вы здѣсь сами? По какому слушаю? Что же касается до меня, то я не сержуясь, ей Богу не сержуясь, вотъ ваша рука моя. Здѣсь только пыльно; я немножко запачкалъ ее; но это ничего для высокаго чувства.

— Э, подите съ вашей рукой! Тутъ поворотиться негдѣ, а онъ съ рукой лѣзетъ!

— Но, милостивый государь! Вы со мною обходитесь, какъ будто, съ позволенія сказать, со старой подошвой, проговорилъ Иванъ Андреевичъ въ припадкѣ самаго кроткаго отчаянія, голосомъ, въ которомъ было слышно моленье.—Обходитесь со мной учтивѣе, хоть немножко учтивѣе, и я вамъ все разскажу! Мы бы полюбили другъ друга; я даже готовъ пригласить васъ къ себѣ на обѣдъ. А этакъ намъ вмѣстѣ лежать нельзя, откровенно скажу. Вы заблуждаетесь, молодой человѣкъ! Вы не знаете...

— Когда же это онъ ее встрѣтилъ? бормоталъ молодой человѣкъ, очевидно, въ крайнемъ волненіи. Она, можетъ быть, теперь меня ждетъ... Я рѣшительно выйду отсюда!

— Она? Кто она? Боже мой! Про кого вы говорите, молодой человѣкъ? Вы думаете, что тамъ, наверху... Боже мой! Боже мой! За что я такъ наказанъ?

Иванъ Андреевичъ попробовалъ повернуться на спину въ знакъ отчаянья.

— А вамъ на что знать, кто она? А, чортъ? Была не не была, я вылѣзаю!..

— Милостивый государь! Что вы? А я-то, я-то какъ буду? прошепталъ Иванъ Андреевичъ, въ припадкѣ отчаянія уцѣпившись за фалды фрака своего сосѣда.

— А мнѣ-то что? Ну, и оставайтесь одни. А не хотите, такъ я, пожалуй, скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состояніе, чтобы не подумалъ стариkъ, что я любовникъ жены его.

— Но, молодой человѣкъ, это невозможно; это ненатурально, коли дядя. Никто не повѣрить вамъ. Этому вотъ такой маленькой ребенокъ не повѣрить, шепталъ въ отчаяніи Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ не болтайте же, а лежите себѣ смироно пластомъ! Пожалуй, почуйте здѣсь, а завтра какъ-нибудь вылѣзете; васъ никто не замѣтить; ужъ коли одинъ вылѣзъ, такъ вѣрно не подумають, что еще остался другой. Еще бы сидѣла цѣлая дюжина. Впрочемъ, вы и одинъ стѣите дюжину. Подвигайтесь, или я выйду!

— Вы извѣте меня, молодой человѣкъ... А что, если я закашляюсь? Нужно все предвидѣть!

— Тсс!..

— Что это? Какъ будто наверху я опять слышу возню,

проговорилъ старичокъ, который тѣмъ временемъ, кажется, успѣлъ задремать.

— Наверху?

— Слышите, молодой человѣкъ, я выйду.

— Ну, слышу!

— Боже мой! Молодой человѣкъ, я выйду.

— А я такъ не выйду! Минь все равно! Ужъ если разстроилось, такъ все равно! А знаете-ли, что я подозрѣваю? Я подозрѣваю, что вы и есть какой-нибудь обманутый мужъ — вотъ что!..

— Боже, какой цинизмъ!.. Неужели вы это подозрѣваете? Но почему же именно мужъ... я не женатъ.

— Какъ не женатъ? Дудки!

— Я, можетъ-быть, самъ любовникъ!

— Хорошъ любовникъ!

— Милостивый государь, милостивый государь! Ну, хорошо, я все вамъ расскажу. Вонмите моему отчаянью. Это не я, я не женатъ. Я тоже холостой, какъ и вы. Это другъ мой, товарищъ дѣтства... а я любовникъ... Говорить минь: „я несчастный человѣкъ, я, говоритъ, пью чашу, я подозрѣваю жену свою“.— Но, говорю я ему благоразумно, — за что же ты ее подозрѣваешь?.. Но вы не слушаете меня. Слушайте, слушайте!— Ревность смѣшина, говорю, ревность порокъ!..— „Нѣть“, говоритъ, „я несчастный человѣкъ! Я того... чашу, то-есть, я подозрѣваю“.— Ты, говорю, мой другъ, ты товарищъ моего нѣжнаго дѣтства. Мы вмѣстѣ срывали цвѣты удовольствія, тонули на пуховикахъ наслажденія.— Боже, я не знаю, чтѣ говорю. Вы все смѣетесь, молодой человѣкъ. Вы сдѣлаете меня сумасшедшими.

— Да вы и теперь сумасшедшій!..

— Такъ, такъ, я и предчувствовалъ, что вы это скажете... когда говорилъ про сумасшедшаго. Смѣйтесь, смѣйтесь, молодой человѣкъ! Также и я процвѣталъ въ свое время, также и я соблазнялъ. Ахъ! У меня сдѣлается воспаленіе въ мозгу!

— Что это, душенька, какъ будто у насъ кто-то чихаетъ? пропѣлъ старичокъ. — Это ты, душка, чихнула?

— О, Боже мой! проговорила супруга.

— Тсс! раздалось подъ кроватью.

— Это наверху, вѣрно, стучать, замѣтила жена, испугавшись, потому что подъ кроватью, дѣйствительно, становилось шумно.

— Да, наверху! проговорилъ мужъ. — Наверху! Говорилъ я тебѣ, что я франтика—кхи-кхи! Франтика съ усиками—кхи-кхи! Охъ, Богъ мой—спина!.. франтика сейчасъ встрѣтилъ съ усиками!

— Съ усиками! Боже мой, это вѣрно вы, прошепталъ Иванъ Андреевичъ.

— Создатель мой, какой человѣкъ! Да вѣдь я здѣсь, здѣсь, вѣдьстѣ съ вами лежу! Какъ же бы онъ меня встрѣтилъ? Да не хватайте меня за лицо!

— Боже, со мной сейчасъ будетъ обморокъ.

Въ это время наверху, дѣйствительно, послышался шумъ.

— Что бы тамъ было? прошепталъ молодой человѣкъ.

— Милостивый государь! Я въ страхѣ, я въ ужасѣ! Помогите мнѣ.

— Тсс!

— Дѣйствительно, душка, шумъ; цѣлый гвалтъ подымаютъ. Да еще надъ твоей спальней. Не послать-ли спросить.

— Ну, вотъ! Чего ты не выдумаешь!

— Ну, я не буду; право, ты такая сегодня сердитая!..

— О, Боже мой! Вы бы шли спать.

— Лиза! Ты меня вовсе не любишь.

— Ахъ, люблю! Ради Бога, я такъ устала.

— Ну, ну, я уйду!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не уходите! закричала жена, — или нѣтъ, идите, идите!

— Да что это ты, въ самомъ дѣлѣ! То уходите, то не уходите! Кхи-кхи! А и вправду спать... кхи-кхи! У Панафиныхъ дѣвочки... Кхи-кхи! Дѣвочки... кхи! Куклы у дѣвочки видѣлъ нюренбергскую, кхи-кхи...

— Ну, вотъ куклы теперь!

— Кхи-кхи! Хорошая кукла, кхи-кхи!

— Онъ прощается, проговорилъ молодой человѣкъ, — онъ идетъ, и мы тотчасъ уходимъ. Слышите? Радуйтесь же!

— О, дай-то Богъ! Дай-то Богъ!

— Это вамъ урокъ...

— Молодой человѣкъ! За что же урокъ? Я это чувствую... Но вы еще молоды; вы не можете давать мнѣ урока.

— А все-таки дамъ... Слушайте.

— Боже! Я хочу чихнуть!..

— Тсс! Если вы только осмѣлитесь.

— Но что же мнѣ дѣлать? Здѣсь такъ пахнетъ мы-

шами; не могу же я; достаньте мнъ изъ моего кармана платокъ, ради Бога; я не могу шевельнуться... О, Боже, Боже! За что я такъ наказанъ?

— Вотъ вамъ платокъ! За что вы наказаны, я вамъ сейчасъ скажу. Вы ревнивы. Основываясь Богъ знаетъ на чёмъ, вы бѣгаете, какъ угорѣлый, врываешься въ чужое жилище, производите беспорядки...

— Молодой человѣкъ! Я не производилъ беспорядковъ.

— Молчать!

— Молодой человѣкъ, вы не можете читать мнъ про нравственность, я нравственнѣй васъ.

— Молчать!

— О, Боже мой! Боже мой!

— Производите беспорядки, пугаете молодую даму, робкую женщину, которая не знаетъ, куда дѣваться отъ страха и, можетъ-быть, будетъ больна; беспокойте почтенаго старца, удрученаго геморроемъ, которому прежде всего нуженъ покой,—а все отчего? Оттого, что вамъ вообразился какой-то вздоръ, съ которымъ вы бѣгаете по всѣмъ закоулкамъ! Понимаете-ли, понимаете-ли, въ какомъ вы скверномъ теперь положеніи? Чувствуете-ли вы это?

— Милостивый государь, хорошо! Я чувствую, но вы не имѣете права...

— Молчать! Какое тутъ право? Понимаете-ли вы, что это можетъ кончиться трагически? Понимаете-ли, что старикъ, который любить жену, можетъ съ ума сойти, когда увидитъ, какъ вы будете вылѣзать изъ-подъ кровати? Но нѣтъ, вы неспособны сдѣлать трагедію! Когда вы вылѣзете, я думаю, всякъ, кто посмотритъ на васъ, захочетъ. Я бы желалъ васъ видѣть при свѣчкахъ; должно быть, вы очень смѣшны.

— А вы-то? Вы тоже смѣшны въ такомъ случаѣ. Я тоже хочу посмотреть на васъ.

— Гдѣ вамъ!

— На васъ, вѣрно, клеймо безнравственности, молодой человѣкъ!

— А! Вы про нравственность! А почему вы знаете, зачѣмъ я здѣсь? Я здѣсь ошибкой, я ошибся этажомъ. И чортъ знаетъ, почему меня впустили! Вѣрно, она въ самомъ дѣлѣ ждала кого-нибудь (не васъ, разумѣется). Я спрятался подъ кровать, когда услышалъ вашу глупую походку, когда увидѣлъ, что испугалась дама. Къ тому же

было темно. Да и что я вамъ за оправданіе? Вы, сударь, смѣшной, ревнивый старики. Вѣдь я отчего не выхожу? Вы, можетъ-быть, думаете, что я боюсь выйти? Нѣть, сударь, я бы ужъ давно вышелъ, да только изъ состраданія къ вамъ здѣсь сижу. Ну, на кого вы безъ меня здѣсь останетесь? Вѣдь вы будете какъ пень стоять передъ ними, вѣдь вы не найдетесь...

— Нѣть, отчего же какъ пень? Отчего же какъ этотъ предметъ? Развѣ вы не могли съ кѣмъ другимъ сравнить, молодой человѣкъ? Отчего же не найдусь? Нѣть, я найдусь.

— О, Боже мой, какъ лаетъ эта собачонка!

— Тсс! Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ... Это оттого, что вы все болтаете. Видите, вы разбудили собачонку. Теперь намъ бѣда.

Дѣйствительно, собачка хозяйки, которая все время спала на подушкѣ въ углу, вдругъ проснулась, обнюхала чужихъ и съ громкимъ лаемъ бросилась подъ кровать.

— О, Боже мой! Какая глупая собачонка! прошепталъ Иванъ Андреевичъ, — она насъ всѣхъ выдастъ. Она все выведетъ на чистую воду. Вотъ еще наказаніе!

— Ну, да: вы такъ трусите, что это можетъ случиться.

— Ами, Ами, сюда! закричала хозяйка, — ici, ici.

Но собачка не слушалась и лѣзла прямо на Ивана Андреевича.

— Что это, душечка, Амишка все лаетъ? проговорилъ стариочекъ. — Тамъ вѣрно мыши или котъ-васъка сидитъ. То-то я слышу, что все чихаетъ, все чихаетъ... А вѣдь у васъки-то сегодня насморкъ.

— Лежите смирно! прошепталъ молодой человѣкъ, — не ворочайтесь! Она, можетъ-быть, такъ и отстанетъ.

— Милостивый государь, милостивый государь! Пустите мои руки! Зачѣмъ вы ихъ держите?

— Тсс! Молчать!

— Но, помилуйте, молодой человѣкъ; она меня за носъкусаетъ! Вы хотите, чтобы я лишился носа.

Послѣдовала борьба, и Иванъ Андреевичъ высвободилъ свои руки. Собачка заливалась отъ лая; вдругъ она перестала лаять и завизжала.

— Ай! закричала дама.

— Извергъ! Чѣмъ вы дѣлаете? прошепталъ молодой человѣкъ, — вы губите насть обоихъ! Зачѣмъ вы схватили ее? Боже мой, онъ ее душить! Не душите! Пустите ее! Из-

вергъ! Но вы не знаете послѣ этого сердца женщины! Она настѣ выдастъ обоихъ, если вы задушите собачку.

Но Иванъ Андреевичъ уже ничего не слыхалъ. Ему удалось поймать собачку, и въ припадкѣ самосохраненія онъ сдавилъ ей горло. Собачонка взвизгнула и спустила духъ.

— Мы пропали! прошепталъ молодой человѣкъ.

— Амишка! Амишка! закричала дама.—Боже мой, чтѣ они дѣлаютъ съ моимъ Амишкой? Амишка! Амишка! Ici! О, изверги! Варвары! Боже, мнѣ дурно!

— Что такое? Что такое? закричалъ стариочокъ, вскочивъ съ креселъ, — что съ тобой, душа моя? Амишка, здѣсь! Амишка, Амишка, Амишка! кричалъ стариочокъ, щелкая пальцами, причмокивая и вызывая Амишку изъ-подъ кровати.—Амишка! Ici! Ici! Не можетъ быть, чтобы васька тамъ сѣѣлъ его. Нужно выскѣчь ваську, мой другъ; его, плута, уже цѣлый мѣсяцъ не сѣкли. Какъ ты думашь? Я посовѣтуюсь завтра съ Прасковьей Захарьевной. Но, Боже мой, другъ мой, что съ тобой? Ты поблѣдила, охъ! Охъ! Люди! Люди!

И стариочокъ забѣгалъ по комнатѣ.

— Злодѣи! Изверги! кричала дама, покатившись на кушетку.

— Кто? Кто? Кто такой? кричалъ старикъ.

— Тамъ есть люди, чужие!.. Тамъ, подъ кроватю! О, Боже мой! Амишка! Амишка! Чтѣ они съ тобой сдѣлали?

— Ахъ, Боже мой, Господи! Какие люди? Амишка... Нѣть, люди, люди, сюда! Кто тамъ? Кто тамъ? закричалъ старикъ, схвативъ свѣчку и нагнувшись подъ кровать.—Кто такой? Люди, люди!..

Иванъ Андреевичъ лежалъ ни живъ, ни мертвъ подъ бездыханнаго трупа Амишки. Но молодой человѣкъ ловилъ каждое движеніе старика. Вдругъ старикъ зашелъ съ другой стороны, къ стѣнѣ, и нагнулся. Въ одинъ мигъ молодой человѣкъ вылѣзъ изъ-подъ кровати и пустился бѣжать, покамѣстъ мужъ искалъ своихъ гостей по ту сторону брачнаго ложа.

— Боже! прошептала дама, вглядѣвшись въ молодого человѣка,—кто же вы такой? А я думала...

— Тотъ извергъ остался, прошепталъ молодой человѣкъ.—Онъ виновникъ Амишкиной смерти!

— Ай! вскрикнула дама.

Но молодой человѣкъ уже исчезъ изъ комнаты.

— Ай! Здѣсь кто-то есть. Здѣсь чей-то сапогъ! за-
кричалъ мужъ, поймавъ за ногу Ивана Андреевича.

— Убійца! убійца! кричала дама, — о, Ами! Ами!

— Вылѣзайте, вылѣзайте! кричалъ старикъ, топая по
ковру обѣими ногами,—вылѣзайте; кто вы таковы? Гово-
рите, кто вы таковы? Боже! Какой странный человѣкъ!

— Да это разбойники!..

— Ради Бога, ради Бога! кричалъ Иванъ Андре-
евичъ, вылѣзая,—ради Бога, ваше превосходительство, не
зовите людей! Ваше превосходительство, не зовите людей!
Это совершенно лишнее. Вы меня не можете вытол-
кать!.. Я не такой человѣкъ! Я самъ по себѣ... Ваше
превосходительство, это случилось по ошибкѣ! Я вамъ
сейчасъ объясню, ваше превосходительство, продолжалъ
Иванъ Андреевичъ, рыдая и всхлипывая.—Это все жена,
то-есть, не моя жена, а чужая жена, — я не женатъ, я
такъ... Это мой другъ и товарищъ дѣтства...

— Какой товарищъ дѣтства! кричалъ старикъ, топая
ногами,— вы—воръ, пришли обокрасть... а не товарищъ
дѣтства...

— Нѣтъ, не воръ, ваше превосходительство; я дѣйстви-
тельно товарищъ дѣтства... я только нечаянно ошибся,
попалъ съ другого подъѣзда.

— Да, я вижу, сударь, вижу, изъ какого подъѣзда вы
вылѣзали.

— Ваше превосходительство! Я не такой человѣкъ. Вы
ошибаетесь. Я говорю, что вы въ жестокомъ заблужденіи,
ваше превосходительство. Взгляните на меня, посмотрите,
вы увидите по нѣкоторымъ знакамъ и признакамъ, что я
не могу быть воромъ. Ваше превосходительство! Ваше
превосходительство! кричалъ Иванъ Андреевичъ, склады-
вая руки и обращаясь къ молодой дамѣ,—вы, дама, пой-
мите меня... Это я умертвилъ Амишку... Но я не вино-
ватъ... я ей Богу не виноватъ... Это все жена виновата.
Я несчастный человѣкъ, я пью чашу!

— Да помилуйте, какое же мяѣ дѣло, что вы выпили
чашу; можетъ-быть, вы и не одну чашу выпили, — судя
по вашему положенію, оно и видно; но какъ же вы за-
шли сюда, милостивый государь?! кричалъ старикъ, весь
дрожа отъ волненія, но дѣйствительно удостовѣрившись,
по нѣкоторымъ знакамъ и признакамъ, что Иванъ Андре-
евичъ не можетъ быть воромъ.—Я васъ спрашиваю: какъ
вы зашли сюда? Вы, какъ разбойникъ...

— Не разбойникъ, ваше превосходительство. Я только съ другого подъѣзда; право, не разбойникъ! Это все оттого, что я ревнивъ. Я вамъ все разскажу, ваше превосходительство, откровенно разскажу, какъ отцу родному, потому что вы въ такихъ лѣтахъ, что я могу принять васъ за отца.

— Какъ въ такихъ лѣтахъ?

— Ваше превосходительство! Я, можетъ-быть, васъ оскорбилъ? Дѣйствительно, такая молодая дама... и ваши лѣта... пріятно видѣть, ваше превосходительство, дѣйствительно, пріятно видѣть такое супружество... въ цвѣтѣ лѣтъ... Но не зовите людей... ради Бога, не зовите людей... люди только будуть смѣяться... я ихъ знаю... То-есть, я не хочу этимъ сказать, что я знакомъ съ одними лакеями, — у меня тоже есть лакеи, ваше превосходительство, и все смѣются... ослы! Ваше сіятельство... Я, кажется, не ошибаюсь, я говорю съ княземъ...

— Нѣтъ, не съ княземъ, я, милостивый государь, самъ по себѣ... Пожалуйста, меня не задабривайте вашимъ сіятельствомъ. Какъ вы попали сюда, милостивый государь? Какъ вы попали?

— Ваше сіятельство, то-есть, ваше превосходительство... извините, я думаль, что вы ваше сіятельство. Я осмотрѣлся... я обдумался, — это случается. Вы такъ похожи на князя Короткоухова, котораго я имѣлъ честь видѣть у моего знакомаго, господина Чузырева... Видите, я тоже знакомъ съ князьями, тоже видѣлъ князя у моего знакомаго: вы не можете меня принимать за того, за кого меня принимаете. Я не воръ. Ваше превосходительство, не зовите людей; ну, позовете людей, что-жъ изъ этого выйдетъ?

— Но какъ вы сюда попали?! закричала дама.—Кто вы таковы?

— Да, кто вы таковы? подхватилъ мужъ,—а я-то, душенька, думаю, что это васька у насть подъ кроватю сидить и чихаетъ. А это онъ. Ахъ, ты, потаскунъ-потаскунъ!.. Кто вы такой? Говорите же!

И старичокъ снова затопалъ по ковру ногами.

— Я не могу говорить, ваше превосходительство. Я ожидаю, покамѣстъ вы кончите... Внимаю вашимъ остроумнымъ шуткамъ. Что-же касается до меня, то это смѣшная исторія, ваше превосходительство. Я вамъ все разскажу. Это можетъ все и безъ того объясниться, то-есть, я хочу

сказать: не зовите людей, ваше превосходительство! Поступите со мной благороднымъ образомъ... Это ничего, что я посидѣлъ подъ кроватью... я не потерялъ этимъ своей важности. Это исторія самая комическая, ваше превосходительство! вскричалъ Иванъ Андреевичъ, съ умоляющимъ видомъ обращаясь къ супругѣ, — особенно вы, ваше превосходительство, будете смѣяться! Вы видите на сценѣ ревниваго мужа. Вы видите, я унижаюсь, я самъ добровольно уникаюсь. Конечно, я умертвилъ Амишку, но... Боже мой, я не знаю, что говорю!

— Но какъ же, какъ вы зашли сюда?

— Пользуясь темнотою ночи, ваше превосходительство, пользуясь этою темнотою... Виноватъ! Простите меня, ваше превосходительство! Униженно прошу извиненія! Я только оскорбленный мужъ, больше ничего! Не подумайте, ваше превосходительство, что я былъ любовникъ! Я не любовникъ! Ваша супруга очень добродѣтельна, если осмѣлюсь такъ выразиться. Она чиста и невинна!

— Что? Что? Что вы осмѣливаетесь говорить! закричалъ стариkъ, слова затопавъ ногами.—Съ ума вы сошли, что-ли? Какъ вы смѣете говорить про жену мою?

— Этотъ злодѣй, убійца, который умертвилъ Амишку! кричала супруга, заливаясь слезами.—И онъ еще смѣеть!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! Я только заврался, кричалъ оторопѣвшій Иванъ Андреевичъ,—я заврался, и больше ничего! Считайте, что я не въ своемъ умѣ... Ради Бога, считайте, что я не въ своемъ умѣ... Честью клянусь вамъ, что вы мнѣ сдѣлаете чрезвычайное одолженіе. Я бы подалъ вамъ руку, но я не смѣю подать ее... Я былъ не одинъ, я дядя... то-есть я хочу сказать, что меня нельзя принять за любовника... Боже! Я опять завираюсь... Не обижайтесь, ваше превосходительство! кричалъ Иванъ Андреевичъ супругѣ.—Вы дама, вы понимаете, что такое любовь,—это тонкое чувство... Но что я? Опять завираюсь! То-есть, я хочу сказать, что я стариkъ, то-есть пожилой человѣкъ, а не стариkъ, — что я не могу быть вашимъ любовникомъ, что любовникъ есть Ричардсонъ, то-есть Ловеласъ... я заврался; но вы видите, ваше превосходительство, что я ученый человѣкъ и знаю литературу. Вы смѣетесь, ваше превосходительство. Радъ, радъ, что провокировалъ смѣхъ вашъ, ваше превосходительство. О, какъ я радъ, что провокировалъ смѣхъ вашъ!

— Боже мой! Какой смѣшной человѣкъ! кричала дама, надрываясь отъ хохота.

— Да, смѣшной, и какой запачканный, заговорилъ старикъ въ радости, что засмѣялась жена. — Душечка, онъ не можетъ быть воромъ. Но какъ онъ зашелъ сюда?

— Дѣйствительно, странно! Дѣйствительно, странно, ваше превосходительство, на романъ похоже! Какъ? Въ глухую полночь, въ столичномъ городѣ, человѣкъ подъ кроватью? Смѣшно, странно! Ринальдо-Ринальдини, нѣкоторымъ образомъ. Но это ничего, это все ничего, ваше превосходительство. Я вамъ все разскажу... А вамъ, ваше превосходительство, я новую болонку достану... удивительная болонка! Этахая шерсть длинная, пожки коротенькия, двухъ шаговъ пройти не умѣеть: побѣжитъ, запутается въ собственной шерсти и упадетъ. Сахаромъ только однимъ кормить. Я вамъ принесу, ваше превосходительство, я вамъ непремѣнно ее принесу.

— Ха-ха-ха-ха! Дама металась изъ стороны въ сторону на диванѣ отъ смѣха. — Боже мой, со мной сдѣляется истерика! Охъ, какой смѣшной!

— Да, да! Ха-ха-ха! Кхи-кхи-кхи! Смѣшной, запачканный такой, кхи-кхи-кхи!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, я теперь совершенно счастливъ! Я бы предложилъ вамъ мою руку, но я не смѣю, ваше превосходительство, я чувствую, что я заблуждался, ис теперъ открываю глаза. Я вѣрю, моя жена чиста и невинна! Я напрасно подозрѣвалъ ее.

— Жена, его жена! кричала дама, со слезами на глазахъ отъ хохота.

— Онъ женатъ! Не-уже-ли? Вотъ бы я никакъ не подумалъ! подхватилъ старикъ.

— Ваше превосходительство, жена — и она всему виновата, то-есть это я виноватъ: я подозрѣвалъ ее; я зналъ, что здѣсь устроено свиданіе — здѣсь наверху; я перехватилъ записку, ошибся этажомъ и пролежалъ подъ кроватью...

— Хе-хе-хе-хе!

— Ха-ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха-ха! захочоталъ, наконецъ, Иванъ Андреевичъ. — О, какъ я счастливъ! О, какъ умилительно видѣть, что мы всѣ такъ согласны и счастливы! И жена моя совершенно невинна! Я въ томъ почти увѣренъ. Вѣдь, непремѣнно такъ, ваше превосходительство?

— Ха-ха-ха! Кхи-кхи! Знаешь, душечка, это кто? заговорилъ, наконецъ, старики, освобождаясь отъ смѣха.

— Кто? Ха-ха-ха! Кто?

— Это та хорошенъкая, что глазки дѣлаетъ, съ франтикомъ которая. Это она! Я бьюсь объ закладъ, что это жена его!

— Нѣть, ваше превосходительство, я увѣренъ, что это не та; я совершенно увѣренъ.

— Но, Боже мой! Вы теряете время, закричала дама, переставъ хохотать.— Бѣгите, ступайте наверхъ. Можетъ быть, вы ихъ застанете...

— Въ самомъ дѣлѣ, ваше превосходительство, я полечу. Но я никого не застану, ваше превосходительство; это не она, я увѣренъ заранѣ. Она теперь дома! А это я! Я только ревнивъ и болѣе ничего... Какъ вы думаете, неужели я ихъ застану тамъ, ваше превосходительство?

— Ха-ха-ха!

— Хи-хи-хи! Кхи-кхи!

— Ступайте, ступайте! А когда пойдете назадъ, такъ придите разсказать! кричала дама, — или нѣть: лучше завтра утромъ, да приведите и ее: я хочу познакомиться.

— Прощайте, ваше превосходительство, прощайте! Непремѣнно приведу; очень радъ познакомиться. Я счастливъ и радъ, что все такъ неожиданно кончилось и развязалось къ лучшему.

— И болонку! Не забудьте же: болонку прежде всего принесите!

— Принесу, ваше превосходительство, непремѣнно принесу, подхватилъ Иванъ Андреевичъ, снова вбѣжавъ въ комнату, потому что уже было раскланялся и вышелъ.— Непремѣнно принесу. Такая хорошенъкая! Точно ее кондитеръ изъ конфектовъ сдѣлалъ. И такая: пойдетъ — въ собственной шерсти запутается и упадеть. Такая, право! Я еще женѣ говорю: „что это, душечка, она все падаетъ?“ — Да, маленькая такая! говоритъ. Изъ сахару, ваше превосходительство, ей Богу, изъ сахару сдѣлана! Прощайте, ваше превосходительство, очень, очень радъ познакомиться, очень радъ познакомиться!

Иванъ Андреевичъ откланялся и вышелъ.

— Эй, вы! Милостивый государь! Постойте; воротитесь опять! закричалъ стариочекъ вслѣдъ уходившему Ивану Андреевичу.

Иванъ Андреевичъ въ третій разъ вернулся.

— Я, вотъ, васъки-кота все не отыщу. Не встрѣчались ли вы съ нимъ, когда подъ кроватью сидѣли?

— Нѣтъ, не встрѣчался, ваше превосходительство, впрочемъ, очень радъ познакомиться. И почту за большую честь...

— У него теперь насморкъ, и все чихаетъ, все чихаетъ! Его надо выѣть.

— Да, ваше превосходительство, конечно; исправительные наказанія необходимы съ домашними животными.

— Что?

— Я говорю, что исправительные наказанія, ваше превосходительство, необходимы для водворенія покорности въ домашнихъ животныхъ.

— А!.. Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, я только обѣ этомъ.

Вышедъ на улицу, Иванъ Андреевичъ стоялъ долгое время въ такомъ положеніи, какъ будто ожидалъ, что съ нимъ тотчасъ же будетъ ударъ. Онъ снялъ шляпу, отеръ холодный потъ со лба, зажмурился, подумалъ о чемъ-то и пустился домой.

Каково же было его изумленіе, когда дома онъ узналъ, что Глафира Петровна уже давно приѣхала изъ театра, уже давно, какъ у неї разболѣлись зубы, какъ посыпала за докторомъ, какъ посыпала за піявками, и какъ она теперь лежитъ въ постели и дожидается Ивана Андреевича.

Иванъ Андреевичъ ударила себя сначала по лбу, потомъ приказалъ подать себѣ умыться и почиститься, и наконецъ, рѣшился идти въ спальню жены.

— Гдѣ это вы проводите врема? Посмотрите, на кого вы похожи. На васъ лица нѣть! Гдѣ вы это пропадали? Помилуйте, сударь: жена умираетъ, а васъ не сыщутъ по городу. Гдѣ вы были? Ужъ не опять-ли меня ловили, хотѣли разстроить свиданіе, которое я не знаю кому назначила? Стыдно, сударь, какой вы мужъ! Скоро пальцами указывать будутъ.

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

Но тутъ онъ почувствовалъ такое смущеніе, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ и прервалъ начатую рѣчь, за тѣмъ, что недоставало ни словъ, ни мысли, ни духа... Каково же было его изумленіе, страхъ, ужасъ, когда, вмѣсть съ платкомъ, выпалъ изъ кармана покойникъ Амишка? Иванъ Андреевичъ и не замѣтилъ, какъ, въ порывѣ отчаянія, принужденный вы-

лѣзть изъ-подъ кровати, сунулъ Амишку, въ припадкѣ безотчетнаго страха, въ карманъ, съ отдаленой надеждой скоронить концы, скрыть улику своего преступленія и избѣгнуть такимъ образомъ заслуженнаго наказанія.

— Что это? закричала супруга, — мертвая собачонка! Боже! Откуда?.. Что это вы?.. Гдѣ вы были? Говорите сейчасъ, гдѣ вы были?

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ, помертвѣвъ болѣе Амишки.—Душечка!..

Но здѣсь мы оставимъ нашего героя,—до другого раза, потому что здѣсь начинается совершенно особое и новое приключение. Когда-нибудь мы доскажемъ, господа, всѣ эти бѣдствія и гоненія судьбы. Но согласитесь сами, что ревность — страсть непростительная, мало того: даже — несчастіе!..

ЧЕСТНЫЙ ВОРЬ. *)

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО.

Однажды утромъ, когда я уже совсѣмъ собрался идти въ должность, вошла ко мнѣ Аграфена, моя кухарка, прачка и домоводка, и, къ удивленію моему, вступила со мной въ разговоръ.

До сихъ поръ это была такая молчаливая, простая баба, что, кромѣ ежедневныхъ двухъ словъ о томъ, чего приготовить къ обѣду, не сказала лѣтъ въ шесть почти ни слова. По крайней мѣрѣ, я болѣе ничего не слыхалъ отъ нея.

— Вотъ я, сударь, къ вамъ, начала она вдругъ,—вы бы отдали въ наемъ каморку.

— Какую каморку?

— Да вотъ, чѣмъ подлѣ кухни. Извѣстно какую.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что пускаютъ же люди жильцовъ. Извѣстно зачѣмъ.

— Да кто ее найметъ?

— Кто найметъ! Жилецъ найметъ. Извѣстно кто.

— Да тамъ, мать моя, и кровати поставить нельзя; тѣсно будетъ. Кому-жъ тамъ жить?

— Зачѣмъ тамъ жить! Только бы спать гдѣ было; а онъ на окнѣ будетъ жить.

— На какомъ окнѣ?

— Извѣстно на какомъ, будто не знаете! На томъ, что въ передней. Онъ тамъ будетъ сидѣть, шить, или что-нибудь дѣлать. Пожалуй, и на стулѣ сидеть. У него есть стулъ; да и столъ есть; все есть.

— Кто-жъ онъ такой?

— Да хороший, бывалый человѣкъ. Я ему кушанье буду

*) Въ первый разъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г., т. 57, подъ названиемъ „Разсказы бывалаго человѣка“. Затѣмъ передѣланъ авторомъ для полнаго собрания его сочиненій, издание Ф. Степловскаго, 1865 г., подъ названіемъ „Честный воръ“.

готовить. И за квартиру, за столъ буду всего три рубля серебромъ въ мѣсяцъ братъ...

Наконецъ, я, послѣ долгихъ усилій, узналъ, что какой-то пожилой человѣкъ уговорилъ, или какъ-то склонилъ Аграфену пустить его въ кухню, въ жильцы и въ нахлѣбники. Чѣдь Аграфенъ пришло въ голову, тому должно было сдѣлаться; иначе, я зналъ, что она мнѣ покоя не дастъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда что-нибудь было не по ней, она тотчасъ же начинала задумываться, впадала въ глубокую меланхолію, и такое состояніе продолжалось недѣли двѣ или три. Въ это время портилось кушанье, не досчитывалось бѣлье, полы не были вымыты, однимъ словомъ, происходило много непріятностей. Я давно замѣтилъ, что эта безсловесная женщина не въ состояніи была составить рѣшенія, установиться на какой-нибудь себѣственno ей принадлежащей мысли. Но ужъ если въ слабомъ мозгу ея какимъ-нибудь случайнымъ образомъ складывалось что-нибудь похожее на идею, на предпріятіе, то отказать ей въ исполненіи значило на нѣсколько времени морально убить ее. И потому, болѣе всего любя собственное спокойствіе, я тотчасъ же согласился.

— Есть-ли, по крайней мѣрѣ, у него видъ какой-нибудь, паспортъ или что-нибудь?

— Какъ же? Извѣстно, есть. Хорошій, бывалый человѣкъ; три рубля обѣщался давать.

На другой же день, въ моей скромной, холостой квартирѣ появился новый жилецъ; но я не досадовалъ, даже про себя былъ радъ. Я вообще живу уединенно, совсѣмъ затворникомъ. Знакомыхъ у меня почти никого; выхожу я рѣдко. Десять лѣтъ проживъ глухаремъ, я, конечно, привыкъ къ уединенію. Но десять, пятнадцать лѣтъ, а, можетъ-быть, и болѣе того же уединенія съ такой же Аграфеной, въ той же холостой квартирѣ,—конечно, довольно безцвѣтная перспектива! И потому лишній, смиренный человѣкъ, при такомъ порядкѣ вещей — благодать небесная!

Аграфена не солгала: жилецъ мой былъ изъ бывалыхъ людей. По паспорту оказалось, что онъ изъ отставныхъ солдатъ, о чёмъ я узналъ и не глядя на паспортъ, съ первого взгляда, по лицу. Это легко узнать. Астафій Ивановичъ, мой жилецъ, былъ изъ хорошихъ между своими. Зажили мы хорошо. Но всего лучше было, что Астафій Ивановичъ подчасъ умѣлъ рассказывать исторіи, случаи

изъ собственной жизни. При всегдашней скучѣ моего житья-бытъя, такой рассказчикъ былъ просто кладъ. Разъ онъ мнѣ рассказалъ одну изъ такихъ исторій. Она произвела на меня нѣкоторое впечатлѣніе. Но вотъ по какому случаю произошелъ этотъ разсказъ.

Однажды я остался въ квартирѣ одинъ: и Астафій, и Аграфена разошлись по дѣламъ. Вдругъ я услышалъ изъ второй комнаты, что кто-то вошелъ и, показалось мнѣ, чужой; я вышелъ: дѣйствительно, въ передней стоялъ чужой человѣкъ, малый невысокаго роста, въ одномъ сюртукѣ, несмотря на холодное, осеннее время.

— Чего тебѣ?

— Чиновника Александрова; здѣсь живетъ?

— Такого нѣтъ, братецъ; прощай.

— Какъ же дворникъ сказалъ, что здѣсь, проговорилъ посытитель, осторожно ретируясь къ дверямъ.

— Убирайся, убирайся, братецъ; пошелъ.

На другой день послѣ обѣда, когда Астафій Ивановичъ примѣрялъ мнѣ сюртукъ, который былъ у него въ передѣлѣ, опять кто-то вошелъ въ переднюю. Я пріотворилъ дверь.

Вчерашній господинъ, на моихъ же глазахъ, преспокойно снялъ съ вѣшалки мою бекешу, сунулъ ее подъ мышку и пустился вонь изъ квартиры. Аграфена все время смотрѣла на него, разинувъ ротъ отъ удивленія и больше ничего не сдѣлала для защиты бекеши. Астафій Ивановичъ пустился вслѣдъ за мошенникомъ и черезъ десять минутъ воротился, весь запыхавшись, съ пустыми руками. Сгинулъ да пропалъ человѣкъ!

— Ну, неудача, Астафій Ивановичъ. Хорошо еще, что шинель вамъ осталась! А то бы совсѣмъ посадилъ на мель, мошенникъ!

Но Астафій Ивановича все это такъ поразило, что я даже позабылъ о покражѣ, на него глядя. Онъ опомнился не могъ. Поминутно бросалъ работу, которую былъ занятъ, поминутно начиналъ сызнова рассказывать дѣло, какимъ это образомъ все случилось, какъ онъ стоялъ, какъ вотъ въ глазахъ, въ двухъ шагахъ, сили бекешу, и какъ это все устроилось, что и поймать нельзѧ было. Потомъ опять садился за работу; потомъ опять бросалъ все, и я видѣлъ, какъ, наконецъ, пошелъ онъ къ дворнику разсказать и попрекнуть его, что на свое мѣсто дворѣ такимъ дѣламъ быть попускаетъ. Потомъ воротился и Аграфену началъ бра-

нить. Потомъ опять сѣль за работу и долго еще бормоталъ про себя, что вотъ, какъ это все дѣло случилось, какъ онъ тутъ стоялъ, а я тамъ, и какъ вотъ въ глазахъ, въ двухъ шагахъ, сняли бекешъ и т. д. Однимъ словомъ, Астафій Ивановичъ, хотя дѣло сдѣлать умѣль, однако, былъ большой кропотунъ и хлопотунъ.

— Одурачили нась съ тобой, Астафій Иванычъ! сказалъ я ему вечеромъ, подавая ему стаканъ чая и желая отъ скучи опять вызвать разсказъ о пропавшей бекешѣ, который отъ частаго повторенія и отъ глубокой искренности рассказчика начиналъ становиться очень комическимъ.

— Одурачили, сударь! Да просто вчужѣ досадно, зло пробираетъ, хоть и не моя одежда пропала. И по-моему нѣть гадины хуже вора на свѣтѣ. Иной хоть задаромъ беретъ, а этотъ твой трудъ, потъ, за него пролитой, время твое у тебя крадеть... Гадость, тьфу! Говорить не хочется, зло беретъ. Какъ это вамъ, сударь, своего добра не жалко.

— Да, оно правда, Астафій Иванычъ; ужъ лучше сгори вешь, а вору уступить досадно, не хочется.

— Да ужъ чего тутъ хочется! Конечно, воръ вору рознь... А былъ, сударь, со мной одинъ случай, что попалъ я и на честнаго вора.

— Какъ на честнаго? Да какой же воръ честный, Астафій Иванычъ?

— Оно, сударь, правда! Какой же воръ честный, и не бываетъ такого. Я только хотѣлъ сказать, что честный, кажется, былъ человѣкъ, а укралъ. Просто, жалко было его.

— А какъ это было, Астафій Иванычъ?

— Да было, сударь, тому паздъ года два. Пришлось мнѣ тогда безъ малаго годъ быть безъ мѣста, а когда еще доживалъ я на мѣстѣ, сошелся со мной одинъ прощацій совсѣмъ человѣкъ. Такъ, въ харчевнѣ сошлись. Пьянчужка такой, потаскунъ, тунеядецъ, служилъ прежде гдѣ-то, да его за пьяную жизнь ужъ давно изъ службы выключили. Такой недостойный! Ходилъ онъ ужъ Богъ знаетъ въ чемъ! Иной разъ такъ думаешь, есть-ли рубашка у него подъ шинелью; все, что у него ни заведется, пропьетъ. Да не буянъ; характеромъ смиренъ, такой ласковый, добрый, и не просить, все совсѣмъ: ну, самъ видишь, что хочется выпить бѣднаго, и поднесешь. Ну, такъ-то я съ нимъ и сошелся, то-есть онъ ко мнѣ привязался... Мнѣ-то все равно. И какой былъ человѣкъ! Какъ

собачонка привязался, ты туда—и онъ за тобой; а всего одинъ разъ только видѣлись, мозглакъ такой! Сначала пусти его переночевать — ну, пустиль: вижу, и паспортъ въ порядкѣ, человѣкъ ничего! Потомъ, на другой день, тоже пусти его почевать, а тамъ и на третій пришелъ, цѣлый день на окнѣ просидѣлъ, тоже почевать остался. Ну, думаю, навязался-жъ онъ на меня: и пой, и корми его, да еще почевать пускай, — вотъ бѣдному человѣку, да еще нахлѣбникъ на шею садится. А прежде онъ тоже, какъ и ко мнѣ, къ одному служащему хаживалъ, привязался къ нему, вмѣстѣ все пили; да тотъ спился и умеръ съ какого-то горя. А этого звали Емелей, Емельяномъ Ильичемъ. Думаю, думаю: какъ мнѣ съ нимъ быть? Прогнать его—совѣтно, жалко: такой жалкій, пропавшій человѣкъ, что и Господи! И безсловесный такой, не просить, сидитъ себѣ, только какъ собачонка въ глаза тебѣ смотритъ. То-есть, вотъ какъ пьянство человѣка испортить! Думаю про себя: какъ скажу я ему: ступай-ка ты, Емельянушка, вонъ; нечего тебѣ дѣлать у меня, не къ тому попалъ; самому скоро перекусить будетъ нечѣмъ, какъ же мнѣ держать тебя на своихъ харцахъ? Думаю, сижу, что онъ сдѣлаетъ, какъ я такое скажу ему? Ну, и вижу самъ про себя, какъ бы долго онъ глядѣлъ на меня, когда бы услыхалъ мою рѣчь, какъ бы долго сидѣлъ и не понималъ ни слова, какъ бы потомъ, когда вдомекъ бы взялъ, всталъ бы съ окна, взялъ бы свой узелокъ, какъ теперь вижу, кѣтчатый, красный, дырявый, въ который Богъ знаетъ что завертывалъ и всюду съ собой носилъ, какъ бы оправилъ свою шинелинку, такъ чтобы и прилично было, и тепло, да и дырьевъ было бы не видать,—деликатный былъ человѣкъ! Какъ бы отворилъ потомъ дверь, да и вышелъ бы со слезинкой на лѣстницу. Ну, не пропадать же совсѣмъ человѣку... жалко стало! А тутъ, потомъ думаю, мнѣ-то самому каково! Постой же, смекаю про себя, Емельянушка, не долго тебѣ у меня нировать: вотъ скоро сѣду, тогда не найдешь. Ну-съ, сударь, сѣхали мы; тогда еще Александръ Филимоновичъ, баринъ (теперь покойникъ, царство ему небесное), говорять: „очень остаюсь тобою доволенъ, Астафій, воротимся всѣ изъ деревни, не забудемъ тебя, опять возьмемъ“. А я у нихъ въ дворецкихъ проживалъ,—добрый былъ баринъ, да умеръ въ томъ же году. Ну, какъ проводили мы ихъ, взялъ я свое добро, деньжонокъ кой-ка-

кихъ было, думаю, попокоюсь себѣ, да и сѣхалъ я къ одной старушоночкѣ, уголъ занялъ у ней. А у ней и всего-то одинъ уголъ свободный былъ. Тоже въ нянюшкахъ гдѣ-то была, такъ теперь особо жила, пенсіонъ получала. Ну, думаю, прощай теперь, Емельянушка, родной человѣкъ, не найдешь ты меня! Что-жъ, сударь, думаете? Воротился я по вечеру (къ знакомому человѣку повидаться ходилъ) и первого вижу Емелию, сидить себѣ у меня на сундукѣ, и клѣтчатый узелокъ подлѣ него, сидить въ шинелишкѣ, меня поджидаетъ... да отъ скуки еще книжку церковную у старухи взялъ, вверхъ ногами держитъ. Нашелъ-таки! И руки у меня опустились. Ну, думаю, нечего дѣлать,—зачѣмъ сначала не гналъ? Да прямо и спрашиваю: „Принесъ-ли паспортъ, Емеля?“

„Я тутъ, сударь, сѣлъ да началъ раздумывать: что-жъ онъ, скитающійся человѣкъ, много-ль помѣхи мнѣ сдѣлаетъ? И вышло, по раздумья, что немногаго будетъ стоить помѣха. Кушать ему надо, думаю. Ну, хлѣбца кусочекъ утромъ, да чтобъ приправа посмачнѣе была, такъ лучку купить. Да въ полдень ему тоже хлѣбца, да лучку дать; да вечерярить тоже лучку съ квасомъ, да хлѣбца, если хлѣбца захочетъ. А навернутся щи какія-нибудь, такъ мы ужъ оба по горлышко сыты. Я-то єсть много не ємъ, а пьющий человѣкъ, известно, ничего не єсть: ему бы только настоечки, да зелена винца. Доконаеть онъ меня на питейномъ, подумалъ я, да тутъ же, сударь, и другое въ голову пришло, и вѣдь какъ забрало меня. Да такъ, что вотъ если бѣ Емеля ушелъ, такъ я бы жизни не радъ былъ... Порѣшилъ же я тогда быть ему отцомъ-благодѣтелемъ. Воздержу, думаю, его отъ злой гибели, отучу его чарочку знать! Постой же ты, думаю: ну, хорошо, Емеля, оставайся, да только держись теперь у меня, слушай команду!

„Вотъ и думаю себѣ: начну-ка его теперь къ работѣ какой пріучать, да не вдругъ; пусть сперва погуляетъ мальчишко, а я, межъ тѣмъ, приглянусь, поищу, къ чему бы такому, Емеля, способность найти въ тебѣ. Потому что на всякое дѣло, сударь, напередъ всего человѣческая способность нужна. И сталъ я къ нему втихомолку приглядываться. Вижу: отчаянныи ты человѣкъ, Емельянушка! Началъ я, сударь, сперва съ доброго слова: такъ и сякъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, ты бы на себя посмотрѣлъ, да какъ-нибудь тамъ пооправился.

„— Полну гулять! Смотри-ка, въ отрепы весь ходишь, пинелишка-то твоя, простительно сказать, на рѣшето годится, не хорошо! Пора бы, кажется, честь знать. Сидить, слушаетъ меня, понуря голову, мой Емельянушка. Чего, сударь! Ужъ до того дошелъ, что языкъ пропилъ, слова путнаго сказать не умѣеть. Начнешь ему про огурцы, а онъ тебѣ на бобахъ откликается! Слушаетъ меня, долго слушаетъ, а потомъ и вздохнетъ.— „Чего-жъ ты вздыхаешь, спрашиваю, Емельянъ Ильичъ?“

„— Да такъ-съ, ничего, Астафій Иванычъ, не беспокойтесь. А вотъ сегодня двѣ бабы, Астафій Иванычъ, подрались на улицѣ, одна у другой лукошко съ клюковой невзначай разсыпала.

„— Ну, такъ что-жъ?

„— А другая за то ей нарочно, ея же лукошко съ клюковой разсыпала, да еще ногой давить начала.

„— Ну, такъ что-жъ, Емельянъ Ильичъ?

„— Да ничего-съ, Астафій Ивановичъ, я только такъ.

„— Ничего-съ, только такъ. Э-эхъ, думаю, Емеля-Емельюшка! Пропилъ-прогулялъ ты головушку!..

„— А то баринъ ассигнацію обронилъ на панели въ Гороховой, то биши, въ Садовой. А мужикъ увидалъ, говорить, мое счастье; а тутъ другой увидалъ, говоритъ, нѣтъ, мое счастье! Я прежде твоего увидалъ...

„— Ну, Емельянъ Ильичъ?

„— И задрались мужики, Астафій Ивановичъ. А городовой подошелъ, поднялъ ассигнацію и отдалъ барину, а мужиковъ обоихъ въ будку грозилъ посадить.

„— Ну, такъ что-жъ? Что же тутъ такого назидательного есть, Емельянушка?

„— Да я ничего-съ. Народъ смѣялся, Астафій Иванычъ.

„— Э-эхъ, Емельянушка! Что народъ! Продалъ ты за мѣдный алтынъ свою душеньку. А знаешь-ли чтѣ, Емельянъ Ильичъ, я скажу-то тебѣ?

„— Чего-съ, Астафій Иванычъ?

„— Возьми-ка работу какую-нибудь, право, возьми. Въ сотый говорю, возьми, пожалѣй себя!

„— Что же мнѣ взять такое, Астафій Иванычъ? Я ужъ и не знаю, что я такое возьму, и меня-то никто не возьметъ, Астафій Иванычъ.

„— За то-жъ тебя и изъ службы изгнали, Емеля, пьющий ты человѣкъ!

“— А то вотъ Власа-буфетчика въ контору позвали се-
годня, Астафій Иванычъ.

“— Зачѣмъ же, говорю, позвали его, Емельянушка?

“— А вотъ ужъ и не знаю зачѣмъ, Астафій Иванычъ.
Значить, ужъ оно тамъ нужно такъ было, такъ и по-
требовали...

“Э-эхъ, думаю, пропали мы оба съ тобой, Емельянушка!
За грѣхи наши наасъ Господь наказуетъ! Ну, чтѣ съ та-
кимъ человѣкомъ дѣлать прикажете, сударь!

“Только хитрый былъ парень, куды! Слушалъ онъ, слу-
шаль, слушалъ меня, да потомъ, знать, ему надоѣло, чутъ
увидить, что я осерчалъ, возьметъ шинелишку, да и улиз-
нетъ—поминай какъ звали! День прошатается, придетъ
подъ вечеръ пьяненъкій. Кто его поилъ, откуда онъ деньги
бралъ—ужъ Господь его вѣдаетъ, не моя въ томъ вина
виновата!..

“Нѣтъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, не сносить тебѣ
головы! Полно пить, слышишь ты, полно! Другой разъ,
коли пьяный воротишься, на лѣстницѣ будешь у меня но-
чевать. Не пущу!..

“Выслушавъ наказъ, сидѣть мой Емеля день, другой;
на третій опять улизнулъ. Жду-подожду, не приходитъ!
Ужъ я, признаюсь сказать, перетрусиль, да и жалко мнѣ
стало. Чтѣ я сдѣлалъ надъ нимъ, думаю. Запугалъ я его.
Ну, куда онъ пошелъ теперь, горемыка? Пропадетъ, по-
жалуй, Господи Богъ мой! Ночь пришла—нейдетъ. На утро
вышелъ я въ сѣни, смотрю, а онъ въ сѣняхъ почивать
изволитъ. На приступочку голову положилъ и лежитъ;
окостенѣлъ отъ стужи совсѣмъ.

“Что ты, Емеля? Господь съ тобой! Куда ты попалъ?

“Да вы, энто, Астафій Иванычъ, сердились на-
менди, огорчаться изволили и обѣщались въ сѣняхъ меня
спать положить, такъ я, энто, и не посмѣль войти,
Астафій Иванычъ, да и легъ тутъ...

“И злость и жалость взяли меня!

“Да ты-бѣ, Емельянъ, хоть бы другую какую-нибудь
должность взялъ, говорю.—Чего лѣстницу-то стеречь!..

“Да какую-жъ бы другую должность, Астафій Ива-
нычъ?

“Да хоть бы ты, пропацая ты душа, говорю (зло
меня такое взяло!), хоть бы ты портняжному-то искусству
повыучился. Ишь у тебя шинель-то какая! Мало что въ
дыряяхъ, такъ ты лѣстницу ею метешь! Взялъ бы хоть

иголку, да дырья-то свои законопатилъ, какъ честь велить. Э-эхъ, пьяный ты человѣкъ!

„Что-жъ, сударь! И взялъ онъ иглу; вѣдь я ему на смѣхъ сказалъ, а онъ оробѣлъ, да возьми. Скинулъ шинелишку и началъ нитку въ иглу вдѣвать. Я гляжу на него; ну, дѣло извѣстное, глаза нагноились, покраснѣли; руки трепещутъ, хоть ты што! Совалъ, совалъ—не вдѣвается нитка: ужъ онъ какъ примигивался: и помуслитъ-то, и посучить въ рукахъ—иѣть! Бросилъ, и смотрить на меня...

„Ну, Емеля, одолжилъ ты меня! Было-бѣ при людяхъ, такъ голову срѣзаль бы! Да вѣдь я тебѣ, простому такому человѣку, на смѣхъ, въ укору сказалъ... Ужъ ступай, Богъ съ тобой, отъ грѣха! Сиди такъ, да срамного дѣла не дѣлай, по лѣстницамъ не noctуй, меня не срами!..

„Да что же мнѣ дѣлать-то, Астафій Іванычъ; я вѣдь и самъ знаю, что всегда пьяненький и никуда не гожусь!.. Только васъ, моего бла... благо-дѣтеля, въ сердце ввожу понапрасну...

„Да тутъ какъ затрясутся у него вдругъ его синія губы, какъ покатилась слезинка по бѣлой щекѣ, какъ задрожала эта слезинка на его бороденкѣ небритой, да какъ зальется, прыснетъ вдругъ цѣлой пригоршней слезъ мой Емельянъ... Батюшки! Словно ножомъ мнѣ полоснуло по сердцу.

„Эхъ, ты, чувствительный человѣкъ, совсѣмъ и не думалъ я! Кто бы зналъ, кто гадалъ про то?.. Нѣть, думаю, Емеля, отступлюсь отъ тебя совсѣмъ; пропадай какъ ветошка!

„Ну, сударь, что тутъ еще долго рассказывать! Да и вся-то вещь такая пустая, мизерная, словъ не стоить, то-есть вы, сударь, примѣрно сказать, за нее двухъ сломанныхъ грошевъ не дадите, а я-то бы много далъ, если-бѣ у меня много было, чтобъ только всего того не случилось! Были у меня, сударь, ретузы, прахъ ихъ возьми, хорошие, славные ретузы, синіе съ клѣтками, и заказывалъ мнѣ ихъ помѣщикъ, который сюда прїѣзжалъ, да отступилъ потомъ, говоритъ: узки; такъ они у меня на рукахъ и остались. Думаю: цѣнная вещь! Въ толкуемъ цѣлковыхъ пять, можетъ, дадутъ, а нѣть, такъ я изъ нихъ двое панталонъ петербургскимъ господамъ выгагаю, да еще хвостикъ мнѣ на жилетку останется. Оно бѣдному человѣку, нашему брату, знаете, все хорошо! А

у Емельянушки на ту пору прилучись время сурое, грустное. Смотри: день не пьетъ, другой не пьетъ, третій—хмельного въ ротъ не беретъ, осовѣль совсѣмъ, индо жалко, сидитъ подгорюнившись. Ну, думаю: али куплева, парень, пѣть у тебя, али ужъ ты самъ на путь Божій вошелъ, да баста сказалъ, резону послушался. Вотъ, сударь, такъ это все и было; а на ту пору случись праздникъ большой. Я пошелъ ко всенощной: прихожу—сидитъ мой Емеля на окошечкѣ, пьяненъкій, покачивается. Э-ге! думаю, такъ-то ты, парень! Да и пошелъ зачѣмъ-то въ сундукъ. Гляди! а ретузъ-то и нѣту... Я туда и сюда: сгинули! Ну, какъ перерылъ я все, вижу, что нѣть,—такъ меня по сердцу какъ будто скребнуло! Бросился я къ старушоночкѣ, сначала ее поклепаль, а на Емелю, хоть и улика была, что пьянымъ сидитъ человѣкъ, и домека не было! „Нѣть, говорить моя старушонка: Господь съ тобой, кавалеръ, на что мнѣ ретузы, носить что-ли стать? У меня у самой намедни юбка на добромъ человѣкѣ изъ вашего брата пропала... Ну, то-есть, не знаю, не вѣдаю“, говорить.—Кто здѣсь былъ, говорю, кто приходилъ? „Да никто, говорить, кавалеръ, не приходилъ, я все здѣсь была, Емельянъ Ильичъ выходилъ, да потомъ и пришелъ; вонъ сидить! Его допроси“.—Не браль-ли, Емеля, говорю, по какой-нибудь надобности, ретузъ моихъ новыхъ, помнишь, еще на помѣщика строили? „Нѣть, говорить, Астафій Иванычъ, я, то-есть, эн того, ихъ не браль-съ“.

„Что за оказія! Опять искать начальъ, искалъ-искалъ—нѣть! А Емеля сидитъ, да покачивается. Сидѣль я вотъ, сударь, такъ передъ пимъ, надъ сундукомъ, на корточкахъ, да вдругъ и накосился на него глазомъ... Эхма, думаю, да такъ вотъ у меня и зажгло сердце въ груди; даже въ краску бросило. Вдругъ и Емеля посмотрѣль на меня.

— Нѣть, говорить, Астафій Иванычъ, я ретузъ-то вашихъ, эн того... вы, можетъ, думаете, что того, а я ихъ не браль-съ.

— Да куда же бы пропасть имъ, Емельянъ Ильичъ?

— Нѣть, говорить, Астафій Иванычъ, не видаль совсѣмъ.

— Что же, Емельянъ Ильичъ, знать ужъ они, какъ тамъ ни есть, взяли да сами пропали?

— Можетъ, что и сами пропали, Астафій Иванычъ.

„Я, какъ выслушалъ его, какъ былъ—всталъ, подошелъ къ нему, засвѣтилъ свѣтилью, да и сѣлъ работу тачать. Жилетку чиновнику, что подъ нами жилъ, передѣлывалъ. А у самого такъ вотъ и горитъ, такъ и ноеть въ груди. То—есть, легче-бѣ, если-бѣ я всѣмъ гардеробомъ печь затопилъ. Вотъ и почуялъ, знать, Емеля, что меня зло схватило за сердце. Онъ, сударь, коли злу человѣкъ пристенъ, такъ еще издаличуеть бѣду, словно передъ грозой птица небесная.

— А вотъ, Астафій Ивановичъ, началъ Емелюшка (а у самого дрожитъ голосенокъ),—сегодня Антипъ Прохорычъ, фельдшеръ на кучеровой женѣ, что номеръ на медни, женился...

„Я, то-есть, такъ поглядѣлъ на него, да ужъ злостно, знать, поглядѣлъ... Понялъ Емеля. Вижу: встаетъ, подошелъ къ кровати и началъ около нея что-то пошаривать. Жду—долго возится, а самъ все приговаривается: „нѣть, какъ нѣть, куда бы имъ, шельмамъ, сгинуть!“ Жду, что будетъ; вижу, залѣзъ Емеля подъ кровать на корточкахъ. Я и не вытерпѣлъ.

— Чего вы, говорю, Емельянъ Ильичъ, на корточкахъ-то ползаете?

— А вотъ нѣть-ли ретузъ, Астафій Иванычъ. Посмотрѣть, не завалились-ли туда куда-нибудь.

— Да что вамъ, сударь, говорю (съ досады величать его началъ), что вамъ, сударь, за бѣдного, простого человѣка, какъ я, заступаться; колѣнки-то попусту ерзать!

— Да что-жъ, Астафій Иванычъ, я ничего-съ... Оно, можетъ, какъ-нибудь и найдутся, какъ поискать.

— Гм!.. говорю,— послушай-ка, Емельянъ Ильичъ!

— Что, говоритъ, Астафій Иванычъ?

— Да не ты-ли, говорю, ихъ просто укралъ у меня, какъ воръ и мошенникъ, за мою хлѣбъ-соль услужилъ?— То-есть, вотъ какъ, сударь, меня разобрало тѣмъ, что онъ на колѣнкахъ передо мной началъ по полу ерзать.

— Нѣть-съ... Астафій Иванычъ...

„А самъ, какъ былъ, такъ и остался подъ кроватьюничкомъ. Долго лежалъ; потомъ выползъ. Смотрю: блѣдный совсѣмъ человѣкъ, словно простыня. Привсталъ, сѣлъ подлѣ меня на окно, этакъ минутъ съ десять сидѣлъ.

— Нѣть, говоритъ, Астафій Иванычъ, да вдругъ и всталъ и подступилъ ко мнѣ, какъ теперь смотрю, страш-

ный какъ грѣхъ.—Нѣтъ, говоритъ, Астафій Иванычъ, я вашихъ ретузъ, того, не изволилъ братъ.

„Самъ весь дрожитъ, себя въ грудь пальцемъ трясучимъ тыкаетъ, а голосенокъ-то дрожитъ у него такъ, что я, сударь, самъ оробѣлъ и словно приросъ къ окну.

„— Ну, говорю, Емельянъ Ильичъ,—какъ хотите, прости, коли я, глупый человѣкъ, васъ попрекнулъ понапраслиной. А ретузы, пусть ихъ, знать, пропадаютъ; не пропадемъ безъ ретузъ. Руки есть, слава Богу, воровать не пойдемъ... и побираться у чужого бѣднаго человѣка не будемъ; заработка хлѣба...

„Выслушалъ меня Емеля, постоялъ-постоялъ предо мной, смотрю—сѣль. Такъ и весь вечеръ просидѣлъ, не шелохнулся; ужъ я и ко сну отошелъ—все на томъ же мѣстѣ Емеля сидитъ. На утро только смотрю, лежитъ себѣ на голомъ полу, скрючившись въ своей шинелишѣ; унзился больно, такъ и на кровать лечь не пришелъ. Ну, сударь, не взлюбиль я его съ этой поры, то-есть на первыхъ дняхъ возненавидѣлъ. Точно это, примѣрно сказать, сынъ родной меня обокралъ, да обиду кровную мнѣ причинилъ. Ахъ, думаю: Емеля, Емеля! А Емеля, сударь, недѣли съ двѣ безъ просыпу пьеть. То-есть, остервенелся, совсѣмъ опился. Съ утра уйдетъ, придетъ поздней ночью, и въ двѣ недѣли хоть бы слово какое я отъ него услыхалъ. То-есть, вѣрно его самого тогда горе загрызло, или извести себя какъ-нибудь хотѣлъ. Наконецъ, баста, прекратилъ, знать, все пропилъ и сѣль опять на окно. Помню, сидѣлъ, молчалъ троє сутокъ; вдругъ, смотрю: плачетъ человѣкъ. То-есть, сидитъ, сударь, и плачетъ, да какъ! То-есть, просто колодезь, словно не слышить самъ, какъ слезы роняетъ. А тяжело, сударь, видѣть, когда взрослый человѣкъ, да еще старикъ-человѣкъ, какъ Емеля, съ бѣды-грусти плакать начнетъ.

„— Что ты, Емеля? говорю.

„И всего его затрясло. Такъ и вздрогнулъ. Я, то-есть, первый разъ съ того времени къ нему рѣчь обратилъ.

„— Ничего... Астафій Иванычъ.

„— Господь съ тобой, Емеля, пусть его все пропадаетъ. Чего ты такой совой сидишь?—Жалко мнѣ стало его.

„— Такъ-съ, Астафій Иванычъ, я не того-съ. Работу какую-нибудь хочу взять, Астафій Иванычъ.

„— Какую же бы такую работу, Емельянъ Ильичъ?

„— Такъ, какую-нибудь-съ. Можетъ, должность какую

найду-сь, какъ и прежде; я уже ходилъ просить къ Осдосью Иванычу... Не хорошо мнѣ васъ обижать-сь, Астафій Иванычъ. Я, Астафій Иванычъ, какъ, можетъ-быть, должностъ-то найду, такъ вамъ все отдашь, и за всѣ харчи ваши вамъ вознагражденіе представлю.

„Полно, Емеля, полно; ну, былъ грѣхъ такой, ну— и прошелъ! Прахъ его побери! Давай жить по-старому!

„Нѣтъ-сь, Астафій Иванычъ, вы, можетъ-быть, все того... а я вашихъ ретузъ не изволилъ братъ.

„Ну, какъ хочешь; Господь съ тобой, Емельянушка!

„Нѣтъ-сь, Астафій Иванычъ. Я, видно, больше у васъ не жилецъ. Ужъ вы меня извините, Астафій Иванычъ.

„Да Господь съ тобой, говорю, кто тебя, Емельянъ Ильичъ, обижаетъ, съ двора гонить, я, что-ли?

„Нѣтъ-сь, неприлично мнѣ такъ жить у васъ, Астафій Иванычъ... Я лучше ужъ пойду-сь...

„То-есть, разобидѣлся, наладилъ одно человѣкъ. Смотрю я на него, и вправду всталъ, тащить на плечи щи-нелишку.

„Да куда-жъ ты это, Емельянъ Ильичъ? Послушай ума-разума: что ты? Куда ты пойдешь?

„Нѣтъ, ужъ вы прощайте, Астафій Иванычъ, ужъ не держите меня (самъ опять хнычетъ); я ужъ пойду отъ грѣха, Астафій Иванычъ. Вы ужъ не такие стали теперь.

„Да какой—не такой? Такой. Да ты, какъ дитя малое, неразумное, пропадешь одинъ, Емельянъ Ильичъ.

„Нѣтъ, Астафій Иванычъ, вы вотъ какъ уходите, сундукъ теперь запираете, а я, Астафій Иванычъ, вижу и плачу... Нѣтъ, ужъ вы лучше пустите меня, Астафій Иванычъ, и простите мнѣ все, чѣмъ я въ вашемъ сожительствѣ вамъ обиду нанесъ.

„Что-жъ, сударь? И ушелъ человѣкъ. День жду, вотъ, думаю, воротится къ вечеру,—нѣтъ. Другой день нѣтъ, третій—нѣтъ. Испугался я, тоска меня ворочаетъ; не пью, не ъмъ, не сплю. Обезоружилъ меня совсѣмъ человѣкъ! Пошелъ я на четвертый день ходить, во всѣ кабачки заглядывалъ, спрашивалъ—нѣтъ, пропалъ Емельянушка!

„Ужъ сносилъ-ли ты свою голову побѣдную?“ думаю. „Можетъ, издохъ гдѣ у забора пьяненькой, и теперь какъ бревно гнилое лежишь“. Ни живъ, ни мертвъ я домой воротился. На другой день тоже искать положилъ. И самъ себя проклинаю, зачѣмъ я тому попустилъ, чтобы глупый

человѣкъ на свою волю ушелъ отъ меня. Только смотрю: чѣмъ свѣтъ, на пятый день (праздникъ былъ) скрипить дверь. Вижу: входить Емеля! синій такой и волосы все въ грязи, словно спалъ на улицѣ, исхудаль весь, какъ лучина: снялъ шинелишку, сѣлъ ко мнѣ на сундукъ, глядитъ на меня. Обрадовался я, да пуще прежняго тоска въ моей душѣ принялась. Оно вотъ какъ, сударь, выходитъ: случись, то-есть, надо мнай грѣхъ человѣческій, такъ я, право слово говорю: скорѣй какъ собака издохъ бы, а не пришелъ. А Емеля пришелъ. Ну, натурально, тяжело человѣка въ такомъ положеніи видѣть. Началъ я его лелѣять, ласкать, утѣшать. „Ну, говорю, Емельянушка, радъ, что ты воротился. Опоздалъ бы маленько приди, я бы и сегодня пошелъ по кабачкамъ тебя промышлять. Кушалъ-ли ты?“

„Кушалъ-сь, Астафій Иванычъ.“

„Полно, кушалъ-ли? Вотъ, братецъ, щецъ вчерашнихъ маленько осталось; на говядинѣ, были, не пустыя; а вотъ и лучку съ хлѣбомъ. Покушай, говорю, оно на здоровье не лишнее.“

„Подалъ я ему; ну, тутъ и увидалъ, что, можетъ, три дня цѣлыхъ не єлъ человѣкъ—такой аппетитъ оказался. Это, начитъ, его голодъ ко мнѣ пригналъ. Разголубился я, на него глядя, сердечнаго. Сѣмъ-ка, я думаю, въ штофную сѣгаю. Принесу ему отвести душу, да и покончимъ, полно! Нѣтъ у меня больше на тебя злобы, Емельянушка! Принесъ винца. Вотъ, говорю, Емельянъ Ильичъ, выпьемъ для праздника. Хочешь выпить? Оно здорово.“

„Протянулъ было онъ руку, этакъ жадно протянулъ, ужъ взялъ было, да и остановился; подождалъ маленько; смотрю: взялъ и несетъ ко рту, плескаетъ у него вино на рукавъ. Нѣтъ, донесъ ко рту, да тотчасъ и поставилъ на столь.“

„Что-жъ, Емельянушка?“

„Да пѣть: я того... Астафій Иванычъ.“

„Не выпьешь, что-ли?“

„Да я, Астафій Иванычъ, такъ ужъ... не буду больше пить, Астафій Иванычъ.“

„Что-жъ, ты совсѣмъ перестать собрался, Емельушка, или только сегодня не будешь?“

„Промолчалъ. Смотрю: черезъ минуту положилъ на руку голову.“

„Что ты, ужъ не заболѣль-ли, Емеля?“

— Да такъ, нездоровится, Астафій Иванычъ.

„Взяль я его и положиль на постель. Смотрю, и вправду худо: голова горитъ, а самого трясеть лихорадкой. Посидѣль я день надъ нимъ, къ ночи хуже. Я ему квасу съ масломъ и съ лукомъ смѣшалъ, хлѣбца подсыпалъ. Ну, говорю, тюри покушай; авось, будетъ лучше! Мотаетъ головой.— „Нѣтъ, говоритъ, я ужъ сегодня обѣдать не буду, Астафій Иванычъ“. Чало ему приготовилъ, старушоночку замоталъ совсѣмъ,—нѣтъ ничего лучше. Ну, думаю, плохо! Пошелъ я на третье утро къ врачу. У меня тутъ медикъ Костоправовъ знакомый жилъ. Еще прежде, когда я у Босомагиныхъ господъ находился, познакомились; лѣчили онъ меня. Пришелъ медикъ, посмотрѣль:— „да нѣтъ, говоритъ, оно плохо. Нечего было, говоритъ, и посыпать за мной. А пожалуй, дать ему порошковъ“. Ну, порошковъ-то я не далъ, такъ, думаю, балуется медикъ; а между тѣмъ наступилъ пятый день.

„Лежаль онъ, сударь, передо мной, кончался. Я сидѣль на окнѣ, работу въ рукахъ держалъ. Старушоночка печку топила. Всѣ молчимъ. У меня, сударь, сердце по немъ, забулдыгѣ, разрывается; точно это я сына родного хороню. Знаю, что Емеля теперь на меня смотрить, еще съ утра видѣль, что крѣпитсѧ человѣкъ, сказать что то хочетъ, да, какъ видно, не смѣть. Наконецъ, взглянуль на него; вижу: тоска такая въ глазахъ у бѣдняги, съ меня глазъ не сводить, а увидалъ, что я гляжу на него, тотчасъ потупился.

— Астафій Иванычъ!

— Что, Емелюшка?

— А вотъ, если-бъ, примѣромъ, мою шинеленочку въ Толкучій снести, такъ много-ль за нее дали бы, Астафій Иванычъ?

— Ну, говорю, невѣдомо, много-ли дали бы. Можетъ, и трехрублевый бы дали, Емельянъ Ильичъ.

„А поди-ка, понеси, въ самомъ дѣлѣ, такъ и ничего бы не дали, кромѣ того, что насмѣялись бы тебѣ въ глаза, что такую злостную вещь продаешь. Такъ только ему, человѣку Божію, зная норовъ его простоватый, въ утѣху сказалъ.

— А я-то думалъ, Астафій Иванычъ, что три рубля серебромъ за нее положили бы; она вещь суконная, Астафій Иванычъ. Какъ же трехрублевый, коли суконная вещь?

— Не знаю, говорю, Емельянъ Ильичъ, коли нести хочешь, такъ, конечно, три рубля нужно будетъ съ перваго слова просить.

— Помолчаль немножко Емеля, потомъ опять окликаетъ:

— Астафій Иванычъ!

— Что, спрашиваю, Емельянушка?

— Вы продайте шинеленочку-то, какъ я помру, а меня въ ней не хороните. Я и такъ полежу; а она вѣщъ цѣнная; вамъ пригодиться можетъ.

Тутъ у меня такъ, сударь, защемило сердце, что и сказать нельзя. Вижу, что тоска предсмертная къ человѣку подступаетъ. Опять замолчали. Этакъ часъ прошло времени. Посмотрѣлъ я на него сизнова: все на меня смотрѣть, а какъ встрѣтился взглядомъ со мной, опять почуился.

— Не хотите-ли, говорю, водицы испить, Емельянъ Ильичъ?

— Дайте, Господь съ вами, Астафій Иванычъ.

— Подалъ я ему испить. Отпилъ.—Благодарствую, говоритъ, Астафій Иванычъ.

— Не надо-ли еще чего, Емельянушка?

— Нѣть, Астафій Иванычъ, ничего не надо, а я того...

— Что?

— Энтого...

— Чего такого, Емелюшка?

— Ретузы-то... энтого... это я ихъ взялъ у васъ тогда... Астафій Иванычъ...

— Ну, Господь, говорю, тебя простить, Емельянушка, горемыка ты такой-сякой, этакой! Отходи съ миромъ... А у самого, сударь, духъ захватило, и слезы изъ глазъ посыпались, отвернулся было я на минуту.

— Астафій Иванычъ...

Смотрю: хочетъ Емеля мнѣ что-то сказать, самъ приподнимается, сilitся, губами шевелитъ... Весь вдругъ покраснѣлъ, смотритъ на меня... Вдругъ вижу: опять блѣднѣеть, блѣднѣеть, опалъ совсѣмъ во мгновенье, голову назадъ закинулъ, дохнулъ разъ, да тутъ и Богу душу отдалъ". . . . .

ЕЛКА И СВАДЬБА. *)

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО.

На-дняхъ я видѣлъ свадьбу... но нѣтъ! Лучше я вамъ расскажу про ёлку. Свадьба хороша; она мнѣ очень понравилась, но другое происшествіе лучше. Не знаю, какимъ образомъ, смотря на эту свадьбу, я вспомнилъ про эту ёлку. Это вотъ какъ случилось. Ровно лѣтъ пять назадъ, наканунѣ Нового года, меня пригласили на дѣтскій балъ. Лицо приглашавшее было одно извѣстное дѣловое лицо, со связями, съ знакомствомъ, съ интригами, такъ что можно было подумать, что дѣтскій балъ этотъ былъ предлогомъ для родителей сойтись въ кучу и потолковать объ иныхъ интересныхъ матеріяхъ невиннымъ, случайнымъ образомъ. Я былъ человѣкъ посторонній; матерій у меня не было никакихъ, и потому я провелъ вечеръ довольно независимо. Тутъ былъ и еще одинъ господинъ, у котораго, кажется, не было ни роду, ни племени, но который, подобно мнѣ, попалъ на семейное счастье... Онъ прежде всѣхъ бросился мнѣ на глаза. Это былъ высокій, худощавый мужчина, весьма серьезный, весьма прилично одѣтый. Но видно было, что ему вовсе не до радостей и семейного счастья; когда онъ отходилъ куда-нибудь въ уголъ, то сейчасъ же переставалъ улыбаться и хмуриль свои густыя черныя брови. Знакомыхъ, кроме хозяина, на всемъ балѣ у него не было ни единой души. Видно было, что ему страхъ скучно, но что онъ выдерживалъ храбро, до конца, роль совершенно развлеченнаго и счастливаго человѣка. Я послѣ узналъ, что это одинъ господинъ изъ провинціи, у котораго было какое-то рѣшительное, головоломное дѣло въ столицѣ, который привезъ нашему хозяину рекомендательное письмо, которому

*) Въ первый разъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г., т. 60-й.

хозяинъ нашъ покровительствовалъ вовсе не соп amore, и которого пригласилъ изъ учтивости на свой дѣтскій балъ. Въ карты не играли, сигары ему не предложили, въ разговоры съ нимъ никто не пускался, можетъ-быть, издали узнавъ птицу по перьямъ, и потому мой господинъ принужденъ былъ, чтобъ только куда-нибудь дѣвать руки, весь вечеръ гладить свои бакенбарды. Бакенбарды были дѣйствительно весьма хороши. Но онъ гладилъ ихъ до того усердно, что, глядя на него, рѣшительно можно было подумать, что сперва произведены на свѣтъ одни бакенбарды, а потомъ ужъ приставленъ къ нимъ господинъ, чтобы ихъ гладить.

Кромѣ этой фигуры, такимъ образомъ, принимавшей участіе въ семейномъ счастіи хозяина, у которого было пятеро сытенькихъ мальчиковъ, понравился мнѣ еще одинъ господинъ. Но этотъ уже былъ совершенно другого свойства. Это было лицо. Звали его Юліанъ Мастаковичъ. Съ первого взгляда можно было видѣть, что онъ былъ гостемъ почетнымъ и находился въ такихъ же отношеніяхъ къ хозяину, въ какихъ хозяинъ къ господину, гладившему свои бакенбарды. Хозяинъ и хозяйка говорили ему бездну любезностей, ухаживали, поили его, лелѣли, подводили къ нему, для рекомендаций, своихъ гостей, а его самого ни къ кому не подводили. Я замѣтилъ, что у хозяина заискрилась слеза на глазахъ, когда Юліанъ Мастаковичъ отнесся по вечеру, что онъ рѣдко проводить такимъ пріятнымъ образомъ время. Мнѣ какъ-то стало страшно въ присутствіи такого лица, и потому, полюбовавшись на дѣтей, я ушелъ въ маленькую гостиную, которая была совершенно пуста, и засѣлъ въ цвѣточную бесѣдку хозяйки, занимавшую почти половину всей комнаты.

Дѣти всѣ были до невѣроятности милы и рѣшительно не хотѣли походить на большихъ, несмотря на всѣ увѣщанія гувернантокъ и маменекъ. Они разобрали всю ёлку вмигъ, до послѣдней конфетки, и успѣли уже переломать половину игрушекъ, прежде чѣмъ узнали, кому какая назначена. Особенно хорошъ былъ мальчикъ, черноглазый, въ кудряшкахъ, который все хотѣлъ меня застѣлить изъ своего деревянного ружья. Но всѣхъ болѣе обратила на себя вниманіе его сестра, дѣвочка лѣтъ одиннадцати, прелестная какъ амурчикъ, тихонькая, задумчивая, блѣдная, съ большими задумчивыми глазами на выкатѣ. Ее какъ-то обидѣли дѣти, и потому опа ушла въ ту самую

гостиную, гдѣ сидѣлъ я, и занялась въ уголку своей куклой. Гости съ уваженіемъ указывали на одного богатаго откупщика, ея родителя, и кое-кто замѣчалъ шопотомъ, что за ней уже отложено на приданое триста тысячи рублей. Я оборотился взглянуть на любопытствующихъ о такомъ обстоятельствѣ, и взглядъ мой упалъ на Юліана Мастаковича, который, закинувъ руки за спину и наклонивъ немножечко голову на-бокъ, какъ-то чрезвычайно внимательно прислушивался къ празднословію этихъ господъ. Потомъ я не могъ не подивиться мудрости хозяевъ при раздачѣ дѣтскихъ подарковъ. Дѣвочка, уже имѣвшая триста тысячъ рублей приданаго, получила богатѣйшую куклу. Потомъ слѣдовали подарки, понижаясь, смотря по пониженію ранговъ родителей всѣхъ этихъ счастливыхъ дѣтей. Наконецъ, послѣдній ребенокъ, мальчикъ лѣтъ десяти, худенький, маленький, весноватенький, рыженький, получилъ только одну книжку повѣстей, толковавшихъ о величинѣ природы, о слезахъ умиленія, и проч., безъ картинокъ и даже безъ виньетки. Онъ былъ сынъ гувернантки хозяйственныхъ дѣтей, одной бѣдной вдовы, мальчикъ крайне забитый и запуганный. Одѣть онъ былъ въ курточку изъ убогой панки. Получивъ свою книжку, онъ долгое время ходилъ около другихъ игрушекъ; ему ужасно хотѣлось поиграть съ другими дѣтьми, но онъ не смѣлъ; видно было, что онъ уже чувствовалъ и понималъ свое положеніе. Я очень люблю наблюдать за дѣтьми. Чрезвычайно любопытно въ нихъ первое, самостоятельное проявленіе въ жизни. Я замѣтилъ, что рыженький мальчикъ до того соблазнился богатыми игрушками другихъ дѣтей, особенно театромъ, въ которомъ ему непремѣнно хотѣлось взять на себя какую-то роль, что рѣшился поподличать. Онъ улыбался и заигрывалъ съ другими дѣтьми, онъ отдалъ свое яблоко одному одутловатому мальчишкѣ, у которого навязанъ былъ полный платокъ гостинцевъ, и даже рѣшился повозить одного на себѣ, чтобы только не отогнали его отъ театра. Но чрезъ минуту какой-то озорникъ препорядочно поколотилъ его. Ребенокъ не посмѣлъ заплакать. Тутъ явилась гувернантка, его маменька, и велѣла ему не мѣшать играть другимъ дѣтямъ. Ребенокъ вошелъ въ ту же гостиную, гдѣ была дѣвочка. Она пустила его къ себѣ, и оба весьма усердно принялись наряжать богатую куклу.

Я сидѣлъ уже съ полчаса въ плющевой бесѣдкѣ и почти

задремалъ, прислушиваясь къ маленькому говору рыженькаго мальчика и красавицы съ тремя стами тысячъ приданиаго, хлопотавшихъ о куклѣ, какъ вдругъ въ комнату вошелъ Юліанъ Мастаковичъ. Онъ воспользовался скандалёзною сценою ссоры дѣтей и вышелъ потихоньку изъ залы. Я замѣтилъ, что онъ съ минуту назадъ весьма горячо говорилъ съ паненъкой будущей богатой невѣсты, съ которымъ только что познакомился, о преимуществѣ какой-то службы передъ другою. Теперь онъ стоялъ въ раздумыи и какъ будто что-то разсчитывалъ по пальцамъ.

— Триста... триста, шепталъ онъ.—Однинадцать... двѣнадцать... тринадцать, и т. д. Шестнадцать,—пять лѣтъ! Положимъ по 4 на сто—12, пять разъ=60, да, на эти 60... ну, положимъ, всего будетъ черезъ пять лѣтъ—четыреста. Да! вотъ... Да не по четыреста же держить, мошенникъ! Можетъ, восемь, аль десять со ста береть. Ну, пятьсотъ, положимъ, пятьсотъ тысячъ, по крайней мѣрѣ, это навѣрно; ну, излишекъ на тряпки, гм...

Онъ кончилъ раздумье, выsmоркался и хотѣлъ уже выйти изъ комнаты, какъ вдругъ взглянуль на дѣвочку и остановился. Онъ меня не видаль за горшками съ зеленою. Минѣ казалось, что онъ былъ крайне взволнованъ. Или расчѣтъ подѣйствовалъ на него, или что-нибудь другое, но онъ потиралъ себѣ руки и не могъ постоять на мѣстѣ. Это волненіе увеличилось до pes plus ultra, когда онъ остановился и бросиль другой рѣшительный взглядъ на будущую невѣstu. Онъ было двинулъся впередъ, но сначала оглядѣлся кругомъ. Потомъ, на цыпочкахъ, какъ будто чувствуя себя виноватымъ, сталъ подходить къ ребенку. Онъ подошелъ съ улыбкой, нагнулся и поцѣловалъ ее въ голову. Та, не ожидая нападенія, вскрикнула отъ испуга.

— А что вы тутъ дѣлаете, милое дитя? спросилъ онъ шшотомъ, оглядываясь и трепля дѣвочку по щекѣ.

— Играемъ...

— А? Съ нимъ? Юліанъ Мастаковичъ покосился на мальчика.

— А ты бы, душенька, пошелъ въ залу, сказалъ онъ ему.

Мальчикъ молчалъ и глядѣлъ на него во всѣ глаза. Юліанъ Мастаковичъ опять осмотрѣлся кругомъ и опять нагнулся къ дѣвочкѣ.

— А что это у васъ, куколка, милое дитя? спросилъ онъ.

— Куколка, отвѣчала дѣвочка, морщась и немножко робѣя.

— Куколка... А знаете-ли вы, милое дитя, изъ чего ваша куколка сдѣлана?

— Не знаю... отвѣчала дѣвочка шопотомъ и совершенно потупивъ голову.

— А изъ тряпочекъ, душенька. Ты бы пошелъ, мальчикъ, въ залу, къ своимъ сверстникамъ, сказалъ Юліанъ Мастаковичъ, строго посмотрѣвъ на ребенка. Дѣвочка и мальчикъ поморщились и схватились другъ за друга. Имъ не хотѣлось разлучаться.

— А знаете-ли вы, почему подарили вамъ эту куколку?.. спросилъ Юліанъ Мастаковичъ, понижая все болѣе и болѣе голосъ.

— Не знаю.

— А оттого, что вы были милое и благонравное дитя всю недѣлю.

Тутъ Юліанъ Мастаковичъ, взволнованный до нельзя, осмотрѣлся кругомъ, и, понижая все болѣе и болѣе голосъ, спросилъ, наконецъ, неслышнымъ, почти совсѣмъ замирающимъ отъ волненія и нетерпѣнія голосомъ:

— А будете-ли вы любить меня, милая дѣвочка, когда я пріѣду въ гости къ вашимъ родителямъ?

Сказавъ это, Юліанъ Мастаковичъ хотѣлъ еще одинъ разъ поцѣловать милую дѣвочку, но рыженѣкій мальчикъ, видя, что она совсѣмъ хочетъ заплакать, схватилъ ее за руки и захныкалъ отъ полнѣйшаго сочувствія къ ней. Юліанъ Мастаковичъ разсердился не въ шутку.

— Пошелъ, пошелъ отсюда, пошелъ! говорилъ онъ мальчишкѣ, — пошелъ въ залу! Пошелъ туда, къ своимъ сверстникамъ!

— Нѣтъ, не нужно, не нужно! Пойдите вы прочь, сказала дѣвочка,—оставьте его, оставьте его! говорила она, почти совсѣмъ заплакавъ.

Кто-то зашумѣлъ въ дверяхъ, Юліанъ Мастаковичъ тот-часъ же приподнялъ свой величественный корпусъ и испугался. Но рыженѣкій мальчикъ испугался еще болѣе Юліана Мастаковича, бросилъ дѣвочку и тихонько, опираясь о стѣнку, прошелъ изъ гостиной въ столовую. Чтобъ не подать подозрѣній, Юліанъ Мастаковичъ пошелъ также въ столовую. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, и, взглянувъ въ зеркало, какъ будто сконфузился себя самого. Ему, можетъ-быть, стало досадно за горячку свою и свое не-

терпѣніе. Можетъ-быть, его такъ поразилъ, вначалѣ, расчетъ по пальцамъ, такъ соблазнилъ и вдохновилъ, что онъ, несмотря на всю солидность и важность, рѣшился поступить какъ мальчишка и прямо абордировать свой предметъ, несмотря на то, что предметъ могъ быть настоящимъ предметомъ, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ спустя. Я вышелъ за почтеннымъ господиномъ въ столовую и увидѣлъ странное зрѣлище. Юліанъ Мастаковичъ, весь покраснѣвъ отъ досады и злости, пугалъ рыжаго мальчика, который, уходя отъ него все дальше и дальше, не зналъ, куда забѣжать отъ страха.

— Пошелъ, что здѣсь дѣлаешь, пошелъ, негодникъ, пошелъ! Ты здѣсь фрукты таскаешь, а? Ты здѣсь фрукты таскаешь? Пошелъ, негодникъ, пошелъ, сопливый, пошелъ, пошелъ къ своимъ сверстникамъ!

Перепуганный мальчикъ, рѣшившись на отчаянное средство, попробовалъ было залѣзть подъ столъ. Тогда его гонитель, разгоряченный до нельзя, вынулъ свой длинный батистовый платокъ и началъ имъ выхлестывать изъ-подъ стола ребенка, присмирѣвшаго до послѣдней степени. Нужно замѣтить, что Юліанъ Мастаковичъ былъ немножко толстенекъ. Это былъ человѣкъ сытенькій, румяненькій, плотненькій, съ брюшкомъ, съ жирными ляжками, словомъ, что называется, крѣпнякъ, кругленькій, какъ орѣшекъ. Онъ вспотѣлъ, пыхтѣлъ и краснѣлъ ужасно. Наконецъ, онъ почти остервѣлся, такъ велико было въ немъ чувство негодованія и, можетъ-быть (кто знаетъ?), ревности. Я захочаталъ во все горло. Юліанъ Мастаковичъ оборотился и, несмотря на все значеніе свое, сконфузился въ прахъ. Въ это время изъ противоположной двери вошелъ хозяинъ. Мальчишка вылѣзъ изъ-подъ стола и обтираль свои колѣни и локти. Юліанъ Мастаковичъ поспѣшилъ поднести къ носу платокъ, который держалъ, за одинъ кончикъ, въ рукахъ.

Хозяинъ немножко съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на троихъ нась; но, какъ человѣкъ, знающій жизнь и смотрящій на нее съ точки серезной, тотчасъ же воспользовался тѣмъ, что поймалъ наединѣ资料 of his guest.

— Вотъ-съ, тотъ мальчикъ-съ, сказалъ онъ, указавъ на рыженькаго,—о которому я имѣлъ честь просить...

— А! отвѣчалъ Юліанъ Мастаковичъ, еще не совсѣмъ оправившись.

— Сынъ гувернантки дѣтей моихъ, продолжалъ хо-

зянъ просительнымъ тономъ,—бѣдная женщина, вдова, жена одного честного чиновника; и потому... Юліанъ Мастаковичъ, если возможно...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! поспѣшилъ закричалъ Юліанъ Мастаковичъ,—нѣтъ, извините меня, Филиппъ Алексѣевичъ, никакъ невозможно-съ. Я справлялся; вакансіи нѣтъ, а если бы и была, то на нее уже десять кандидатовъ, гораздо болѣе имѣющихъ право, чѣмъ онъ... Очень жаль, очень жаль...

— Жаль-съ, повторилъ хозяинъ,—мальчикъ скромнень-кій, тихонькій...

— Шалунъ большой, какъ я замѣчаю, отвѣчалъ Юліанъ Мастаковичъ, истерически скрививъ ротъ,—пошелъ, мальчикъ, что ты стоишь, пойди къ своимъ сверстникамъ! сказалъ онъ, обращаясь къ ребенку.

Тутъ онъ, кажется, не могъ утерпѣть и взглянулъ на меня однимъ глазомъ. Я тоже не могъ утерпѣть и захотѣлъ ему прямо въ глаза. Юліанъ Мастаковичъ тотчасъ же отворотился и довольно явственно для меня спросилъ у хозяина, кто этотъ странный молодой человѣкъ? Они зашептались и вышли изъ комнаты. Я видѣлъ потомъ, какъ Юліанъ Мастаковичъ, слушая хозяина, съ недовѣрчивостью качалъ головой.

Нахохотавшись вдоволь, я воротился въ залу. Тамъ великий мужъ, окруженный отцами и матерями семействъ, хозяйствкой и хозяиномъ, что-то съ жаромъ толковалъ одной дамѣ, къ которой его только-что подвели. Дама держала за руку дѣвочку, съ которою, десять минутъ назадъ, Юліанъ Мастаковичъ имѣлъ сцену въ гостиной. Теперь онъ разсыпался въ похвалахъ и восторгахъ о красотѣ, талантахъ, граціи и благовоспитанности милаго дитяти. Онъ замѣтно юлилъ передъ маменькой. Мать слушала его чуть-ли не со слезами восторга. Губы отца улыбались. Хозяинъ радовался изліянію всеобщей радости. Даже всѣ гости сочувствовали, даже игры дѣтей были оставлены, чтобъ не мѣшать разговору. Весь воздухъ былъ напоенъ благоговѣніемъ. Я слышалъ потомъ, какъ тронутая до глубины сердца маменька интересной дѣвочки, въ отборныхъ выраженіяхъ, просила Юліана Мастаковича сдѣлать ей особую честь, подарить ихъ домъ своимъ драгоцѣннымъ знакомствомъ, слышалъ, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ Юліанъ Мастаковичъ принялъ приглашеніе, и какъ потомъ гости, разойдясь всѣ, какъ приличie требо-

вало, въ разныя стороны, разсыпались другъ передъ другомъ въ умилительныхъ похвалахъ откупщику, откупщицѣ, дѣвочкѣ и въ особенности Юліану Мастаковичу.

— Женатъ этотъ господинъ? спросилъ я, почти вслухъ, одного изъ знакомыхъ моихъ, стоявшаго ближе всѣхъ къ Юліану Мастаковичу.

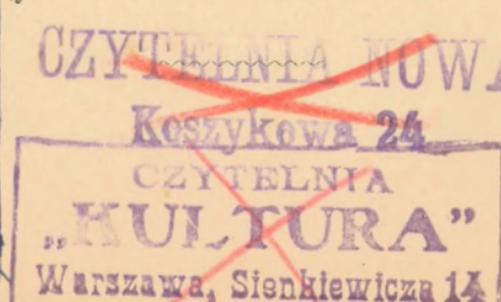
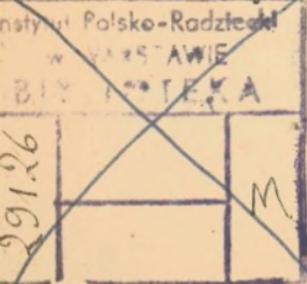
Юліанъ Мастаковичъ бросилъ на меня испытующій и злобный взглядъ.

— Нѣть! отвѣчалъ мнѣ мой знакомый, огорченный до глубины сердца мою неловкостію, которую я сдѣлалъ умышленно...

Недавно я проходилъ мимо ***ской церкви; толпа и съѣздъ поразили меня. Кругомъ говорили о свадбѣ. День былъ пасмурный, начиналась изморось; я пробрался за толпою въ церковь и увидаль жениха. Это былъ маленький, кругленький, сытенький человѣчекъ съ брюшкомъ, весьма разукрашенный. Онъ бѣгалъ, хлопоталъ и распоряжался. Наконецъ, раздался говоръ, что привезли невѣstu. Я протѣсnilся сквозь толпу и увидѣлъ чудную красавицу, для которой едва настала первая весна. Но красавица была блѣдна и грустна. Она смотрѣла разсѣянно; мнѣ показалось даже, что глаза ея были красны отъ недавнихъ слезъ. Античная строгость каждой черты лица ея придавала какую-то важность и торжественность ея красотѣ. Но сквозь эту строгость и важность, сквозь эту грусть просвѣчивалъ еще первый дѣтскій, невинный обликъ; сказывалось что-то до нельзя наивное, неустановившееся, юное, и, казалось, безъ просьбъ, само за себя молившее о пощадѣ.

Говорили, что ей едва минуло шестнадцать лѣтъ. Взглянувъ внимательно на жениха, я вдругъ узналъ въ немъ Юліана Мастаковича, котораго не видалъ ровно пять лѣтъ. Я поглядѣлъ на нее... Боже мой! Я сталъ протѣсняться скорѣе изъ церкви. Въ толпѣ толковали, что невѣста богата, что у невѣсты пятьсотъ тысячъ придапаго... и на сколько-то тряпками.

„Однако, расчетъ былъ хороши!“ подумалъ я, протѣснившись на улицу...

1956

1957

1968

1972

WYŻSZA SZKOŁA PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

162065

Biblioteka WSP Kielce

0126776